

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1/2023

ISSN 0131 – 2812
2712 – 9098

Эпохальная триада китайских революций

Целесообразность создания наднациональной валюты в рамках международных организаций ШОС и БРИКС под воздействием торговых и санкционных ограничений

От «мировой фабрики» к технологической державе: готов ли Китай к глобальному лидерству в инновациях?

Роль Российского Императорского консульства в Нючжуане (Инкоу) в расширении торгово-экономических отношений между Россией и Китаем с 1906 по 1909 г.

15 лет реализации «Плана сохранения китайских древних книг» (2007–2022)

FOR EASTERN STUDIES

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2023

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор: А.В. Виноградов, д.полит.н.

Редакционная коллегия:

Островский Андрей Владимирович (д.э.н., проф., заместитель гл. редактора);
Дацышен Владимир Григорьевич (д.и.н., проф.);
Ломанов Александр Владимирович (д.и.н., проф. РАН);
Лукин Александр Владимирович (д.и.н., проф.);
Новоселова Любовь Владимировна (д.э.н.);
Портяков Владимир Яковлевич (д.э.н., проф.);
Стрельцов Дмитрий Викторович (д.и.н., проф.);
Самойлов Николай Анатольевич (д.и.н., проф.).

Иностранные члены редколлегии:

Одд Арне Вестаг, профессор, Йельский университет, США;
Ивасита Акихиро, профессор, Университет Хоккайдо, Япония;
Ким Сок Хван, профессор, Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея;
Сунь Чжуанчжи, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН, КНР;
Янь Годун, профессор, директор института иностранных языков Нанькайского университета, КНР.

Редакционный совет
Председатель В.В. Михеев, академик РАН.

К.М. Барский, к.и.н.;
О.Н. Борох, к.э.н.;
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф.;
Б.Н. Горбачев, д.и.н., проф.;
Т.Л. Гурулева, д.пед.н., проф.;
А.З. Жебин, к.полит.н.;
А.Н. Карнеев, к.и.н.;
В.О. Кистанов, д.и.н.;
А.И. Кобзев, д.ф.н., проф.;
В.Н. Колотов, д.и.н., проф.;
А.Н. Королев, Ph.D.;
В.Л. Ларин, академик РАН.;
Я.В. Лексютина, д.полит.н., проф. РАН;
В.М. Мазырин, д.э.н.;
В.В. Малявин, д.и.н., проф.;
Н.Л. Мамаева, д.и.н.;
М.С. Михалев, д.и.н.;
И.Ф. Попова, чл.-корр. РАН;
О.А. Тимофеев к.и.н., заместитель главного редактора;
С.В. Уянаев, к.и.н.

Иностранные члены редакционного совета:

Алка Ачария, проф., Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия);
Гуань Гуйхай, проф. Пекинский университет (КНР);
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР);
Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР);
Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция:

С.Н. Алексахина, к.э.н., *зав. отделом экономики;*
К.В. Асмолов, к.и.н., *зав. отделом Кореи;*
Е.В. Власова, *редактор;*
О.И. Казаков, *зав. редакцией;*
А.Н. Карнеев, к.и.н., *зав. отделом истории и внутренней политики;*
В.О. Кистанов, д.и.н., *зав. отделом Японии;*
А.Н. Коробова, к.филол.н., *зав. отделом культуры;*
Р.Ф. Кудакеев, и. о. *отв. секретаря;*
А.Л. Поленова, *редактор;*
Д.Б. Славинский, *верстальщик;*
А.Б. Старостина, к.филол.н., *зав. отделом идеологии и философии;*

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
Тел. +7 (499) 124-09-02; E-mail: pdvjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies RAS

FAR EASTERN STUDIES

1/2023

January — February

The academic, social and political journal,
published six times per year in Russian
and quarterly in English.
The first issue was published in March 1972.

Published under the supervision
of the Department of Global
Problems and International
Relations of the Russian
Academy of Sciences

Founders: Russian Academy of Sciences and the Institute of Far Eastern Studies RAS

Editor-in-Chief: A.V. Vinogradov, Dr.Sc. (Political Science)

Russian Editorial Board Members:

Datsyshen V., Dr.Sc. (History);
Lomanov A., Dr.Sc. (History), Prof. of RAS;
Lukin A., Dr.Sc. (History);
Novoselova L., Dr.Sc. (Economics);
Ostrovskiy A., Dr.Sc. (Economics) Deputy Editor-in-Chief;
Portyakov V., Dr.Sc. (Economics);
Streltsov D., Dr.Sc. (History);
Samoilov N., Dr.Sc. (History).

Foreign Editorial Board Members:

Akihiro Iwashita (Hokkaido University, Japan);
Kim Seok Hwan (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea);
Sun Zhuangzhi (Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies,
CASS, PRC);
Odd Arne Westad (Yale University, USA);
Yan Guodong (Nankai University, PRC).

Editorial Council
Chairman Mikheev V., Academician of RAS

Barsky K., Ph.D. (History);
Borokh O., Ph.D. (Economics);
Gorbachev B., Dr.Sc. (History), Prof.;
Guruleva T., Dr.Sc. (Pedagogy), Prof.;
Karneev A., Ph.D. (History);
Kistanov V., Dr.Sc. (History);
Kobzev A. Dr.Sc. (Philosophy), Prof.;
Kolotov V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Korolev A., Ph.D.;
Larin V., Academician of RAS;
Leksytina Ya., Dr.Sc. (Political Sciences), Prof. of RAS;
Maliavin V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Mamaeva N., Dr.Sc. (History);
Mazyrin V., Dr.Sc. (Economics);
Mikhalev M., Dr.Sc. (History);
Popova I., Corresponding Member of RAS;
Timofeev O., Ph.D. (History), Deputy Editor-in-Chief;
Uyanaev S., Ph.D. (History);
Voskresenskiy A., Dr.Sc. (Political Science), Prof.;
Zhebin A., Ph.D. (Political Science).

Foreign Members of the Editorial Council:

Acharia Alka, Prof., Director of the Institute of Chinese Studies (New Delhi, India);
Guan Guihai, Prof. Peking University (Beijing, China);
Hu Angang, Prof., Qinghua University (Beijing, China);
Wu Enyuan, Prof., Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China);
Zhu Xianping, Prof., Jilin University (Changchun, China).

Editors Office

S.N. Aleksakhina, Ph.D. (Economics), *Head of the Economics Dept.*;
K.V. Asmolv, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of Korea*;
O.I. Kazakov, *Head of the Editors Office*;
A.N. Karneev, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of History and Internal Policies*;
V.O. Kistanov, Dr.Sc. (History), *Head of the Dept. of Japan*;
A.N. Korobova, Ph.D. (Philology), *Head of the Dept. of Culture*;
R.F. Kudakaev, *Acting Executive Secretary*;
A.L. Polenova, *Editor*;
D.B. Slavinsky, *Layout Designer*;
A.B. Starostina, Ph.D. (Philosophy), *Head of the Dept. of Ideology and History*;
H.V. Vlasova, *Editor*.

Address: 32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation
Tel. +7 (499) 124-09-02; E-mail: pdvjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Казанцев А.Е.</i> Тайваньский вопрос и историческая политика КНР в отношении Японии	9
<i>Пупышева М.В., Навдаева М.Е.</i> Политика КНР в Латинской Америке: вызовы для Испании	21
<i>Тарантул Р.В.</i> Монгольский национальный фактор в КНР и китайско-монгольских отношениях	36

ЭКОНОМИКА

<i>Степанов Н.С.</i> Целесообразность создания наднациональной валюты в рамках международных организаций ШОС и БРИКС под воздействием торговых и санкционных ограничений	53
<i>Лемутов В.А.</i> От «мировой фабрики» к технологической державе: готовы ли Китай к глобальному лидерству в инновациях?	63
<i>Титов С.А.</i> Развитие эко-индустриальных парков в Китае	80
<i>Зуева А.Г.</i> Современные вызовы экономического сотрудничества РК и США	96

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Кондрашова Л.И.</i> Эпохальная триада китайских революций	106
--	-----

ИСТОРИЯ

<i>Мостовая А.С.</i> История становления и развития автомобильной промышленности Японии в 1920–1945 гг. (на примере компании «Тоёта»)	121
<i>Шаронова В.Г.</i> Роль Российского Императорского консульства в Нючжуане (Инкоу) в расширении торгово-экономических отношений между Россией и Китаем с 1906 по 1909 г.	135

КУЛЬТУРА

<i>Виноградская В.Б.</i> 15 лет реализации «Плана сохранения китайских древних книг» (2007–2022)	151
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Зуева А.Г., Ким Ен Ун, Поленова А.Л.</i> 33-я международная конференция Института Китая и современной Азии РАН и Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Университета Ханьян	165
<i>Мамахатов Т.М., Мокрецкий А.Ч., Поленова А.Л.</i> О 10-й юбилейной международной конференции молодых востоковедов в ИКСА РАН	171

РЕЦЕНЗИИ

<i>Виноградов А.В.</i> История человечества по вертикали и горизонтали (рец. на моногр.: <i>Хорос В.Г.</i> Цивилизации в современном мире. Книги 1 и 2. М.: Ленанд, 2022. Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. Кн. 1. 304 с.; Европейская цивилизация. Российская цивилизация. Кн. 2. 240 с.).....	177
<i>Кузьминков В.В.</i> Рецензия на книгу: 佐藤優『プーチンの野望』. [Сато Масару. Амбиции Путина]. 東京: 潮出版社, 2022. 272 p.	181
<i>Портяков В.Я.</i> Рецензия на монографию: <i>А.В. Афонасьева.</i> Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление. Москва: ИДВ РАН, 2022. 336 с.....	185

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Людмилы Ивановны Кондрашовой.....	188
Юбилей Александра Захаровича Жебина.....	190
Юбилей Владимира Федоровича Бородича.....	192

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Памяти Любови Владимировны Новоселовой.....	193
---	-----

Contents

POLITICS

<i>Kazantsev A.E.</i> The Taiwan Question and PRC Politics of Memory towards Japan.....	9
<i>Pupysheva M.V., Navdaeva M.E.</i> Chinese Policy in Latin America: Challenges for Spain.....	21
<i>Tarantul R.V.</i> The Mongolian National Factor in the PRC and Sino-Mongolian Relations.....	36

ECONOMICS

<i>Stepanov N.S.</i> Expediency of Creating a Supranational Currency within the Framework of the SCO and BRICS International Organizations under the Influence of Trade and Sanctions Restrictions.....	53
<i>Lemutov V.A.</i> From “World Factory” to Technological Superpower: is China Ready for Global Leadership in Innovation?.....	63
<i>Titov S.A.</i> Development of Eco-industrial Parks in China	80
<i>Zueva A.G.</i> Modern Challenges of Economic Cooperation between the Republic of Korea and the United States	96

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Kondrashova L.I.</i> Epoch-Making Triad of Chinese Revolutions.....	106
--	-----

HISTORY

<i>Mostovaia A.S.</i> Origins and Development of Japanese Automotive Industry in 1920–1945 (the Case of Toyota Motor Company).....	121
<i>Sharonova V.G.</i> The Role of the Russian Imperial Consulate in Nyuzhuang (Yingkou) in Expanding Trade and Economic Relations between Russia and China from 1906 to 1909.....	135

CULTURE

<i>Vinogradskaya V.B.</i> 15 Years of Implementation of the Chinese Ancient Books Preservation Plan (2007–2022).....	151
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Zueva A.G., Kim En Un, Polenova A.L., Samsonova V.G.</i> The 33rd IFES-APRC Conference of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences and the Asia-Pacific Research Center of Hanyang University.....	165
<i>Mamakhatov T.M., Mokretskii A.Ch., Polenova A.L.</i> About the 10th Anniversary International Conference of Young Orientalists in ICCA RAS	171

BOOK REVIEWS

- Vinogradov A.V.* The History of Mankind Inside and Out (Book Review: *Khoros V.G.* Civilizations in the Modern World. Books 1 and 2. M.: Lenand, 2022. Indian, African, Islamic and Chinese Civilizations. Latin American Civilizational Community. 1st Book. 304 p.; European Civilization. Russian Civilization. 2nd Book. 240 p.).177
- Kuzminkov V.V.* Book Review: 佐藤優『プーチンの野望』. [Sato Masaru. Putin's ambitions]. 東京: 潮出版社, 2022. 272 p.181
- Portyakov V.Ya.* Book Review: *A.V. Afonasieva.* Diaspora Engagement Policy of the PRC: Socio-economic Direction. Moscow: IDV RAN, 2022. 336 p.....185

SCHOLAR JUBILEE

- Anniversary of Lyudmila Ivanovna Kondrashova188
- Anniversary of Alexander Zakharovich Zhebin.....190
- Anniversary of Vladimir Fedorovich Borodich192

AD MEMORIAM

- In Memory of Liubov Vladimirovna Novoselova.....193

ПОЛИТИКА / POLITICS**Тайваньский вопрос и историческая политика КНР в отношении Японии**

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024221-4

Казанцев Артём Евгеньевич

Аспирант департамента зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ (адрес: 117017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17). ORCID: 0000-0002-7582-6873. E-mail: bryant95@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.09.2022.

Аннотация:

Решение тайваньского вопроса — одна из главных задач КНР на современном этапе. Она во многом определяет как внутривосточный исторический нарратив КНР, так и внешнюю политику Китая в отношении Японии. Вопрос воссоединения Тайваня и материкового Китая особенно остро встал в период правления Си Цзиньпина, когда возвращение Тайваня «на родину» стало необходимо для реализации «китайской мечты» о Великом возрождении китайской нации. Однако руководство Тайваня не хочет терять фактическую независимость. Помимо этого, объединение острова с материковым Китаем с политической точки зрения не выгодно другим крупным державам региона, в частности Японии. Более того, между Тайванем и Японией налажено глубокое экономическое, политическое и культурное взаимодействие. С точки зрения материкового Китая, Тайвань не может иметь политической независимости. Чтобы добиться воссоединения с островом, КНР прибегает, помимо прочего, к политике памяти. В статье рассматривается использование КНР исторической политики в отношении Японии с целью разрешения тайваньской проблемы. Анализируются истоки тайваньского вопроса, а также позиции КНР, Японии и Тайваня. Выявляются особенности исторической политики КНР на современном этапе обуславливающие ее использование как внешнеполитического инструмента в отношении Японии. Делается вывод о том, что политика памяти КНР в отношении Японии характеризуется частыми обращениями к событиям китайско-японской войны (1931–1945 гг.) и периода японской оккупации Тайваня. КНР заявляет о своем праве вернуть остров «на родину» в результате победы в войне и указывает, что Япония не имеет морального права вмешиваться в этот вопрос.

Ключевые слова:

Историческая политика КНР, тайваньский вопрос, Великое возрождение китайской нации, Япония, историческая память.

Для цитирования:

Казанцев А.Е. Тайваньский вопрос и историческая политика КНР в отношении Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 9–20. DOI: 10.31857/S013128120024221-4.

История тайваньского вопроса восходит к событиям китайско-японской войны 1894–1895 гг., когда Тайвань наряду с другими территориями отошел к Японии после поражения Китая в войне и подписания Симоносекского договора. После капитуляции Японии во Второй мировой войне территориальная целостность Китая была восстановлена. С точки зрения международного права статус Тайваня как неотъемлемой части Китая закреплен в нескольких международных документах, в частности в Каирской и Потсдамской декларациях.

В самом Китае в этот период произошли существенные перемены. После окончания гражданской войны и победы Коммунистической партии в 1949 г. в Китае была установлена Китайская Народная Республика. Правительство Китайской Республики во главе с Чан Кайши отступило на Тайвань. Правительство КНР, в свою очередь, начало подготовку к операции по освобождению Тайваня и возвращению острова «на

родину». Однако сделать этого не удалось. Поражение КНР в битве за прибрежные острова (битва за Цзиньмэнь) и отсутствие боевой авиации для штурма с воздуха¹ позволили Чан Кайши закрепиться на Тайване. Фактическое разделение Китая положило начало тайваньской проблеме.

На сегодняшний день влияние Тайваньского вопроса на международную политику трудно переоценить. Тайвань является точкой наивысшего напряжения в отношениях между США и Китаем. Об этом свидетельствует недавний визит Нэнси Пелоси на остров. Известно, что КНР стремится получить политический контроль над Тайванем. Однако тайваньцы не хотят лишаться фактической независимости. К тому же фактическое объединение КНР и Тайваня невыгодно другим крупным игрокам в регионе. Основным гарантом независимости острова, прежде всего с точки зрения его обороноспособности, на данный момент выступает Америка.

Однако не следует недооценивать влияние Японии на текущую ситуацию. Тайвань длительное время был частью Японской империи. Созданный ею на острове экономический потенциал² поныне является одной из причин тесного взаимодействия Тайваня и Японии. Более того, существующее в настоящее время в Японии тайваньское лобби включает в себя влиятельных представителей японской элиты, преследующих как экономические и политические интересы, так и интересы государственной безопасности. По мнению последних, безопасность Японии напрямую связана с безопасностью Тайваня³. Не менее важным фактором, связывающим современные Тайвань и Японию, являются так называемые общие ценности. Речь идет о демократических ценностях. Данный факт подчеркивают как высшие официальные лица⁴, так и японские исследователи⁵. Этот фактор представляется очень важным, т.к. Япония — одна из немногих азиатских стран, успешно адаптировавших демократические ценности к своей культурной традиции^{6,7} и интегрировавшихся в западную систему международных отношений. С этой точки зрения японский опыт интересен Тайваню в связи с общественным запросом на демократизацию. Япония в некотором роде является связующим звеном между США и Тайванем. КНР же расценивает сотрудничество на основе общих ценностей как предлог для вмешательства во внутренние дела⁸.

¹ Самохин А.В. Военно-политические планы И.В. Сталина в Корейской войне // *Власть и управление на Востоке России*. 2010. № 3. С. 102–103.

² Перминова В.А. Проблемы торгово-экономического и научно-технического сотрудничества Тайваня и Японии в послевоенное время // *Общество и государство в Китае*. 2016. № 2. С. 267.

³ Кистанов В.О. Тайвань и безопасность Японии: анатомия японских подходов к Тайваньскому вопросу // *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. 2022. С. 37–38.

⁴ 安倍祝贺蔡英文当选, 称“台湾是日本老朋友” [Синдзо Абэ поздравил Цай Инвэнь с избранием, назвав Тайвань старым другом Японии] // *SoHu News*. 18.01.2016. URL: <http://news.sohu.com/20160118/n434919428.shtml> (дата обращения: 13.12.2022).

⁵ Fukuda M. Recent Developments in Japan-Taiwan Relations. March, 2021. P. 13. URL: <https://www.stimson.org/wp-content/uploads/2021/03/Japan-Taiwan-Relations-March-2021-R25.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).

⁶ Packard G. Democracy in Japan: Why Should Americans Care? 2011. P. 36. URL: <https://www.asianstudies.org/wp-content/uploads/democracy-in-japan-why-should-americans-care.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).

⁷ Важно отметить, что, при наличии определенных успехов в демократизации японского общества, некоторые аспекты политической системы Японии не вполне соответствуют стандартам демократии. Например, длительное пребывание у власти одной партии (ЛДП) или возросший в последние годы государственный контроль над СМИ.

⁸ 蔡亮: “中日矛盾中的“聚旗效应”: 日本介入台湾问题的特征及影响” [Цай Лян. «Эффект сплочения» в конфликте между Китаем и Японией: характеристики и влияние вмешательства Японии в тайваньский вопрос] // *东北亚学刊*. 2022 年. 第6期. 第94页.

Одним из основных инструментов КНР, используемых для получения фактического контроля над Тайванем, является историческая политика. Необходимость решения Тайваньской проблемы во многом определяет как внутренний исторический нарратив КНР, так и ее внешнюю политику в отношении Японии. В данной статье предпринимается попытка 1) определить особенности внутривосточного исторического нарратива КНР по тайваньской проблеме, 2) выявить характерные черты исторической политики КНР в отношении Японии по тайваньскому вопросу.

«Травмированная память»: из истории тайваньского вопроса

Тайвань долгое время являлся военным трофеем Японии по итогам китайско-японской войны (1894–1895 гг.). Хотя Китай в 1945 г. одержал окончательную победу и Япония вернула все аннексированные ею территории, включая Тайвань, период китайско-японских войн оставил очень глубокий след в коллективной памяти китайского народа. Неудивительно, что именно события того времени легли в основу коллективной идентичности современного Китая. Ведь именно память о коллективной травме формирует национальную идентичность⁹. Однако Тайвань является напоминанием не только о войнах с Японской империей, но и о неоконченной гражданской войне¹⁰. Именно после отхода на остров руководства партии Гоминьдан между ним и материковым Китаем произошло размежевание. Воспоминания о связанных с Тайванем событиях для китайцев очень болезненны и эмоционально нагружены. Сам же Тайвань воспринимается в КНР исключительно как часть территории Китая, которая была возвращена после победы в китайско-японской войне (1931–1945 гг.). Потому до настоящего момента любые попытки японо-тайваньского политического взаимодействия и в целом отрицание военной агрессии, итогов войны воспринимаются КНР крайне негативно.

Для Японии описываемые выше события также чрезвычайно болезненны. После поражения в войне страна отказалась от планов установления своего порядка в регионе, отрекалась от милитаризма, а также обязалась вернуть все отторгнутые территории. К слову, Тайвань находился под контролем Японии полвека, и за годы колониального правления японской империи там были созданы предпосылки для экономического развития. На остров были перенесены некоторые японские предприятия, туда же передавались технологии¹¹. Кроме того, вышеупомянутая демократизация Японии во многом является следствием травмирующих событий войны.

Важно, что в последнее время Япония пытается пересмотреть отношение к своему прошлому. По утверждению российского япониста Д.В. Стрельцова, с 2012 г. японская элита опиралась на «консервативную традицию» в оценке милитаристского прошлого. Она заключается в отрицании или преуменьшении агрессивного характера войны. В этот период у значительной части научного сообщества, во многих документах и выступлениях официальных лиц прослеживался взгляд на войну как вынужденную меру, необходимую для преодоления экономического кризиса. Количество жертв Квантунской армии в Китае, по мнению многих японцев, сильно преувеличено с целью культивирова-

⁹ Dooley M., Kearney R. *Questioning Ethics: Contemporary Debates in Continental Philosophy*. London: Routledge, 1999. P. 8.

¹⁰ Фриман Ч. Война с Китаем из-за Тайваня: и что тогда? // *Россия в глобальной политике*. 01.02.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vojna-s-kitaem-iz-za-tajvanya/> (дата обращения: 21.02.2022).

¹¹ Перминова В.А. Проблемы торгово-экономического и научно-технического сотрудничества Тайваня и Японии в послевоенное время // *Общество и государство в Китае*. 2016. № 2. С. 267.

ния комплекса жертвы у проигравшей стороны¹². Одна из причин такого отношения к военным событиям может заключаться в особенностях японского мировоззрения. Если война будет признана агрессивной, это делегитимизирует благородство военного поколения и осквернит память предков¹³. Посредством этого Япония хочет избавиться от комплекса жертвы и иметь возможность развиваться без обвинений в возрождении милитаристических настроений. Нынешний премьер-министр Японии Фумио Кисида подерживает подобную тенденцию¹⁴.

Так, с точки зрения Японии, японо-тайваньское взаимодействие — это не взаимодействие между страной-оккупантом и бывшей подконтрольной территорией, а равноправное сотрудничество между партнерами, разделяющими «общие ценности»¹⁵.

В случае с самим Тайванем все еще сложнее. После эвакуации на остров руководство партии Гоминьдан считало себя единственным легитимным правительством Китая, надеясь при этом в скором времени вернуть себе власть на материке. Руководители КР и КНР выстраивали исторический нарратив в соответствии с принципом «одного Китая», правда, в его взаимоисключающих интерпретациях¹⁶. Однако вернуть власть над материковым Китаем не удалось. Данные события привели к поиску тайваньцами собственного пути развития, о чем свидетельствует образование и приход к власти Демократической Прогрессивной Партии (ДПП).

Также необходимо учитывать, что Тайвань во время Второй мировой войны являлся частью Японской империи. Она оказала значительное культурное и экономическое влияние на остров. При этом около 200 тыс. тайваньцев во время китайско-японской войны (1931–1945 гг.) воевало на стороне Японии¹⁷. Несмотря на то, что после прихода на остров партии Гоминьдан во главе с Чан Кайши новое правительство инициировало политику полного отказа от японского наследия¹⁸, связь между тайваньцами и японцами не оборвалась. Ярким примером является тот факт, что один из бывших президентов Тайваня от Гоминьдана Ли Дэньхуэй перешел на крайние националистические позиции и даже посещал храм Ясукуни¹⁹. И хотя были и противоположные примеры — тайваньский лидер от Го-

¹² Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседами: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 86–87.

¹³ Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседами: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 88–89.

¹⁴ Южная Корея раскритиковала японского премьера, который сделал подношение храму Ясукуни // *TACC*. 17.10.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12685425> (дата обращения 20.02.2022).

¹⁵ 蔡英文获美英日澳祝贺当选“民主价值”能否成为台湾通往国际社会敲门砖 [Цай Инвэнь получает поздравления из США, Великобритании, Японии и Австралии в связи с избранием. Могут ли «демократические ценности» стать трамплином Тайваня на пути к международному сообществу?] // *BBC*. 13.01.2020. URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-51088030> (дата обращения: 20.12.2022).

¹⁶ Ларин А.Г. Тайвань — социально-экономический, политический, идеологический феномен // *История и современность*. 2006. № 1. С. 75.

¹⁷ 一個曾為日本兵的臺灣人[Тайванец, бывший японским солдатом] // *Nippon.com*. 19.04.2017. URL: https://www.nippon.com/hk/features/c03305/?_gl=1*1ym1e40*_ga*SFV6SHBUUwXQOFFvMU1PT21xWnIxZU9OeUxPSmx2dFZzQmpPNmUyTFdCaIM3MjVzRFFoSzR4aURkd3JmSUozTQ (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁸ He Y. Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan's Relations with China and Japan, 1895–2012 // *Political Science Quarterly*. 2014. No. 3. P. 481.

¹⁹ Бывший лидер Тайваня посетил "милитаристский" храм Ясукуни в Токио // *РИА НОВОСТИ*. 07.06.2007. URL: <https://ria.ru/20070607/66816110.html> (дата обращения: 31.10.2021).

миньдана Ма Инцзю выступал за тесное сотрудничество с КНР и осуждал японскую агрессию, призывая правительство Японии принести извинения за развязанную войну²⁰ — японо-тайваньские отношения критически не ухудшались.

Возникает вопрос: почему тайваньцы в таком случае не «наследуют» неприязнь к японцам? Поскольку данная тема не является предметом настоящего исследования, приведем лишь несколько возможных причин. Это может быть связано, во-первых, с тем, что население острова было «японизировано» в период японской оккупации. Во-вторых, в послевоенные годы выгода от экономического сотрудничества с японцами, вероятно, перевешивала прочие издержки. Тем более Япония встала на путь либерализации. В-третьих, это является следствием определенного кризиса идентичности. Забвение японских военных преступлений на официальном уровне подчеркивает различие между китайцами и тайваньцами. Таким образом ДПП формирует у жителей острова собственную историческую память.

Очевидно, что память о связанных с Тайванем исторических событиях неоднородна. Она обусловлена как разностью перспективы взгляда на Тайваньскую проблему, так и особенностями политических целей. Каждая сторона интерпретирует события по-своему, выстраивая собственный исторический нарратив. Рассмотрим точку зрения КНР.

Тайваньский вопрос как составная часть исторической политики КНР

Известно, что в основании исторической политики КНР лежит образ народа-победителя в китайско-японской войне (1931–1945 гг.), которая является частью Второй мировой войны. Нарратив о победе над японскими захватчиками стал ключевым для КНР при Си Цзиньпине, сменив нарратив о Китае — жертве японских и западных империалистов. Впрочем, это не отменяет использование образа жертвы и в современной политике Китая.

Нарратив о народе-победителе, в свою очередь, является важной частью идеологической концепции «китайской мечты» о Великом возрождении китайской нации. Возрождение (复兴) здесь подчеркивает главную цель КПК — возрождение прежнего величия Китая. Несмотря на то, что этот термин использовался разными китайскими лидерами²¹, только при Си Цзиньпине великое возрождение китайской нации обретает особую важность. Об этом свидетельствует закрепление данной формулировки в Уставе партии²².

Возрождение нации тесно связано с победой в китайско-японской войне (1931–1945 гг.). Поэтому Си Цзиньпин называет победу поворотным моментом на пути к возрождению величия Китая. Она стирает все прошлые поражения и унижения китайского народа²³, а также предвосхищает великое возрождение китайской нации, т.е. вос-

²⁰ Ма Инцзю призвал правительство Японии до конца пройти путь раскаяния, извиниться перед «женщинами для комфорта» // *Жэньминь Жибао*. 22.02.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0222/c31521-9019306.html> (дата обращения: 31.10.2021).

²¹ *Киктенко В.А.* «Китайская мечта» как теория нового этапа модернизации КНР. 2016 // *Sinologist*. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/06/%D0%9A%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

²² Внешняя политика Китая «по Си Цзиньпину» // *Московский центр Карнеги*. 23.01.2018. URL: <https://carnegie.ru/2018/01/23/ru-pub-75325> (дата обращения: 20.02.2022).

²³ 习近平在纪念中国人民抗日战争暨世界反法西斯战争胜利75周年座谈会上发表重要讲话 [Речь Си Цзиньпина на симпозиуме в честь 75-летия победы в войне сопротивления японским захватчикам и в войне против мирового фашизма] // *中国政府网*. 03.09.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-09/03/content_5540176.htm (дата обращения: 09.09.2021).

становливает как историческую справедливость, так и мировой порядок²⁴. В практическом смысле это означает возвращение утраченных территорий «на родину». И хотя в свете внутреннего нарратива Тайвань официально является частью Китая, фактическое воссоединение родины еще в 2007 г. на XVII съезде КПК было названо «исторической необходимостью», а незадолго до съезда был принят закон о предотвращении раскола страны. Это подтверждает идеологическую значимость разрешения тайваньской проблемы для КНР.

В своем докладе на XX всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (как и во многих других официальных документах) Си Цзиньпин называет тайваньцев исключительно тайваньскими соотечественниками (台湾同胞). Председатель также заявляет, что решение тайваньского вопроса и воссоединение родины является общим стремлением сыновей и дочерей Китая. Препятствием желаемому объединению объявляются внешние силы и незначительное количество сепаратистов²⁵. При этом как сам Си Цзиньпин, так и другие официальные лица подчеркивают, что освобождение Тайваня от японской оккупации и его возвращение являются важной частью победы в войне сопротивления японским захватчикам²⁶, и что благодаря победе удалось защитить территориальную целостность Китая²⁷.

Вполне понятно, что в рамках подобного нарратива тайваньцы — члены одной большой китайской семьи, жаждающие вернуться на родину китайцы. В таком случае препятствовать воссоединению родины, в основном, могут лишь внешние силы, такие как Япония и США, ведь среди жителей Тайваня сепаратистов практически нет. Подобный нарратив не учитывает того, что гипотетически тайваньские китайцы могут не хотеть стать частью КНР. Также он не дает ответа на вопрос: почему на Тайване возникла ДПП и на руководящие должности избирают сепаратистов?

Историческая политика КНР как внешнеполитический инструмент в отношении Японии

Хотя современный образ исторической политики КНР начал формироваться после 1980-х гг., как внешнеполитический инструмент политика памяти начала активно использоваться только при Си Цзиньпине. Именно в период с 2013 г. начали регулярно появляться призывы к японской стороне раскаяться, держать обещания или исправить ошибки (и т.д.) относительно ситуаций, связанных с тайваньской проблемой (敦促日方反省/守诺/正错误). В 2013–2022 гг. на сайте Госсовета КНР было размещено

²⁴ Казанцев А.Е. Антияпонская война и историческая политика КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 2. С. 170.

²⁵ 习近平: 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Высоко держите великое знамя социализма с китайской спецификой и вместе работайте над всесторонним строительством современной социалистической страны — Доклад на XX съезде Коммунистической партии Китая] // *中国政府网*. 16.10.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zjyh_674906/202210/t20221025_10791901.shtml (дата обращения: 13.12.2022).

²⁶ Неоспоримым является доказательство того, что Тайвань — неотъемлемая часть территории Китая — представитель Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня // *Жэньминь Жибао*. 29.10.2020. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1029/c31521-9774239.html> (дата обращения: 22.02.2022).

²⁷ 习近平在纪念中国人民抗日战争暨世界反法西斯战争胜利75周年座谈会上发表重要讲话 [Речь Си Цзиньпина на симпозиуме в честь 75-летия победы в войне сопротивления японским захватчикам и в войне против мирового фашизма] // *中国政府网*. 03.09.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-09/03/content_5540176.htm (дата обращения: 13.12.2022).

22 подобных документа. Для предшествующего периода (2001–2012 гг.) такая формулировка практически не характерна.

Это может быть связано с тем, что именно в это время первые лица Японии начали чаще посещать храм Ясукуни в попытках переосмыслить свое прошлое. Также возможной причиной могли стать стремительно возрастающая военная мощь КНР и более активные попытки воссоединения с «исконно китайскими территориями». Помимо Тайваня к ним относятся острова Дяоюйдао в Восточно-Китайском море и острова архипелагов Парасельского и Спратли в Южно-Китайском море²⁸.

Так или иначе, очевидно, что ставка на историческую политику как внешнеполитический инструмент была сделана именно при Си Цзиньпине.

Как показано выше, внутривластный исторический нарратив КНР опирается на концепцию «китайской мечты» о Великом возрождении китайской нации, ключевым аспектом которой является победа в войне. Победа включает как идеологический, так и материальный аспекты. Именно она дает право на идеологическое «возрождение нации» и на возвращение всех отторгнутых земель. С этой точки зрения становится понятным, почему Китай считает «тайваньский вопрос» внутренним делом государства.

Позиция КНР обуславливает использование исторической политики как внешнеполитического инструмента в отношении Японии. В ней прослеживаются представленные ниже аспекты.

Напоминания об оккупации Тайваня. Примерами этому служат высказывание официального представителя МИД КНР Чжао Лицзяня об исторической вине за преступления милитаристской Японии в отношении Тайваня²⁹, напоминания о колонизации острова японцами (с намеком на репрессии в отношении жителей острова)³⁰ и т.д. В целом для китайского нарратива характерны упоминания об оккупации Тайваня (а также других территорий) японцами³¹.

Апелляции к преступлениям против Китая во время китайско-японской войны (1931–1945 гг.)³² и напоминания о попытках отрицания истории агрессии³³. У столь час-

²⁸ США: притязания Пекина на острова в Южно-Китайском море незаконны // *BBC*. 14.07.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53403917> (дата обращения: 05.09.2021).

²⁹ 外交部驳日防卫官员涉台言论: 日方在台湾问题上应谨言慎行 [МИД опровергает высказывания японских военных, связанные с Тайванем: Япония должна быть осторожной в своих словах и делах по тайваньскому вопросу] // 中华人民共和国中央人民政府. 09.09.2021. URL: <http://www.gov.cn/hudong/index.htm> (дата обращения: 02.10.2022).

³⁰ 海内外学者力驳“日本是台湾现代化功臣”错误史观 [Ученые в стране и за рубежом опровергают ошибочное историческое мнение о том, что «Япония является героем модернизации Тайваня»] // 中华人民共和国中央人民政府. 09.09.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-10/27/content_5001318.htm (дата обращения: 25.10.2015).

³¹ 台湾问题与新时代中国统一事业 [Тайваньский вопрос и объединение Китая в новую эпоху] // 中华人民共和国中央人民政府. 10.08.2022. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704839.htm (дата обращения: 02.10.2022); Посольство Китая в США призвало Вашингтон не посылать ошибочных сигналов сепаратистам, стремящимся к «независимости Тайваня» // *Жэньминь Жибао*. 23.10.2021. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/1023/c31520-9910686.html> (дата обращения: 19.02.2022);

国防部新闻发言人就南海问题、中俄军事技术合作、海外保障设施建设等问题答记者问 [Официальный представитель Минобороны ответил на вопросы журналистов по вопросам Южно-Китайского моря, китайско-российского военно-технического сотрудничества, строительства объектов поддержки за рубежом и т.д.] // 中华人民共和国中央人民政府. 26.11.2015. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/26/content_5017415.htm (дата обращения: 02.10.2022).

³² 国台办举行例行新闻发布会回答记者提问 [Управление Госсовета по делам Тайваня провело очередную пресс-конференцию, чтобы ответить на вопросы журналистов] //

тых обращений к китайско-японским войнам есть несколько причин. Самая очевидная — травма. Связанные с японской агрессией события привели к большому количеству жертв среди китайского населения. Кроме того, Китай очень болезненно воспринял саму попытку покусения японцев на лидерство в регионе.

В целом в китайской традиционной картине мира прошлое занимает важное место. Подобно тому, как человек опирается на знание и опыт своих предков, прошлое страны — источник ее духовной энергии и фундамент для настоящего и будущего³⁴. Официальные представители КНР нередко это подчеркивают, прибегая к формуле «Извлекаемая уроки из прошлого, создавать будущее/смотреть в будущее» (以史为鉴,开创未来/面向未来). В свете данного принципа, наследующим достижения предшественников нынешним руководителям Японии необходимо взять на себя также и историческую ответственность за их преступления. Следовать этому — значит придерживаться правильного взгляда на историю³⁵. С точки зрения китайцев без переосмысления прошлого невозможно выстроить гармоничные отношения в настоящем и создать совместный образ будущего. Этим объясняются не только апелляции к войне, но и призывы раскаяться (反省) и «правильно смотреть» (正视) на историю, т.е. «выправить взгляд», переосмыслить³⁶.

При этом представленные выше два аспекта органично связаны с внутренним нарративом о победе. Вторгнувшаяся в Китай и поверженная Япония не имеет права вмешиваться в тайваньский вопрос. На отсутствие у Японии права делать заявления по тайваньскому вопросу ввиду развязанной ею войны указывает помощник главы МИД КНР Хуа Чуньин³⁷.

Эта черта исторической политики вполне согласуется с подходом КНР к осмыслению исторического прошлого, описанного китайским исследователем Лю Синем. По его мнению, подход Китая характеризуется восприятием прошлого как важного звена в цепи прошлое–настоящее–будущее. Т.е. прошлое детерминирует настоящее и будущее³⁸. Так для китайцев очень важно выработать определенное отношение к прошлому. В данном случае это должен быть единый взгляд на прошлое китайско-японских отношений — признание агрессии, в том числе и в отношении Тайваня.

中华人民共和国中央人民政府. 14.12.2016. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-12/14/content_5147969.htm (дата обращения: 02.10.2022).

³³ Высказывания Японии по поводу островов Дяоюйдао и Тайваня являются крайне безответственными — МИД КНР // *Жэньминь Жибао*. 25.04.2021. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0425/c31521-9843048.html> (дата обращения: 15.02.2022).

³⁴ Liu X. *The Otherness of Self*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. P. 144.

³⁵ 李克强: 坚持正确的历史观就是要以史为鉴、面向未来 [Ли Кэцян. Придерживаться правильного взгляда на историю — значит извлекать уроки из прошлого и смотреть в будущее] // 中华人民共和国中央人民政府. 11.05.2018. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-05/11/content_5290028.htm (дата обращения: 30.03.2022).

³⁶ 外交部就中日双方商定于今年内举行第十轮海洋事务高级别磋商等答问 [В МИД КНР ответили на вопросы о договоренности между Китаем и Японией о проведении в текущем году 10-го раунда консультаций высокого уровня по морским делам] // 中华人民共和国外交部. 14.12.2018. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-12/14/content_5348962.htm (дата обращения: 30.03.2022); 李克强同日本首相安倍晋三举行会谈 [Ли Кэцян провел переговоры с премьер-министром Японии Синдзо Абэ] // 中华人民共和国外交部. 15.03.2015. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2015-03/15/content_2834197.htm (дата обращения: 24.01.2023).

³⁷ Китай сделал строгое представление Японии в связи с ошибочными высказываниями ее бывшего премьер-министра // *Жэньминь Жибао*. 03.12.2021. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/1203/c31521-9927649.html> (дата обращения: 15.02.2022).

³⁸ Liu X. *The Otherness of Self*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. Pp. 180–181.

Интересно, что в рамках избранного Японией подхода прошлое, а также настоящее и будущее воспринимаются как отдельные части целого, которое может быть выстроено из них по-разному, как того требует ситуация. В таком случае прошлое не так значимо³⁹. Гораздо важнее настоящее и возможности для совместного взаимодействия в будущем. В свете данной логики настоящее Японии не детерминировано ее прошлым, т.е. проигрышем в войне. Наоборот, Япония стремится его переосмыслить и избавиться от комплекса жертвы. Соответственно, при выстраивании отношений, как с Китаем, так и Тайванем Япония в настоящее время не заостряет внимания на исторической вине перед ними. В этом состоит фундаментальное противоречие.

О важности единого взгляда на историю, а именно признания Японией вины за военные преступления в отношении Китая, свидетельствуют частые упоминания о необходимости следовать четырем китайско-японским документам. Имеются в виду Китайско-японское совместное заявление от 1972 г., Китайско-японский договор о мире и дружбе от 1978 г., Китайско-японская совместная декларация от 1998 г. и Китайско-японское совместное заявление по всестороннему развитию стратегических взаимовыгодных отношений от 2008 г.⁴⁰ Прямое признание вины японской стороной наряду с гарантиями невмешательства во внутренние дела являлось одним из оснований нормализации китайско-японских отношений в 1972 г.⁴¹ В последующих документах также подчеркивалась необходимость обоюдного уважения суверенитета, а также важность «правильного понимания истории».

Основной претензией КНР к Японии является японо-тайваньское взаимодействие на уровне высшего руководства. Например, визит на остров замминистра по внутренним делам и коммуникациям Японии⁴². Визит бывшего президента Тайваня Ли Дэньхуэя в Японию, который по утверждению китайской стороны связан с участием в мероприятиях «по независимости Тайваня»⁴³. Кроме того, в 2021 г. заместитель министра обороны Японии Ясухидэ Накаяма на конференции по японо-тайваньским отношениям заявил, что судьбы Японии и Тайваня переплетены. Заместитель министра отметил, что Японии и Тайваню необходимо расширить сотрудничество, чтобы противостоять новым угрозам⁴⁴.

Очевидно, что с точки зрения Ясухидэ Накаямы основная угроза — агрессивная политика Китая. Официальные представители КНР отреагировали на это заявление резко негативно, упрекнув Японию во вмешательстве во внутренние дела государства. При

³⁹ Liu X. *The Otherness of Self*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. P. 181.

⁴⁰ 中日四个政治文件 [Четыре китайско-японских политических документа] // 百度. 28.10.2013.

URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E6%97%A5%E5%9B%9B%E4%B8%AA%E6%94%BF%E6%B2%BB%E6%96%87%E4%BB%B6/4583746?fr=aladdin> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴¹ 日本国政府和中华人民共和国政府联合声明 [Совместное заявление правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики] // 日本国驻华大使馆. 29.09.1972.

URL: https://www.cn.emb-japan.go.jp/itpr_zh/bunken_1972seimei.html (дата обращения: 30.03.2022).

⁴² Китай выразил протест в связи с визитом на Тайвань замминистра по внутренним делам и коммуникациям Японии // *Жэньминь Жибао*. 30.03.2017. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0330/c31521-9196969.html> (дата обращения: 15.02.2022).

⁴³ 外交部发言人陆慷就日方允许李登辉窜访日本答记者问 [Заявление официального представителя МИД Лу Кана о разрешении Японией Ли Дэнь Хуэю посетить Японию] // 中华人民共和国外交部. 24.07.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/dhdw_673027/201507/t20150724_5433832.shtml (дата обращения: 30.03.2022).

⁴⁴ «Taiwan and Japan are not friends, we are family members»: Deputy defense minister // *Taiwan News*. September 8, 2021. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4282963> (дата обращения: 10.05.2022).

этом намеренно подчеркивалась связь между вмешательством в тайваньский вопрос и японской агрессией военных времен⁴⁵. Можно с уверенностью сказать, что в КНР подобные заявления высокопоставленных японских чиновников, а также визиты представителей политической элиты Японии на Тайвань воспринимаются одновременно как нарушение китайско-японских договоренностей и отказ от признания военных преступлений в отношении Китая. Признание вины за военную интервенцию и гарантии невмешательства во внутренние дела тесно связаны. К тому же этому в высокой степени способствует внутренний нарратив. Поэтому напоминания о колонизации Тайваня и в целом о военных преступлениях Японской империи против Китая с требованиями переосмыслить историю обуславливают историческую политику КНР в отношении Японии по тайваньскому вопросу.

Отметим, что эффективность внешнеполитического аспекта исторической политики КНР вызывает вопросы. Руководство КНР в некотором смысле стало заложником собственного нарратива. Объявив победу в войне поворотным моментом в деле возрождения Китая, Си Цзиньпин сформировал внутренний нарратив, который позволил консолидировать нацию на позитивной основе. Однако в нем учитывается историческая субъектность Тайваня. Как показано выше, в нем остров фигурирует как возвращенная вследствие победы часть Китая, которая не может обладать политической самостоятельностью. Руководство Тайваня этот нарратив не может устраивать. Кроме того, частые напоминания Японии о периоде китайско-японских войн с требованиями извинений определенно не способствуют достижению цели воссоединения острова и материка, а лишь усугубляют раскол в Восточной Азии. Очевидно, что признание вины за военные преступления является фундаментом китайско-японских отношений, однако японцы неоднократно приносили извинения за военную агрессию. Что касается политического сотрудничества, тайваньское руководство само активно его иницирует. Нарратив, основой которого является победа в войне, обостряет противоречия между КНР и Японией. Косвенно этот фактор может способствовать консолидации Японии и Тайваня против КНР.

Произойдет ли фактическое воссоединение двух берегов Тайваньского пролива или же попытка решить тайваньский вопрос со стороны КНР приведет к большой войне, в которой не будет победителей, — вопрос открытый. Однако очевидно, что раскол между Китаем и Тайванем усугубляется. В этой ситуации верным шагом могли бы быть углубление китайско-японского сотрудничества и попытка поиска общей основы для взаимодействия с Тайванем. На необходимость укрепления китайско-японских контактов указывают и некоторые китайские исследователи⁴⁶. Более того, ухудшение отношений между КНР и Японией противоречит стратегическим интересам самой Японии. Это подтверждается неоднозначной реакцией японских чиновников на недавний визит Нэнси Пелоси на Тайвань⁴⁷. Однако историческая политика КНР при осязаемой пользе для внутривнутриполитических целей государства (возможно не долгосрочной), выводит на первый план неразрешимые противоречия.

⁴⁵ 国防部: 台湾的事, 是中国的事, 不关日本什么事 [Министерство национальной обороны: дела Тайваня — это дела Китая, а не Японии] // 人民日报. 30.09.2021. <http://military.people.com.cn/n1/2021/0930/c1011-32244393.html> (дата обращения: 15.02.2022).

⁴⁶ 蔡亮: “中日矛盾中的“聚旗效应”: 日本介入台湾问题的特征及影响” [Цай Лян. «Эффект сплочения» в конфликте между Китаем и Японией: характеристики и влияние вмешательства Японии в тайваньский вопрос] // 东北亚学刊. 2022 年. 第6期. 第95页.

⁴⁷ Tokyo and Seoul embarrassed by Nancy Pelosi's visit to Taiwan // *Le monde*. 05.08.2022. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/08/05/tokyo-and-seoul-embarrassed-by-the-consequences-of-nancy-pelosi-s-visit-to-taiwan_5992607_4.html (дата обращения: 10.09.2022).

Литература

- Казанцев А.Е. Антияпонская война и историческая политика КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. № 2. 2022. С. 162–173. DOI: 10.31857/S013128120018445–0
- Киктенко В.А. «Китайская мечта» как теория нового этапа модернизации КНР. 2016. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/06/%D0%9A%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).
- Кистанов В.О. Тайвань и безопасность Японии: анатомия японских подходов к Тайваньскому вопросу // *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. 2022. С. 28–43.
- Ларин А.Г. Тайвань — социально-экономический, политический, идеологический феномен // *История и современность*. 2006. № 1. С. 72–88.
- Миллер А.Л. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2018. № 3. С. 6–23.
- Перминова В.А. Проблемы торгово-экономического и научно-технического сотрудничества Тайваня и Японии в послевоенное время // *Общество и государство в Китае*. 2016. № 2. С. 266–273.
- Самохин А.В. Военно-политические планы И.В. Сталина в Корейской войне // *Власть и управление на Востоке России*. 2010. № 3. С. 102–108.
- Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 78–97. DOI: 10.24411/2500–2872–2020–10029
- Dooley M., Kearney R. *Questioning Ethics: Contemporary Debates in Continental Philosophy*. London: Routledge, 1999. 312 p.
- Fukuda M. Recent Developments in Japan-Taiwan Relations. March, 2021. URL: <https://www.stimson.org/wp-content/uploads/2021/03/Japan-Taiwan-Relations-March-2021-R25.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).
- He Y. Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan's Relations with China and Japan, 1895–2012 // *Political Science Quarterly*. 2014. №. 3. Pp. 469–500.
- Liu X. *The Otherness of Self*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. 222 p.
- Packard G. *Democracy in Japan: Why Should Americans Care?* 2011. URL: <https://www.asianstudies.org/wp-content/uploads/democracy-in-japan-why-should-americans-care.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).
- 蔡亮: “中日矛盾中的“聚旗效应”: 日本介入台湾问题的特征及影响” [Цай Лян. «Эффект сплочения» в конфликте между Китаем и Японией: характеристики и влияние вмешательства Японии в тайваньский вопрос] // *东北亚学刊*. 2022 年. 第6期. 第82–95页.

The Taiwan Question and PRC Politics of Memory towards Japan

Artem E. Kazantsev

Postgraduate student of the School of International Regional Studies of the National University Higher School of Economics (address: 17, Malaya Ordynka St., Moscow, 117017, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–7582–6873. E-mail: bryant95@yandex.ru

Received 05.09.2022.

Abstract:

This paper discusses the place of Taiwan in PRC's foreign policy and politics of memory from the perspective of PRC's raising pressure on Japan and the necessity to solve the Taiwan problem. The Taiwan issue is an important topic for the PRC. Taiwan is still perceived by the Chinese as a reminder of the unfinished civil war and a divided China.

The issue of reunification became especially acute during the reign of Xi Jinping, when the need to return Taiwan "to its homeland" became one of the main tasks of the "Great Revival of the Chinese Nation". However, the leadership of Taiwan does not want to lose its de facto independence from the mainland. Besides, the unification of the island with China is not welcomed by other major powers in the region, in particular Japan. Moreover, deep economic, political and cultural interaction has been established between Taiwan and Japan. From the point of view of mainland China, Taiwan cannot have either economic or political independence. To achieve reunification with the island, the PRC resorts to memory politics.

The paper analyzes the origins of the Taiwan issue, as well as the positions of the PRC, Japan and Taiwan. The features of the politics of memory of the PRC, which determine the use of memory politics as a foreign policy instrument in relation to Japan, are exposed and analyzed.

It is concluded that PRC politics of memory towards Japan is characterized by frequent appeals to the events of the Sino-Japanese war (1931–1945) and the period of Japanese occupation of Taiwan. The PRC claims its right to return the island "to its homeland" as a result of victory in the war and points out that Japan has no moral right to intervene in this issue.

Key words:

PRC's politics of memory, historical politics of China, The Taiwan issue, Japan, historical memory.

For citation:

Kazantsev A.E. The Taiwan Question and PRC Politics of Memory towards Japan // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 1. Pp. 9–20. DOI: 10.31857/S013128120024221-4.

References

- Dooley M., Kearney R. *Questioning Ethics: Contemporary Debates in Continental Philosophy*. London: Routledge, 1999. 312 p.
- He Y. Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan's Relations with China and Japan, 1895–2012. *Political Science Quarterly*. 2014. No. 3. Pp. 469–500.
- Kazantsev A.E. Antiyaponskaya vojna i istoricheskaya politika KNR [The Sino-Japanese War and the Politics of Memory in PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2022. No. 2. S. 162–173. (In Russ.)
- Kiktenko V.A. «Kitajskaya mechta» kak teoriya novogo etapa modernizacii KNR ["Chinese Dream" as a theory of a new stage of China's modernization]. 2016. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/06/%D0%9A%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (accessed 20.02.2022). (In Russ.)
- Kistanov V.O. Tajvan' i bezopasnost' Yaponii: anatomiya yaponskih podhodov k Tajvan'skomu voprosu [Taiwan and Japan's Security: An Anatomy of Japanese Approaches to the Taiwan Question]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2022. No. 6. S. 28–43. (In Russ.)
- Larin A.G. Tajvan' — social'no-ekonomicheskij, politicheskij, ideologicheskij fenomen [Taiwan is a socio-economic, political, ideological phenomenon]. *Istoriya i sovremennost'*. 2006. No. 1. S. 72–88. (In Russ.)
- Liu X. *The Otherness of Self*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. 222 p.
- Packard G. *Democracy in Japan: Why Should Americans Care?* 2011. URL: <https://www.asianstudies.org/wp-content/uploads/democracy-in-japan-why-should-americans-care.pdf> (дата обращения: 20.12.2022). P. 36.
- Perminova V.A. Problemy trgovno-ekonomicheskogo i nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva Tajvanya i Yaponii v poslevoennoe vremya [Problems of trade, economic, scientific and technical cooperation between Taiwan and Japan in the post-war period]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2016. No. 2. S. 266–273. (In Russ.)
- Samohin A.V. Voенно-politicheskie plany I.V. Stalina v Korejskoj vojne [Military-political plans of I.V. Stalin in the Korean War]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2010. No. 3. S. 102–108. (In Russ.)
- Streltsov D.V. Pamyat' o vojne kak samostoyatel'nyj faktor v otnosheniyah YAponii so stranami-sosedyami: k 75-letnej godovshchine kapitulyacii YAponii [Memory of the War as an Independent Factor in Japan's Relations with Neighboring Countries: On the 75th Anniversary of Japan's Surrender]. *Yaponskie issledovaniya*. 2020. No. 4. S. 78–97. (In Russ.)
- Fukuda M. Recent Developments in Japan-Taiwan Relations. March, 2021. URL: <https://www.stimson.org/wp-content/uploads/2021/03/Japan-Taiwan-Relations-March-2021-R25.pdf> (accessed 30.03.2022).
- 蔡亮: “中日矛盾中的“聚旗效应”: 日本介入台湾问题的特征及影响” [Cai Liang. "The "Flag Gathering Effect" in the Conflict between China and Japan: The Characteristics and Influence of Japan's Intervention in the Taiwan Issue]. *东北亚学刊*. 2022 年. 第6期. 第82–95页. (In Chin)

Политика КНР в Латинской Америке: уроки и риски для Испании

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024197-7

Пупышева Мария Владимировна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, 38). ORCID: 0000-0002-9565-7333. E-mail: pupysheva.maria@gmail.com

Навдаева Мария Евгеньевна

Аспирант кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, 38). ORCID: 0000-0002-4807-4696. E-mail: navdayka6848@list.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2022.

Аннотация:

В последние два десятилетия страны Латинской Америки и Китай активизировали сотрудничество в ряде областей, включая политические отношения, экономику, финансы, культуру, военную сферу. Каждая из сторон преследует свои цели. Для Китая важно получить доступ к новым источникам сырья и рынкам сбыта, а также добиться поддержки по некоторым вопросам международной повестки: проблеме прав человека, статусе Тайваня и т.д. Латинская Америка стремится к новым источникам финансирования и технологий, а также к диверсификации внешнеполитических связей. Активнее всего отношения развиваются в сфере экономики, инвестиций и кредитования. Рост объемов сотрудничества усиливает не только взаимозависимость сторон, но и определенную зависимость региона от китайского финансирования. Однако, несмотря на активизацию, социально-культурные контакты между странами по-прежнему остаются ограниченными, что является сдерживающим фактором в развитии двусторонних отношений. Укрепление положения Пекина в Латинской Америке логично вызывает опасения у Испании в связи с важностью для нее региона как исторического пространства приложения ее внешней политики; позиции и привлекательность Испании в глазах латиноамериканских стран постепенно снижаются. Вместе с тем рост китайско-латиноамериканских взаимоотношений открывает новые возможности и сотрудничества для сотрудничества между испанскими и китайскими институтами. Статья посвящена проблеме влияния развития китайско-латиноамериканских отношений на роль Испании как традиционного внешнеполитического партнера региона. Делается вывод, что в условиях роста сотрудничества Латинской Америки с КНР Испания будет вынуждена искать пути кооперации с китайскими субъектами, стараясь сохранить свою роль в регионе и извлечь наибольшую выгоду от такого сотрудничества.

Ключевые слова:

Китайско-латиноамериканские отношения, испано-латиноамериканские отношения, Китай, Испания, Латинская Америка.

Для цитирования:

Пупышева М.В., Навдаева М.Е. Политика КНР в Латинской Америке: вызовы для Испании // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 21–35. DOI: 10.31857/S013128120024197-7.

Ключевые игроки современного мирового политического процесса реализуют свои глобальные и региональные проекты, в том или ином виде они с неизбежностью вступают в столкновение между собой¹. Китай активно осваивает Латинскую Америку, на что в силу исторических обстоятельств не может не реагировать Испания.

Отношения между Китаем и Латинской Америкой сложны, асимметричны и в основном касаются экономики и инвестиций. С наступлением XXI в. появилась тенденция к усилению связей, которые способствуют развитию отдельных стран, а также их интеграции в региональные объединения. Эти явления не могут не рассматриваться Испанией как потенциальная угроза ее интересам в исторически близком регионе.

Укрепление связей КНР с Латинской Америкой для Испании могут иметь весьма противоречивые последствия. С одной стороны, закрепление Пекина в регионе в долгосрочной перспективе способно привести к потере Испанией привлекательности и влияния на традиционном пространстве ее внешней политики. В то же время усиление присутствия Китая может способствовать развитию региона и создает дополнительные возможности для сотрудничества между испанскими и китайскими государственными и частными институтами («Азиатско-Тихоокеанский рамочный план», «Стратегическое видение Испании в Азии 2018–2022» и др.). По сути, рост интереса Китая к Латинской Америке ведет к увеличению спроса на посреднические услуги испанских государственных и частных акторов, обладающих особым авторитетом и знаниями (например, сотрудничество Sinopec и Repsol, Huawei и Telefónica, East China Mineral Exploration & Development Bureau и Uría y Menéndez, о которых речь пойдет ниже).

В статье анализируются отношения между Китаем и Латинской Америкой и определяются основные вызовы и возможности, которые они могут представлять для Испании. Для проведения исследования был выбран холистический подход, охватывающий многочисленные аспекты китайско-латиноамериканских отношений, которые были разделены на три крупных блока: политические, экономические и социокультурные.

Характеристика китайско-латиноамериканских отношений

Сегодня государства Латинской Америки активно сотрудничают со странами, с которыми прежде не поддерживались тесные отношения: Южная Корея, Индия, Иран, Япония, Россия и в особенности Китай. Новый сценарий в целом имеет позитивное влияние на регион, поскольку расширяет спектр вариантов международного сотрудничества². С другой стороны, влияние данного расширения на интересы традиционных акторов, включая Испанию, не столь положительно, поскольку их авторитет в регионе снижается (в 2019 г. КНР стала вторым по величине торговым партнером и основным источником государственного международного финансирования в регион³). Постепенное вытеснение Мадрида (и ЕС в целом) обуславливается не только изменением показателей торговли, но и распространением постколониальной критики в ряде латиноамериканских

¹ Белозёров В.К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений // *Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы науч.-практ. конф.* / под общ. ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М.: МГЛУ, 2019. С. 165–171.

² 湛园庭: “中拉关系70年回顾与前瞻:从无足轻重到不可或缺” [Чэнь Юаньтин. Ретроспектива и перспективы китайско-латиноамериканских отношений за 70 лет: от незначительного к незамеченному] // *拉丁美洲研究*. 2019年12月. 第41卷. 第6期. 第22–34页.

³ Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) *La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe, 2021* (LC/PUB.2021/8-P). Santiago, 2021.
URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47147/S2100319_es.pdf?sequence=3 (дата обращения: 10.11.2022).

стран, а также снижением испанской помощи в целях развития на фоне серии кризисов (экономического, политического и санитарного), ударивших по стране. Азиатский гигант воспринимается не только как глобальный игрок, способный уравновесить традиционные силы, но и как фактор расширения границ автономии для латиноамериканских стран. Сегодня КНР является первым торговым партнером Бразилии, Чили, Перу, Уругвая и Аргентины и имеет соглашения о свободной торговле с Чили, Коста-Рикой и Перу.

Продвижению стратегических интересов, общих для Китая и Латинской Америки, способствовали три фактора: 1) отсутствие исторических конфликтов между Китаем и странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК); 2) широкая многопартийная поддержка в Латинской Америке расширения отношений с Китаем; 3) прагматичный подход обеих сторон к сотрудничеству.

Китай и Латинская Америка в своих взаимоотношениях преследуют две глобальные цели⁴. Первая заключается в максимальной диверсификации международного сотрудничества, одним из показателей которого является активное развитие программ «Юг — Юг»⁵. В случае КНР можно выделить следующие пункты: 1) обеспечение доступа к источникам энергии и сырья для поддержания темпов роста своей экономики; 2) создание и развитие новых рынков; 3) доступ к глобальным технологиям и информационным потокам; 4) гарантия поддержки и/или нейтралитета в ключевых международных институтах и др. Страны Латинской Америки, в свою очередь, ищут возможности доступа к новым рынкам, финансированию и технологиям. Данные факторы приводят к развитию двустороннего сотрудничества в таких секторах, как космические технологии (Бразилия), «мирный атом» (Бразилия и Аргентина) или биотехнологии (Куба).

Вторая цель состоит в уменьшении зависимости от традиционных партнеров и развитии многосторонней внешней политики. Китай и страны ЛАК имеют схожее восприятие суверенитета: обе стороны не разделяют интервенционистскую позицию мировых держав в данном вопросе. Кроме того, в отличие от Соединенных Штатов или Евросоюза, которые часто упрекают Китай в отсутствии демократических ценностей и пытаются оказывать давление по данным вопросам, страны ЛАК строят отношения с КНР без оглядки на идеологию, а в условиях, когда неопределенность между крупными державами возрастает⁶, сотрудничество с латиноамериканскими странами может стать для Китая одним из вариантов диверсификации связей.

Важно отметить, что, несмотря на заверения китайских высших чинов о взаимовыгодности сотрудничества КНР и Латинской Америки, торговые отношения сторон являются в целом ассиметричными и несбалансированными. Более того, в плане значимости отношений для КНР регион занимает далеко не первые позиции. С экономической точки зрения самым важным партнером для Китая остаются, несмотря на всю сложность и противоречивость отношений, Соединенные Штаты⁷. В.Я. Портяков также выделяет Европу, Россию и Индию как наиболее приоритетные направления сотрудничества в 2020 г.⁸

⁴ Méndez Morán D. 136: El plan de China en América Latina. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 2018. 410 p.

⁵ Сафронова Е.И. КНР и страны Африки, Латинской Америки Ближнего Востока в 2018 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 5 (1). С. 143–148. DOI: 10.31857/S013128120007136-0

⁶ 贾庆国: “2017年的国际形势有六大特点” [Цзя Цинго. Шесть особенностей международной обстановки в 2017 году] // *世界知识*. 2017年. 第24期. 第16–17页.

⁷ Wei Zongyou. All for the US, nothing for others // *China Daily*. September 1, 2022.

URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202209/01/WS630ff3f7a310fd2b29e754d6.html>. (дата обращения: 19.11.2022).

⁸ Портяков В.Я. Основные моменты внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в 2020 году // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 2. С. 8–20. DOI: 10.31857/S013128120014679-7

Несмотря на асимметричность отношений со странами региона, Китай не склонен использовать сложившийся дисбаланс для влияния на их внутреннюю политику. Данный аспект фундируется внешнеполитическими принципами, которых КНР придерживается на мировой арене (пять принципов мирного существования): невмешательство во внутренние дела («дипломатия баланса сил»⁹), взаимное уважение территориальной целостности, политика ненападения, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. На формирование позитивного образа КНР в мире также был направлен ряд инициатив, выдвинутых Китаем¹⁰: концепция «мирного развития», в основе которой лежит уважительное отношение к интересам всех участников мировой политики, невозможность превращения КНР в гегемона; теория «гармоничного мира», суть которой состоит в развитии сотрудничества и равного партнерства. Эти лозунги тесно связаны со стратегичностью китайской внешней политики. В книге «Китайское искусство войны. Постижение стратегии» описаны базовые принципы китайской философии войны, которые сегодня широко представлены в дипломатической практике КНР¹¹.

Стоит подчеркнуть, что дипломатическая поддержка Китая не предполагает создания военных союзов или прямой помощи в случае регионального конфликта. Так, Пекин не поддержал антиамериканскую риторику некоторых стран Боливарианского альянса¹². Военное измерение внешней политики хоть и не является весомым для КНР в сотрудничестве со странами ЛАК, однако укрепляет позиции Пекина в регионе, позволяя влиять на политические элиты, способствовать проникновению китайских инвестиций и товаров, предвидеть или избегать политических решений, которые могли бы затронуть национальные интересы Китая. С другой стороны, развитие сотрудничества позволяет Китаю занять стратегическую позицию в чувствительной для США зоне и обозначить свое военное присутствие: Пекин построил базу по слежению за спутниками в Аргентине, взаимодействует с некоторыми бывшими советскими объектами на Кубе¹³. Данному процессу способствует постепенное сокращение военного присутствия США в регионе¹⁴, а также приход в АЛБА (Боливарианский альянс для Америк) правительств, занимающих антиамериканскую позицию. Однако КНР поддерживает постепенный и сдержанный характер развития военного сотрудничества.

Китай ищет содействия стран ЛАК для снижения давления стран Запада по таким вопросам, как нарушения прав человека или поддержка китайской позиции по Тибету, Синьцзяну и статусу острова Тайвань¹⁵. В первую очередь данное направление касается стремления Китая достичь консенсуса с латиноамериканскими партнерами по во-

⁹ Чжао Хунвэй. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии. М.: МГИМО-Ун-т, 2007.

¹⁰ Кожухова К.Е. Китайские традиционные ценности как основание внешнеполитического курса си Цзиньпина // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2020. № 3(840). С. 71–82.

¹¹ Китайское искусство войны. Постижение стратегии. Чжугэ Лян и Люцзи / сост. Т. Клири. СПб.: Евразия, 2012.

¹² Трухин Ю.Н. Китай и страны АЛБА в XXI веке // *Латинская Америка*. 2020. № 2. С. 47–63. DOI: 10.31857/S0044748X0008144–7

¹³ Dinatale M. Por pedido de Xi Jinping, el Gobierno ratificó el acuerdo con China por la estación espacial en Neuquén // *Infobae*. 8 de agosto de 2020. URL: <https://www.infobae.com/politica/2020/08/08/por-pedido-de-xi-jinping-el-gobierno-ratifico-el-acuerdo-con-china-por-la-estacion-espacial-en-neuquen/> (дата обращения: 10.09.2022).

¹⁴ Иванов В.И. Китайский марш в Латинской Америке // *Независимая газета*. 17.02.2022. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2022-02-17/8_1177_march.html (дата обращения: 10.09.2022).

¹⁵ Jenkins R. China's Belt and Road Initiative in Latin America: What has Changed? // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. No. 51(1). P. 13–39. DOI: 10.1177/18681026211047871

просу принципа «одного Китая» и поиска партнеров, разделяющих позицию КНР о невозможности независимости острова. Как отмечает Е.И. Сафронова, Латинская Америка представляет собой зону «противостояния материкового Китая и Тайваня за позиции на мировой арене»¹⁶. В настоящее время суверенитет Тайваня признают лишь восемь стран региона. Панама в 2017 г., Доминиканская Республика и Сальвадор в 2018 г., Никарагуа в 2021 г. разорвали дипломатические отношения с Тайбэем, предпочтя им участие в проекте «Один пояс, один путь» (ОПОП). Это позволяет Китаю достичь одновременно двух целей: приобрести единомышленников по тайваньскому вопросу и подключить как можно больше стран к проекту ОПОП (всего к инициативе, по разным подсчетам, присоединилось 19 стран ЛАК).

Предлагаемая Китаем помощь состоит в дипломатической и политической поддержке в рамках международных организаций в случае введения санкций со стороны США или ООН и в целом в гарантии своего нейтралитета в случае международного вмешательства во внешнюю и внутреннюю политику данных государств. Стоит, однако, обратить внимание на эскалацию напряженности между КНР и США на современном этапе, в силу которой невозможно предсказать, какие шаги могут быть приняты Пекином для усиления собственных позиций в регионе в целях противодействия Вашингтону. В то же время приход к власти правоконсервативных политических сил во многих странах Латинской Америки не способствует закреплению позиций КНР в регионе.

Взаимодействие с КНР дает латиноамериканским странам больше возможностей для регионального сотрудничества, в том числе в вопросах безопасности, что, во-первых, снижает возможности Испании влиять на вооруженные силы региона (в ЛАК работают девять испанских атташатов) и, во-вторых, создает конкуренцию для оборонной промышленности (Испания рассчитывает внести свой вклад в реформу и модернизацию безопасности и обороны региона, а также стать узловой страной ибероамериканских вооруженных сил в решении интеллектуальных задач и разработки программ разрешения конфликтов¹⁷). Увеличивается количество латиноамериканских офицеров, получающих образование в Китае, в то время как влияние испанских учебных заведений (Высшая школа вооруженных сил Испании, курсы Генерального штаба, Академия офицеров Военно-морского флота и гражданской гвардии и др.) на вооруженные силы стран региона снижается. Данный процесс протекает достаточно быстро, поскольку Китай имеет возможности предложить подготовку высокого уровня для большого количества военнослужащих, в то время как Испания предлагает меньшее количество мест и более узкую специализацию. Что касается конкуренции с испанской военной промышленностью, то помимо внутренних европейских ограничений (более жесткие требования к экологичности и этичности производства, необходимость получения экспортной лицензии и др.), преимущества Китая в конкуренции с испанским ВПК обеспечиваются более низкой стоимостью вооружений и финансовыми условиями.

Сотрудничество в области безопасности, предлагаемое Китаем, помогает властям обеспечивать суверенитет стран региона и укреплять их оборонный потенциал¹⁸, а также более эффективно бороться с такими угрозами, как терроризм и незаконный оборот наркотических средств. В качестве примера такого сотрудничества можно привести

¹⁶ Сафронова Е.И. Значение Латинской Америки для международных позиций Китая // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2022. № 27. С. 210–224. DOI 10.48647/IFES.2022.79.23.018

¹⁷ Rojas Aravena F. Seguridad internacional, el espacio y posición de América Latina // *Cuadernos de Estrategia*. 2012. No. 158. Pp. 13–82.

¹⁸ 崔守军, 刘祚黎: “中拉军事交流的现状、特征与影响” [Дуй Шоуцзюнь, Лю Цзюли. Современное положение, особенности и влияние военного сотрудничества Китая и Латинской Америки] // *拉丁美洲研究*. 2018年12月. 第40卷第6期. 第96–108页.

китайские радары, задействованные в контроле воздушного пространства Эквадора, Боливии и Венесуэлы, или самолеты, приобретенные Боливией для участия в операциях по пресечению поставок наркотиков. Будучи заинтересованным в стабилизации региона и повторном запуске интеграционных механизмов под эгидой Иberoамериканских саммитов, Мадрид рассматривает инициативы КНР в качестве еще одной возможности для реализации собственных интересов.

Позиции Китая в регионе во многом укрепились на фоне пандемии COVID-19. КНР стала ведущим мировым производителем вакцин и их основным поставщиком на рынок стран с низким и средним уровнем дохода, потеснив в этой роли США и ЕС. В рамках китайской кампании по оказанию помощи Латинская Америка получила маски для лица, респираторы и тесты (так называемая «дипломатия масок»), что, помимо прочего, было нацелено на внедрение на рынок биотехнологий (например, заявления о планировании совместного производства вакцин КНР и Бразилии, Аргентины, Перу) и восстановление имиджа КНР в мире после обвинений в «запуске» коронавирусной инфекции. Несмотря на кризис, темпы роста торговли Китая со многими странами в регионе достигли уровня выше, чем в предыдущие годы (например, торговый оборот с Бразилией, Аргентиной, Чили, Мексикой и др. в 2021 г.).

Что касается участия Испании в программах борьбы с распространением пандемии, то в данном случае Мадрид успешно продвигает участие в коалиции COVAX¹⁹, которая стремится гарантировать доставку вакцин в беднейшие страны. Благодаря достигнутым договоренностям, с одной стороны, лишние испанские вакцины доставляются в нуждающиеся страны, с другой — Испания обеспечивает доступ к вакцине среди стран со средним уровнем дохода в рамках Иberoамериканского сообщества наций. Однако стоит подчеркнуть, что ни Испания, ни ЕС в целом не обладают достаточными производственными мощностями для удовлетворения спроса всего региона, а потому помощь КНР была высоко оценена местными правительствами на официальном уровне.

В конце ноября 2022 г. Китай впервые за период пандемии посетил лидер Кубы М. Диас-Канель. Этот визит имеет особое значение, поскольку Куба была первой страной в Западном полушарии, признавшей Китайскую Народную Республику. Гавана поддерживает Китай в инициативах «Один пояс, один путь», «Сообщество единой судьбы», разделяет принцип одного Китая, более того, является социалистическим государством, что сближает их в вопросе идеологии. Остров является важной геостратегической точкой для КНР (некоторые эксперты утверждают, что при поддержке Китая были подавлены волнения на острове в июле 2022 г.²⁰). Возобновление встреч важно и потому, что за последние годы торговый оборот двух стран снижался, что было обусловлено не только пандемией, но и санкциями в отношении Кубы. Встреча лидеров двух стран знаменует восстановление отношений после рецессии, что может иметь долгосрочные последствия на фоне ухудшения отношения КНР с США.

Постковидная рецессия серьезно затронула Латинскую Америку, страны которой извлекли выгоду из китайского спроса на сырье и сельскохозяйственную продукцию, что повлияло на устоявшиеся экономические отношения, в частности в сфере предоставления кредитов. Во-первых, пандемия и последующий спад ВВП в регионе негативно сказались на возможности стран расплачиваться по долгам, что вынуждает Китай тщательнее отбирать те проекты, которые он собирается проинвестировать. Во-вторых, борясь с последствиями пандемии, КНР приходится больше внимания уделять сво-

¹⁹ Волосюк О.В., Школяр Н.А. Латинская Америка в борьбе с коронакризисом: влияние на экономическую и политическую стабильность региона // *Иberoамериканские тетради*. 2021. № 9 (2). С. 28–47.

²⁰ Никитин С.А. Как Китай осваивает телекоммуникации Кубы // *Независимая газета*. 29.12.2021. URL: https://www.ng.ru/vision/2021-12-29/6_8339_vision.html (дата обращения: 02.12.2022).

им внутренним потребностям и сокращать объем финансов, направляемых в латиноамериканские страны. С другой стороны, Мадрид не обладает достаточными ресурсами для ограничения влияния КНР в регионе и лишь планирует вновь наращивать объемы помощи в целях развития. В данной ситуации можно сделать вывод, что Испания сделает ставку на развитие сотрудничества с Китаем. В пользу данного предположения свидетельствует возобновление процесса двусторонних консультаций по ЛАК²¹, а также открытие в Испании ибероамериканских штаб-квартир китайских конгломератов.

Развитие экономических связей: взаимовыгодное сотрудничество

Торгово-экономическое сотрудничество Китая и ЛАК бурно развивалось последние два десятилетия в связи потребностью в повышенном потреблении энергоносителей и сырья со стороны Китая. Если в 1979 г. совокупный объем торговли между КНР и ЛАК составлял 1 млрд долл. США, то к 2021 г. он увеличился до 450 млрд долл., и КНР стала одним из ключевых торговых партнеров региона²². Согласно таможенной статистике Китая, пятью крупнейшими торговыми партнерами страны в регионе являются Бразилия, Мексика, Чили, Перу и Колумбия²³.

КНР является важным источником прямых иностранных инвестиций и кредитов в области космических исследований, энергетики и инфраструктуры в регионе, включая разработку солнечной и ветровой энергии, создание портов и железных дорог. Крупнейшими получателями китайских ПИИ в 2019 г. являлись Бразилия, Венесуэла, Аргентина, Перу, Мексика, Ямайка, Эквадор (по мере убывания объема инвестиций)²⁴.

Согласно данным ЭКЛАК ООН²⁵, на сегодняшний день Испания все еще остается вторым по величине инвестором в Латинской Америке с инвестиционным фондом, составляющим 150 млрд евро. Испанские инвестиции характеризуются высокой концентрацией как по географическому направлению (половина этой суммы приходится на Мексику, 45 млрд евро — на Бразилию, за ними следуют Чили, Аргентина, Перу и Уругвай), так и по секторам (финансовый, телекоммуникации, электроснабжение, добыча нефти и газа). Данные за 2021 г. отражают тенденции, заложенные еще в 1990-х гг. с началом транснационализации испанских корпораций, с одной стороны, и процессами приватизации стратегических секторов в странах ЛАК — с другой. На данный момент латиноамериканский рынок остается для многих испанских ТНК основным источником прибыли.

²¹ Klinger Pevida E. Dinámica geopolítica de las relaciones estratégicas entre la República Popular China y América Latina y el Caribe // *Sino-Iberoamerican Interaction*. 2021. No. 1. Vol. 1. Pp. 42–62. DOI: 10.1515/sai-2021-2008

²² Albright Z. Trends in Trade and Investment: China and Latin America and the Caribbean in 2021 // *The Boston University Global Development Policy (GDP) Center*. March 28, 2022. URL: <https://www.bu.edu/gdp/2022/03/28/trends-in-trade-and-investment-china-and-latin-america-and-the-caribbean-in-2021/> (дата обращения: 10.09.2022).

²³ 中国和拉美国家经贸关系简况 [Краткий обзор экономических и торговых отношений между Китаем и странами Латинской Америки] // 中华人民共和国商务部. 2022年. URL: <http://mds.mofcom.gov.cn/article/NoCategory/200210/20021000042975.shtml> (дата обращения: 21.11.2022).

²⁴ Ding D. et al. Chinese Investment in Latin America: Sectoral Complementarity and the Impact of China's Rebalancing // *International Monetary Fund*. June 7, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/06/07/Chinese-Investment-in-Latin-America-Sectoral-Complementarity-and-the-Impact-of-Chinas-50217> (дата обращения: 22.11.2022).

²⁵ Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe (LC/PUB.2021/8-P) / ed. G. Stumpo. Chile: Santiago, 2021. 195 p. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47147/3/S2100319_es.pdf (дата обращения: 22.11.2022).

Несмотря на рост политического влияния КНР в Латинской Америке благодаря распространению инициативы «Один пояс, один путь», начиная с 2020 г. интерес к региону как рынку начинает ослабевать. Согласно исследованиям²⁶, инвестиции Китая в Латинскую Америку с каждым годом сокращаются, в частности в 2020–2021 гг. Пекин не предоставил ни одного кредита странам ЛАК. Однако поскольку одной из причин такого поворота является влияние пандемии коронавируса, рано говорить об устойчивости данной тенденции и не представляется возможным сделать однозначный вывод, является ли это показателем охлаждения интереса китайских компаний к региону или же данный временной отрезок в целом является менее динамичным.

Латинская Америка важна для Китая преимущественно как сырьевой регион, из которого КНР импортирует ресурсы и продовольствие. Вместе с тем Китай экспортирует в регион товары с более высокой добавленной стоимостью. Таким образом и Китай, и ЛАК реализуют свои сравнительные преимущества. Однако некоторые исследователи видят в таких отношениях риски для обеих сторон: для Латинской Америки это опасность попасть в «сырьевую ловушку» и усилить специализацию на торговле природными ресурсами, что ставит под угрозу будущее развитие стран; для КНР риски заключаются в том, что чрезмерная концентрация на ресурсах ЛАК может оказать негативное влияние на экономику страны в случае непредвиденных обстоятельств (кризисов, ухудшения отношений и т.д.)²⁷.

Появление в Латинской Америке китайских компаний на данный момент не привело к заметной конкуренции между Мадридом и Пекином, в основном из-за того, что они оперируют в разных отраслях. Важно упомянуть, что за последнее десятилетие структура инвестиций КНР в Латинскую Америку претерпела некоторые изменения. Большая часть инвестиций (около 90 %) все еще направляется в такие сферы, как ископаемое топливо, сельское хозяйство, металлы, однако сегодня Китай все больше инвестирует в обрабатывающую промышленность и сферу услуг. Мадрид хоть и обладает значительным присутствием в сырьевом секторе Латинской Америки, но концентрирует свою деятельность в финансовом, телекоммуникационном и электроэнергетическом секторах, в которых присутствие китайских компаний пока незначительно. В целом, испанские компании стремятся к сотрудничеству и реализации общих интересов, о чем свидетельствует позитивное восприятие присутствия Пекина в регионе как потенциально выгодного для Мадрида (лишь треть испанских ТНК склонно воспринимать китайские компании как угрозу)²⁸. Единственный сектор с подтвержденным ростом конкуренции между китайскими и испанскими компаниями — инфраструктура, в других бизнес предпочитает использовать новые сценарии для расширения сотрудничества. В частности, в секторе телекоммуникаций компания Huawei предоставляет услуги широкополосного доступа дочерним компаниям Telefónica (главный оператор связи в регионе), с 2010 г. ZTE продает телефоны испанской Movistar в 12 странах ЛАК. Другой формой сотрудничества является предоставление испанскими ТНК капитала для реализации крупных проектов в Латинской Америке (Repsol Brasil и Sinorep) или же приобретение данными корпорациями латиноамериканских активов, что позволяет им финансировать изменения, необходи-

²⁶ Gallagher K., Myers M. China-Latin America finance database. Inter-American Dialogue, Washington, 2021. URL: https://www.thedialogue.org/map_list/ (дата обращения: 10.11.2022).

²⁷ 郭洁: “中国在拉美的经济存在: 大不能倒?” [《*Глобализация*. Экономическое присутствие Китая в Латинской Америке: слишком велико, чтобы рухнуть] // *中国国际战略评论*. 2014年. 第7期. URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2014/04/GJtoobigtotfail.pdf> (дата обращения: 21.11.2022).

²⁸ 2013: *Panorama de Inversión Española en Latinoamérica* / ed. I. Galo. Madrid: IR Business School, 2014. 44 p. URL: <https://static.ie.edu/comunicacion/IE%20INFORME%202013.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

мые для оптимизации внутренних бизнес-процессов²⁹. Кроме того, испанские юридические и консалтинговые агентства, пользуясь своим глубоким знанием особенностей рынка ЛАК, предоставляют свои услуги китайским компаниям, заинтересованным в ведении бизнеса в регионе. В настоящее время большинство крупных юридических фирм имеют офисы в Китае³⁰.

Стоит отметить, что сотрудничество между испанскими и китайскими компаниями по-прежнему ограничено. Большой опыт испанского бизнеса в регионе, нестабильность политического курса стран ЛАК, а также недоверие к некоторым китайским партнерам стали тормозом для формирования большего количества консорциумов между компаниями двух стран. На современном этапе конкуренция ослабляется высоким спросом на развитие инфраструктуры, достаточным для удовлетворения предложения обеих стран, однако в будущем столкновение интересов бизнеса будет расти.

Социокультурные отношения: защитники и противники

В целом, США, Испания и Китай имеют положительный имидж в Латинской Америке (рис. 1), однако существуют важные отличия в оценках этих стран. Так, Китай и Испания оцениваются в регионе приблизительно одинаково и немного ниже, чем США. По данным *Latinobarómetro*, имидж Китая в ЛАК постепенно улучшается с 2003 г., на фоне небольшого падения имиджа Испании и улучшения имиджа США. Однако когда латиноамериканцев спрашивают, на какую страну должна быть похожа их собственная³¹, то за исключением Бразилии и Мексики (где предпочитают Китай) они голосуют за Испанию, включая страны АЛБА.

Одним из центральных факторов, объясняющих высокую оценку Китая латиноамериканским населением, является положительное влияние Пекина на экономику. Предприниматели из сельскохозяйственного, горнодобывающего и энергетического секторов и другие заинтересованные в китайских инвесторах и партнерах (в частности, Ф. Макри, А. Баутиста, М. Ибарра), составляют большинство сторонников активизации международных отношений. Напротив, промышленный сектор воспринимает китайскую продукцию в качестве угрозы, а потому ставит под сомнение целесообразность укрепления связей с Пекином.

Культурные отношения между Китаем и странами ЛАК традиционно сопровождают растущее присутствие азиатской страны в регионе в течение последнего десятилетия. Несмотря на то, что культурное присутствие Китая остается незначительным, интенсивность его распространения растет³²: например, в 2016 г., объявленного Годом куль-

²⁹ Испания: трудный выбор в условиях неопределенности / отв. ред. В.М. Давыдов. М.: ИЛА РАН, серия «Саммит», 2022. 198 с.

³⁰ Esteban M. China en América Latina: repercusiones para España. Madrid: Real Instituto Elcano, 2015. 82 p. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/10/dt3-2015-esteban-china-en-america-latina-repercusiones-para-espana.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

³¹ Corporación Latinobarómetro análisis online. URL: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (дата обращения: 10.11.2022).

³² 刘天来: “第八届中拉学术高层论坛暨中国拉美学会学术大会” “地区与全球大变局下的中拉关系展望” 会议综述” [Лю Тяньлай. Обзор восьмого научного форума высокого уровня Китая и Латинской Америки и научного конгресса китайской ассоциации по изучению Латинской Америки «Перспективы китайско-латиноамериканских отношений в условиях региональных и глобальных перемен»] // 拉丁美洲研究. 2019年12月. 第41卷. 第6期. 第135-144页.

турного обмена, было проведено более ста мероприятий в почти 30 странах ЛАК³³. Рамки культурного сотрудничества между сторонами определяются таким документом, как «Совместный план действий по сотрудничеству в ключевых областях между Китаем и государствами — членами СЕЛАК» на 2022–2024 гг.³⁴

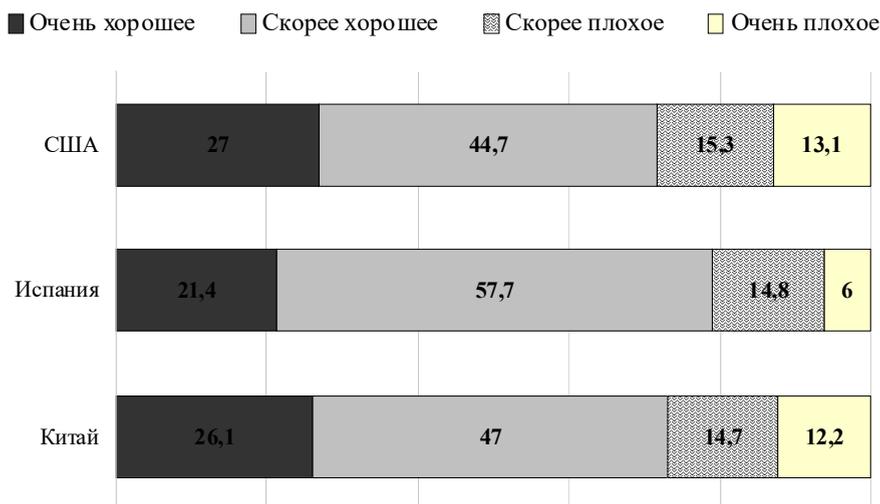

Рис. 1. Мнение жителей ЛАК о США, Испании и Китае в 2020 г.

Figure 1. Latin American countries citizens' opinion about the USA, Spain and China in 2020

Источник: Análisis Online // Corporación Latinobarómetro.

URL: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (дата обращения: 10.11.2022).

КНР принимает активные меры по популяризации китайского языка в регионе. В 2022–2024 гг. Китай собирается предоставить 5 000 государственных стипендий и 3 000 учебных мест для государств — членов СЕЛАК. Важную роль в обучении китайскому языку играют Институты и Классы Конфуция, количество которых в регионе на сегодняшний день составляет 39 и 11, соответственно³⁵. Кроме того, на данный момент в регионе функционирует один китайский культурный центр — в Мексике³⁶. Данное уточнение важно, поскольку в отличие от культурных центров, открытие Института или Класа предполагает зарождение тесных связей непосредственно между образовательными учреждениями. Как следствие, не только усиливается присутствие КНР в стране — университеты-партнеры развивают механизмы, способствующие сотрудничеству между учеными и преподаванию

³³ «中拉文化交流年»对文化走出去的启示 [Год культурного обмена между Китаем и Латинской Америкой и стратегия культурного «выхода вовне»] // *China News*. 24.11.2016.

URL: <https://www.chinanews.com.cn/ml/2016/11-24/8073314.shtml> (дата обращения: 11.09.2022).

³⁴ 中国—拉共体成员国重点领域合作共同行动计划 (2022–2024) [Совместный план действий по сотрудничеству в ключевых областях между Китаем и странами-членами СЕЛАК (2022–2024 гг.)] // 中华人民共和国驻圭亚那合作共和国大使馆. URL: http://gy.china-embassy.gov.cn/zt/202202/t0220208_10640317.htm (дата обращения: 11.09.2022).

³⁵ 拉美和加勒比地区孔子学院达39所 [Количество Институтов Конфуция в странах Латинской Америки и Карибского бассейна достигло 39] // 人民日报. 26.01.2018.

URL: <http://world.people.com.cn/n1/2018/0126/c1002-29788625.html> (дата обращения: 11.09.2022).

³⁶ 海外中国文化中心和旅游办事处 [Китайские культурные центры и туристические агентства за рубежом] // NICE. URL: <https://www.cice.org.cn/portal/site/zongzhan/bsc/bsc.jsp> (дата обращения: 11.09.2022).

испанского языка в Китае. Стороны поддерживают обмены между высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими институтами и аналитическими центрами; проводят форумы аналитических центров Китай — ЛАК, академические форумы высокого уровня Китай — ЛАК и форумы ректоров университетов Китай — ЛАК.

Рост академической мобильности между Китаем и ЛАК содержит в себе вызов для испанских интересов, в особенности программе по созданию из Испании интеллектуального хаба Средиземноморья. Студенты из латиноамериканского региона являются второй по величине группой по зачислению в испанские университеты после студентов стран ЕС. В 2020 г. из 1,6 млн студентов, зачисленных в бакалавриат, 41 460 были латиноамериканцами³⁷, и данная цифра в 2 % остается стабильной на протяжении десятилетия. Более важное влияние они оказывают на уровне последипломного образования (магистратура и докторантура), поскольку составляют 8–9 % выпуска. Несмотря на то, что возможное влияние соглашений между Китаем и СЕЛАК в данной области еще трудно оценить, количество предлагаемых Пекином стипендий эквивалентно общему количеству аспирантов ЛАК в испанских университетах.

Важное место в распространении культуры занимает взаимодействие в сфере средств массовой информации: некоторые китайские медиаисточники («Синьхуа», «Жэньминь жибао», Международное радио Китая, Центральное телевидение Китая) выпускают материалы на испанском и португальском языках. Некоторые региональные СМИ (Agência Brasil, Granma (Куба) и La Tercera (Чили)) переиздают материалы китайских государственных изданий, контент которых варьируется от освещения китайско-латиноамериканских отношений до программ обучения китайскому языку.

Несмотря на все принимаемые меры, культура пока остается одним из слабых мест китайской экспансии в регионе, т.к. знания о восточном партнере в ЛАК ограничены и поверхностны, а попытки его изучения связаны с необходимостью получения экономической поддержки. Среди жителей Латинской Америки популярны лишь отдельные компоненты китайской культуры, не влияющие на развитие глубоких знаний о Китае. Попытки Китая продвигать массовую культуру посредством СМИ также ограничены и практически полностью сводятся к вещанию испаноязычного канала CCTV.

* * *

Взаимодействие между Китаем и Латинской Америкой в последние годы значительно активизировалось, в особенности в коммерческой и финансовой сфере. На данном этапе экономический рост стран ЛАК в определенной мере зависит от стабильности китайской экономики, именно данный аспект является решающим для обеих сторон. Пекин использует свой значительный экономический вес для диверсификации своих внешних связей, а также усиления политического влияния в области безопасности. Дальнейшее расширение и углубление взаимоотношений повлечет за собой изменение в регионе за счет поддержки КНР крупных инфраструктурных проектов и диверсификации экспорта.

Тем не менее стратегия Пекина в регионе имеет свои слабые места, которые будут сдерживать темпы расширения присутствия в ЛАК: использование Китаем контрактов с непрозрачными условиями и низкими экологическими и трудовыми стандартами негативно влияет на популярность страны в регионе и сокращает положительный эффект от экономического взаимодействия. В данном контексте Пекин понимает, что его отношения с регионом могут быть более эффективными, в случае, если: 1) будет обладать бо-

³⁷ Estadística de Estudiantes Universitarios (EEU) // *Catálogo de datos. Ministerio de Universidades.*

URL: <https://www.universidades.gob.es/portal/site/universidades/menuitem.78fe777017742d34e0acc310026041a0/?vgnextoid=3b80122d36680710VgnVCM100001d04140aRCRD> (дата обращения: 10.09.2022).

лее глубокими знаниями о регионе; 2) китайские компании будут более тщательно соблюдать законодательство; 3) финансовая поддержка стран ЛАК будет приводить к их более осязаемому экономическому развитию.

Сложившаяся ситуация имеет двойственное влияние на позицию Испании. С одной стороны, рост популярности Китая может существенно ограничить влияние Мадрида, особенно в тех странах Латинской Америки, которые обладают выгодной для Пекина позицией с точки зрения включения в глобальные стоимостные цепочки. С другой стороны, китайское финансирование способствует развитию региона и создает возможности для взаимодействия с испанскими государственными и частными институтами. Испании предстоит принять рациональное решение по извлечению наибольшей выгоды из сотрудничества, не потеряв свою роль в регионе.

Литература

- Белозёров В.К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений // *Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы науч.-практ. конф.* / под общ. ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М.: МГЛУ, 2019. С. 165–171.
- Волосюк О.В., Школяр Н.А. Латинская Америка в борьбе с коронакризисом: влияние на экономическую и политическую стабильность региона // *Ибероамериканские тетради*. 2021. № 9(2). С. 28–47.
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности / отв. ред. В.М. Давыдов. М.: ИЛА РАН, серия «Саммит», 2022. 198 с.
- Китайское искусство войны. Постигание стратегии. Чжугэ Лян и Люцзи / сост. Т. Клири. СПб.: Евразия, 2012.
- Кожухова К.Е. Китайские традиционные ценности как основание внешнеполитического курса си Цзиньпина // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2020. № 3 (840). С. 71–82.
- Портняков В.А. Основные моменты внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в 2020 году // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 2. С. 8–20. DOI: 10.31857/S013128120014679–7
- Сафронова Е.И. Значение Латинской Америки для международных позиций Китая // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2022. № 27. С. 210–224. DOI 10.48647/IFES.2022.79.23.018.
- Сафронова Е.И. КНР и страны Африки, Латинской Америки Ближнего Востока в 2018 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 5 (1) С. 143–148. DOI: 10.31857/S013128120007136–0
- Трухин Ю.Н. Китай и страны ALBA в XXI веке // *Латинская Америка*. 2020. № 2. С. 47–63. DOI: 10.31857/S0044748X0008144–7
- Чжао Хунвэй. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии. М.: МГИМО-Ун-т, 2007.
- Albright Z. Trends in Trade and Investment: China and Latin America and the Caribbean in 2021 // *The Boston University Global Development Policy (GDP) Center*: March 28, 2022.
URL: <https://www.bu.edu/gdp/2022/03/28/trends-in-trade-and-investment-china-and-latin-america-and-the-caribbean-in-2021/> (дата обращения: 10.09.2022).
- Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe, 2021 (LC/PUB.2021/8-P). Santiago, 2021.
URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47147/S2100319_es.pdf?sequence=3 (дата обращения: 10.11.2022).
- Ding D. et al. Chinese Investment in Latin America: Sectoral Complementarity and the Impact of China's Rebalancing // *International Monetary Fund*. June 7, 2021.
URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/06/07/Chinese-Investment-in-Latin-America-Sectoral-Complementarity-and-the-Impact-of-Chinas-50217> (дата обращения: 10.09.2022).
- Esteban M. China en América Latina: repercusiones para España. Madrid: Real Instituto Elcano, 2015. 82 p. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/10/dt3–2015-esteban-china-en-america-latina-repercusiones-para-espana.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

- Jenkins R. China's Belt and Road Initiative in Latin America: What has Changed? // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. No. 51(1). P. 13–39. DOI: 10.1177/18681026211047871
- Klinger Pevida E. Dinámica geopolítica de las relaciones estratégicas entre la República Popular China y América Latina y el Caribe // *Sino-Iberoamerican Interaction*. 2021. No. 1. Vol. 1. P. 42–62. DOI: 10.1515/sai-2021–2008
- Méndez Morán D. 136: El plan de China en América Latina. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 2018. 410 p.
- Rojas Aravena F. Seguridad internacional, el espacio y posición de América Latina // *Cuadernos de Estrategia*. 2012. No. 158. P. 13–82.
- 谌园庭: “中拉关系70年回顾与前瞻:从无足轻重到不可或缺” [Чэнь Юаньтин. Ретроспектива и перспективы китайско-латиноамериканских отношений за 70 лет: от незначительного к незаменимому] // 拉丁美洲研究. 2019年12月. 第41卷. 第6期. 第22–34页.
- 崔守军, 刘祚黎: “中拉军事交流的现状、特征与影响” [Цуй Шоуцзюнь, Лю Цзоли. Современное положение, особенности и влияние военного сотрудничества Китая и Латинской Америки] // 拉丁美洲研究. 2018年12月. 第40卷. 第6期. 第96–108页.
- 刘天来: “第八届中拉学术高层论坛暨中国拉美学会学术大会
“地区与全球大变局下的中拉关系展望”会议综述” [Лю Тяньлай. Обзор восьмого научного форума высокого уровня Китая и Латинской Америки и научного конгресса китайской ассоциации по изучению Латинской Америки «Перспективы китайско-латиноамериканских отношений в условиях региональных и глобальных перемен»] // 拉丁美洲研究. 2019年12月. 第41卷. 第6期. 第135–144页.
- 中国—拉共体成员国重点领域合作共同行动计划 (2022–2024) [Совместный план действий по сотрудничеству в ключевых областях между Китаем и странами-членами СЕЛАК (2022–2024 гг.)] // 中华人民共和国驻圭亚那合作共和国大使馆. URL: http://gy.china-embassy.gov.cn/zt/202202/t20220208_10640317.htm (дата обращения: 11.09.2022).
- 贾庆国: “2017年的国际形势有六大特点” [Цзя Цинго. Шесть особенностей международной обстановки в 2017 году] // 世界知识. 2017年. 第24期. 第16–17页.
- 郭洁: “中国在拉美的经济存在: 大不能倒?” [Го Цзе. Экономическое присутствие Китая в Латинской Америке: слишком велико, чтобы рухнуть] // 中国国际战略评论. 2014年. 第7期. URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2014/04/GJtoobigtofail.pdf> (дата обращения: 21.11.2022).

Chinese Policy in Latin America: Lessons and Risks for Spain

Maria V. Pupysheva

Senior lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University (address: 38, Ostozhenka st., Moscow, 119034, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–9565–7333. E-mail: pupysheva.maria@gmail.com

Maria E. Navdaeva

Postgraduate student of the Department of Political Science, lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University (address: 38, Ostozhenka st., Moscow, 119034, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–4807–4696. E-mail: navdayka6848@list.ru

Received 12.09.2022.

Abstract:

In the past two decades, Latin American countries and China have strengthened cooperation in such areas as politics, economy, finance, culture, and military sphere. In these relations each party pursues its own goals: China, for example, is looking for access to new sources of raw materials and markets, as well as support on some sensitive issues on the international agenda, such as the problem of human rights or the status of Taiwan. Latin America seeks new sources of finance, and technology, as well as the diversification of foreign policy ties. Sino-Latin American relations are most active in the sphere of economy, investment and lending, that increases the interdependence between China and the countries of the region and even the dependence on Chinese funding. At

the same time, despite gradual growth, social and cultural contacts between parties remain limited, and that constrains the development of mutual understanding between them. The strengthening of Beijing's position in Latin America logically arouses Spain's fears, as the region has always been a historical space for its foreign policy; Spain's position and attractiveness there are gradually declining. However, since cooperation with China contributes to the development of Latin American countries, it can play a positive role for Spain and creates an opportunity for building ties between Spanish and Chinese institutions. Thus, the article is devoted to the problem of the influence of the development of Sino-Latin American relations on the role of Spain as a traditional foreign policy partner of the region. The authors conclude that in the context of the growth of partnership between Latin America and China, Spain will have to look for ways to cooperate with Chinese entities, trying to maintain its role in the region and derive benefits from such cooperation.

Key words:

Sino-Latin American relations, Spanish-Latin American relations, China, Spain, Latin America.

For citation:

Pupysheva M.V., Navdaeva M.E. Chinese Policy in Latin America: Challenges for Spain // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 1. Pp. 21–35. DOI: 10.31857/S013128120024197-7.

References

- Albright Z.* Trends in Trade and Investment: China and Latin America and the Caribbean in 2021. *The Boston University Global Development Policy (GDP) Center*. March 28, 2022.
URL: <https://www.bu.edu/gdp/2022/03/28/trends-in-trade-and-investment-china-and-latin-america-and-the-caribbean-in-2021/> (accessed: 10.09.2022).
- Belozеров V.K.* Protivostojanie global'nyh proektov kak osnovnoe sodержanie sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij [Confrontation of global projects as the main content of modern international relations]. *Sovremennaja Rossiya v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii*. M.: MGLU, 2019. S. 165–171. (In Russ.)
- Ding D. et al.* Chinese Investment in Latin America: Sectoral Complementarity and the Impact of China's Rebalancing. *International Monetary Fund*. June 7, 2021.
URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/06/07/Chinese-Investment-in-Latin-America-Sectoral-Complementarity-and-the-Impact-of-Chinas-50217> (accessed: 10.09.2022).
- Esteban M.* China en América Latina: repercusiones para España. Madrid: Real Instituto Elcano, 2015. 82 p. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/10/dt3-2015-esteban-china-en-america-latina-repercusiones-para-espana.pdf> (accessed: 10.09.2022). (In Span.)
- Ispanija: trudnyj vybor v uslovijah neopredelennosti [Spain: tough choices amid uncertainty] / otv. red. *V.M. Davydov*. M.: ILA RAN, serija «Sammit», 2022. 198 s. (In Russ.)
- Jenkins R.* China's Belt and Road Initiative in Latin America: What has Changed? *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. No. 51(1). Pp. 13–39. DOI: 10.1177/18681026211047871
- Kitayskoye iskusstvo vojny. Postizheniye strategii. Chzhuge Lyan i Lyutszi [Chinese art of war. Comprehension of strategy. Zhuge Liang and Liuji] / sost. *T. Kliri*. SPb.: Yevraziya, 2012. (In Russ.)
- Klinger Pevida E.* Dinámica geopolítica de las relaciones estratégicas entre la República Popular China y América Latina y el Caribe. *Sino-Iberoamerican Interaction*. 2021. No. 1. Vol.1. Pp. 42–62. DOI: 10.1515/sai-2021-2008. (In Span.)
- Kozhukhova K.E.* Kitajskie tradicionnye cennosti kak osnovanie vneshnepoliticheskogo kursa si Czin'pina [Chinese traditional values as the foundation of Xi Jinping's foreign policy]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2020. No. 3(840). S. 71–82. (In Russ.)
- La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe, 2021 (LC/PUB.2021/8-P). *Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL)*. Santiago, 2021.
URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47147/S2100319_es.pdf?sequence=3 (accessed: 10.11.2022). (In Span.)
- Méndez Morán D.* 136: El plan de China en América Latina. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 2018. 410 p. (In Span.)
- Portyakov V.* Osnovnyye momenty vneshnepoliticheskogo kursa Kitayskoy Narodnoy Respubliki v 2020 godu [Highlights of the foreign policy course of the People's Republic of China in 2020]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2021. No. 2. S. 8–20. DOI: 10.31857/S013128120014679-7 (In Russ.)

- Rojas Aravena F. Seguridad internacional, el espacio y posición de América Latina. *Cuadernos de Estrategia*. 2012. No. 158. Pp. 13–82. (In Span.)
- Safronova E.I. KNR i strany Afriki, Latinskoj Ameriki Blizhnego Vostoka v 2018 g. [China's Relationship with Africa, Latin America and the Middle East in 2018]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2019. No. 5 (1). S. 143–148. DOI: 10.31857/S013128120007136–0. (In Russ.)
- Safronova E.I. Znachenije Latinskoy Ameriki dlya mezhdunarodnykh pozitsiy Kitaya [The significance of Latin America for China's international position]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 2022. No. 27. S. 210–224. DOI 10.48647/IFES.2022.79.23.018. (In Russ.)
- Trukhin Y. Kitaj i strany ALBA v XXI veke [China and the ALBA countries in the 21st century]. *Latinskaja Amerika*. 2020. No. 2. S. 47–63. DOI: 10.31857/S0044748X0008144–7 (In Russ.)
- Volosyuk O.V., Shkolyar N.A. Latinskaya Amerika v bor'be s koronakrizisom: vliyaniye na ekonomicheskuyu i politicheskuyu stabil'nost' regiona [Latin America in the fight against the coronacrisis: impact on the economic and political stability of the region]. *Iberoamerikanskiye tetradi*. 2021. No. 9(2). S. 28–47. (In Russ.)
- Zhao Hongwei. Kitayskaya diplomatiya v kontekste protsessov vzaimovliyaniya i sopernichestva v Vostochnoy Azii [Chinese diplomacy in the context of processes of mutual influence and rivalry in East Asia]. M.: MGIMO-Un-t, 2007. (In Russ.)
- 湛园庭: “中拉关系70年回顾与前瞻:从无足轻重到不可或缺” [Chen Yuanting. Retrospective and Prospects of Sino-Latin American Relations for 70 Years: From Negligible to Irreplaceable]. 拉丁美洲研究, 2019年12月. 第41卷. 第6期. 第22–34页. (In Chin.)
- 崔守军, 刘祚黎: “中拉军事交流的现状、特征与影响” [Cui Shoujun, Liu Zuoli. Current Situation, Characteristics and Influence of China-Latin America Military Cooperation]. 拉丁美洲研究, 2018年12月. 第40卷. 第6期. 第96–108页. (In Chin.)
- 刘天来: “第八届中拉学术高层论坛暨中国拉美学会学术大会 “地区与全球大变局下的中拉关系展望” 会议综述” [Liu Tianlai. Review of the 8th China-Latin America High-Level Science Forum and Chinese Association for Latin American Studies Science Congress "Prospects for Sino-Latin American Relations in the Context of Regional and Global Changes"]. 拉丁美洲研究. 2019年12月. 第41卷. 第6期. 第135–144页. (In Chin.)
- 中国—拉共体成员国重点领域合作共同行动计划 (2022–2024) [Joint Action Plan for Cooperation in Key Fields between China and CELAC (2022–2024)]. 中华人民共和国驻圭亚那合作共和国大使馆. URL: http://gy.china-embassy.gov.cn/zt/202202/t20220208_10640317.htm. (accessed: 11.09.2022). (In Chin.)
- 贾庆国: “2017年的国际形势有六大特点” [Jia Qingguo. Six characteristics of the international situation in 2017]. 世界知识. 2017年. 第24期. 第16–17页. (In Chin.)
- 郭洁: “中国在拉美的经济存在: 大不能倒?” [Guo Jie. China's Economic Presence in Latin America: Too Big to Fail]. 中国国际战略评论. 2014年. 第7期. (In Chin.)

Монгольский национальный фактор в КНР и китайско-монгольских отношениях

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024367-4

Тарантул Роман Викторович

Соискатель ученой степени кандидата политических наук, кафедра международных отношений, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10). ORCID: 0000-0002-8951-589X. E-mail: tarantil@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2022.

Аннотация:

В статье рассмотрено влияние монгольского национального фактора на китайско-монгольские отношения и действия руководства КНР, связанные с необходимостью учитывать этот фактор во внутренней политике, в первую очередь в автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ). Особое внимание уделено этнокультурным причинам и условиям, которые препятствуют стабильному развитию двусторонних отношений КНР и Монголии: существование мировых панмонгольских и националистических движений, спор относительно статуса Далай-ламы XIV, действия Китая по присвоению символов традиционной монгольской культуры и коммерциализации личности Чингисхана.

При исследовании национальной политики Пекина во Внутренней Монголии определены исторические предпосылки, послужившие обострению монгольского вопроса в современной КНР, выявлены особенности политики формирования «сознания общности китайской нации» применительно к АРВМ. Отдельное внимание уделено попыткам Пекина аккультурировать проживающих в КНР монголов путем исключения использования монгольского языка в школьном образовании, нормативного регулирования ритуалов буддизма, присвоения всему Китаю общемонгольских нематериальных объектов культурного наследия.

Отдельно рассмотрено растущее экономическое взаимодействие КНР и Монголии, следствием которого являются лидирующие позиции Китая во внешнеторговом обороте Монголии и в иностранных инвестициях. Проанализирована практика санкционного давления Пекина на Улан-Батор в связи с разногласиями на национально-религиозной почве, вследствие которого монгольское руководство пошло на уступки КНР.

Сделан вывод о том, что Китаю и Монголии выгодно поддержание стабильного и предсказуемого двустороннего политического и экономического взаимодействия. Вместе с тем монгольский национальный фактор вынуждает обе страны относиться друг к другу с некоторым опасением. Пекин рассматривает Монголию как носителя угроз панмонгольского сепаратизма, а Улан-Батор, основываясь на исторически сложившемся синофобном менталитете монголов, опасается попасть в полную экономическую и культурную зависимость от КНР.

Ключевые слова:

Китай, Монголия, Внутренняя Монголия, национальный вопрос, монголы.

Для цитирования:

Тарантул Р.В. Монгольский национальный фактор в КНР и китайско-монгольских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 36–52. DOI: 10.31857/S013128120024367-4.

Китайская Народная Республика и Монголия – два соседних государства, в которых проживает большая часть населяющих земной шар монгольских народов. В Монголии они составляют 94 % численности населения страны. В Китае этнические монголы являются малочисленной народностью. По данным седьмой национальной переписи населения КНР в 2020 г. в стране проживало 6,290 млн монголов¹, составивших 0,44 % об-

¹ 中国统计年鉴—2021 [Статистический ежегодник Китая — 2021] // 中华人民共和国国家统计局. 01.09.2021. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (дата обращения: 12.10.2022).

щей численности населения страны. По результатам переписи 2010 г. в КНР насчитывалось 5,981 млн монголов², составлявших 0,45 % населения. Максимальная доля монголов в составе населения КНР (0,58 %) была отмечена по результатам второй национальной переписи в 1964 г., когда их численность насчитывала лишь 1,965 млн человек³.

В Китае монголы проживают преимущественно в АРВМ. По данным переписи 2020 г., во Внутренней Монголии насчитывается 4,248 млн монголов, что составляет 17,66 % населения региона и 67,5 % от общего числа монголов в КНР⁴. Немногочисленные группы монгольских народов имеются в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), провинциях Ляонин, Цзилинь, Хэйлуцзян, Ганьсу, Цинхай, Хэбэй, Юньнань и ряде других административных единиц.

Составляющая 12 % площади КНР Внутренняя Монголия играет важную роль во внешней политике Пекина. Граница между АРВМ и Монголией составляет 90 % всей линии китайско-монгольской границы. Кроме того, две Монголии тесно связаны общей историей, культурой, традициями и отчасти религией. Именно географическое соседство и этническая общность АРВМ и Монголии и создают трудноразрешимую для Пекина задачу учета монгольского национального фактора при выстраивании двусторонних отношений с Монголией.

Общая характеристика китайско-монгольского сотрудничества

Разделение родственных народностей государственной границей может как способствовать развитию трансграничных отношений, так и создавать дополнительные трудности. В случае с Китаем и Монголией данное обстоятельство скорее осложняет взаимодействие двух стран, хотя с практической точки зрения сторонам выгодно укрепление экономического и политического сотрудничества. За последние десятилетия Пекин добился неплохих результатов в развитии партнерских отношений с Улан-Батором. Если к началу 1990-х гг. китайско-монгольская граница оставалась относительно закрытой, то после распада СССР отношения КНР и Монголии стали интенсивно развиваться. В 1998 г. доля Китая в товарообороте Монголии составила 25 %, впервые превысив объем российско-монгольской торговли. К 2010 г. данный показатель вырос до 56,3 %, а к 2019 г. – до 64 %, составив 8,8 млрд долл.⁵

В 2020 г. на фоне пандемии коронавируса товарооборот между странами сократился на 16 % по сравнению с 2019 г. и составил 7,4 млрд долл., в связи с чем доля КНР во внешней торговле Монголии снизилась до 57,3 %. Однако страны быстро адаптировались к новым условиям, и уже по итогам 2021 г. двусторонняя торговля на 15 % превысила показатели предпандемийного 2019 г. и на 38 % – пандемийного 2020 г., составив

² 2010年第六次全国人口普查主要数据公报 [Бюллетень об основных данных шестой Всекитайской переписи населения 2010 года] // 中华人民共和国国务院. 20.04.2012.

URL: http://www.gov.cn/guoqing/2012-04/20/content_2582698.htm (дата обращения: 12.10.2022).

³ *Адамс О.Ю., Афонина Л.А., Баженова Е.С., Бородич В.Ф., Виноградов А.В., Грачева Ю.А., Гудошников Л.М., Стеженская Л.В., Кашин В.Б.* Современное китайское государство. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления / отв. ред. *Виноградов А.В.* М.: ИДВ РАН, ИВ РАН, 2022. С. 78.

⁴ 内蒙古自治区第七次全国人口普查公报 (第一号) [Бюллетень седьмой национальной переписи населения Автономного района Внутренняя Монголия (№ 1)] // 内蒙古自治区统计局. 20.05.2021. URL: http://tj.nmg.gov.cn/tjyw/tjgb/202105/t20210526_1596845.html (дата обращения: 12.10.2022).

⁵ Гадаад худалдааны баруаны статистик мэдээлэл [Статистическая информация о внешней торговле товарами Монголии] // *Гаалайн цахим үйлчилгээний систем.* 10.01.2023. URL: <https://gaali.mn/statistic/detail/01> (дата обращения: 12.01.2023).

10,1 млрд долл.⁶ Доля Китая во внешнеторговом обороте Монголии в 2021 г. практически вернулась к показателям 2019 г., составив 63 %. В 2022 г. объем двусторонней торговли вырос еще почти на 20 %, составив 12,1 млрд долл.⁷, а доля КНР во внешнеторговом обороте Монголии увеличилась до 63,8 %.

Важность Китая для внешней торговли Монголии обусловлена и явно выраженным положительным сальдо торгового оборота, в котором подавляющее большинство экспортируемых Монголией товаров поставляется в КНР. По итогам 2021 г. монгольский экспорт на 26 % превысил импорт. При этом 82,6 % экспортных поставок были направлены в Китай. Кроме того, внешнеторговый оборот Монголии в 2021 г. на 1 млрд долл.⁸ превысил ВВП страны⁹, а соотношение данных показателей составило 106,6 %. В подобной ситуации стабильная торговля с Китаем становится для Монголии не только основным источником доходов от внешнеэкономической деятельности, но и базисом для экономического развития.

Подобная ситуация сложилась во многом в результате инвестиционной активности Пекина в постсоциалистической Монголии, которая входит в первую двадцатку стран по объему поступающих инвестиций из Китая. Стартовав в 1990 г. с нулевых позиций, к 2010 г. Китай увеличил свою долю в общем объеме иностранных вливаний в Монголию до 51 %. С 1990 по 2019 г. Китай инвестировал в Монголию 5,4 млрд долл.

Укрепление экономического сотрудничества сопровождается ростом пассажиро-потока. За 2000-2010 гг. количество пересекших китайско-монгольскую границу лиц выросло с 800 тыс. до 2,5 млн человек. В 2019 г. данный показатель составил 3,78 млн человек¹⁰. Однако в 2020-2021 гг. ввиду пандемии коронавируса наблюдалось десятикратное падение объема пассажирских перевозок между странами¹¹.

Интенсивный рост товарных и пассажирских потоков во многом стал возможен благодаря своевременному развитию пропускной инфраструктуры и укреплению приграничного сотрудничества двух государств. Так, два из тринадцати существующих между Китаем и Монголией пунктов пропуска были открыты в 2000-х гг., когда КНР уже являлась ключевым внешнеторговым партнером Монголии. В 2002 г. начал работу двусторонний автомобильный пункт пропуска Ханги-Мандал¹², использующийся для диверсификации поставок минеральных ресурсов из Монголии в КНР. Этот погранпереход позволил разгрузить соседние с ним пункты пропуска Гашуунсухайт – Ганцмод, через которые экспортируется около 50 % монгольской меди и угля, и Замын-Ууд – Эрлянь, через

⁶ Гадаад худалдааны барааны статистик мэдээлэл [Статистическая информация о внешней торговле товарами Монголии] // *Гаалайн цахим үйлчилгээний систем*. 10.01.2023.

URL: <https://gaali.mn/statistic/detail/01> (дата обращения: 12.01.2023).

⁷ Гадаад худалдааны барааны статистик мэдээлэл [Статистическая информация о внешней торговле товарами Монголии] // *Гаалайн цахим үйлчилгээний систем*. 10.01.2023.

URL: <https://gaali.mn/statistic/detail/01> (дата обращения: 12.01.2023).

⁸ Гадаад худалдааны барааны статистик мэдээлэл [Статистическая информация о внешней торговле товарами Монголии] // *Гаалайн цахим үйлчилгээний систем*. 10.01.2023.

URL: <https://gaali.mn/statistic/detail/01> (дата обращения: 12.01.2023).

⁹ Gross domestic product 2021 // *World Development Indicators database, World Bank*, July 01, 2022.

URL: <https://databankfiles.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> (дата обращения: 12.11.2022).

¹⁰ Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2019 [Статистический сборник Монголии 2019] // *Монгол улсын Үндэсний Статистика Хороо*. 09.07.2020. URL: <https://www.1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811317> (дата обращения: 12.10.2022).

¹¹ Хил хамгаалах ерөнхий газрын 2021 оны сарын инфографик мэдээлэл [Инфографическая информация Главного управления по охране границ за 2021 год] // *Монгол улсын Хил хамгаалах ерөнхий газар*. 10.01.2022. URL: <http://bpo.gov.mn/content/658> (дата обращения: 12.10.2022).

¹² Здесь и далее сопредельные пункты пропуска КНР и Монголии употребляются в паре. Первым указывается монгольский погранпереход, затем — китайский.

который в Монголию поступает около 70 % потребительских товаров¹³. В настоящее время власти Монголии рассматривают Ханги-Мандал и как потенциальный канал для железнодорожных поставок угля с месторождения Таван-Толгой. В 2019 г. было завершено строительство железной дороги Таван-Толгой – сомон¹⁴ Зуунбаян, а в марте 2022 г. начаты работы на участке от сомона Зуунбаян до погранперехода Ханги¹⁵.

В 2013 г. начал работу временный международный пункт пропуска Сумбэр – Рашаант, предназначенный в первую очередь для пропуска туристов. В допандемийное время погранпереход функционировал 240 дней в году. Между КНР и Монголией существует договоренность о создании железнодорожного сообщения на направлении Сумбэр – Рашаант, однако реализация проекта пока не начата. Строится новый погранпереход Цагаандэл Уул – Улзий, ориентированный на поставки угля с Таван-Толгой в КНР и на строительство которого китайская сторона в 2019 г. выделила 112 млн юаней.

В сентябре 2020 г. в ходе визита министра иностранных дел КНР Ван И в Монголию стороны договорились организовать железнодорожное сообщение в пункте пропуска Гашуунсухайт – Ганцмод, Шивээхурэн – Сэхэ, Бичигт-Ууд – Хатавч. Если первые два перехода ориентированы на экспорт монгольского угля с месторождений Таван-Толгой и Нарын-Сухайт, то Бичигт-Ууд – Хатавч рассматривается сторонами как перспективный транспортный узел, который после соединения железной дорогой с Улан-Батором способен составить конкуренцию ведущему китайско-монгольскому пункту пропуска Замын-Удэ – Эрлянь. Последний, развиваясь в контексте экономического коридора Китай – Монголия – Россия, обеспечивает более 30 % всего внешнеторгового оборота Монголии.

С точки зрения развития приграничной логистической инфраструктуры показателен пример пункта пропуска Гашуунсухайт – Ганцмод, через который также поставляется уголь с месторождения Таван-Толгой. В китайском АРВМ вблизи основанного в 1992 г. погранперехода сегодня вырос небольшой город с населением 20 тыс. человек, большинство жителей которого связаны с внешнеэкономической деятельностью.

Помимо развития пропускной инфраструктуры на китайско-монгольской границе наметилась тенденция к увеличению продолжительности работы погранпереходов. В 2010 г. круглосуточный режим введен на пунктах пропуска Гашуунсухайт – Ганцмод и Шивээхурэн – Сэхэ, с 2014 г. – на Хавирга – Архашаат, Баянхошуу – Увдуг, Ханги – Мандал, Бургастай – Лаомяо. В 2010 г. временный пункт пропуска Булган – Такашикэн переведен на постоянный режим работы.

Политические отношения Пекина и Улан-Батора в целом также развиваются в положительном ключе, на официальном уровне являясь доверительными и добрососедскими. В 2011 г. стороны установили отношения стратегического партнерства, а в 2014 г. – всеобъемлющего стратегического партнерства. В том же году стороны заявили о сопряжении монгольской концепции «Степного пути» и китайской инициативы «Один пояс, один путь»¹⁶. В 2020 г. после начала пандемии коронавируса Президент Монголии Халтмаагийн Баттулга стал первым официальным иностранным гостем в Пекине, а министр иностранных дел КНР Ван И – первым иностранным гостем в Монголии. В феврале 2022 г. Председатель КНР и премьер-министр Монголии договорились о сопряжении ки-

¹³ В Монголии началось строительство железной дороги Зуунбаян — Ханги // *Красная Весна*. 12.03.2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f0cb3ab6d> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁴ *Сомон* — наименьшая административно-территориальная единица в Монголии.

¹⁵ Монголия намерена создать новый железнодорожный КПП на границе с Китаем // *Seldon.News*. 15.12.2020. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/242383908> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁶ 习近平在蒙古国国家大呼拉尔的演讲 (全文) [Выступление Си Цзиньпина в Великом Государственном Хурале Монголии (полный текст)] // *中华人民共和国国务院*. 22.08.2014. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-08/22/content_2738562.htm (дата обращения: 12.10.2022).

тайского проекта «Один пояс, один путь» с монгольской долгосрочной программой развития «Видение-2050»¹⁷, а в ноябре лидеры двух стран заявили о координации Глобальной инициативы развития КНР с «Новой политикой возрождения» Монголии, «Двух-этапного плана развития Китая» – с монгольским «Видением-2050»¹⁸.

Национальный фактор в китайско-монгольских отношениях

Несмотря на положительную динамику политического диалога и экономического сотрудничества, потенциал китайско-монгольских отношений раскрыт далеко не полностью. Китайская АРВМ и Монголия объединены общей историей, которая в то же время способствует формированию сепаратистских идей в Китае и укреплению синофобных настроений в Монголии, вынуждая руководство двух стран развивать взаимные отношения с оглядкой на национальный фактор.

Пекин рассматривает китайско-монгольские отношения не только в контексте внешней политики, но и как элемент обеспечения внутренней стабильности на приграничных территориях. Как следствие, меры КНР по урегулированию национального вопроса в АРВМ периодически оказывают негативное влияние на двусторонние отношения, поскольку воспринимаются северным соседом как недружественные. В сложившихся условиях Пекин зачастую сталкивается с дилеммой: извлечение политических и экономических выгод из сотрудничества с Улан-Батором или обеспечение стабильности в АРВМ. Как показывает практика, Китай предпочитает прагматично укреплять экономические отношения с Монголией, рассчитывая, что со временем растущая зависимость Улан-Батора вынудит монгольское руководство все чаще закрывать глаза на действия Пекина по урегулированию внутренних межэтнических противоречий.

Столь острая постановка национального вопроса в китайско-монгольских отношениях возникла в результате комплекса исторических, культурных, геополитических и иных факторов, сопровождавших становление национальной идентичности монгольских народов, которые ассоциируют себя с Великой Монгольской империей времен Чингисхана, но в то же время помнят о периодах полной независимости от Китая. Граница современных Монголии и КНР формировалась в ходе затяжных споров и конфликтов, итогом которых стал выход Внешней Монголии из состава Китая и создание Монгольской Народной Республики. Сецессия Внешней Монголии на тот момент времени не только осложнила ее отношения с Пекином, но и заложила основы для дальнейшего обострения национального вопроса в Китае. Уже в конце 1960-х гг. в период «культурной революции» в КНР в ходе борьбы с монгольским национализмом по различным оценкам погибло от 16 до 50 тыс. монголов¹⁹.

В результате современным монголам свойственен основанный на генетической памяти о многовековой вражде с Китаем синофобный менталитет. Монголы не только воспринимают китайцев как «чужаков», но и опасаются оккупации со стороны КНР. Как следствие, некоторые эксперты считают Монголию одним из наиболее синофобных государств мира. Показательно, что с 2011 г. в Монголии отмечается официальный праздник

¹⁷ Китай и Монголия договорились всесторонне укреплять сотрудничество — совместное заявление // *Синьхуа*. 07.02.2022. URL: http://russian.news.cn/2022-02/07/c_1310458349.htm (дата обращения: 12.10.2022).

¹⁸ 习近平同蒙古国总统呼日勒苏赫举行会谈[Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Монголии Хурэлсухом] // *中华人民共和国常驻联合国国家代表团*. 28.11.2022. URL: http://un.china-mission.gov.cn/zgyw/202211/t20221128_10981833.htm (дата обращения: 12.10.2022).

¹⁹ *Очиров Ц.С.* К изучению начального этапа «культурной революции» в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР (1966–1969 гг.) // *Власть*. 2020 Том 28. № 1. С. 251–256. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7086

– День национальной свободы и восстановления независимости, знаменующий столетие со дня народной революции, в ходе которой буддистский лидер монголов Богдо-гэгэн VIII провозгласил независимость от Китая и стал теократическим правителем суверенной Монголии.

После распада СССР Монголия стремится к упрочнению государственного суверенитета, декларируя недопущение попадания в зависимость от кого бы то ни было и позиционируя себя в качестве самобытной страны, сохраняющей традиционные культурные ценности²⁰. Национальное самосознание строится на идеях свободного и демократического государства, защищающего традиционную культуру и национальную идентичность.

Принятая в 1996 г. «Культурная политика правительства Монголии» впервые закрепила сохранение традиционной культуры в качестве элемента национальной безопасности и независимости страны. В 2010 г. Концепция национальной безопасности Монголии установила, что «сохранение, защита и популяризация национальной истории, языка, культуры, наследия, традиций и обычаев является основой существования монгольской нации». В 2021 г. Монголия приняла долгосрочную программу «Видение-2050», определившую 9 основных и 54 дополнительных целей развития. Первой и важнейшей целью назван «рост нации с глубоким чувством национальной идентичности, разделяющей общие ценности». Комментируя содержание документа, премьер-министр Монголии заявил: «Наша (монгольская) модель развития до 1990 г. в целом была копией Советского Союза, а с 1992 г. – копией западной модели. Возможно, ошибкой последних тридцати лет было копирование чего-то напрямую без адаптации к условиям Монголии»²¹.

Во внешней политике Монголия, руководствуясь опасениями попадания в зависимость от Китая и России, придерживается принципа «третьего соседа», согласно которому Улан-Батор ищет партнеров «на дальних горизонтах». Термин введен в оборот госсекретарем США Джеймсом Бейкером, который в ходе визита в Улан-Батор в 1991 г. назвал Соединенные Штаты Америки «третьим соседом» Монголии²². В 2010 г. стратегия «третьего соседа» нашла отражение в Концепции национальной безопасности Монголии, где она определена как «сотрудничество с высокоразвитыми демократиями в политической, экономической, культурной и гуманитарной сферах»²³. Обновленная в 2011 г. Концепция внешней политики Монголии определяет стратегию «третьего соседа» как «партнерские отношения и сотрудничество со странами Запада и Востока и объединениями, такими как США, Япония, Европейский союз, Индия, Республика Корея, Турция»²⁴. Вместе с тем в политическом дискурсе «третьим соседом» Монголии все чаще называют США, с которыми в 2019 г. Монголия установила отношения стратегического партнерства.

Растущее американское влияние в Монголии беспокоит Пекин, однако не меньшим стресс-фактором для Китая является популяризация в Монголии организаций пан-

²⁰ Жаргалсайхан Д. Идентичность Монголии // *Jargal DeFacto*. 23.04.2020.

URL: <https://jargaldefacto.com/article/identichnosti-mongolii> (дата обращения: 15.09.2022).

²¹ Премьер Монголии: Мы всегда будем открыты к сотрудничеству // *Российская газета*. 16.02.2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/16/premer-mongolii-my-vsegda-budem-otkryty-k-sotrudnichestvu.html> (дата обращения: 12.10.2022).

²² Олзвой Х.Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудал [Визит Дж. Бейкера и вопрос о «третьем соседе»] // *Олон улсын харилцаа*. 2002. № 1. Х. 166–168.

²³ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // *Монгол улсын Гадаадхарил цааньяам*. 15.07.2010. URL: <https://mfa.gov.mn/trade/61525> (дата обращения: 20.09.2022).

²⁴ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // *Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем*. 10.02.2011. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/6340> (дата обращения: 20.09.2022).

монгольского и националистического толка²⁵. Примером подобной структуры является «Информационный центр по правам человека Южной Монголии», ориентированный на защиту интересов китайских монголов, в том числе путем мирной демократизации власти в КНР. Такие организации, как «Конгресс Южной Монголии» и «Союз монгольских студентов», также выступают за защиту прав монголов в Китае, не заявляя о необходимости создания единого монгольского государства. Однако лидеры данных объединений упоминают о «Великой земле Монголии», состоящей из Монголии, АРВМ, российских Бурятии, Тывы и Калмыкии. Такие структуры, как Народная партия Внутренней Монголии, Южномонгольский демократический альянс и Южномонгольский информационный центр по правам человека, видят своей целью независимость АРВМ либо его объединение с Монголией.

Пекин крайне негативно относится к перечисленным организациям, воспринимая их как антикитайских сепаратистов, тем более что указанные структуры связаны с Далай-ламой XIV и обвиняют Пекин в нарушении прав национальных меньшинств на свободу вероисповедания. Власти КНР, в свою очередь, считают Далай-ламу XIV сторонником независимости АРВМ и Тибетского автономного района, выступая против контактов духовного лидера с зарубежными официальными лицами и религиозными деятелями, в особенности с представителями Монголии. Официальный Улан-Батор не подвергает сомнению территориальную целостность Китая, однако некоторые буддистские общины Монголии, как и общественные организации панмонгольского толка, выступают за самоопределение АРВМ и Тибета. Как следствие, Пекин оценивает выдачу Улан-Батором въездной визы буддистскому духовному лидеру как недружественный акт. Монголия же считает, что тем самым она на деле доказывает приверженность принципам гуманизма.

Последний раз Далай-лама XIV посетил Монголию в ноябре 2016 г. МИД КНР ожидаемо потребовал от Улан-Батора отменить поездку, заявив об «антикитайской сепаратистской активности Далай-ламы»²⁶. Монголия ответила, что руководство страны не имеет отношения к визиту духовного лидера, поскольку мероприятие организовано монастырем Гандантэгченлин и носит исключительно религиозный характер.

Поездка Далай-ламы состоялась. В ответ Китай ввел экономические санкции в отношении Улан-Батора. Пекин кратнo повысил тарифы на поставки монгольских грузов через погранпереход Гашуунсухайт – Ганцмод, установив плату в 10 юаней за каждое пересекающее границу транспортное средство и 8 юаней за каждую тонну перевозимого товара²⁷. Введенные ограничения, несмотря на кажущуюся незначительность, несли серьезную угрозу экономике Монголии, поскольку через данный пункт страна экспортировала в КНР природные ресурсы с двух крупных месторождений – угольного месторождения Таван-Толгой и медного рудника Ою-Толгой. Разрезы Таван-Толгой с запасами угля в 6,5 млрд т²⁸ на тот момент обеспечивали около 7 % монгольского ВВП²⁹, а рудник Ою-Толгой с 37 млн

²⁵ Михалёв А.В. Этнополитическая ситуация в постсоциалистической Монголии // *Известия Алтайского государственного университета*. № 4–2 (68). 2010. С. 160–165.

²⁶ Китай призвал Монголию отменить визит Далай-ламы // *Vesti.ru*. 18.11.2016.
URL: <https://www.vesti.ru/article/1615380> (дата обращения: 15.09.2022).

²⁷ China slaps new fees on Mongolian exporters amid Dalai Lama row // *Reuters*. 01.12.2016.
URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-mongolia-idUSKBN13Q317> (дата обращения: 15.09.2022).

²⁸ Малолетнев А.С., Рябов Д.Ю., Мазнева О.А. Гидроенизация углей перспективных месторождений Монголии // *Химия твердого топлива*. № 4. 2015. С. 35–39.

²⁹ Mongolian and Chinese Enterprises Agreed to Collaborate to Develop Coal, Transportation Infrastructure and Promote Bilateral Coal Trade // *Mongolian mining corporation*. 10.10.2013.
URL: http://www.mmc.mn/admin/wpcontent/uploads/2013/10/MMC_MOU-to-Build-Port-Railway-Eng-final.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

т меди и 1,3 тыс. т золота только в 2010–2015 гг. принес экономике Монголии 5,4 млрд долларов США³⁰. Китай также приостановил переговоры по льготным кредитам для Монголии, предназначенным для строительства железной дороги до месторождения Таван-Толгой, медеплавильного завода и предприятия по газификации угля³¹.

Принятые Пекином меры стали неожиданностью для Монголии, которая еще с лета 2016 г. пребывала в экономическом кризисе, вызванном мировым падением цен на сырье и рекордным снижением курса тугрика. Для выхода из сложившейся ситуации министр иностранных дел Монголии Цэндийн Мунх-Оргил 21 декабря 2016 г. заявил, что «Монголия в дальнейшем не допустит и не разрешит осуществление визита Далай-ламы в свою страну, даже если он будет носить исключительно религиозный характер»³². С 2016 г. духовный лидер более не посещал Монголию, а монгольские буддисты стали встречаться с ним в индийской Дхарамсале, тем самым сохраняя контакт с религиозным наставником и не провоцируя Пекин на новые экономические санкции.

Многие эксперты расценили заявление министра как корректировку позиции Монголии по вопросу Далай-ламы, поскольку под санкционным давлением Китая Улан-Батор фактически пошел на уступки КНР. Казалось бы, Пекин путем наращивания экономической зависимости Монголии от Китая получил инструмент воздействия на политическую линию Улан-Батора в традиционно сложном для себя национально-религиозном вопросе. Однако на фоне принятых Китаем экономических санкций синофобные настроения в Монголии только усилились, а руководство страны, отказавшись от вызывающих откровенное недовольство Китая шагов, стало активнее искать варианты диверсификации внешней торговли и инвестиционного сотрудничества.

Монгольский национальный вопрос в Китае

Опасения Пекина относительно укрепления панмонгольских и националистических настроений в АРВМ отнюдь не безосновательны. Многие китайские монголы не только считают себя частью разделенной государственными границами монгольской нации, но и воспринимают ханьское население АРВМ в качестве чужаков, что периодически приводит к обострению конфликтов на этнической почве. Поводами, как правило, являются недовольство этнических монголов увеличением численности ханьцев в регионе, строительство промышленных объектов, сужение монгольского языкового пространства, нарушение права на свободу вероисповедания.

Так, в 2011 г. беспорядки охватили хошун³³ Ци-Уджимчин, перекинувшись еще на несколько административных единиц, в том числе столицу АРВМ город Хух-Хото. Поводом для волнений послужила смерть этнического монгола под колесами управляемого ханьцем грузовика с углем. Власти АРВМ приняли экстренные меры по локализа-

³⁰ Oyu Tolgoi, in the South Gobi region of Mongolia, is one of the largest known copper and gold deposits in the world. It is also one of the most modern, safe and sustainable operations in the world // *Rio Tinto*. February 10, 2022. URL: <https://www.riotinto.com/mongolia/oyu-tolgoi-26400.aspx> (дата обращения: 15.09.2022).

³¹ China Cancels Mongolia Talks Indefinitely After Dalai Lama Visit // *Bloomberg*. November 25, 2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-11-25/china-cancels-mongolia-talks-indefinitely-after-dalai-lama-visit> (дата обращения: 17.09.2022).

³² Mongolia not to allow future visit by Dalai Lama // *Globaltimes*. December 21, 2016. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1024836.shtml> (дата обращения: 17.09.2022).

³³ Хошун — административно-территориальная единица в автономном районе Внутренняя Монголия. По административным функциям соответствует уровню уезда.

ции волнений, задержав около 90 человек³⁴. В апреле 2015 г. жители поселка Даачин-тал выступили против загрязнения окружающей среды местным химзаводом. Как сообщала иностранная пресса, в результате подавления протестов один человек погиб, около 100 ранено, более 50 арестовано.

В 2019 г. власти Китая арестовали историка Лхамджаба Борджигина, который в 2006 г. опубликовал книгу о национальной политике Пекина в отношении монголов под названием «Культурная революция в Китае»³⁵. Государственные издания КНР отказались ее публиковать, однако автор издал материал за счет частных пожертвований и распечатал сокращенную аудиоверсию книги в мессенджере WeChat.

В условиях угрозы обострения националистических и сепаратистских идей национальная политика КНР в АРВМ изначально была направлена на аккультурацию и ассимиляцию монгольского нацменьшинства. Более полувека Пекин принимал меры по повышению численности ханьского населения в регионе. Только в 1947-1957 гг. доля этнических монголов в АРВМ снизилась с 86 % до 12,5 %. Однако после «культурной революции» (1966-1976 гг.) Китай в основном придерживался советских принципов автономизации нацменьшинств, предоставляя малым народностям широкие права в области использования национальных языков и культурных традиций, а также различные социальные льготы.

В 1999 г. Пекин решил сделать ставку на повышение уровня жизни удаленных национальных районов страны, приняв пятидесятилетний план «Большого освоения Запада», предусматривающий помимо прочего развитие добывающей промышленности и переселение в западные регионы квалифицированных кадров из числа ханьцев. Поскольку Госсовет присвоил Внутренней Монголии статус «энергетической базы Китая», на традиционно использовавшихся под скотоводство территориях началась разведка и добыча угля, строительство ТЭЦ, ветряных и солнечных электростанций³⁶. В рамках программ урбанизации³⁷ власти АРВМ стали переселять жителей сельских районов в многоквартирные дома или выделять им небольшие земельные участки. Данные меры вынудили многих монголов отказаться от традиционного кочевого образа жизни, лежащего в основе национальной культуры.

Однако на практике сложилось так, что программа «Большого освоения Запада» повысила экономическое благосостояние территорий компактного проживания малочисленных народностей, но не стала панацеей в решении национального вопроса. В 2000-2013 гг. валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения в АРВМ вырос более чем в 11 раз – с 5 909 до 67 498 юаней³⁸. В 2013 г. по данному показателю АРВМ заняла шестое место среди регионов КНР, пропустив вперед лишь города центрального подчинения Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и две наиболее экономически развитые провинции

³⁴ Chinese Mongolians maker are "protest" after death of herder // *Reuters*. May 25, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/china-protest-idINL3E7GP0LG20110525> (дата обращения: 15.09.2022).

³⁵ Southern Mongolia: Silencing the History of the Cultural Revolution // *Unrepresented Nations and Peoples Organization*. July 23, 2018. URL: <https://unpo.org/article/20978> (дата обращения: 17.09.2022).

³⁶ Внутренняя Монголия становится важной энергетической базой для Китая в 21-м веке // *China.org*. 22.07.2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/nmg/2007-07/22/content_8561029.htm (дата обращения: 17.09.2022).

³⁷ 国家新型城镇化规划 (2014—2020年) [Государственная программа урбанизации нового типа (2014—2020 гг.)] // 中华人民共和国国务院. 16.03.2014. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-03/16/content_2640075.htm (дата обращения: 12.10.2022).

³⁸ *Островский А.В., Каменнов П.Б.* КНР: экономика регионов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 316.

Цзянсу и Чжэцзян³⁹. Среднегодовой темп прироста ВРП составил 17,6 %, что значительно превысило средний показатель по стране⁴⁰. Вместе с тем, поскольку интенсивный экономический рост АРВМ во многом был связан с развитием энергетики, властям КНР не удалось сократить прежде трехкратную разницу в уровне жизни в городе и на селе. За период 11-й пятилетки (2005–2010 гг.) располагаемый доход горожан региона увеличился с 9 137 юаней до 17 698 юаней при среднегодовом росте в 11,2 %. Чистый доход сельских жителей вырос с 2 989 юаней до 5 530 юаней при среднегодовом росте в 10 %⁴¹. Абсолютная разница в доходах горожан и сельчан увеличилась с 6 148 до 12 168 юаней, а соотношение – с трехкратного до 3,2 раза. При этом в среднем по Китаю самый высокий разрыв между доходами города и деревни наблюдался в 2009 г. и составлял 2,7 раза⁴².

Рост благосостояния городского населения во многом ощущался среди прибывающих в быстроразвивающийся регион предпринимателей и высококвалифицированных специалистов из числа этнических ханьцев. В результате разрыв в уровне жизни между ханьцами и по большей части проживавшими на селе монголами только увеличился. Кроме того, ввиду промышленного освоения прежде сельскохозяйственных территорий монгольское население стало выражать опасения за экологию региона и возможность заниматься традиционным хозяйством.

Таким образом, несмотря на высокие показатели экономического развития АРВМ, сложившаяся ситуация привела к обострению межэтнических противоречий, вылившихся в упомянутые акции протеста в 2010-х гг. Схожие проблемы в еще более острой форме имели место в Тибете и Синьцзяне. В результате в Пекине сложилось мнение, что улучшение уровня жизни регионов с компактным проживанием нацменьшинств при сохранении широких прав в области национального языка и традиций лишь обостряет межэтнические противоречия и создает почву для сепаратизма⁴³. В мае 2014 г. на второй центральной рабочей конференции в Синьцзяне Председатель КНР Си Цзиньпин впервые озвучил идею общности китайской нации, которая в 2017 г. нашла отражение в новой редакции Устава Коммунистической партии Китая⁴⁴. Документ дополнил прежние положения о национальной политике КПК задачей формирования «сознания общности китайской нации» (中华民族共同体意识).

В рамках новой концепции Пекин пересмотрел подходы к использованию национальных языков, переработав ранее существовавшие в АРВМ образовательные программы в пользу постепенного увеличения роли китайского языка в обучении детей. В августе 2020 г. Министерство образования КНР полностью отменило преподавание на

³⁹ *Островский А.В., Каменнов П.Б.* КНР: экономика регионов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 316.

⁴⁰ *Островский А.В., Каменнов П.Б.* КНР: экономика регионов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 60.

⁴¹ 2010年内蒙古自治区政府工作报告 [Отчёт о работе правительства Автономного района Внутренняя Монголия за 2010 год] // 内蒙古自治区政府. 02.09.2013.

URL: https://www.nmg.gov.cn/zwgk/zfggbg/zzq/201807/t20180730_229813.html (дата обращения: 24.11.2022). Rare rallies in China over Mongolian language curb // *BBC*. September 1, 2020.

URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-53981100> (дата обращения 30.09.2022).

⁴² *Островский А.В., Каменнов П.Б.* КНР: экономика регионов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 302.

⁴³ 胡鞍钢. 第二代民族政策: 促进民族交融一体和繁荣一体 [Ху Аньган. Второе поколение национальной политики: содействие национальной интеграции и процветанию] //

《新疆师范大学学报》(哲学社会科学版) 2011年第32卷第5期, 第1–13页. URL: <https://www.doc88.com/p-9932982475531.html> (дата обращения 25.09.2022).

⁴⁴ 中国共产党章程 [Устав Коммунистической партии Китая] // *新华网*. 28.10.2017.

URL: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/28/c_1121870794.htm (дата обращения: 24.09.2022).

монгольском языке в школах Внутренней Монголии⁴⁵. До этого дети этнических монголов осваивали школьную программу на родном языке, изучая китайский лишь как учебный предмет. В знак протеста по региону прокатилась волна митингов, сопровождавшихся отказами родителей вести детей на занятия. Для пресечения недовольства Пекин под предлогом коронавирусных ограничений временно приостановил уроки в школах⁴⁶, зачистил информацию по данной проблеме в сервисе микроблоков Weibo и заблокировал единственную в Китае монголоязычную социальную сеть Vainu⁴⁷. Действия властей КНР вызвали широкий общественный резонанс как внутри страны, так и за ее пределами: в Монголии, США, на Тайване.

Помимо сужения монгольского языкового пространства в АРВМ, важной составляющей аккультурации монголов являются попытки Пекина взять под государственное управление институты буддистской школы гелуг, последователями которой является большинство этнических монголов. В период «культурной революции» буддизм был под запретом, а его последователи подвергались гонениям со стороны властей, в связи с чем число буддистских монастырей в АРВМ сократилось с 700 до 27. После объявленной в 1978 г. политики реформ и открытости буддизм был выведен из-под запрета, а часть монастырей, таких как Гоцин и Гуанхуа, восстановлена⁴⁸. Однако Пекин стал позиционировать буддизм как часть китайского культурного наследия. В результате в 1979 г. была возобновлена деятельность ранее расформированной Буддийской ассоциации Китая (БАК), председателем которой в 1980 г. стал политический деятель и член КПК Чжао Пучу. В 1983 г. исполком БАК закрепил в руководящих документах организации приверженность свободе вероисповедания под руководством коммунистической партии и участие буддистов в модернизации КНР⁴⁹.

В 2007 г. государственное управление по делам религий опубликовало «Меры по управлению реинкарнацией живых Будд»⁵⁰, предусматривающие контроль над перерождением линии возглавляющих буддистскую сангху Монголии богдо-гэгэнов. Документ обязал буддистские храмы Китая подавать в местные правительства заявления о планируемом перерождении духовных учителей, которые должны заполняться перерожденцами собственноручно и заблаговременно. Однако нормативный акт возымел обратный результат. В 2012 г. после смерти возглавлявшего Ассоциацию буддистов Монголии Богдо-гэгэна IX встал вопрос о поиске его перерожденца. В ноябре 2016 г. Далай-лама XIV объ-

⁴⁵ Rare rallies in China over Mongolian language curb // *BBC*. September 1, 2020.

URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-53981100> (дата обращения 30.09.2022).

⁴⁶ *Introvigne M.* CCP Moves Against Mongolian Language in Inner Mongolia // *Bitter Winter*. June 6, 2020. URL: <https://bitterwinter.org/ccp-moves-against-mongolian-language-in-inner-mongolia/> (дата обращения: 14.09.2022).

⁴⁷ Жители севера Китая протестуют против исключения монгольского языка из учебных заведений // *ИА Коммерсант*. 01.09.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4475311> (дата обращения: 20.09.2022).

⁴⁸ *Янгутов Л.Е.* Современные исследования буддийской философии в Китае // *Сборник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук «Современная философская мысль Китая»*. 2020. С. 7–22.

⁴⁹ *Горбунова С.А.* Роль Чжао Пучу в истории китайского буддизма XX в. // *Общество и государство в Китае*. 2013. Т. XLIII, ч. 1. С. 399–405.

⁵⁰ 国家宗教事务局令“藏传佛教活佛转世管理办法”[Приказ Государственного управления по делам религий «Меры по управлению реинкарнацией живых будд тибетского буддизма»] // 中华人民共和国国务院. 17.07.2007.

URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2008/content_923053.htm (дата обращения: 12.10.2022).

явил о перерождении Богдо-гэгэна X на территории Монголии, хотя большинство его преществеников реинкарнировались в Тибете⁵¹.

Одним из элементов формирования у монголов АРВМ «сознания общности китайской нации» являются действия КНР по присвоению нематериальных символов монгольской культуры и исторического наследия. С точки зрения Пекина именно Китай является страной – хранителем монгольских традиций, поскольку в КНР проживает наибольшее количество этнических монголов в мире. Только в АРВМ зарегистрировано 4,248 млн монголов, что почти на 30 % превышает все население Монголии⁵². Так, в 2009 г. Китай зарегистрировал в ЮНЕСКО объект нематериального культурного наследия – монгольскую технику пения хоомей.

Кроме того, в КНР существуют публикуемые государственными издательствами научные труды о принадлежности Чингисхана к «китайской нации» (中华民族)⁵³, а официальная газета КПК «Жэньминь жибао» позиционирует великого полководца как завоевателя так называемых «западных территорий», впоследствии вошедших в состав современного Китая⁵⁴. Именем Чингисхана в АРВМ названы центральная площадь и бульвар региональной столицы г. Хух-Хото. Несмотря на отсутствие информации о месте захоронения полководца, власти КНР возвели во Внутренней Монголии мавзолей Чингисхана. Главное здание мемориала украшают 1 206 традиционных китайских драконов, а вблизи него установлена скульптура китайского мифологического животного биси – смеси дракона и черепахи. Мавзолей входит в популярные у ханьцев и иностранцев туры по АРВМ и приносит существенные доходы в региональный бюджет. В допандемийные времена музейный комплекс посещало более 1 млн человек в год⁵⁵.

Реакция Монголии на решение монгольского национального вопроса в КНР

Оборотной стороной политики Пекина по формированию у монголов АРВМ «сознания общности китайской нации» является дальнейшее укрепление синофобных настроений в Монголии, население которой видит в действиях КНР стремление к размыванию монгольской национальной идентичности. Так, власть и общественность Монголии выступили с критикой регистрации Китаем в ЮНЕСКО монгольской техники пения хоомей⁵⁶. Правительство Монголии провело экстренное совещание, результатом которо-

⁵¹ Далай-лама подтвердил, что в Монголии уже мог родиться новый Богдо-гэгэн // *Регнум*. 23.11.2016. URL: <https://regnum.ru/news/society/2208801.html> (дата обращения: 20.09.2022).

⁵² Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллого: нэгдсэн дүн [Результаты национальной переписи населения и жилья Монголии 2010 г.: итоги] // *Нийслэлийн статистикийн газар*. 11.11.2011. URL: <http://ubstat.mn/News=e4af41a3-0bff-11e1-9add-001fc60e81da> (дата обращения: 12.10.2022).

⁵³ 黄兴涛: 重塑中华: 近代中国“中华民族”观念研究 [Хуан Синтао. Преобразование Китая: исследование концепции «китайской нации» в современном Китае]. 北京: 北京师范大学出版社, 2017 年. 第251页.

⁵⁴ 人民日报: 新疆與祖國內地一體化是歷史發展的必然 [Женьминь Жибао: Интеграция Синьцзяна и материковой части родины — неизбежное развитие истории] // 人民网. 24.07.2019. URL: <http://opinion.people.com.cn/BIG5/n1/2019/0724/c1003-31251923.html> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁵ 成吉思汗陵旅游区召开2019年度工作会议 [В туристической зоне Мавзолея Чингисхана прошла рабочая конференция 2019 года] // *Sohu.com*. 08.03.2019. URL: https://www.sohu.com/a/300050307_675884 (дата обращения: 28.11.2022).

⁵⁶ A showdown over traditional throat singing divides China and Mongolia // *Washington Post*. August 10, 2011. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia-pacific/a-showdown-over-traditional-throat-singing-divides-china-and-mongolia/2011/06/24/gIQASaZS7I_story.html (дата обращения: 20.09.2022).

го стала собственная заявка о регистрации за Монголией объекта нематериального наследия – «традиционного певческого искусства хоомей».

Особое негодование монголов вызывают действия Пекина по присвоению исторической памяти о Чингисхане и коммерциализации его личности. Власти страны не только критикуют действия КНР, но и принимают ответные шаги, направленные на популяризацию идеи о монгольском происхождении Чингисхана и недопущение слияния исторической памяти о полководце с «китайской нацией». В 2005 г. руководство страны, узнав о планах Пекина переименовать один из аэропортов АРВМ в честь Чингисхана, в срочном порядке присвоило имя полководца аэропорту Улан-Батора. В 2021 г. в центре монгольской столицы начал работу Музей «Чингисхан», где подробно описан жизненный путь великого хана и двухтысячелетняя история становления монгольской государственности.

В Монголии зачастую критикуют и саму формулировку лежащего в основе национальной политики КНР термина «китайская нация», который помимо ханьцев включает и этнические меньшинства страны. Некоторые монгольские ученые видят в размытой трактовке данной категории претензию на включение в состав «чжунхуа миньцзу» всего монгольского этноса.

В рамках экономического взаимодействия руководство Монголии также периодически принимает явно антикитайские решения. В 2010 г. парламент Монголии включил в концепцию национальной безопасности положение о том, что инвестиции любого иностранного государства в экономику страны не должны превышать одной трети общего объема иностранных инвестиций в Монголию. Учитывая, что к 2010 г. доля китайских инвестиций в стране составляла 51 %, очевидно, против какого государства были введены данные ограничения. В 2012 г. Улан-Батор принял закон «Об иностранных инвестициях в стратегические предприятия», согласно которому доля иностранных вложений в стратегические компании не должна была превышать одной трети их основного капитала. В том же году Совет национальной безопасности Монголии причислил к угрозам национальной безопасности страны рост незаконной миграции из КНР, незаконную добычу золота китайскими компаниями, контрабанду наркотиков из Китая, а также высокую долю КНР в товарообороте страны. Как следствие, 1 мая 2012 г. правительство Монголии ввело временный запрет на привлечение рабочей силы из КНР⁵⁷.

Однако с конца 2016 г. Монголия перестала принимать меры явной антикитайской направленности, поскольку вызванное визитом Далай-ламы санкционное давление со стороны КНР вынудило Улан-Батор извиниться перед Пекином и осознать степень экономической зависимости от Китая. Вместе с тем подобное развитие событий не ослабило синофобные настроения в Монголии, а скорее обострило их. Согласно исследованию аналитического фонда «Sant Maral», в 2017 г. лишь 0,6 % монголов в качестве наилучшей страны-партнера назвали Китай⁵⁸, что стало худшим показателем с 2014 г.

Летом 2017 г. на президентских выборах в Монголии победил Халтмаагийн Баттулга, чья предвыборная кампания во многом основывалась на риторике о необходимости ослабления китайского влияния в Монголии⁵⁹. В 2018 г. Х. Баттулга, уже будучи президен-

⁵⁷ Монголд амьдарч буй Хятадуудын тоо Үндэсний аюулгүй байдалд аюул учруулах түвшинд хүрчээ [Число китайцев, проживающих в Монголии, достигло уровня, угрожающего национальной безопасности] // *Sonin*. 03.05.2012. URL: <https://www.sonin.mn/news/economy/3190> (дата обращения: 27.09.2022).

⁵⁸ *Shurentana B.* A Review of the Research on Mongolia's Perception of China // *Journal of International Studies*. 2021. № 113. Pp. 25–40. URL: <https://doi.org/10.5564/jis.v44i113.1778> (дата обращения 15.10.2022).

⁵⁹ Сонгуульд ялалт байгуулж буй Х. Баттулгын "Хүчирхэг Монголын төлөө" мөрийн хөтөлбөр [Х. Баттулга с программой «За сильную Монголию» победил на выборах] // *Ikon.mn*. 08.07.2017. URL: <https://ikon.mn/visualdata/xt/1113> (дата обращения: 28.11.2022).

том страны, в интервью российскому информационному агентству «Большая Евразия» заявил о планах по пересмотру сложившейся модели китайско-монгольского торгово-инвестиционного сотрудничества в пользу повышения экономической независимости страны⁶⁰. В результате в 2019 г. на фоне обещанной Вашингтоном отмены импортных пошлин на монгольские товары Улан-Батор установил отношения стратегического партнерства с США.

* * *

Монгольский национальный вопрос оказывает дестабилизирующее воздействие на отношения КНР и Монголии. Пекин укрепляет торгово-экономические отношения с Монголией, одновременно опасаясь исходящих с территории северного соседа проблем этносепаратизма и стремясь аккультурировать монголов АРВМ. Для Улан-Батора Китай является важным экономическим партнером, готовым к развитию торгово-инвестиционного сотрудничества. Однако безальтернативное взаимодействие с Китаем чревато усилением экономической зависимости от КНР. Монголия уже идет на уступки Пекину, как, например, в споре вокруг визитов Далай-ламы в страну. Ситуацию усугубляют синофобные настроения в Монголии, которые лишь усиливаются в ответ на принимаемые Пекином меры по урегулированию монгольского национального вопроса в КНР.

Литература

- Адамс О.Ю., Афонина Л.А., Баженова Е.С., Бородич В.Ф., Виноградов А.В., Грачева Ю.А., Гудошников Л.М., Стеженская Л.В., Кашин В.Б. Современное китайское государство, т. 1: Основные институты государственной власти и управления / отв. ред. Виноградов А.В. М.: ИДВ РАН, ИВ РАН, 2022. 903 с.
- Горбунова С.А. Роль Чжао Пучу в истории китайского буддизма XX в. // *Общество и государство в Китае*. 2013. Т. XLIII, ч. 1. С. 399-405.
- Михалёв А.В. Этнополитическая ситуация в постсоциалистической Монголии // *Известия Алтайского государственного университета*. № 4-2 (68). 2010. С. 160-165.
- Очиров Ц.С. К изучению начального этапа «культурной революции» в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР (1966–1969 гг.) // *Власть*. Том 28. № 1. 2020. С. 251-256. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7086
- Малолетнев А.С., Рябов Д.Ю., Мазнева О.А. Гидрогенизация углей перспективных месторождений Монголии // *Химия твердого топлива*. № 4. 2015. С. 35-39.
- Островский А.В., Каменнов П.Б. КНР: экономика регионов. М.: ИДВ РАН, 2015. 660 с.
- Янгутов Л.Е. Современные исследования буддийской философии в Китае // *Сборник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук «Современная философская мысль Китая»*. 2020. С. 7-22.
- Shurentana B. A Review of the Research on Mongolia's Perception of China // *Journal of International Studies*, 2021. № 113. 25-40 pp. DOI: 10.5564/jis.v44i113.1778 (дата обращения: 15.10.2022).
- Гадаад худалдааны барааны статистик мэдээлэл [Статистическая информация о внешней торговле товарами Монголии] // *Гаалайн цахим үйлчилгээний систем*. 10.01.2023. URL: <https://gaali.mn/statistic/detail/01> (дата обращения: 12.01.2023).
- Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // *Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем*. 10.02.2011. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/6340> (дата обращения: 20.09.2022).
- Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2019 [Статистический сборник Монголии 2019] // *Монгол улсын Үндэсний Статистика Хороо*. 09.07.2020. URL: <https://www.1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811317> (дата обращения: 12.10.2022).

⁶⁰ Евразийское обозрение. Интервью с президентом Монголии Х. Баттулгой // *Российский совет по международным делам*. 01.08.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/intervyu-s-prezidentom-mongolii/> (дата обращения: 12.10.2022).

- Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // *Монгол улсын Гадаадхарил цааньяам*. 15.07.2010. URL: <https://mfa.gov.mn/trade/61525> (дата обращения: 20.09.2022).
- Олзвой Х.Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудал [Визит Дж. Бейкера и вопрос о «третьем соседе»] // *Олон улсын харилцаа*. 2002. № 1. X. 166–168.
- Хил хамгаалах ерөнхий газрын 2021 оны сарын инфографик мэдээлэл [Инфографическая информация Главного управления по охране границ за 2021 год] // *Монгол улсын Хил хамгаалах ерөнхий газар*. 10.01.2022. URL: <http://bpo.gov.mn/content/658> (дата обращения: 12.10.2022).
- Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллого: нэгдсэн дүн [Результаты национальной переписи населения и жилья Монголии 2010 г.: итоги] // *Нийслэлийн статистикийн газар*. 11.11.2011. URL: <http://ubstat.mn/News=eba4f1a3-0bff-11e1-9add-001fc60e81da> (дата обращения: 12.10.2022).
- 2010年内蒙古自治区政府工作报告 [Отчёт о работе правительства Автономного района Внутренняя Монголия за 2010 год] // *内蒙古自治区政府*. 02.09.2013. URL: https://www.nmg.gov.cn/zw/gk/zfggbg/zdq/201807/t20180730_229813.html (дата обращения: 24.11.2022).
- 2010年第六次全国人口普查主要数据公报 [Бюллетень об основных данных шестой Всекитайской переписи населения 2010 года] // *中华人民共和国国务院*. 20.04.2012. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2012-04/20/content_2582698.htm (дата обращения: 12.10.2022).
- 国家宗教事务局令《藏传佛教活佛转世管理办法》 [Приказ Государственного управления по делам религий «Меры по управлению реинкарнацией живых будд тибетского буддизма»] // *中华人民共和国国务院*. 17.07.2007. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2008/content_923053.htm (дата обращения: 12.10.2022).
- 国家新型城镇化规划(2014—2020年) [Государственная программа урбанизации нового типа (2014–2020 гг.)] // *中华人民共和国国务院*. 16.03.2014. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-03/16/content_2640075.htm (дата обращения: 12.10.2022).
- 内蒙古自治区第七次全国人口普查公报 (第一号) [Бюллетень седьмой национальной переписи населения Автономного района Внутренняя Монголия (№ 1)] // *内蒙古自治区统计局*. 20.05.2021. URL: http://tj.nmg.gov.cn/tjyw/tjgb/202105/t20210526_1596845.html (дата обращения: 12.10.2022).
- 习近平在蒙古国国家大呼拉尔的演讲 (全文) [Выступление Си Цзиньпина в Великом Государственном Хурале Монголии (полный текст)] // *中华人民共和国国务院*. 22.08.2014. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-08/22/content_2738562.htm (дата обращения: 12.10.2022).
- 胡鞍钢. 第二代民族政策: 促进民族交融一体和繁荣一体 [Ху Аньган. Второе поколение национальной политики: содействие национальной интеграции и процветанию] // *《新疆师范大学学报》(哲学社会科学版) 2011年第32卷. 第5期. 第1-13页*. URL: <https://www.doc88.com/p-9932982475531.html> (дата обращения 25.09.2022).
- 黄兴涛: 重塑中华: 近代中国“中华民族”观念研究 [Хуан Синтао. Преобразование Китая: исследование концепции «китайской нации» в современном Китае]. 北京: 北京师范大学出版社, 2017年. 442页.
- 中国共产党章程 [Устав Коммунистической партии Китая] // *新华网*. 28.10.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/28/c_1121870794.htm (дата обращения: 24.09.2022).
- 中国统计年鉴—2021 [Статистический ежегодник Китая - 2021] // *中华人民共和国国家统计局*. 01.09.2021. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (дата обращения: 12.10.2022).

The Mongolian National Factor in the PRC and Sino-Mongolian Relations

Roman V. Tarantul

Applicant for the degree of candidate of political sciences, Department of International Relations, Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University (address: 10, Ajaks, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922).
ORCID: 0000-0002-8951-589X. Email: tarantil@rambler.ru

Received 01.12.2022.

Abstract:

The article examines the influence of the Mongolian national factor on Sino-Mongolian relations, as well as its repercussion in PRC domestic policy, primarily in the Autonomous Region of Inner Mongolia. Particular attention is paid to ethno-cultural reasons and conditions that hinder the stable development of bilateral relations between China and Mongolia: the existence of world pan-Mongolian and nationalist movements, the dispute over the status of the XIV Dalai Lama, China's actions to appropriate the symbols of traditional Mongolian culture and the commercialization of Genghis Khan's personality.

In the study of Beijing's national policy in Inner Mongolia, the historical prerequisites that served to complicate the Mongolian issue in the modern PRC were identified, and the features of the policy of forming the "consciousness of the community of the Chinese nation" in relation to the IMAR were discovered. Special attention is paid to Beijing's attempts to acculturate the Mongols living in the PRC by translating educational programs from Mongolian into Chinese, regulating the rituals of Buddhism, and appropriating common Mongolian intangible cultural heritage sites to China.

Separately, the growing economic interaction between China and Mongolia, which results in China's leading position in the foreign trade turnover of Mongolia and in foreign investment in the country's enterprises, is considered. The Beijing's sanctions pressure on Ulaanbaatar is analyzed in connection with disagreements on national and religious grounds, as a result of which the Mongolian leadership made concessions to the PRC.

The study concludes that, from a rational viewpoint, it is beneficial for China and Mongolia to maintain a stable and predictable bilateral political and economic interaction. At the same time, the Mongolian national factor forces both states to treat each other with a certain degree of apprehension. Beijing sees Mongolia as a country bearing the threat of pan-Mongolian separatism, and Ulaanbaatar, based on the historically established Sinophobic mentality of the Mongols, is afraid of falling into total economic and cultural dependence on the PRC.

Key words:

China, Mongolia, Inner Mongolia, national question, Mongols.

For citation:

Tarantul R.V. The Mongolian National Factor in the PRC and Sino-Mongolian Relations // Far Eastern Studies. 2023. No. 1. Pp. 36–52. DOI: 10.31857/S013128120024367-4.

References

- Adams O. YU., Afonina L. A., Bazhenova E. S., Borodich V. F., Vinogradov A. V., Gracheva YU. A., Gudoshnikov L. M., Stezhenskaya L. V., Kashin V. B. *Sovremennoe kitajskoe gosudarstvo*, t.1: Osnovnye instituty gosudarstvennoj vlasti i upravleniya. [The Modern Chinese State, Vol. 1: Basic Institutions of State Power and Administration] / otv. red. Vinogradov A.V. M.: IDV RAN, IV RAN, 2022. 903 S. (In Russ.)
- Gadaad hudaldaany baraany statistik medeelel [Statistical Information on Foreign Trade in Goods of Mongolia]. *Gaalajn cahim yjlchilgeenij sistem*. 10.01.2023. URL: <https://gaali.mn/statistic/detail/01> (accessed: 12.01.2023). (In Mon.)
- Gorbunova S.A. Rol' CHZhao Puchu v istorii kitajskogo buddizma XX v. [The role of Zhao Puchu in the history of modern Chinese Buddhism in the 20th century]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2013. T. XLIII, ch. 1. S. 399-405. (In Russ.)
- Hil hamgaalah erenhij gazryn 2021 ony saryn infografik medeelel [Infographic information of the General Directorate of Border Protection for 2021] *Mongol ulsyn Hil hamgaalah erenhij گزار*. 10.01.2022. URL: <http://bpo.gov.mn/content/658> (accessed: 12.10.2022). (In Mon.)
- Hyn am, oron suucny 2010 ony ulsyn toologo: negdsen dyn [Mongolia 2010 National Population and Housing Census Results: Summary]. *Nijslelijn statistikijn گزار*. 11.11.2011. URL: <http://ubstat.mn/News=ebaf41a3-0bff-11e1-9add-001fc60e81da> (accessed: 12.10.2022). (In Mon.)
- Maloletnev A.S., Ryabov D. YU., Mazneva O.A. Gidrogenizaciya uglej perspektivnyh mestorozhdenij Mongolii [Hydrogenation of Coal from Promising Deposits in Mongolia]. *Himiya tvyordogo topliva*. No. 4. 2015. S. 35-39. (In Russ.)
- Mihalyov A.V. Etnopoliticheskaya situaciya v postsocialisticheskoy Mongolii [Ethnopolitical Situation in Post-Socialist Mongolia]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-2 (68). 2010. S. 160-165. (In Russ.)

- Mongol ulsyn gadaad bodlogyn үзэл баримтлал [Mongolian Foreign Policy Concept]. *Erh zyn medeellijn negdsen sistem*. 10.02.2011. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/6340> (accessed: 20.09.2022). (In Mon.)
- Mongol ulsyn statistikijn emhetgel 2019 [Statistical compendium of Mongolia 2019]. *Mongol ulsyn Yndesnij Statistika Horoo*. 09.07.2020. URL: <https://www.1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811317> (accessed: 12.10.2022). (In Mon.)
- Mongol ulsyn үндesnij агуулгуй байдлын үзэл баримтлал [Mongolia National Security Concept]. *Mongol ulsyn Gadaadhari caanyaam*. 15.07.2010. URL: <https://mfa.gov.mn/trade/61525> (accessed: 20.09.2022). (In Mon.)
- Ochirov C.S. K izucheniyu nachal'nogoetapa «kul'turnoj revolyucii» v Avtonomnom rajone Vnutrennyaya Mongoliya KNR (1966–1969 gg.) [To the Study of the Initial Stage of the "Cultural Revolution" in the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China (1966–1969)]. *Vlast'*. Tom 28. No. 1. 2020. S. 251–256. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7086. (In Russ.)
- Olzvoj H.ZH. Bejkerijn ajlchlal hijgeed «guravdah' tynsh»-ijn asuudald [J. Baker's Visit and the Question of the "Third Neighbor"]. *Olon ulsyn harilcaa*. 2002. No. 1. H. 166–168. (In Mon.)
- Ostrovskij A.V., Kamennov P.B. KNR: ekonomika regionov. [China: regional economy] M.: IDV RAN, 2015. 660 S. (In Russ.)
- Shurentana B. A Review of the Research on Mongolia's Perception of China. *Journal of International Studies*. 2021, № 113, 25–40 p. URL: <https://doi.org/10.5564/jis.v44i113.1778> (accessed: 15.10.2022).
- YAngutov L.E. Sovremennye issledovaniya buddijskoj filosofii v Kitae. [Contemporary Studies in Buddhist Philosophy in China]. *Sbornik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk «Sovremennaya filosofskaya mysl' Kitaya»*. 2020. S. 7–22.
- 2010年第六次全国人口普查主要数据公报 [2010 Sixth National Census Key Data Bulletin]. 中华人民共和国国务院. 20.04.2012. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2012-04/20/content_2582698.htm (accessed: 12.10.2022). (In Chin.)
- 2010年内蒙古自治区政府工作报告 [2010 Inner Mongolia Autonomous Region Government Report]. 内蒙古自治区政府. 02.09.2013. URL: https://www.nmg.gov.cn/zwggk/zfggbg/zdq/201807/t20180730_229813.html (accessed: 24.11.2022). (In Chin.)
- 内蒙古自治区第七次全国人口普查公报 (第一号) [Bulletin of the Seventh National Census of Inner Mongolia Autonomous Region (No. 1)]. 内蒙古自治区统计局. 20.05.2021. URL: http://tj.nmg.gov.cn/tjyw/tjgb/202105/t20210526_1596845.html (accessed: 12.10.2022). (In Chin.)
- 黄兴涛: 重塑中华: 近代中国“中华民族”观念研究 [Huang Xingtao. China's Transformation: A Study of the "Chinese Nation" Concept in Modern China]. 北京: 北京师范大学出版社, 2017年. 442页. (In Chin.)
- 国家宗教事务局令“藏传佛教活佛转世管理办法” [Order of the State Administration for Religious Affairs "Measures to Manage the Reincarnation of the Living Buddhas of Tibetan Buddhism"]. 中华人民共和国国务院. 17.07.2007. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2008/content_923053.htm (accessed: 12.10.2022). (In Chin.)
- 国家新型城镇化规划(2014—2020年) [State program of urbanization of a new type (2014–2020)]. 中华人民共和国国务院. 16.03.2014. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-03/16/content_2640075.htm (accessed: 12.10.2022). (In Chin.)
- 胡鞍钢. 第二代民族政策: 促进民族交融一体和繁荣一体 [Hu Angan. Second Generation National Policy: Promoting National Integration and Prosperity]. 《新疆师范大学学报》(哲学社会科学版) 2011年第32卷. 第5期. 第1–13页. URL: <https://www.doc88.com/p-9932982475531.html> (accessed: 25.09.2022). (In Chin.)
- 中国共产党章程 [Charter of the Communist Party of China]. 新华网. 28.10.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpenc/2017-10/28/c_1121870794.htm (accessed: 24.09.2022). (In Chin.)
- 中国统计年鉴—2021 [Statistical Yearbook of China - 2021]. 中华人民共和国国家统计局. 01.09.2021. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (accessed: 12.10.2022). (In Chin.)
- 习近平在蒙古国国家大呼拉尔的演讲 (全文) [Xi Jinping's Speech at the State Great Khural of Mongolia (full text)]. 中华人民共和国国务院. 22.08.2014. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-08/22/content_2738562.htm (accessed: 12.10.2022). (In Chin.)

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

Целесообразность создания наднациональной валюты в рамках международных организаций ШОС и БРИКС под воздействием торговых и санкционных ограничений

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024357-3

Степанов Никита Сергеевич

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития, Институт экономики РАН (адрес: 117418, Москва, пр. Нахимовский, 32). ORCID: 0000-0002-5136-8580. E-mail: stepanov720@inecon.ru

Статья поступила в редакцию 16.12.2022.

Аннотация:

Цель исследования заключается в обосновании значимости и потенциала группировки стран ШОС и БРИКС; определении условий для возможности создания наднациональной валюты в рамках международных организаций ШОС и БРИКС под воздействием торговых и санкционных ограничений; формулировании преимуществ и недостатков нескольких направлений трансформации мировой финансовой системы. На страны БРИКС приходится более 40 % населения мира и почти 30 % мирового ВВП, они обладают высоким потенциалом во всех сферах экономической деятельности. Вместе с тем доминирование доллара позволяет американской экономике влиять на мир своей монетарной политикой, укрепляет позиции США в мировой экономике.

Турбулентность на международной арене все больше подталкивает страны-члены международных организаций ШОС и БРИКС к укреплению своих позиций в мире, включая возможный прием новых членов и увеличение объемов торговли своими национальными валютами. Показано, что усугубляющаяся турбулентность, возникающие у многих стран вопросы в отношении замораживания валютных резервов государства и порядка конфискации имущества российских олигархов, меры центробанков разных стран по диверсификации своих резервов в такие валюты, как юань, свидетельствуют о том, что положить конец доминированию доллара могут не его основные конкуренты, а большая группа альтернативных валют. Обосновано, что, поскольку доллар и евро опираются на огромный объем напечатанных денег и не имеют за собой твердой основы, валюта БРИКС может быть основана на реальных товарах, которыми торгуют на биржах: нефти, драгоценных металлах, пшенице, рисе, кофе и многом другом. Поскольку страны БРИКС являются крупными поставщиками фондового рынка, разнообразный состав их экспорта дает возможность странам дополнять друг друга, что подтверждает целесообразность создания наднациональной валюты в рамках международных организаций ШОС и БРИКС.

Ключевые слова:

БРИКС, дедолларизация, денежно-кредитная политика, золотовалютные резервы, Китай, международная торговля, мировая финансовая система, национальная валюта, Россия, ШОС, цифровой рубль, юань.

Для цитирования:

Степанов Н.С. Целесообразность создания наднациональной валюты в рамках международных организаций ШОС и БРИКС под воздействием торговых и санкционных ограничений // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 53–62. DOI: 10.31857/S013128120024357-3.

Страны БРИКС занимают 26 % земной поверхности, представляют 43 % населения мира, 46 % мировой рабочей силы, 30 % мирового ВВП, и на них приходится 50 % от общего глобального роста¹. Эти показатели дают самим странам значительную переговорную силу, которую они многократно увеличили благодаря объединению в группы и инициированию сотрудничества. Эти страны объединяют два фундаментальных аспекта: высокие темпы экономического роста и большой потенциал. Большой потенциал заключается в обладании редкими полезными ископаемыми и/или дешевыми производственными факторами, а также в тенденции демографического роста, что является предпосылкой для сильного, процветающего и устойчивого общества и, следовательно, экономики. Потенциал также скрыт в недостатках, которые могут обернуться, при условии их исправления, возможностями для развития. Ресурсы стран БРИКС, в отличие от ресурсов Запада, далеко не исчерпаны в сырьевом и человеческом капитале, и их возможности для роста по-прежнему огромны. Они могут способствовать улучшению инфраструктуры, здравоохранения, образования, доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) и интернету, технологическому оборудованию и пр. Поэтому развивающиеся страны в целом могут добиться гораздо большего годового прироста ВВП, чем западные страны, уже завершившие переход в информационную эпоху XXI в.²

Еще одной причиной впечатляющего роста экономик стран БРИКС является большой инвестиционный энтузиазм и уверенность в своем потенциале. После снятия ковидных ограничений и восстановления традиционных экономик так называемый кризисный капитал снова переместился на Запад, но объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поступающие в страны БРИКС и другие развивающиеся страны, по-прежнему являются стимулом для экономики этих стран. Возвращение кризисного капитала обратно в развитые страны было также отмечено ЮНКТАД³ в докладе о мировых инвестициях. Развивающаяся Азия, включая Индию и Китай, является самым крупным получателем ПИИ в мире. Помимо Китая и Индии, Бразилия также входит в первую десятку направлений для потоков прямых иностранных инвестиций⁴.

Страны БРИКС являются получателями почти трети всех потоков ПИИ в мире. Однако в последние годы доходы от ПИИ группы БРИКС упали, снижение тесно связано с замедлением роста и рецессией в России и Бразилии. В случае нашей страны причиной снижения явилось также ограничение доступа к иностранному капиталу, введенное против России в числе прочих санкций в ответ на ее внешнюю политику. Бразилия также переживает внутренний кризис. Несмотря на упадок БРИКС в целом, экспорт прямых иностранных инвестиций из Китая и Индии увеличился. Помимо этого, страны БРИКС с самого начала своего существования как группы, особенно Китай, стали крупными кредиторами Запада и в известной мере «обрекают» его на зависимость от денег развивающегося мира. Китай является третьим по величине поставщиком ПИИ, но потоки ПИИ из стран БРИКС и других стран с развивающимися рынками сократились. Причина — падение рыночного спроса, падение цен на основные экспортные товары и обесценение национальных валют⁵.

¹ Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). IMF data. URL: <https://www.imf.org/en/Data> (дата обращения: 01.12.2022).

² Хейфец Б.А., Степанов Н.С. Инициатива «Пояс и Путь 2.0» и Россия // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 6. С. 34–49.

³ Конференция ООН по торговле и развитию.

⁴ Ходжаян К.Г. Вопрос трансформации парадигмы глобального развития на примере интеграционных объединений // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2022. № 2. С. 199–207.

⁵ Степанов Н.С. Препятствия на пути реализации проекта «Большая Евразия» // *Мир перемен*. 2022. № 2. С. 163–173. DOI: 10.51905/2073–3038_2022_2_163

В последнее время группа БРИКС, хотя и утверждается, что это торговое объединение, также начинает занимать особое место в области геополитических вопросов, а не только экономических. Об этом также свидетельствуют регулярные ежегодные встречи представителей стран на уровне глав правительств и лидеров стран. Полагаем, у группы БРИКС есть амбиции стать противовесом организации G7. Свидетельством углубления сотрудничества внутри ассоциации и тенденции к конкуренции с Западом является также Новый банк развития (НБР), решение о создании которого было принято в 2014 г. на саммите представителей правительств стран БРИКС в бразильской Форталезе. Это многосторонний банк, управляемый Бразилией, Россией, Индией, Китаем и Южной Африкой, был создан как альтернатива монополю ориентированному на Запад Всемирному банку. Странам БРИКС не нравились жесткие условия, которые затрудняли доступ к финансам для развивающихся стран⁶.

На НБР возложена задача по поддержке как государственных, так и частных проектов посредством займов, гарантий, долевого участия и других финансовых инструментов. Особенность НБР состоит в том, что он кредитует развивающиеся страны в их собственной валюте, а не в долларах США, как в случае со Всемирным банком. НБР помогает «трансформировать» мировую финансовую систему, основывающуюся только на одной валюте, что страны БРИКС считают высокорисковым. Государства БРИКС хотят усилить интернационализацию собственных валют (в основном китайского юаня и российского рубля) и таким образом создать противовес доллару США как торговой валюте. Кроме того, банк сотрудничает с международными организациями и другими финансовыми структурами и оказывает техническую помощь поддерживаемым проектам.

Помимо НБР, в 2014 г. группа БРИКС также учредила институт, конкурирующий с МВФ, а именно Пул условных валютных резервов (Contingency Reserve Arrangement, CRA). Договор об условных (валютных) резервах — это инструмент, обеспечивающий защиту от глобальных проблем с ликвидностью и защищающий национальные валюты государств-членов от влияния глобальных финансовых потрясений. У России и Китая такие огромные резервы наличности, что они сами могли бы стать кредиторами стран вместо МВФ. По мнению БРИКС, у МВФ недостаточно резервов и он не в состоянии выполнять функцию подстраховки, когда это необходимо. В развивающихся странах эту функцию выполняет CRA. CRA, наряду с НБР, является одним из проектов, направленных на устранение монополярности в мировой геополитической системе⁷.

Путь интеграции, выбранный БРИКС, свидетельствует о том, что это уже не просто экономически сильная группа с одной общей характеристикой — быстро растущими экономиками. Группировка демонстрирует гораздо более глубокий потенциал развития. Это группировка, чей голос все чаще звучит на международной арене и будет становиться все значимее. Мировой порядок изменился, и им больше не управляют только развитые западные государства.

Материалы и методы

В качестве методов исследования использовались систематизация и обобщение, логический и сравнительный анализ, был проведен анализ статистических данных о золотовалютных резервах стран БРИКС и международной торговле между ними, результаты анализа представлены в графической и табличной форме.

⁶ Степанов Н.С. Деолларизация экономики России в условиях санкций: проблемы и перспективы // *Modern Economic Success*. 2019. № 3. С. 51–56.

⁷ Степанов Н.С. Создание единой наднациональной валюты в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества. *Финансы и управление*. 2019. № 3. С. 50–60.

Результаты

Россия призвала группу ведущих развивающихся экономик БРИКС принять скоординированные меры по стабилизации экономической ситуации. Россия сейчас борется с негативными экономическими последствиями санкций, введенных против нее странами Запада. Эти санкции в совокупности с глобальным ужесточением денежно-кредитной политики создают угрозу глобальной стагнации (период с небольшим экономическим ростом или его отсутствием, сопровождающийся высокой инфляцией)⁸ и продовольственного кризиса.

В этих условиях Организация Объединенных Наций (ООН) понизила оценку роста мировой экономики в этом году до 3,1 % с первоначально ожидаемых 4 %. Согласно ее прогнозу, глобальная инфляция вырастет до 6,7 % в этом году. Это более чем вдвое превышает средний показатель за период с 2010 по 2020 г., составлявший 2,9 %. Кризис на Украине во всех ее аспектах приводит к кризису, который также разрушает глобальные энергетические рынки, подрывает финансовые системы и усугубляет крайнюю уязвимость развивающихся стран⁹.

Шаги Запада по заморозке валютных резервов России стали холодным душем для большинства стран мира. Доверие к существующей международной финансовой системе подорвано даже у лояльных к США и ЕС государств: всем ясно, что зависимость от потенциально враждебного держателя ваших денег превращает эти активы в пассивы в критической ситуации¹⁰.

Таблица 1 / Table 1

Динамика международной торговли стран БРИКС в 2020 г., млрд долл. США
Dynamics of international trade of the BRICS countries in 2020, billion US dollars

Экспорт						
Страна / Country	Мир / World	Бразилия / Brazil	Россия / Russia	Индия / India	Китай / China	ЮАР / South Africa
Россия / Russia	330	2	—	5,9	49,1	0,5
Китай / China	2650	67,9	54,9	64,2	—	14,7
Индия / India	284	3	3,5	—	3,4	3,6
Бразилия / Brazil	214	-	2	4,1	36,4	1
ЮАР / South Africa	102	0,6	0,6	7,9	11,9	—
Импорт						
Россия / Russia	220	2	—	3,5	54,9	0,6
Китай / China	1550	36,4	49,1	3,4	—	11,9
Индия / India	372	4,1	5,9	—	64,2	7,9
Бразилия / Brazil	160	—	2	3	67,9	0,6
ЮАР / South Africa	71	1	0,5	3,6	14,7	—

Источники: составлено автором на основании данных: Росстат. Международная статистика [Rosstat. International statistics]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/incomparisons> (дата обращения: 01.11.2022); Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). IMF data. URL: <https://www.imf.org/en/Data> (дата обращения: 01.11.2022).

⁸ Кондратов Д.И. Проблемы интернационализации китайского юаня // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 5. С. 74–88.

⁹ Крохина Ю.А. Перспективы приобретения российским рублем статуса резервной валюты: финансово-правовой аспект // МНИЖ. 2022. № 7–2 (121). С. 184–187.

¹⁰ Клепач А.Н. Российская экономика в новой геоэкономической реальности // Экономическое возрождение России. 2022. № 3 (73). С. 45–51. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-45-51

Россия переключает свою торговлю на страны БРИКС, в том числе ведет переговоры об увеличении доли китайских автомобилей на российском рынке и открытии сети индийских супермаркетов в России. С другой стороны, значение России для стран БРИКС также возрастает, кроме того, поставки российской нефти в Китай и Индию увеличиваются (табл.1).

Россия работает со странами БРИКС над созданием механизма международных финансовых расчетов для снижения зависимости от доллара и евро: Система передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС) открывает связи со странами БРИКС, предполагается, что платежная система также будет расширена. Россия и Китай изучают возможность создания международной резервной валюты на основе валютной корзины БРИКС.

Китай и Россия находятся на завершающей стадии создания новой валюты, которая может быть обеспечена золотом в партнерстве с Россией. Предполагается, что новая валюта, скорее всего, будет цифровой. Создание новой цифровой валюты послужит двум целям. Во-первых, это вызов доллару США как мировой резервной валюте. Во-вторых — способ наблюдения и контроля за своими гражданами. Цифровая валюта центрального банка позволит отслеживать и контролировать каждую транзакцию, которую совершают граждане.

Полагаем, что создание новой международной резервной валюты может принести странам БРИКС самые непосредственные выгоды. Это гарантия свободной торговли и справедливого урегулирования и хорошо зарекомендовавший себя шаг, который станет гарантией создания собственной валютной зоны, независимой от доллара США. Центральные банки по всему миру в основном хранят доллары США в качестве валютных резервов не только из-за стабильности и конвертируемости валюты, но и потому, что ее можно использовать в международной торговле. Ни одна страна не хочет держать южноафриканский ранд, бразильский реал, индийскую рупию или российский рубль в качестве резерва, данные валюты слишком слабы для этого. С другой стороны, за последние годы доля доллара США в золотовалютных резервах сократилась (рис. 1).

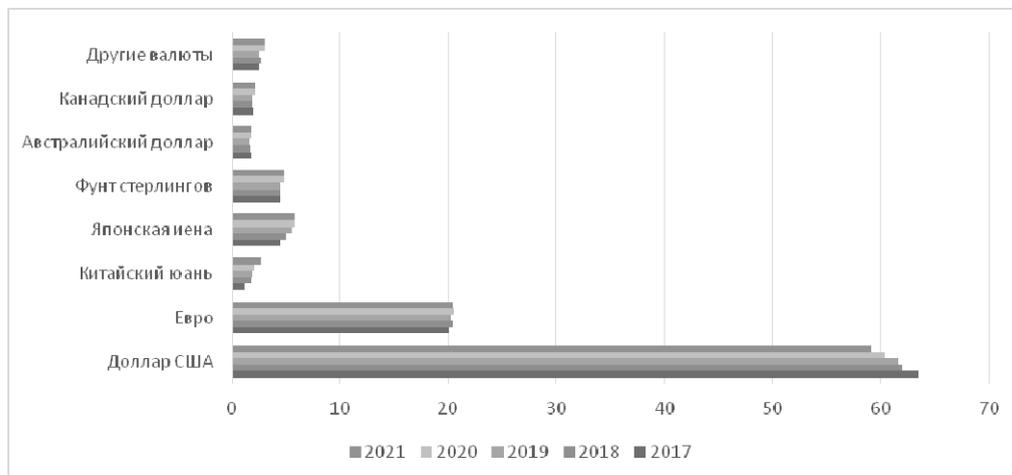

Рис. 1. Валютная структура мировых золотовалютных резервов
Figure 1. Currency structure of world gold and foreign exchange reserves

Источники: составлено автором на основании данных: Росстат. Международная статистика [Rosstat. International statistics]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/incomparisons> (дата обращения: 01.11.2022); Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). IMF data. URL: <https://www.imf.org/en/Data> (дата обращения: 01.11.2022).

Как мы видим, доля США в структуре мировых золотовалютных резервов сократилась на 6,7 %, а доля других валют — увеличилась. Десять лет назад мировые резервы примерно на 90 % состояли из долларовых бумаг. Сегодня это число сократилось до 60 %. Вместе с тем даже если страны БРИКС заключат международные соглашения о расчетах, валюты БРИКС будут полезны только при торговле со страной происхождения валюты. Другими словами, Южная Африка и Индия могли бы договориться о торговле в индийских рупиях. Однако другие страны вряд ли примут рупии в торговле с ЮАР. Кроме того, некоторые страны БРИКС имеют большие внешние долги, которые необходимо погашать в долларах США, а не в национальной валюте.

Одной из важных проблем для альтернативной мировой торговли является недоверие. Международные продавцы осуществляют платежи через систему SWIFT, поскольку она безопасна, быстра и точна. Самое главное, она удобна тем, что подключена к крупным банкам более чем в 100 странах мира. Китай и Россия разработали и запустили альтернативные системы SWIFT, но ни одна из них не связана с банками западных стран¹¹.

На данный момент мало стран, которые согласятся использовать китайскую или российскую систему, поэтому страны БРИКС будут продолжать полагаться на систему SWIFT. И даже если бы они согласились на китайскую или российскую платежную систему, все равно оставался бы вопрос, какую валюту использовать в международной торговле.

Китайский юань, вероятно, был бы первым вариантом для внутренней торговли стран БРИКС. Пекин уже создал Межбанковскую платежную систему (CIPS) для расчетов по сделкам в юанях. Если другие страны БРИКС в будущем согласятся проводить свои торговые операции в юанях и через CIPS, Центральный банк Китая будет контролировать их торговлю¹².

Недавно Россией была сформулирована альтернативная рекомендация по использованию корзины валют, аналогичной корзине Международного валютного фонда. Такая корзина БРИКС, вероятно, будет состоять из их пяти валют. Возможно, в первое время это мало поможет странам БРИКС в международной торговле, так как другие страны неохотно будут использовать валюты БРИКС в качестве резерва, кроме того система SWIFT не позволяет проводить транзакции в корзине валют БРИКС. Еще один важный вопрос — обсуждение эффективности резервных валют в дедолларизации, особенно после того, как было заявлено о создании резервной валюты БРИКС на основе корзины валют стран-участниц БРИКС¹³.

Но с течением времени страны БРИКС, которые активно проводят масштабную дедолларизацию, могут стать жизнеспособной альтернативой западной экономической системе. Ярким примером этого является растущее сотрудничество между Россией и Китаем: две страны уже начали проводить свопы¹⁴ рубль-юань в 2014 г., чтобы освободиться от традиционной торговой валюты доллара США. Страны БРИКС и другие заинтересованные страны должны вести переговоры о создании своей собственной независимой глобальной финансовой системы и другой валюте. В настоящее время такие товары, как нефть, продаются в долларах США, потому что доллары стабильны и легко обмениваемы во всем мире¹⁵.

¹¹ Ярыгина И.З. Перспективы национальных валют БРИКС — ЕАЭС // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020. № 3–1. С. 274–276.

¹² Олейник Г.В. Роль международных экономических объединений в обеспечении стратегических интересов Российской Федерации // *Индустриальная экономика*. 2022. № 5. С. 39–47.

¹³ Ведерников А.В. Мировая стабильность и валютные правоотношения // *Baikal Research Journal*. 2022. № 3. С. 42.

¹⁴ Свop (англ. swap) — торгово-финансовая обменная операция.

¹⁵ Грибанич В.М. Расчеты в национальных валютах между странами ЕАЭС и БРИКС // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2020. № 2. С. 50–56.

Ни одна из валют стран БРИКС не сопоставима с этой валютой. И хотя китайский юань считается международной валютой, его конвертируемость ограничена. Страны БРИКС хотят заменить доллар международной валютой, чтобы ограничить мощь США. Пока их страны вынуждены проводить международные платежи через систему SWIFT, которая подключена к банкам США, Соединенные Штаты могут иметь влияние на эти страны, могут их исключить из системы расчетов¹⁶.

Интересную роль в создании наднациональной валюты может сыграть ее цифровая версия. Теоретически она «технически готова» к трансграничному использованию, однако существуют некоторые ограничения. Например, использование электронного юаня позволяет совершать незаконные транзакции, что может привести к санкциям.

Дискуссия о цифровых финансовых активах, цифровых рублях и криптовалютах в настоящее время обостряется в обществе, ключевым моментом является оцифровка валют, потому что денежные потоки могут обходить системы, контролируемые недружественными государствами. Несмотря на то, что Центральный банк России и правительство годами спорят о регулировании криптовалюты, Россия последние несколько лет, как и многие страны, разрабатывала цифровую валюту, чтобы модернизировать свою финансовую систему, ускорить платежи и отразить угрозу усиления влияния криптовалют, таких как биткойн. Центральный банк России и российские банки, находясь под санкциями, которые отрезали Россию от большей части инфраструктуры мирового финансового рынка, начали тестировать цифровой рубль. В начале 2023 г. Россия планирует использовать эту валюту во взаиморасчетах с Китаем, новая технология означает, что страны смогут взаимодействовать друг с другом напрямую, что сделает их менее зависимыми от платежных каналов, в которых доминируют западные страны, прежде всего от системы SWIFT¹⁷.

Можно выделить следующие факторы, способствующие созданию наднациональной валюты в странах БРИКС и дедолларизации¹⁸:

Во-первых, все больше и больше центральных банков обеспокоены последствиями ограничительной денежно-кредитной политики США. Поэтому они стремятся диверсифицировать платежные методы, что на практике означает ограничение использования доллара в расчетах, особенно во внутрирегиональной торговле.

Во-вторых, недавно введенные санкции против России привели к поиску альтернативного способа финансирования российской торговли. В июле Россия заняла третье место в мире по использованию юаня в международных платежах (после Гонконга и Великобритании).

В-третьих, в течение многих лет центральные банки, особенно в регионе Центральной и Восточной Азии (самый важный торговый партнер Китая), боролись с неэффективностью системы переводов внутри региона, так как прежде всего, зависели от системы SWIFT.

* * *

Таким образом, доминирование доллара позволяет американской экономике влиять на мир через денежно-кредитную политику, укрепляет позиции США в мировой эко-

¹⁶ 俄中將受益於人民幣成為金磚國家主要貨幣 [Россия и Китай выиграют от того, что юань станет основной валютой стран БРИКС] // *Sputnik*. 25.06.2022. URL: <https://big5.sputniknews.cn/20220625/1042138260.html> (дата обращения: 01.12.2022).

¹⁷ Цифровой рубль: старт тестирования // *Банк России*. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=12685> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁸ Енгоян А.П. К вопросу о трансформации парадигмы глобального развития // *Вестник Ереванского государственного университета. Серия 1: Общественные науки*. 2020. Вып. 31. С. 29–41; Жариков М.В. К вопросу об эффективности гипотетической коллективной валюты для стран БРИКС // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 4. С. 93–103. DOI: 10.31857/S013128120006100–1

номике и, прежде всего, дает инструмент реального влияния на другие страны, в чем уже убедились Иран и Россия. Доллар также играет важную роль в обмене валют на развивающихся рынках, которые недостаточно развиты, чтобы конвертировать валюту напрямую. Сегодня видны тенденции трансформации мировой финансовой системы, происходит переход к многополярности. Поэтому иностранные инвесторы все чаще желают держать активы в китайской валюте, отдавая предпочтение облигациям и акциям.

В настоящее время стоимость американской валюты поддерживается чем-то вроде «долларовой ловушки». Падение курса доллара приведет к тому, что мир много потеряет, а Америка выиграет. Это связано с простой зависимостью: финансовые обязательства США перед остальным миром выражены в долларах. Ослабление курса доллара по отношению к валютам стран, финансирующих американский долг, привело бы к снижению стоимости долговых ценных бумаг, приобретаемых кредиторами в пересчете на их валюты. С другой стороны, иностранные активы американских инвесторов в основном денонмированы в иностранной валюте. Увеличение обменных курсов этих валют по отношению к доллару приведет к увеличению стоимости активов в долларом выражении. Из этого следует, что даже если бы доллар перестал быть главным платежным средством, он все равно еще долгое время оставался бы основной резервной валютой.

Сегодня в связи с украинским кризисом ранее слабый союз БРИКС приобрел особое значение. Западные санкции против России активизировали их взаимную торговлю внутри объединения, и теперь встает вопрос о возможных изменениях во взаиморасчетах в национальных валютах или новой наднациональной валюте. Россия и Китай чувствуют возможность расширить свою власть в рамках нынешних геополитических изменений. Однако доллар еще достаточно крепок. На долю США приходится 10 % мировой торговли, а доллар используется примерно в 40 % платежей и 59 % резервов. Несмотря на усилия стран БРИКС, есть сомнения, что дедолларизация состоится в ближайшее время. Сделки в рублях и юанях способствуют трансформации финансовой инфраструктуры, особенно в Азии, но существуют объективные препятствия для процесса. Кроме того, США также будут продвигать доллар. Необходимо помнить, что он доминирует в каждом аспекте мировых финансов — в валютных резервах центральных банков (хотя в последние годы наблюдается явная диверсификация этих резервов).

Мировая власть доллара, вероятно, когда-нибудь закончится. Однако нет никаких признаков того, что юань или любая другая валюта заменит валюту США в ближайшем будущем. Доллар не благоприятствует новым технологиям или растущей популярности альтернативных способов оплаты. Хотя внедрение таких решений не оказывает существенного влияния на дедолларизацию, в странах ШОС и БРИКС, прежде всего России и Китае, уже сейчас происходит развитие собственных платежных систем, таких как МИР и Unionpay, и межбанковских систем передачи информации и совершения платежей СПФС и CIPS. По мере развития экономики и финансового рынка иностранные инвесторы, в том числе центральные банки, будут диверсифицировать свои портфели, включив активы в юанях.

В настоящее время китайской или российской валюте по-прежнему не хватает некоторых функций, необходимых для обретения статуса мировой валюты, в частности институционального характера. С другой стороны, поскольку доллар и евро опираются на огромный объем напечатанных денег и не имеют под собой твердой основы, валюта БРИКС может быть основана на реальных товарах, которыми торгуют на биржах: нефти, драгоценных металлах, пшенице, рисе, кофе и многом другом. Так как страны БРИКС являются крупными поставщиками фондового рынка, разнообразный состав их экспорта дает возможность странам дополнять друг друга, что подтверждает целесообразность создания наднациональной валюты в рамках международных организаций ШОС и БРИКС.

Литература

- Ведерников А.В. Мировая стабильность и валютные правоотношения // *Baikal Research Journal*. 2022. № 3. С. 42.
- Грибанч В.М. Расчеты в национальных валютах между странами ЕАЭС и БРИКС // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2020. № 2. С. 50–56.
- Енгоян, А. П. К вопросу о трансформации парадигмы глобального развития // *Вестник Ереванского государственного университета. Серия 1: Общественные науки*. 2020. Вып. 31. С. 29–41.
- Жариков М.В. К вопросу об эффективности гипотетической коллективной валюты для стран БРИКС // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 4. С. 93–103. DOI: 10.31857/S013128120006100–1
- Клепач А.Н. Российская экономика в новой геоэкономической реальности // *Экономическое возрождение России*. 2022. № 3 (73). С. 45–51. DOI: 10.37930/1990–9780–2022–3–73–45–51
- Кондратов Д.И. Проблемы интернационализации китайского юаня // *Экономика. Налоги. Право*. 2021. № 5. С. 74–88.
- Крохина Ю.А. Перспективы приобретения российским рублем статуса резервной валюты: финансово-правовой аспект // *МНИЖ*. 2022. № 7–2 (121). С. 184–187.
- Олейник Г.В. Роль международных экономических объединений в обеспечении стратегических интересов Российской Федерации // *Индустриальная экономика*. 2022. № 5. С. 39–47.
- Степанов Н.С. Дедолларизация экономики России в условиях санкций: проблемы и перспективы // *Modern Economic Success*. 2019. № 3. С. 51–56.
- Степанов Н.С. Препятствия на пути реализации проекта «Большая Евразия» // *Мир перемен*. 2022. № 2. С. 163–173. DOI: 10.51905/2073–3038_2022_2_163
- Степанов Н.С. Создание единой наднациональной валюты в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества. *Финансы и управление*. 2019. № 3. С. 50–60.
- Хейфец Б.А., Степанов Н.С. Инициатива «Пояс и Путь 2.0» и Россия // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 6. С. 34–49.
- Ходжаян К.Г. Вопрос трансформации парадигмы глобального развития на примере интеграционных объединений // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2022. № 2. С. 199–207.
- Ярыгина И.З. Перспективы национальных валют БРИКС — ЕАЭС // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020. № 3–1. С. 274–276.

The Expediency of Creating a Supranational Currency within the Framework of the SCO and BRICS International Organizations under the Influence of Trade and Sanctions Restrictions

Nikita S. Stepanov

PhD (Economics), Senior Researcher at the Center for Institutes of Socio-Economic Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–5136–8580.

E-mail: stepanov720@inecon.ru

Received 16.12.2022.

Abstract:

The research consists in substantiating the significance and potential of the grouping of the SCO and BRICS countries; determining the conditions for the possibility of creating a supranational currency within the framework of the SCO and BRICS international organizations under the influence of trade and sanctions restrictions; formulating the advantages and disadvantages of several areas of transformation of the global financial system. The BRICS countries account for more than 40% of the world's population and almost 30% of global GDP, and they have high potential in all spheres of economic activity. At the same time, the dominance of the dollar allows the American economy to influence the world with its monetary policy, strengthens the US position in the global economy. Turbulence in the international arena is increasingly pushing the countries of the SCO and BRICS international organizations to take steps to strengthen their positions in the world, including the possible admission of new members and an increase in trading volumes of their national currencies. It is shown that the increasing turbulence, the questions arising in many countries regarding the freezing of foreign exchange reserves of the state and the procedure for the confiscation of the property of Russian oligarchs, the measures of central banks of different countries to diversify

their reserves into currencies such as the yuan indicate that the dominance of the dollar may end not the main competitors of the dollar, but a large group of alternative currencies.

It is proved that since the dollar and the euro rely on a huge amount of printed money and do not have a solid foundation behind them, the BRICS currency can be based on real goods traded on exchanges: oil, precious metals, wheat, rice, coffee and much more. Since the BRICS countries are major suppliers of the stock market, therefore, the diverse composition of the BRICS countries' exports gives them the opportunity to complement each other, which confirms the feasibility of creating a supranational currency within the framework of the SCO and BRICS international organizations.

Key words:

BRICS, de-dollarization, monetary policy, gold and foreign exchange reserves, China, international trade, world financial system, national currency, Russia, SCO, digital ruble, yuan

For citation:

Stepanov N.S. Expediency of Creating a Supranational Currency within the Framework of the SCO and BRICS International Organizations under the Influence of Trade and Sanctions Restrictions // Far Eastern Studies. 2023. No. 1. Pp. 53–62. DOI: 10.31857/S013128120024357-3.

References

- Engoyan A.P. K voprosu o transformacii paradigmy global'nogo razvitiya [On the transformation of the paradigm of global development]. *Vestnik Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Obshchestvennye nauki*. 2020. Vip. 31. S. 29–41. (In Russ.)
- Gribanich V.M. Raschetny v nacional'nyh valyutah mezhdru stranami EAES i BRIKS [Calculations in national currencies between the EAEU and BRICS countries]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo»*. 2020. No. 2. S. 50–56. (In Russ.)
- Heifets B.A. Stepanov N.S., Iniciativa «Poyas i Put' 2.0» i Rossiya [The Belt and Road 2.0 Initiative and Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2019. No. 6. S. 34–49. (In Russ.)
- Khojayan K.G. Vopros transformacii paradigmy global'nogo razvitiya na primere integracionnyh ob"edinenij [The question of transformation of the paradigm of global development on the example of integration associations]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. No. 2. S.199–207. (In Russ.)
- Klepach A.N. Rossijskaya ekonomika v novoj geoeconomicheskoj real'nosti [The Russian economy in the new geo-economic reality]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2022. No. 3 (73). S. 45–51. (In Russ.)
- Kondratov D.I. Problemy internacionalizacii kitajskogo yuana [Problems of internationalization of the Chinese yuan]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2021. No. 5. S. 74–88. (In Russ.)
- Krokhina Yu.A. Perspektivy priobreteniya rossijskim rublem statusa rezervnoj valyuty: finansovo-pravovoj aspekt [Prospects for the acquisition of reserve currency status by the Russian ruble: financial and legal aspect]. *MNIZH*. 2022. No. 7–2 (121). S. 184–187. (In Russ.)
- Oleinič G.V. Rol' mezhdunarodnyh ekonomicheskikh ob"edinenij v obespechenii strategicheskikh interesov Rossijskoj Federacii [The role of international economic associations in ensuring the strategic interests of the Russian Federation]. *Industrial'naya ekonomika*. 2022. No. 5. S. 39–47. (In Russ.)
- Stepanov N.S. Dedollarizaciya ekonomiki Rossii v usloviyah sankcij: problemy i perspektivy [Dedollarization of the Russian economy under sanctions: problems and prospects]. *Modern Economic Success*. 2019. No. 3. S. 51–56. (In Russ.)
- Stepanov N.S. Prepyatstviya na puti realizacii proekta «Bol'shaya Evraziya» [Obstacles to the implementation of the project "Greater Eurasia"]. *Mir peremen*. 2022. No. 2. S. 163–173. (In Russ.)
- Stepanov N.S. Sozdanie edinoj nadnacional'noj valyuty v ramkah SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva [Creation of a single supranational currency within the framework of the Shanghai Cooperation Organization]. *Finansy i upravlenie*. 2019. No. 3. S. 50–60. (In Russ.)
- Vedernikov A.V. Mirovaya stabil'nost' i valyutnye pravootnosheniya [World stability and currency legal relations]. *Baikal Research Journal*. 2022. No. 3. S. 42. (In Russ.)
- Yarygina I.Z. Perspektivy nacional'nyh valyut BRIKS — EAES [Prospects of BRICS — EAEU national currencies]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 2020. No. 3–1. S.274–276. (In Russ.)
- Zharikov M.V. K voprosu ob effektivnosti gipoteticheskoj kollektivnoj valyuty dlya stran BRIKS [On the question of the effectiveness of a hypothetical collective currency for the BRICS countries]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2019. No. 4. S. 93–103. (In Russ.)

От «мировой фабрики» к технологической державе: готов ли Китай к глобальному лидерству в инновациях?

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024377-5

Лемутов Василий Александрович

Аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1). ORCID: 0000-0002-8856-9925. E-mail: vlemutov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.12.2022.

Аннотация:

В последние годы о КНР все чаще говорят не как о «мировой фабрике», а как о «технологической державе». Это понятие подразумевает лидерство страны в сфере новых технологий и их значимую роль в экономике. Достижения Китая в сфере науки и техники, рост экспорта высокотехнологичных товаров, на первый взгляд, подтверждают этот статус.

Согласно китайским и международным рейтингам, Китай входит в топ-20 стран по уровню инновационного развития. Более того, анализ показателей инновационной самостоятельности демонстрирует еще более прочное положение Китая и его вхождение в первую пятерку стран мира.

Вместе с тем количественная оценка факторов экономического роста вклада факторов в экономический рост КНР показывает, что вклад новых технологий в прирост ВВП с 2000 по 2019 г. составил всего 8–10 %, в то время как в основном рост экономики обеспечивался за счет традиционных отраслей промышленности. Тем не менее называть рост КНР экстенсивным в последние годы уже нельзя, а усилия государства по переходу на высокотехнологичные рельсы за счет масштабных программ, таких как строительство новой инфраструктуры, лишь приближают Китай к статусу технологической державы. Несмотря на текущее отсутствие технологической независимости, в перспективе Китай способен достичь статуса мирового технологического лидера даже раньше, чем его номинальный ВВП в валютных курсах превысит соответствующий показатель США.

Ключевые слова:

Китай, новые технологии, информационно-коммуникационные технологии, инновации, экономический рост.

Благодарности:

автор выражает благодарность профессору Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова д.э.н. В.А. Мельянцеву за поддержку при подготовке статьи.

Для цитирования:

Лемутов В.А. От «мировой фабрики» к технологической державе: готов ли Китай к глобальному лидерству в инновациях? // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 63–79. DOI: 10.31857/S013128120024377-5.

Современный облик «мировой фабрики»

Еще 20 лет назад основными характеристиками экономики КНР были дешевая многочисленная рабочая сила и доминирующая роль промышленности, доля которой в ВВП с 1995 по 2010 г. превышала 45 % (рис. 1). На территории страны оказались сосредоточены ключевые мировые производства, что позволило увеличить долю Китая в мировой добавленной стоимости вторичного сектора с 3 % в 1990 г. до 26 % в 2020 г. (в текущих валютных курсах).

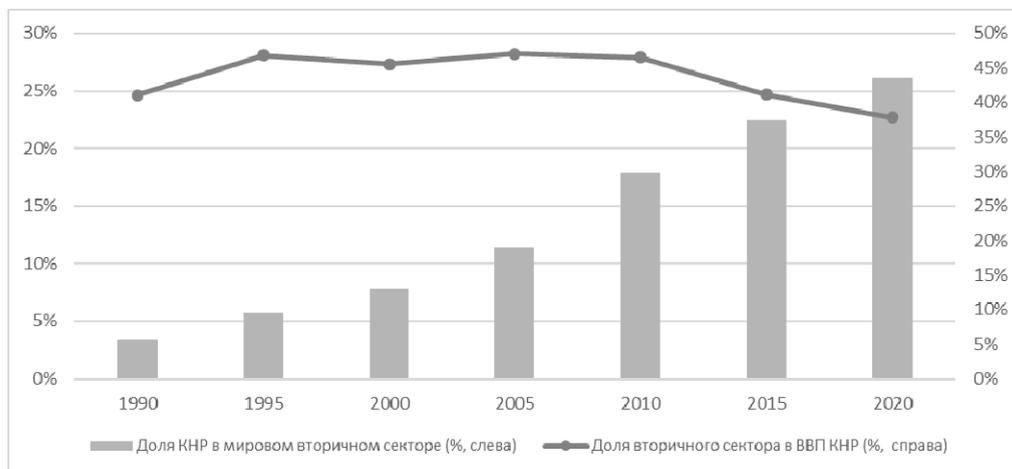

Рис. 1. Доля вторичного сектора в ВВП КНР и мировой добавленной стоимости вторичного сектора (%)
 Figure 1. Share of Secondary Sector in China's GDP and Value Added of Global Secondary Sector (%)

Источники: National Bureau of Statistics Annual Data 2000–2021 // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (дата обращения: 30.09.2022). World Development Indicators. // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (дата обращения: 30.09.2022).

Благодаря растущей роли Китая как промышленного центра СМИ еще в 2000-х гг. присвоили стране статус «мировой фабрики»¹. Позже это выражение прочно вошло и в научный оборот, в частности, оно фигурирует в названии известной коллективной монографии «China as the World Factory» под редакцией Кевина Чжана (Kevin Honglin Zhang)².

Этот статус сохраняется за Китаем до сих пор, несмотря на изменения, происходящие в китайской промышленности. Во-первых, постоянно растет уровень заработной платы³. Во-вторых, ведущая роль в экспорте продукции принадлежит не легкой промышленности, как это было 20 лет назад, а производству машин, оборудования и электроники.

При этом за последние 10 лет даже внутри этой отрасли фокус производства сильно сместился с машиностроения на производство компьютеров и, самое главное, компонентов для них. Китай сегодня — центр мировой электронной промышленности⁴. В стране находятся фабрики всех ведущих мировых производителей потребительской электроники: до пандемии коронавируса в Китае производилось более 90 % всех компь-

¹ Fishman T.C. The Chinese Century // *The New York Times*. July 4, 2004.

URL: <https://www.nytimes.com/2004/07/04/magazine/the-chinese-century.html> (дата обращения: 29.09.2022).

² Zhang K.H., Qiu L.D., Sun Q. et al. *China as the World Factory*. London: Taylor and Francis, 2006. P. 224.

³ Мельянцева В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах // *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 206. DOI: 10.31857/S086919080016660-3

⁴ Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. Российская академия наук, Институт Дальнего Востока. М.: Издательство МБА, 2020. С. 204.

ютеров и почти 70 % всех смартфонов в мире⁵. Немалая доля этих производств полностью принадлежат зарубежным компаниям, в первую очередь из США и Южной Кореи, т.к. производство потребительской электроники не входит в перечень отраслей с ограничением доли иностранного владения. В течение нескольких лет зарубежные компании постепенно наращивают производство в других странах АТР, включая Индию, Пакистан и Вьетнам. Тем не менее, несмотря на последствия «торговой войны» США и КНР и разрыв цепочек поставок во время пандемии, большая часть потребительской электроники по-прежнему производится в Китае. В этой связи то, что ранее называли переносом производств из КНР в другие страны, пока можно назвать диверсификацией рисков.

Не менее интересна ситуация в других отраслях промышленного производства с высокой добавленной стоимостью. Наиболее заметны успехи Китая в возобновляемой энергетике. Так, на разных этапах производства солнечных панелей от обработки кварца до сборки ячеек в панели Китай занимает от 65 % до более чем 90 % мирового рынка.

В производстве промышленных станков и оборудования китайские компании занимают первое место (29 % мирового рынка), опережая Германию, Японию, Италию и США. При этом Китай преуспевает и в наиболее передовой отрасли машиностроения — производстве промышленных роботов. В 2020 г. в КНР было произведено более 237 тыс. роботов, что составило 61,8 % мирового производства. Впрочем, из этого числа лишь 45 тыс. произведены китайскими компаниями, остальные — совместными или полностью иностранными предприятиями⁶. Тем не менее только за 5 лет с 2015 по 2020 г. производство роботов китайскими компаниями выросло в 2 раза. Учитывая пока недостаточное в сравнении с развитыми странами число роботов в пересчете на количество работников и растущие темпы установок роботов в Китае, доминирование КНР в отрасли, по всей видимости, в ближайшие годы будет лишь укрепляться.

В автомобильной промышленности Китай также достиг ряда успехов. Несмотря на предубеждения даже самих китайских потребителей по отношению к отечественным автомобилям, страна занимает более 30 % мирового рынка и является одним из ключевых зарубежных поставщиков автозапчастей для США и ряда других развитых стран.

Вместе с тем в наиболее перспективной отрасли автомобилестроения — производстве электромобилей — Китай давно имеет неоспоримое преимущество. С 2010 г. страна остается ведущим мировым производителем электромобилей: за этот период она в совокупности произвела 44 % всех электрокаров в мире. За эти годы в Китае уже сформировались лидеры рынка — как крупные бренды SAIC и BYD, так и стартапы Xpeng и Nio, специализирующиеся на электрокарах⁷.

Кроме непосредственного производства электромобилей, Китай доминирует и в поставках ключевых комплектующих для них, в том числе аккумуляторов. Так, компания Contemporary Amperex Technology, более известная как CATL, контролирует около 30 % мирового рынка аккумуляторных батарей для электрокаров и является поставщиком для всех ключевых производителей электромобилей.

При этом сырьевая база для CATL и ее ближайших конкурентов BYD и Great Power Energy & Technology также принадлежит китайским компаниям. В частности, Ganfeng Lithium — одна из крупнейших компаний в сфере добычи и переработки

⁵ Kang M. China's Smartphone Production Falls Under 70 % for the First Time in 2019 // *Counterpoint Research*. URL: <https://www.counterpointresearch.com/chinas-smartphone-production-falls-70-first-time-2019/> (дата обращения: 29.09.2022).

⁶ China Aims for Global Leadership in Robotics with new 5-year Plan // *International Federation of Robotics*. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/china-aims-for-global-leadership-in-robotics> (дата обращения: 29.09.2022).

⁷ McKinsey China Auto Consumer Insights 2019 // *McKinsey & Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/china-auto-consumer-insights-2019> (дата обращения: 29.09.2022).

лития — ключевого материала для современных аккумуляторов. Компания активно скупает месторождения лития, чтобы расширить свою и без того немалую долю на мировом рынке, которая на конец прошлого года составила более 17 %⁸.

Приведенные выше примеры демонстрируют различные аспекты долгосрочного успеха китайской промышленности и сохранения Китаем статуса «мировой фабрики». Так, на первом этапе в 1990-х и 2000-х гг. феномен «мировой фабрики» определялся скорее большим внешним спросом и дешевой рабочей силой в самом Китае.

Сегодня же производство в отраслях с высокой добавленной стоимостью, таких как создание солнечных панелей и роботов, а также автомобилестроение, в первую очередь стимулируется отнюдь не внешним спросом, а огромным внутренним рынком. Объем спроса на внутреннем рынке обеспечивает необходимость в создании масштабных производств, иногда столь масштабных, что Китай автоматически выходит на первые места в мире и становится ключевым игроком в соответствующих отраслях.

Пример электромобилей показывает, как китайские компании сегодня начинают формировать цепочки добавленной стоимости от сырья до конечного продукта практически без участия промышленных партнеров из развитых стран.

Таким образом, китайская промышленность на протяжении двух десятилетий постепенно переходит вверх по цепочке добавленной стоимости, что, вероятно, позволяет ей пока оставаться конкурентоспособной на фоне других развивающихся стран Азии, где на протяжении нескольких лет фиксируется более низкий уровень зарплат в промышленности. Это позволяет КНР избегать т.н. ловушки среднего дохода, когда после достижения определенного экономического успеха (рис. 2), страна не может продвинуться дальше до уровня развитых стран по подушевому доходу. Все перечисленные факторы говорят о том, что статус Китая как «мировой фабрики», вероятно, будет еще долго сохраняться, в то время как содержание этого понятия, равно как и образ китайской промышленности в глазах внешних наблюдателей, будет постепенно меняться по мере перехода ко все более высокотехнологичным отраслям.

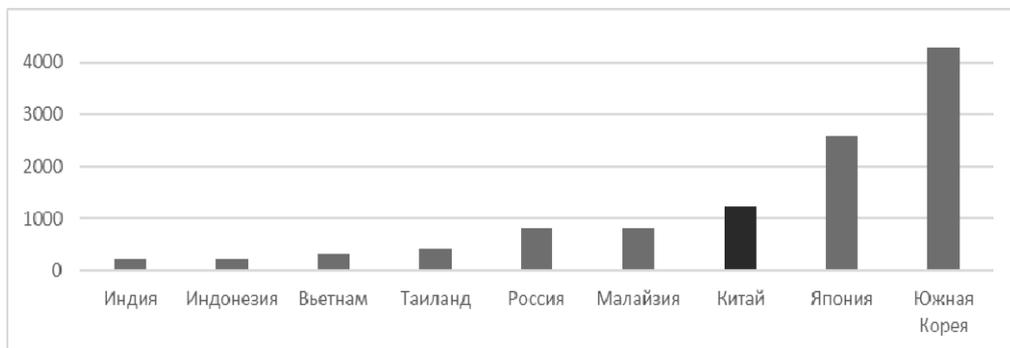

Рис. 2. Средняя зарплата в странах АТР (\$/месяц, текущие курсы, 2022)

Figure 2. Average wage in selected countries of Asia Pacific Region
(Current US\$ / Month, 2022)

Источники: *Statistics on wages // International Labor Organization*

URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/wages/> (дата обращения: 30.09.2022); *Wages in Manufacturing. //*

Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/wages-in-manufacturing> (дата обращения: 30.09.2022).

⁸ Palandrani P. Four Companies Leading the Rise of Lithium & Battery Technology // *Global X Japan.*
URL: <https://globalxetfs.co.jp/en/research/four-companies-leading-the-rise-of-lithium-battery-technology/> (дата обращения: 29.09.2022).

Технологическая держава — миф или реальность?

Вместе с масштабным переходом китайской промышленности на высокотехнологичные рельсы в последнее десятилетие понятие «мировая фабрика» в заголовках СМИ и выступлениях политиков по отношению к Китаю все чаще уступает место другому названию — «технологическая держава» или даже «технологическая сверхдержава»⁹. Следует сразу отметить, что это понятие означает не только следующую ступень развития китайской промышленности, но и ряд качественных изменений в экономике и стране в целом.

Точного определения «технологической державы» не существует. Однако, по мнению специалистов, наделяющих Китай этим статусом, такая держава должна обладать двумя характеристиками: располагать собственными инновационными технологиями и распространять их за рубежом¹⁰, навязывая странам свои технологические стандарты.

Таким образом, перечисленные ранее примеры успехов китайской промышленности в ряде ключевых отраслей являются скорее необходимым, но никак не достаточным условием становления Китая как технологической державы. И действительно, доминирование в том или ином производстве необязательно означает наличие собственных инноваций. Так, Китай стал ключевым производителем смартфонов и персональных компьютеров еще в 2000-х гг., в то время как крупные китайские бренды, такие как Huawei и Xiaomi, стали известны на международном рынке лишь в середине 2010-х гг., и лишь последние 2–3 года в китайских смартфонах технические новшества (например, подэкранный динамик или встроенный в экран датчик отпечатков пальцев) появляются раньше, чем в смартфонах Apple или Samsung.

Для оценки инновационного потенциала страны зачастую используются различные агрегированные индексы инноваций. В ряде таких индексов Китай сегодня близок к группе развитых стран: за последние 10 лет КНР поднялась в среднем с 20–30 места до 10–15, а в рейтинге готовности к экономической трансформации, специально подготовленном ВЭФ в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса, страна заняла пятое место, опередив США (рис.3).

Рассмотрим, по какой методике оценивают инновационный потенциал вышеперечисленные индексы, т.е. из чего складывается инновационный потенциал в понимании различных групп экспертов. Национальный индекс инноваций КНР, который до 2016 г. включал сравнение с другими странами, а в последние 4 года предполагает только сопоставление уровня инноваций в Китае за текущий и предыдущие годы, состоит из четырех субиндексов с одинаковыми весами. Эти субиндексы оценивают инновационную среду, вложения в инновации, результаты инновационной деятельности и эффективность инноваций. Первый субиндекс включает показатели уровня жизни, доли людей с разными степенями образования и долю бизнеса, получающего налоговые льготы. Второй субиндекс комбинирует показатели по вложениям в НИОКР-активности, включая как финансовые вложения в НИОКР, так и численность персонала. Третий фокусируется преимущественно на интеллектуальной собственности: научных работах, патентах и зарегистрированных торговых знаках. Четвертый сочетает одновременно показатели по выпуску новых продуктов и энергоэффективности как результаты внедрения научно-технических достижений в экономику. Хотя все субиндексы связаны с инновациями, лишь третий может дать определенное представление об инновационной самостоятельности страны. Аналогично на субиндексы разбиваются и три приведенных международных индекса, причем во всех случаях субиндексы имеют одинаковые веса и складываются в общий

⁹ China ready to become a technological superpower. // *HDI*. URL: <https://www.hdi.global/infocenter/insights/2021/china-technological-superpower/> (дата обращения: 29.09.2022).

¹⁰ Лу К. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 88.

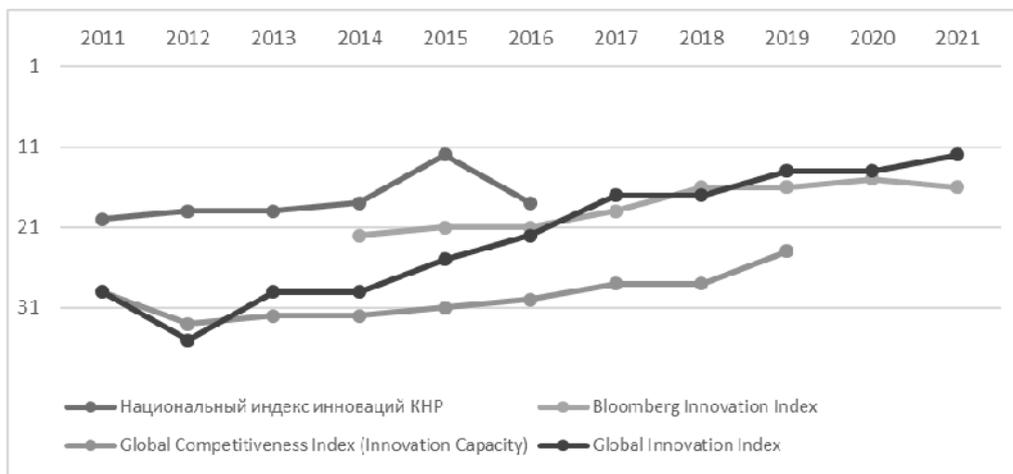

Рис. 3. Место Китая в мировых индексах инноваций
Figure 3. China ranking in global innovation indices

Источники: 统计局解读2016年中国创新指数. 中华人民共和国中央人民政府 [ГСУ КНР опубликовало Национальный индекс инноваций Китая за 2016 г. Официальный портал Народного Правительства КНР]. [National Bureau of Statistics publishes 2016 China National Innovation Index]. URL: http://www.gov.cn/shuju/2017-12/07/content_5245126.htm (дата обращения: 29.09.2022); Global Competitiveness Report // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020/> (дата обращения: 29.09.2022); The Bloomberg Innovation Index. // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (дата обращения: 29.09.2022). Global Innovation Index (GI) // World Intellectual Property Organization. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/ (дата обращения: 29.09.2022).

индекс на основе среднего арифметического, что позволяет проанализировать все составляющие (табл.1).

Как видно из нижеприведенного анализа индексов, лишь 40–65 % индикаторов в них связаны с оценкой инновационной самостоятельности страны. Рассмотрим среднее арифметическое такого набора субиндексов и сравним, насколько инновационная самостоятельность Китая превышает (или не достигает) общего уровня инновационного потенциала страны. Следует отметить, что в Национальном индексе инноваций КНР данные за 2011–2016 гг., несмотря на сохранение методологии расчета, отсутствуют в разбивке по субиндексам для всех стран, кроме Китая. Поэтому сравнить можно только три международных индекса (рис.4).

Сравнение приведенных данных по индексам позволяет сделать вывод о том, что технологическая самостоятельность Китая оценивается высоко всеми тремя индексами. При этом в последние годы по инновационной самостоятельности Китай находится даже выше собственного места в общем рейтинге. Следует отметить, что многие показатели в индексах, такие как вложения в НИОКР и патенты, связаны в первую очередь с научными исследованиями. В этой связи разница между положением КНР в общем рейтинге и субиндексах, связанных с инновационной самостоятельностью, может говорить о не до конца реализованном конкурентном преимуществе страны. Это преимущество отражается в научных исследованиях, но пока еще не отразилось в добавленной стоимости и капитализации высокотехнологичных компаний — показателях, в определенной степени отражающих практическую реализацию инновационного потенциала.

Таблица 1 / Table 1

Перечень используемых показателей (субиндексов) в рассматриваемых индексах инноваций
List of indicators (subindices) from innovation indices used for the analysis

Индекс	Национальный индекс инноваций КНР	Bloomberg Innovation Index	Global Competitiveness Index (Innovation Capacity)	Global Innovation Index
Субиндексы	<p>Инновационная среда</p> <p>Вложения в инновации</p> <p>Производство инноваций</p> <p>Эффективность инноваций</p>	<p>Вложения в НИ-ОКР</p> <p>Доб. стоимость в промышленности</p> <p>Капитализация high-tech компаний</p> <p>Население с высшим образованием</p> <p>Работники НИ-ОКР</p> <p>Число патентов</p>	<p>Разнообразие рабочей силы</p> <p>Развитие региональных кластеров</p> <p>Международн. изобретения</p> <p>Коллаборация различных стейкхолдеров</p> <p>Научные публикации</p> <p>Патентные заявки</p> <p>Расходы на НИ-ОКР</p> <p>Международная известность научных организаций</p> <p>Развитость потребления</p> <p>Заявки на торговую марку</p>	<p>Политическая обстановка</p> <p>Регуляторная среда</p> <p>Бизнес-среда</p> <p>Образование</p> <p>Высшее образование</p> <p>НИОКР</p> <p>Доступ к ИКТ</p> <p>Инфраструктура</p> <p>Экологическая устойчивость</p> <p>Кредиты</p> <p>Инвестиции</p> <p>Торговля и масштаб рынка</p> <p>Интеллект. труд</p> <p>Иннов. связи</p> <p>Импорт знаний</p> <p>Создание знаний</p> <p>Проникн. знаний в производство</p> <p>Экспорт знаний и технологий</p> <p>Интеллектуальная собственность</p> <p>Производство в сфере культуры и развлечений</p> <p>Креативная индустрия в интернете</p>
Вес субиндексов	1/4	1/6	1/10	1/21

Индекс	Национальный индекс инноваций КНР	Bloomberg Innovation Index	Global Competitiveness Index (Innovation Capacity)	Global Innovation Index
Субиндексы, оценивающие инновационную самостоятельность	Вложения в инновации Производство инноваций	Вложения в НИ-ОКР Капитализация high-tech компаний Работники НИ-ОКР Число патентов	Международные изобретения Научные публикации Патентные заявки Расходы на НИ-ОКР Международная известность научных организаций	НИОКР Интеллект. труд Иннов. связи Импорт знаний Создание знаний Проникн. знаний в производство Экспорт знаний и технологий Интеллектуальная собственность
Совокупный вес оценки самостоятельности	1/2	2/3	1/2	8/21

Источники: *China's Innovation Index // National Bureau of Statistics of China. 2021.*

URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202111/t20211101_1824017.html (дата обращения: 29.09.2022); *The Bloomberg Innovation Index // Bloomberg.*

URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (дата обращения: 29.09.2022);

The Global Competitiveness Index 4.0 Methodology and Technical Notes // World Economic Forum.

URL: <https://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2018/appendix-c-the-global-competitiveness-index-4-0-methodology-and-technical-notes/> (дата обращения: 29.09.2022);

The Global Innovation Index (GII) Conceptual Framework // World Intellectual Property Organization.

URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2016-annex1.pdf (дата обращения: 29.09.2022).

Вместе с тем говорить о точности такого вывода на основе имеющихся данных по индексам пока сложно. Во-первых, расчет индексов ведется менее 10 лет и в двух случаях был прерван с началом пандемии коронавируса, поэтому достаточно длинных рядов для количественного сравнительного анализа, к сожалению, не существует. Во-вторых, даже в самом «старом» индексе глобальной конкурентоспособности сравнить данные за разные годы не всегда представляется возможным из-за изменения методики расчета отдельных показателей. Так, в 2012–2016 гг. Китай занимал 35–30 места по инновационной самостоятельности, в то время как с 2017 г. страна подскочила в рейтинге до 22 места. Изменение методики расчета, очевидно, ухудшает возможности для межстрановых сопоставлений.

Приведенная оценка по индексам, безусловно, позволяет в некоторой степени судить об инновационном потенциале Китая в сравнении с другими странами. Однако следует отметить, что многие отмеченные в индексах факторы скорее связаны с оценкой факторов, обеспечивающих инновации (enablers), чем непосредственно со вкладом научно-технических достижений в экономическое развитие. Вместе с тем в условиях растущей политической и экономической конкуренции Китая и США, именно вклад технологий в реальную экономику становится решающим преимуществом в этой гонке.

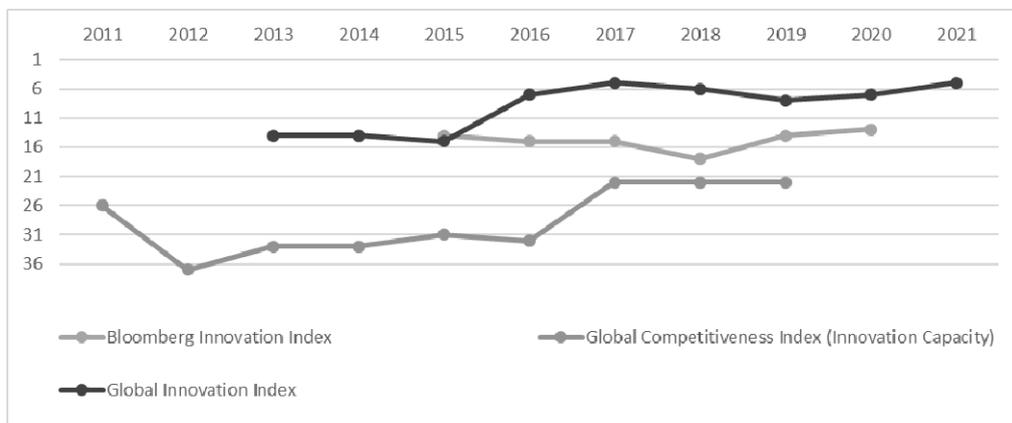

Рис. 4. Место Китая в мировых индексах инноваций (только субиндексы, связанные с технологической самостоятельностью страны)

Figure 4. China ranking in global innovation indices (only subindices related to self-sufficiency in innovation were included)

Источники: *Global Competitiveness Report // World Economic Forum.*

URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020/> (дата обращения: 29.09.2022); *The Bloomberg Innovation Index // Bloomberg*

URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (дата обращения: 29.09.2022); *Global Innovation Index (GI) // World Intellectual Property Organization*

URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/ (дата обращения: 29.09.2022).

Вклад технологий в экономический рост

Для оценки вклада технологий в экономический рост можно использовать факторный анализ на основе агрегированной производственной функции — подход, который, в частности, использовался Д. Йоргенсоном (Jorgenson)¹¹ и К. Стайрохом (Stiroh)¹² для определения вклада информационных технологий в экономический рост США. Подход основан на модифицированной модели Солоу-Свана, где основное уравнение модели имеет вид:

$$\Delta Y = s_L \sum w_{Li} \Delta L_i + s_K \sum w_{Ki} \Delta K_i + \Delta TFP,$$

где ΔY — прирост ВВП, ΔL и ΔK — изменения в объеме труда и капитала, ΔTFP — прирост совокупной факторной производительности, i — порядковый номер отдельной отрасли, а сумма входных переменных для труда и капитала по отдельным отраслям равняется соответствующим совокупным показателям по всей экономике. В свою очередь вместе с долей труда и капитала в ВВП (s_L и s_K) в случае рассмотрения отдельных отраслей также необходимо учитывать веса этих отраслей в общей добавленной стоимости (w_{Li} и w_{Ki}).

Для расчетов были использованы статистические ежегодники Государственного статистического управления КНР с 2000 по 2019 г. Для получения данных по отраслям

¹¹ Jorgenson D. W. *Productivity: Information Technology and the American Growth Resurgence*. Cambridge: The MIT Press, 2005. P. 158.

¹² Jorgenson D. W., Stiroh K. J. *Information Technology and Growth // American Economic Review*. 1999. No. 89(2). P. 110.

новых технологий кроме статистических ежегодников были использованы сайт Министерства промышленности и информатизации и Министерства науки и технологий КНР. Следует отметить, что официальные данные за 2020–2021 гг. в связи с пандемией коронавируса опубликованы не полностью и не были включены в анализ.

Согласно определению ГСУ КНР, в качестве высокотехнологичных были выделены следующие отрасли: фармацевтика, электроника и телекоммуникации, компьютеры и офисная техника, медицинское оборудование и химикаты для электроники. Так как в классификации ГСУ КНР в высокие технологии включаются только данные по обрабатывающей промышленности, для целей этого исследования они были также дополнены данными по разработке программного обеспечения — крупной отрасли информационных технологий, которая, как и вышеперечисленные отрасли промышленности, пока недостаточно выделяется в количественных исследованиях по экономике КНР.

Для расчетов на основе агрегированной производственной функции переменные, соответствующие вкладам труда и капитала, подразделяются по отраслям с взвешиванием относительно доли каждого фактора, то есть доли занятых в отрасли в общем объеме занятости, и доли капитала в отрасли в общем объеме основного капитала. Для данного исследования были выделены прирост труда и капитала совокупно в отраслях новых технологий и во всех остальных отраслях экономики. Средняя доля труда, выраженного в человеко-часах, для отраслей новых технологий за период 2000–2019 гг. составила 2,07 %. Средняя доля капитала для отраслей новых технологий составила 0,12 % (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Результаты регрессионного анализа (данные за период 2000–2019 гг.)
Results of regression analysis (based on data from 2000 to 2019)

Независимые переменные	Коэффициенты β (стандартная ошибка)	t-значение	p-значение, ($\gamma=95\%$)
Const — константа	0,345 (0,052)	6,63	0,052
L — труд (все отрасли, кроме новых технологий)	0,137 (0,015)	9,13	0,038
K — капитал (все отрасли, кроме новых технологий)	0,566 (0,022)	25,73	0,014
Lt — труд (отрасли новых технологий)	0,0320 (0,006)	5,33	0,064
Kt — капитал (отрасли новых технологий)	0,0586 (0,007)	8,09	0,043

Скорр. R^2 : 0,677	F = 4,43; p = 0,017	Тест Дарбина-Уотсона (автокорреляция): 1,845
----------------------	---------------------	--

Источник: расчеты автора.

Для расчетов был использован автоматизированный метод на основе метода ступенчатой регрессии с использованием коэффициентов частной корреляции для переменных.

Результаты по всему периоду с 2000 по 2019 г. представлены в табл. 3. Для расчета процентных пунктов прироста, приходящихся на каждую переменную, в качестве среднего показателя прироста ВВП был взят совокупный среднегодовой прирост, который составил 9 % за весь период на основе данных официальной китайской статистики. При этом следует отметить, что существуют и альтернативные оценки. В частности, по данным Всемирного банка СГТП ВВП Китая за тот же период составил 8,4%.

Таблица 3 / Table 3

Вклад факторов в прирост ВВП в 2000–2019 гг.
Factor input in GDP growth for the period 2000–2019

Фактор	Вклад в прирост ВВП (доля в приросте, %)	Вклад в прирост ВВП (процентный пункт; от СГТП = 9,0 %)
L — труд (все отрасли, кроме новых технологий)	3,5 %	0,32 п.п.
K — капитал (все отрасли, кроме новых технологий)	70,5 %	6,36 п.п.
Lt — труд (отрасли новых технологий)	0,4 %	0,03 п.п.
Kt — капитал (отрасли новых технологий)	0,3 %	0,02 п.п.
TFP — совокупная факторная производительность	25,3 %	2,28 п.п.

Источник: расчеты автора.

Как уже было отмечено выше, большая часть вклада новых технологий в прирост ВВП преимущественно приходится не на труд и капитал, а на меру технологического прогресса, отраженную в приросте совокупной факторной производительности. Так как большая часть выделенной нами сферы новых технологий с точки зрения как добавленной стоимости, так и занятости представлена отраслями компьютерной техники, электроники и программного обеспечения, представляется возможным использовать зависимость, выделенную южнокорейскими учеными Со (Seo) и Ли (Lee)¹³ в результате расчетов по 38 странам, включая КНР. Согласно этим расчетам, на каждые 10 п.п. прироста вложений в основной капитал в сфере электроники и программного обеспечения приходится в среднем 0.23 п.п. прироста ВВП, связанного с приростом совокупной факторной производительности. Следует заметить, что работа Со и Ли учитывает только ИТ-отрасли (ПО, компьютеры, телекоммуникационное оборудование), в то время как в понятие новых технологий в определении ГСУ КНР также входят фармацевтика, медицинское оборудование и высокотехнологичная химическая промышленность. Вместе с тем вес ИТ-отраслей в отраслях новых технологий по добавленной стоимости для Китая составляет около 80 %, а расчеты вклада отдельных отраслей промышленности в СФП (таких как, например, фармацевтика) в литературе почти не встречаются. Таким образом, основываясь на данных об инвестициях из статистических ежегодников КНР, а также с веб-портала Министерства промышленности и информатизации КНР, можно подсчитать примерную долю новых технологий в приросте СФП.

Таблица 4 / Table 4

Вклад новых технологий в совокупную факторную производительность КНР
The input of new technology in total factor productivity in PRC

Фактор	Вклад в прирост ВВП (доля в приросте, %)	Вклад в прирост ВВП (п.п.)
TFP (полностью)	25,3 %	2,23 п.п.
TFP (связано с новыми технологиями)	7,5 %	0,66 п.п.
TFP (не связано с новыми технологиями)	17,8 %	1,57 п.п.

Источник: расчеты автора.

¹³ Seo H., Lee Y.S. Contribution of information and communication technology to total factor productivity and externalities effects // *Information Technology for Development*. 2006. No. 12(2). P. 165.
DOI:10.1002/itdj.20021

Таким образом, в результате сложения вкладов, отнесенных, соответственно, к труду, капиталу и доле совокупной факторной производительности в новых технологиях, совокупный вклад новых технологий в прирост ВВП составил 8,2 % — это порядка 0,7 п.п. за весь период (при среднегодовом приросте ВВП в 9 %).

Агрегированный анализ вклада новых технологий в ВВП, представленный, например, в работах Ф. Пьери (Pieri)¹⁴ и Е. Тоудер (Toader)¹⁵ (на основе производственной функции с разделением ИТ-капитала и капитала других отраслей), показывает, что по этому показателю Китай пока все еще не догоняет ведущие страны Европы и США. Так, в приведенных работах вклад новых технологий в ВВП с учетом отдельных факторов и вклада в совокупную факторную производительность за последние 20 лет оценивается от 10 % до 35 %. Китай в этой связи пока находится, скорее, ниже этого диапазона.

В целом, учитывая, как часто КНР называют «технологической державой», такие результаты для Китая кажутся довольно скромными. Однако полученные данные отражают реальные особенности развития экономики КНР, которые зачастую остаются за рамками исследований сферы новых технологий в Китае. В действительности рост ВВП в немалой степени по-прежнему обеспечивается факторами, не связанными непосредственно с новыми технологиями. Это в первую очередь физический капитал в традиционных отраслях промышленности, в том числе строительство и тяжелая промышленность, которые по-прежнему играют значительную роль в экономике страны.

Однако назвать рост по-прежнему экстенсивным, как это было в XX в., уже нельзя, о чем говорит достаточно высокий вклад совокупной факторной производительности в прирост ВВП. Технологии действительно играют значительную роль в развитии китайской экономики. Однако большую часть первых двух десятилетий XXI в. далеко не все из них были «новыми технологиями» или технологиями Четвертой промышленной революции: достаточно вспомнить пакет стимулирования, принятый в 2009 г. Этот пакет мер, общей суммой на 4,1 трлн юаней, позволил Китаю значительно смягчить последствия мирового экономического кризиса за счет строительства инфраструктуры по всей стране¹⁶. При этом нельзя сказать, что инфраструктура не была высокотехнологичной. Так, примерно четверть средств были выделены на строительство транспортной и энергетической инфраструктуры, что в значительной степени способствовало развитию высокоскоростных железных дорог и ЛЭП сверхвысокого напряжения, а также солнечных и ветряных электростанций. Вместе с тем на новые технологии в соответствии с классификацией ГСУ КНР (используемой в данной работе) было отведено не более 10 % средств. Это соотносится с приведенными выше результатами расчета вклада в экономический рост новых технологий.

Ускорение перехода к высокотехнологичному будущему

Хотя в приведенный выше расчет не были включены данные за 2020 и 2021 гг. в силу фрагментарности опубликованной статистики, за эти два года в технологической политике Китая произошли определенные изменения, которые пока не успели повлиять

¹⁴ Pieri F., Vecchi M., Venturini F. Modelling the joint impact of R&D and ICT on productivity: A frontier analysis approach // *Research Policy*. 2018. No. 1. P. 7 DOI:10.1016/j.respol.2018.06.013

¹⁵ Toader E., Firtescu B.N., Roman A., Anton S.G. Impact of Information and Communication Technology Infrastructure on Economic Growth: An Empirical Assessment for the EU Countries // *Sustainability*. 2018. No. 10. P. 44. DOI: 10.3390/su10103750

¹⁶ Naughton B. Understanding the Chinese Stimulus Package // *Hoover Institution*.

URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/uploads/documents/CLM28BN.pdf> (дата обращения: 30.09.2022).

на экономику, в том числе из-за локдаунов во время пандемии коронавируса, но приблизили страну к статусу технологической державы в будущем.

С точки зрения массового распространения технологических достижений как фактора развития экономики следует отметить переход к финансированию так называемой новой инфраструктуры¹⁷. В апреле 2020 г. Государственный комитет по развитию и реформам определил это понятие как совокупность информационной инфраструктуры, проектов по цифровизации традиционной инфраструктуры и научной инфраструктуры¹⁸. Согласно 14-му пятилетнему плану, общий объем финансирования новой инфраструктуры в ближайшие 5 лет достигнет \$2,2 трлн. Учитывая преимущественный вклад технологий в экономический рост через СФП, строительство новой инфраструктуры должно способствовать ускорению технологического прогресса и расширению географии успешных проектов от традиционно успешных восточных регионов Китая на весь Китай.

Если же говорить о прорывных инновациях, имеющих прикладное значение, здесь китайское правительство пошло по пути финансирования конкретных отраслей, для которых в китайских СМИ зачастую используется обозначение 卡脖子技术 — «технологии, держащие за горло». Это порядка 30 различных технологий в критически важных для страны отраслях, в которых Китай не имеет самостоятельности. Среди наиболее известных примеров — архитектура чипов и микросхем, фотолитографические установки и системы управления базами данных. В январе 2021 г. Китай выделил 10 млрд юаней для финансирования предприятий в целевых отраслях, и к 2025 г. страна планирует иметь до 10 тыс. так называемых «маленьких гигантов» — стартапов, которые станут успешными за счет производства продукции в ключевых для страны отраслях. Судя по предыдущему опыту, который детально проанализирован, например в работе П. Хань (Han), В. Цзян (Jiang) и Д. Мэй (Mei)¹⁹, целевое финансирование конкретных отраслей ведет к увеличению самостоятельности в этих отраслях.

В целом, Китай прилагает все больше усилий по развитию инноваций и обеспечению технологической независимости в связи с растущей напряженностью в отношениях с США. Если еще 7–10 лет назад поддержка передовых технологий была лишь одним из многих направлений политики Пекина, сейчас ключевым приоритетом развития страны де-факто является глобальное технологическое лидерство²⁰. И хотя технологически независимой КНР пока назвать нельзя, роль новых технологий в экономике, а также тенденции последних лет свидетельствуют о том, что Китай вполне может достичь статуса мирового технологического лидера даже раньше, чем его номинальный ВВП превысит соответствующий показатель США.

Литература

Ли К. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.

¹⁷ 央地政策频出“新基建”点燃新年经济高质量发展引擎 [Политика центрального и местных правительств для ускорения высококачественного развития «новой инфраструктуры» в новом году] // 新华. URL: http://www.news.cn/fortune/2022-02/18/c_1128389675.htm (дата обращения: 30.09.2022).

¹⁸ 新基建，是什么？ [Что такое «новая инфраструктура»?] // 新华. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-04/26/c_1125908061.htm (дата обращения: 30.09.2022).

¹⁹ Han P., Jiang W., Mei D. Mapping U.S.-China Technology Decoupling: Policies, Innovation, and Firm Performance. New York: Columbia Business School Publishing, 2022. P. 78.

²⁰ Пиковер А.В. Очерки социально-экономической информатизации и развития электронной коммерции КНР: монография. Российская академия наук, Институт Китая и современной Азии. М.: ИККА РАН, 2022. С. 145

- Мельянцева В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах // *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203–215. DOI: 10.31857/S086919080016660–3.
- Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. Российская академия наук, Институт Дальнего Востока. М.: Издательство МБА, 2020. 496 с.
- Пиковер А.В. Очерки социально-экономической информатизации и развития электронной коммерции КНР: монография. Российская академия наук, Институт Китая и современной Азии. М.: ИКСА РАН, 2022. 208 с.
- China Aims for Global Leadership in Robotics with new 5-year Plan // *International Federation of Robotics*. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/china-aims-for-global-leadership-in-robotics> (дата обращения: 29.09.2022).
- China ready to become a technological superpower // *HDI*. URL: <https://www.hdi.global/infocenter/insights/2021/china-technological-superpower/> (дата обращения: 29.09.2022).
- China's Innovation Index // *National Bureau of Statistics of China*. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202111/t20211101_1824017.html (дата обращения: 29.09.2022).
- Fishman T.C. The Chinese Century // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2004/07/04/magazine/the-chinese-century.html> (дата обращения: 29.09.2022).
- Global Competitiveness Report // *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020/> (дата обращения: 29.09.2022).
- Global Innovation Index (GII) // *World Intellectual Property Organization*. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/ (дата обращения: 29.09.2022).
- Han P., Jiang W., Mei D. Mapping U.S.-China Technology Decoupling: Policies, Innovation, and Firm Performance. New York: Columbia Business School Publishing, 2022. 82 p.
- Jorgenson D. W. Productivity: Information Technology and the American Growth Resurgence. Cambridge: The MIT Press, 2005. 446 p.
- Jorgenson D.W., Stiroh K.J. Information Technology and Growth // *American Economic Review*. 1999. No. 89(2). P. 109–115.
- Kang M. China's Smartphone Production Falls Under 70 % for the First Time in 2019 // *Counterpoint Research*. URL: <https://www.counterpointresearch.com/chinas-smartphone-production-falls-70-first-time-2019/> (дата обращения: 29.09.2022).
- McKinsey China Auto Consumer Insights 2019 // *McKinsey & Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/china-auto-consumer-insights-2019> (дата обращения: 29.09.2022).
- National Bureau of Statistics Annual Data 2000–2021 // *National Bureau of Statistics of China*. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (дата обращения: 30.09.2022).
- Naughton B. Understanding the Chinese Stimulus Package // *Hoover Institution*. URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/uploads/documents/CLM28BN.pdf> (дата обращения: 30.09.2022).
- Palandrani P. Four Companies Leading the Rise of Lithium & Battery Technology // *Global X Japan*. URL: <https://globalxetfs.co.jp/en/research/four-companies-leading-the-rise-of-lithium-battery-technology/> (дата обращения: 29.09.2022).
- Pieri F., Vecchi M., Venturini F. Modelling the joint impact of R&D and ICT on productivity: A frontier analysis approach // *Research Policy*. 2018. No. 1. Pp. 3–11. DOI:10.1016/j.respol.2018.06.013
- Seo H., Lee Y.S. Contribution of information and communication technology to total factor productivity and externalities effects // *Information Technology for Development*. 2006. № 12(2). P. 159–173. DOI: 10.1002/itdj.20021
- Statistics on wages. // *International Labor Organization* URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/wages/> (дата обращения: 30.09.2022).
- The Bloomberg Innovation Index. // *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (дата обращения: 29.09.2022).
- The Global Competitiveness Index 4.0 Methodology and Technical Notes // *World Economic Forum*. URL: <https://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2018/appendix-c-the-global-competitiveness-index-4-0-methodology-and-technical-notes/> (дата обращения: 29.09.2022).

- The Global Innovation Index (GII) Conceptual Framework. // *World Intellectual Property Organization*. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2016-annex1.pdf (дата обращения: 29.09.2022).
- Toader E., Firtescu B.N., Roman A., Anton S.G. Impact of Information and Communication Technology Infrastructure on Economic Growth: An Empirical Assessment for the EU Countries // *Sustainability*. 2018. No. 10. Pp. 37–50 <https://doi.org/10.3390/su10103750>.
- Wages in Manufacturing. // *Trading Economics*. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/wages-in-manufacturing> (дата обращения: 30.09.2022).
- World Development Indicators. // *World Bank*. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (дата обращения: 30.09.2022).
- Zhang K.H., Qiu L.D., Sun Q. et al. *China as the World Factory*. Zhang K.H. (Ed.). London: Taylor and Francis, 2006. 224 p.
- 统计局解读2016年中国创新指 [ГСУ КНР опубликовало Национальный индекс инноваций Китая за 2016 г.] // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/shuju/2017-12/07/content_5245126.htm (дата обращения: 29.09.2022)
- 新基建, 是什么? [Что такое «новая инфраструктура»?] // 新华. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-04/26/c_1125908061.htm (дата обращения: 30.09.2022).
- 央地政策频出 “新基建”点燃新年经济高质量发展引擎. [Политика центрального и местных правительств для ускорения высококачественного развития «новой инфраструктуры» в новом году] // 新华. URL: http://www.news.cn/fortune/2022-02/18/c_1128389675.htm (дата обращения: 30.09.2022).

From “World Factory” to Technological Superpower: is China Ready for Global Leadership in Innovation?

Vasily A. Lemutov

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies (address: 1 building, 11, Mohovaya st. 1125009, Moscow). ORCID: 0000-0002-8856-9925. E-mail: vlemutov@gmail.com

Received 05.12.2022.

Abstract:

In recent years, China has been often touted as a "technological superpower" rather than the "world factory". The new concept implies the country's leadership in the field of new technologies and their significant role in its economy. At first glance, China's achievements in science and technology and growing exports of high-tech goods confirm this status.

China's innovation potential has grown significantly in recent years — the country gets regularly ranked top 20–30 in both Chinese and international innovation rankings. Moreover, the analysis of indicators related to China's independence in innovations shows an even more confident leadership of the country — up to the top 5 countries of the world.

At the same time, a quantitative assessment of factor contributions to economic growth shows that the contribution of new technology to GDP growth from 2000 to 2019 was 8–10%, while for the most part, growth was driven by traditional industries. Nevertheless, China's growth can no longer be called extensive in recent years, and the state's efforts to switch to high-tech drivers through large-scale programs, such as the construction of "new infrastructure," only bring China closer to the status of a "technological superpower". Although China cannot yet be called technologically independent, trends in recent years suggest that China may well reach the status of a world technological leader even before its GDP, measured in current exchange rates, exceeds that of the United States.

Key words:

China, new technologies, information and communication technologies, innovations, economic growth.

Acknowledgements:

The author expresses his gratitude to V.A. Melyantsev, Professor at the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, for his support in preparing this paper.

For citation:

Lemutov V.A. From “World Factory” to Technological Superpower: is China Ready for Global Leadership in Innovation? // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 1. Pp. 63–79.
DOI: 10.31857/S013128120024377-5.

References

- China Aims for Global Leadership in Robotics with new 5-year Plan. *International Federation of Robotics*. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/china-aims-for-global-leadership-in-robotics> (accessed: 29.09.2022).
- China ready to become a technological superpower. *HDI*. URL: <https://www.hdi.global/infocenter/insights/2021/china-technological-superpower/> (accessed: 29.09.2022).
- China's Innovation Index. *National Bureau of Statistics of China*. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202111/t20211101_1824017.html (accessed: 29.09.2022).
- Fishman T.C.* The Chinese Century. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2004/07/04/magazine/the-chinese-century.html> (дата обращения: 29.09.2022).
- Global Competitiveness Report. *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020/> (accessed: 29.09.2022).
- Global Innovation Index (GII). *World Intellectual Property Organization*. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/ (accessed: 29.09.2022).
- Han P., Jiang W., Mei D.* Mapping U.S.–China Technology Decoupling: Policies, Innovation, and Firm Performance. New York: Columbia Business School Publishing, 2022. 82 p.
- Jorgenson D. W.* Productivity: Information Technology and the American Growth Resurgence. Cambridge: The MIT Press, 2005. 446 p.
- Jorgenson D.W., Stiroh K.J.* Information Technology and Growth // *American Economic Review*. 1999. No. 89(2). Pp. 109–115
- Kang M.* China's Smartphone Production Falls Under 70% for the First Time in 2019. *Counterpoint Research*. URL: <https://www.counterpointresearch.com/chinas-smartphone-production-falls-70-first-time-2019/> (accessed: 29.09.2022).
- Li K.* Sverhderzhavy iskusstvennogo intellekta. Kitaj, Kremnievaya dolina i novyj mirovoj poryadok. [AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order] M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2019. (In Russ.)
- McKinsey China Auto Consumer Insights 2019. *McKinsey&Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/china-auto-consumer-insights-2019> (accessed: 29.09.2022).
- Mel'yanchev V.A.* Osnovnye tendencii, determinanty i problemy-protivorechiya sovremennogo ekonomicheskogo rosta v razvityh i razvivayushhihsya stranah [Main trends, determinants and problems of modern economic growth in developed and developing countries]. *Vostok (Oriens)*. 2021. № 5. Pp. 203–215. DOI: 10.31857/S086919080016660–3. (In Russ.)
- National Bureau of Statistics Annual Data 2000–2021. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (accessed: 30.09.2022).
- Naughton B.* Understanding the Chinese Stimulus Package. *Hoover Institution*. URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/uploads/documents/CLM28BN.pdf3> (accessed: 30.09.2022).
- Ostrovskij A.V.* Kitaj stanovitsya ekonomicheskoy sverhderzhavoj. [China is on its path to economic superpower]. Rossijskaya akademiya nauk, Institut Dal'nego Vostoka. M.: Izdatel'stvo MBA, 2020. 496 s. (In Russ.)
- Palandrani P.* Four Companies Leading the Rise of Lithium & Battery Technology. *Global X Japan*. URL: <https://globalxetfs.co.jp/en/research/four-companies-leading-the-rise-of-lithium-battery-technology/> (accessed: 29.09.2022).

- Pieri F., Vecchi M., Venturini F. Modelling the joint impact of R&D and ICT on productivity: A frontier analysis approach. *Research Policy*. 2018. No. 1. Pp. 3–11 DOI:10.1016/j.respol.2018.06.013.
- Pikover A.V. Oчерki social'no-ekonomicheskoy informatizatsii i razvitiya elektronnoy kommercii KNR: monografiya. [Essays on Socio-Economic Informatization and e-Commerce Development in PRC]. Ros-sijskaya akademiya nauk, Institut Kitaya i sovremennoj Azii. M.: IKSA RAN, 2022. 208 p. (In Russ.)
- Seo H., Lee Y.S. Contribution of information and communication technology to total factor productivity and externalities effects. *Information Technology for Development*. 2006. No. 12(2). Pp. 159–173. DOI:10.1002/itdj.20021
- Statistics on wages. *International Labor Organization* URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/wages/> (accessed: 30.09.2022).
- The Bloomberg Innovation Index. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (accessed: 29.09.2022).
- The Global Innovation Index (GII) Conceptual Framework. *World Intellectual Property Organization*. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2016-annex1.pdf (accessed: 29.09.2022).
- Toader E., Firtescu B.N., Roman A., Anton S.G. Impact of Information and Communication Technology Infrastructure on Economic Growth: An Empirical Assessment for the EU Countries. *Sustainability*. 2018. No. 10. Pp. 37–50 DOI: 10.3390/su10103750
- Wages in Manufacturing. *Trading Economics*. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/wages-in-manufacturing> (accessed: 30.09.2022).
- World Development Indicators. *World Bank*. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed: 30.09.2022).
- Zhang K.H., Qiu L.D., Sun Q. et al. *China as the World Factory*. Zhang K.H. (Ed.). London: Taylor and Francis, 2006. 224 p.
- 统计局解读2016年中国创新指数. [National Bureau of Statistics publishes 2016 China National Innovation Index]. 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/shuju/2017-12/07/content_5245126.htm (accessed: 29.09.2022) (In Chin.)
- 新基建, 是什么? [What is “new infrastructure”?]. 新华. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-04/26/c_1125908061.htm (accessed: 30.09.2022).
- 央地政策频出“新基建”点燃新年经济高质量发展引擎. [Policies of central and local governments to accelerate high-quality “new infrastructure” development in the new year]. 新华. URL: http://www.news.cn/fortune/2022-02/18/c_1128389675.htm (accessed: 30.09.2022).

Развитие эко-индустриальных парков в Китае

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120022940-5

Титов Сергей Анатольевич

Кандидат экономических наук, доцент, доцент ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (адрес: 125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2). ORCID: 0000-0001-6857-579X. E-mail: satitov@fa.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2022.

Аннотация:

За последние 20 лет Китай добился выдающихся успехов в развитии эко-индустриальных парков (ЭИП). На сегодняшний день он является мировым лидером по количеству ЭИП в стране — их более 110. Парки играют важную роль в улучшении экологических показателей индустриальных кластеров и транспортных узлов многих территорий КНР. Показатели экологической эффективности ЭИП повышаются из года в год. Их вклад в экономические и экологические показатели территорий служит предметом многих исследований. Однако подавляющее большинство работ посвящено преимущественно изучению отдельных типов эффектов или же эффективности отдельных эко-индустриальных парков. Данная статья исследует опыт Китая в развитии эко-индустриальных парков в разрезе динамики их общего количества, распределения по всем территориям страны и анализе всех групп эффектов. Исследование построено как систематический обзор литературы с использованием качественных и количественных инструментов обобщения результатов существующих работ и официальных документов. В рамках изучения временной динамики была выявлена средняя продолжительность создания эко-индустриального парка и тенденция к ее увеличению до 10 лет в 2022 г. В 2015–2022 гг. обнаружена тенденция к ограничению парков, получающих одобрение, и выявлен акцент на ускорение полноценного ввода в эксплуатацию уже одобренных парков. Эко-индустриальные парки размещаются в наиболее неблагоприятных провинциях, что свидетельствует о целенаправленном стремлении улучшить с их помощью сложившуюся экологическую обстановку. Но за последние 5 лет выявляется тенденция по расширению географии эко-индустриальных парков. Результаты исследований эффективности парков свидетельствуют об их высоком потенциале по созданию положительных экономических, производственных и экологических эффектов. При этом выявлено отсутствие задокументированных эффектов социального характера. Изучение опыта программы создания эко-индустриальных парков в КНР позволило сформулировать рекомендации по управлению аналогичными программами в России.

Ключевые слова:

Эко-индустриальный парк, экотехнопарк, циркулярная экономика, Китай, индустриальный кластер, транспортный узел.

Источники финансирования:

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования:

Титов С.А. Развитие эко-индустриальных парков в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 80–95. DOI: 10.31857/S013128120022940-5.

По мере повышения хозяйственной нагрузки на окружающую среду, ухудшения экологической ситуации во многих странах мира, ускорения потребления ресурсов и темпов загрязнения природы отходами экономической деятельности, правительства государств, корпорации, общественные организации и академические сообщества ищут новые концепции и организационные формы устойчивой хозяйственной активности. Особенно актуальным данный поиск представляется для Китая. Будучи второй экономикой мира, КНР выступает одним из крупнейших потребителей природных ресурсов, произво-

дителей отходов и источником загрязнения. Высшее руководство страны рассматривает обеспечение устойчивости развития экономики в качестве важнейшего приоритета и включило в 14-ю пятилетку комплексный план по энергосбережению и сокращению выбросов¹. Китай к 2030 г. планирует достичь пика выбросов углекислого газа², а к 2060 г. — достичь углеродной нейтральности³. К числу важных направлений экологической трансформации экономики Китая можно отнести развитие эко-индустриальных парков (далее — ЭИП). Под ЭИП понимается особая разновидность индустриальных парков, деятельность которых базируется на принципах циркулярной экономики и преследует цели не только экономического развития, но и достижения экологической эффективности (сбережения ресурсов, сокращения вредных выбросов, негативного воздействия на окружающую среду).

Традиционные индустриальные парки, включая входящие в них транспортные узлы, продолжают выступать локомотивами развития территорий в КНР. В них сосредоточено более 60 % промышленного производства, потребляется около 70 % энергии и вырабатывается 72 % всех выбросов парниковых газов в стране⁴. Для экологической трансформации индустриальных кластеров проводится широкомасштабная работа по формированию на их основе ЭИП. Опыт развития ЭИП в КНР привлекает внимание большого количества исследователей со всего мира, но имеется заметный дефицит в обобщающих исследованиях. Особенно актуальным представляется систематический обзор опыта Китая в области ЭИП для России. Наша страна находится только в начале пути их развития⁵. Исследований, раскрывающих передовой опыт Китая, в русскоязычном научном пространстве нет.

Современные представления об эко-индустриальном парке

Эко-индустриальный парк, или экотехнопарк (*кит.* 生态工业园区, *англ.* eco-industrial park), представляет собой разновидность индустриального парка, в пределах которого предприятия, расположенные в рамках единого территориально-транспортного комплекса, формируют тесные отношения не только для достижения собственных целей, но и целей сообщества, в том числе связанных с повышением устойчивости хозяйственной деятельности⁶. ЭИП строится на принципах экономики замкнутого цикла⁷, реализуе-

¹ 国务院关于印发“十四五”节能减碳综合工作方案的通知 [Извещение об издании и распространении генерального плана энергосбережения и сокращения выбросов в рамках 14-й пятилетки] // 国务院关于印发. 24.01.2022. URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202201/t20220124_968089.shtml (дата обращения: 27.09.2022).

² 国务院关于印发2030年前碳达峰行动方案的通知 [Извещение об издании и распространении плана по достижению пиковых значений углерода до 2030 г.] // 国务院关于印发. 26.10.2021. URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202110/t20211026_957879.shtml (дата обращения: 27.09.2022).

³ 2060年碳中和的能源经济转型 [План перехода к углеродно-нейтральной энергетике к 2060 г.] // 张希良清华大学能源环境经济研究所. 21.03.2021. URL: <https://www.mee.gov.cn/home/ztbd/2020/wfcsjssdgz/wfcsxwbd/ylgd/202104/P020210401595660592840.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

⁴ Thieriot H., Sawyer D. Development of eco-efficient industrial parks in China: A review. International Institute for Sustainable Development. 2015. P. 2.

⁵ Проценко А. В стране появляются первые экотехнопарки // *Российская газета*. 21.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/21/v-strane-poiaviatsia-pervye-ekotehnoparki.html> (дата обращения: 27.09.2022).

⁶ Марьев В., Смирнова Т. Факторы успеха экотехнопарков в мире // *Твердые Бытовые Отходы*. 2017. № 2. С. 14–17.

⁷ Марьев В.А., Смирнова Т.С., Гузь Л.В., Манкулова Ж.А. Реализация концепции экономики замкнутого цикла: от теории к практике // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2018. № 6. С. 58–63.

мых с помощью узлов транспортировки ресурсов между участниками ЭИП. Экономика замкнутого цикла (циркулярная экономика) представляет собой совокупность хозяйственных систем, организованных на основе замкнутых технологических циклов с полным использованием поступающего сырья и внутренним использованием отходов, не выходящих за рамки систем. Замкнутые циклы формируются на основе экологически и хозяйственно совместимых технологических процессов, минимизирующих отходы, потери и воздействие на окружающую среду.

ЭИП развиваются во всех регионах мира, но КНР заметно опережает не только общемировые тренды, но и тенденции в индустриально развитых странах⁸. Программа развития ЭИП была инициирована в 2001 г. под эгидой Министерства экологии и природной среды (далее — МЭПС)⁹. Для координации усилий трех министерств был создан Управляющий офис национальных показательных ЭИП. Порядок создания ЭИП, изложенный в Руководстве по организации ЭИП¹⁰, Указаниях по развитию национальных показательных ЭИП¹¹ и Стандарте национального ЭИП¹², предполагает получение одобрения на создание парка, а затем его сертификацию на соответствие стандарту и присуждение статуса национального показательного парка.

Опыт Китая вызывает особый интерес для практиков и исследователей вопросов развития ЭИП. Подробному изучению были подвергнуты отдельные кейсы¹³. Хорошо исследовано развитие законодательных инициатив, административных программ и стандартов ЭИП¹⁴. Но в слабой степени изучена результативность программ развития ЭИП во временном и территориальном аспекте. Эффективность ЭИП, т.е. создание значимых экономических, экологических и социальных эффектов, изучена фрагментарно, на уровне отдельных ЭИП, их групп, отдельных показателей и эффектов¹⁵. Настоящая статья стремится восполнить выявленный недостаток и проводит систематический обзор исследований с целью выявления временных, пространственных и результирующих параметров ЭИП в КНР. В частности, в качестве исследовательских вопросов сформулированы следующие:

⁸ Liu C., Côté R. A Framework for Integrating Ecosystem Services into China's Circular Economy: The Case of Eco-Industrial Parks // *Sustainability*. 2017. № 9 (9). P. 1510. DOI: 10.3390/su9091510

⁹ Ранее — Министерство охраны окружающей среды, Управление охраны окружающей среды.

¹⁰ 生态工业园区建设规划编制指南 [Методические рекомендации по подготовке планов создания ЭИП] // 中华人民共和国生态环境部. 01.04.2018. URL: <https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/bz/bzwb/other/qt/200712/W020111214545788755131.pdf> (дата обращения: 05.10.2022).

¹¹ 国家生态工业示范园区管理办法 [Указания по управлению национальными показательными ЭИП] // 环境保护部办公厅. 17.12.2015. URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201512/W020151224393857477727.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

¹² 国家生态工业示范园区标准 [Стандарт национального показательного ЭИП] // 中华人民共和国生态环境部. 01.12.2015. URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/bz/bzwb/other/qt/201512/t20151224_320149.htm (дата обращения: 05.10.2022).

¹³ Shi H., Chertow M., Song Y. Developing country experience with eco-industrial parks: A case study of the Tianjin Economic-Technological Development Area in China // *Journal of Cleaner Production*. 2010. No. 18 (3). P. 191–199. DOI: 10.1016/j.jclepro.2009.10.002

¹⁴ Piatkowski M.M., Coste A., Shi L., Du Y., & Cai Z. Enhancing China's Regulatory Framework for Eco-Industrial Parks: Comparative Analysis of Chinese and International Green Standards. The World Bank. 2019. P. 16–19.

¹⁵ Wu Y., Gao X. Can the establishment of eco-industrial parks promote urban green innovation? Evidence from China // *Journal of Cleaner Production*. 2022. No. 341. P. 130855. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.130855; Bleischwitz R., Yang M., Huang B., Xu X., Zhou J., McDowall W., Andrews-Speed P., Liu Z., Yong G. The circular economy in China: Achievements, challenges and potential implications for decarbonization // *Resources, Conservation and Recycling*. 2022. No. 183. P. 106350. DOI: 10.1016/j.resconrec.2022.106350

- Какова динамика количества ЭИП в КНР?
- Какова пространственная структура распределения ЭИП по провинциям Китая?
- Какова общая эффективность ЭИП в разрезе экономических, экологических и социальных показателей?

Методология исследования

Настоящая статья представляет собой результат вторичного научного исследования, построенного на основе методологии систематического обзора литературы¹⁶. В качестве базы поиска научных исследований использовалась поисковая система Google Scholar, которая в настоящее время характеризуется максимальным охватом научной информации¹⁷. С помощью запросов, логически объединяющих термины «eco-industrial park» и «China», и их русскоязычных эквивалентов, были выявлены сведения о 980 англоязычных и 33 русскоязычных источниках. Используя библиографические сведения, представленные в Google Scholar, отобраны научные статьи и тезисы конференций, посвященные исследованию институциональных, законодательных, организационных аспектов развития и результатов программ развития ЭИП и их экономической и экологической эффективности. Далее были исключены статьи, рассматривающие отдельные кейсы и не включающие обобщающие данные на уровне провинций или КНР в целом. В итоге было отобрано 47 источников, все — англоязычные. На официальном сайте Министерства экологии и природной среды (далее — МЭПС)¹⁸ осуществлен поиск документов по запросу «эко-индустриальный парк» (生态工业园区) и найдено 1 892 официальных документа. По результатам изучения названий и аннотаций был выбран 161 документ, имеющий отношение к развитию ЭИП.

Для выявления количественных данных, представленных в статьях только в графической форме, использовался программный продукт GetData Graph Digitizer¹⁹. Для анализа территориального распределения парков использовалось картирование. В ходе анализа пространственного распределения ЭИП рассчитывался показатель корреляции Пирсона с использованием первичных данных из других исследований.

Результаты исследования

В имеющихся исследованиях представлены разноречивые сведения о динамике количества ЭИП. Найденные данные обобщены в табл. 1.

Данные по одобренным паркам имеют наибольшее сходство у исследователей Хун и Гаспаратос, Терит и Сойер, Чжан и др. Учитывая более длинный временной ряд у Хун и Гаспаратос, эти данные можно взять за основу. При этом количество одобренных ЭИП в этом источнике за 2015–2018 гг. остается неизменным — 106. Действительно, анализ документов на портале МЭПС показывает отсутствие уведомлений об утверждении планов создания ЭИП за 2014–2020 гг. По видимости, утверждение заявок было приостановлено, и акцент был сделан на выполнении уже утвержденных планов. Это подтверждается уведомлением Главного управления МЭПС от 05.04.2016 о необходимости ускорить работы по выходу на сертификацию паркам, которые в течение последних 5 лет получили одобрение

¹⁶ *Petticrew M., Roberts H.* Systematic reviews in the social sciences: A practical guide. John Wiley & Sons. 2018.

¹⁷ *Gusenbauer M.* Google Scholar to overshadow them all? Comparing the sizes of 12 Academic search engines and bibliographic databases // *Scientometrics*. 2019. No. 118. P. 177–214.

¹⁸ 中华人民共和国环境保护部 [Министерство экологии и природной среды] // 中华人民共和国生态环境部 URL: <https://www.mee.gov.cn> (дата обращения: 05.10.2022).

¹⁹ Программа для оцифровки графиков GetData Graph Digitizer (сайт программы). URL: <http://getdata-graph-digitizer.com/> (дата обращения: 05.10.2022).

планов создания ЭИП, но пока еще не подали заявки на сертификацию²⁰. Видимо, проблема с полноценным вводом в эксплуатацию ранее одобренных парков приобрела серьезный характер и одобрение новых планов было приостановлено. Но в 2021 г. было возобновлено одобрение новых планов и в этом же году одобрено 3 новых плана создания ЭИП²¹. В 2022 г. аналогичных уведомлений не обнаружено. Учитывая, что количество одобренных ЭИП подсчитывается кумулятивным образом, т.е. включает в себя общее количество когда-либо одобренных парков и, по сути, отражает общее количество ЭИП как на стадии создания, так и уже сертифицированных. Данный показатель в период 2015–2020 гг. можно принять за 106, а в 2021 г. и по текущий момент — за 109.

Таблица 1 / Table 1

Количество ЭИП в КНР, 2001–2018 гг. (нарастающим итогом)
Number of EIPs in China, 2001–2018 (annual cumulative)

Годы	Хуан и др. (2019) (распознано из графика)		Хун и Гаспаратос (2020) (распознано из графика)		Бай и др. (2014) (распознано из графика)		Териот и Сойер (2015) (использованы приведенные цифры)		Чжан и др. (2010) (использованы приведенные цифры)
	О	С	О	С	О	С	О	С	О
2001	2	—	2	—	—	—	2	—	2
2002	2	—	—	—	2	—	2	—	2
2003	6	2	5	—	5	—	7	—	5
2004	11	2	11	—	7	—	12	—	12
2005	14	2	15	—	9	—	15	—	15
2006	19	2	22	—	13	—	23	—	23
2007	23	2	25	—	14	—	26	—	26
2008	27	3	29	2	16	3	30	3	30
2009	29	3	32	2	17	3	34	3	33
2010	40	10	49	10	34	11	51	11	—
2011	44	13	58	13	44	14	61	14	—
2012	49	15	64	16	48	16	67	17	—
2013	59	22	83	21	—	—	86	22	—
2014	76	34	95	33	—	—	94	31	—
2015	76	49	106	36	—	—	—	—	—
2016	—	—	106	48	—	—	—	—	—
2017	—	—	106	51	—	—	—	—	—
2018	—	—	106	54	—	—	—	—	—

Примечание: О — одобренные, С — сертифицированные.

²⁰ 关于做好部分批准建设国家生态工业示范园区后续管理工作的通知 [Уведомление о контроле за качественным управлением ранее согласованными показательными национальными ЭИП] // 环境保护部办公厅. 05.04.2016. URL: https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bgth/201604/t20160408_334910.htm (дата обращения: 27.09.2022).

²¹ 关于同意嘉兴经济技术开发区等2家园区建设国家生态工业示范园区的通知 [Уведомление об утверждении зоны экономического и технологического развития Цзясин и двух других местных парков для создания национальных показательных ЭИП] // 生态环境部办公厅. 19.07.2021. URL: https://www.mee.gov.cn/xxgk/xxgk03/202107/t20210720_849285.html (дата обращения: 27.09.2022).

Источники: Huang B., Yong G., Zhao J., Domenech T., Liu Z., Chiu S.F., McDowall W., Bleischwitz R., Liu J., Yao Y. Review of the development of China's Eco-industrial Park standard system // *Resources, Conservation and Recycling*. 2019. No. 140. P. 137–144. DOI: 10.1016/j.resconrec.2018.09.013; Hong H., Gasparatos A. Eco-industrial parks in China: Key institutional aspects, sustainability impacts, and implementation challenges // *Journal of Cleaner Production*. 2020. No. 274. P. 122853. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122853; Bai L., Qiao Q., Yao Y., Guo J., Xie M. Insights on the development progress of National Demonstration eco-industrial parks in China // *Journal of Cleaner Production*. 2014. No. 70. P. 4–14. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.01.084; Thieriot H., Sawyer D. Development of eco-efficient industrial parks in China: A review. International Institute for Sustainable Development. 2015. P. 4; Zhang L., Yuan Z., Bi J., Zhang B., Liu, B. Eco-industrial parks: National pilot practices in China // *Journal of Cleaner Production*. 2010. No. 18 (5). P. 504–5. DOI: 10.1016/j.jclepro.2009.11.018

Количество сертифицированных ЭИП в источниках выглядит сходным. В период 2001–2014 гг. разница составляет не более 3 парков. Поскольку данные у Хун и Гаспаратос совпадают по 2016 году с данными из официального списка ЭИП МЭПС²² и с данными из «Экологических новостей Китая» на 2017 г.²³, они берутся за основу. Данные за 2019–2021 гг. были найдены в официальных уведомлениях о присуждении статуса национального показательного парка на портале МЭПС (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Обобщенные данные о количестве ЭИП в КНР, 2001–2021 гг. (нарастающим итогом)
Summarized data on the number of EIPs in China, 2001–2021 (annual cumulative)

Годы	О	С	Годы	О	С	Годы	О	С
2001	2		2008	29	2	2015	106	36
2002	2		2009	32	2	2016	106	48
2003	5		2010	49	10	2017	106	51
2004	11		2011	58	13	2018	106	54
2005	15		2012	64	16	2019	106	58
2006	22		2013	83	21	2020	106	68
2007	25		2014	95	33	2021	109	71
						2022	109	79

Примечание: О — одобренные, С — сертифицированные.

Источники: Hong H., Gasparatos A. Eco-industrial parks in China: Key institutional aspects, sustainability impacts, and implementation challenges // *Journal of Cleaner Production*. 2020. No. 274. P. 122853. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122853;

国家生态工业示范园区名单 [Список национальных показательных эко-индустриальных парков]. [List of the national demonstration eco-industrial parks] // 中华人民共和国环境保护部. 20.01.2017. URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201702/W020170206388977351803.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

²² 国家生态工业示范园区名单 [Список национальных показательных ЭИП] // 中华人民共和国环境保护部. 20.01.2017. URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201702/W020170206388977351803.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

²³ 三部委联合征集国家生态工业示范园区技术咨询专家 进一步强化国家生态工业示范园区管理和技术支持工作 [Три министерства совместно привлекают комиссию экспертов-консультантов для дальнейшего улучшения управления и технической поддержки национальных показательных ЭИП] // 中国环境报. 20.06.2019. URL: https://www.mee.gov.cn/xxgk/hjyw/201906/t20190620_707260.shtml (дата обращения: 27.09.2022).

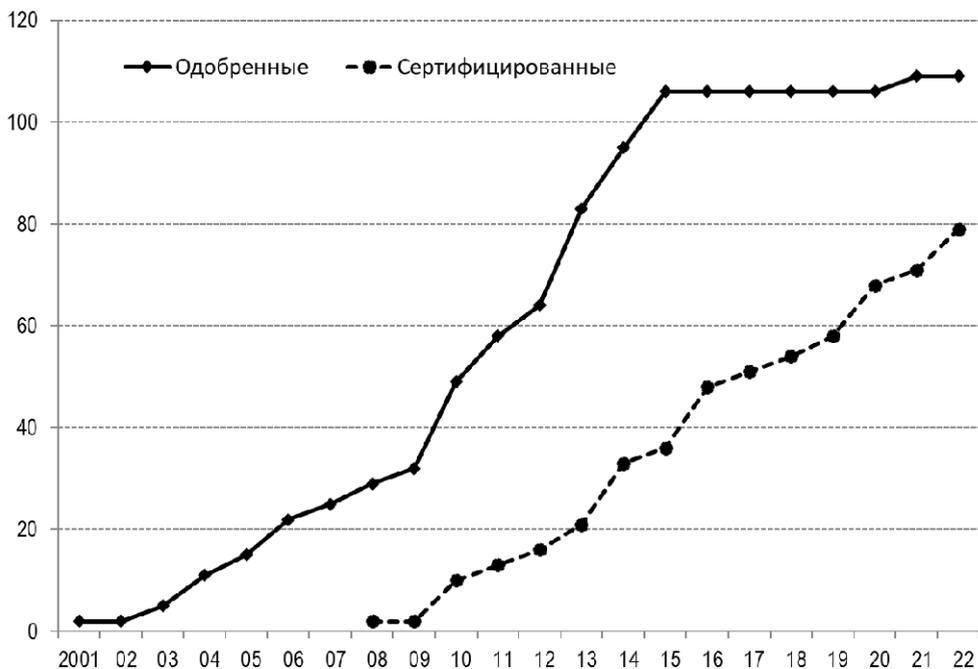

Рис. 1. Динамика количества ЭИП в КНР, 2001–2021 гг. (нарастающим итогом)
 Figure 1. Dynamics of the number of EIP in China, 2001–2021 (annual cumulative numbers)

Источники: Hong H., Gasparatos A. *Eco-industrial parks in China: Key institutional aspects, sustainability impacts, and implementation challenges* // *Journal of Cleaner Production*. 2020. No. 274. P. 122853. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122853; 国家生态工业示范园区名单 [Список национальных показательных эко-индустриальных парков]. [List of the national demonstration eco-industrial parks] // 中华人民共和国环境保护部 20.01.2017. URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201702/W020170206388977351803.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

Графическое представление данных о количестве ЭИП на рис. 1 позволяет выявить несколько тенденций.

Во-первых, вслед за стартом программы развития ЭИП в 2001 г. и до 2009 г. прирост одобренных парков составлял от 0 до 7 парка в год, в среднем — 3,75; а с 2009 по 2015 г. заметно резкое ускорение темпов реализации программы: в год одобрялось от 6 до 19 парков, в среднем — 12,3. Данное ускорение можно объяснить тем, что согласно 12-му пятилетнему плану КНР в период 2011–2015 гг. необходимо было ввести в эксплуатацию 50 национальных показательных ЭИП. Опыт создания и сертификации первых парков показал, что сложившимися темпами данных показателей не достичь, а значит, необходимо ускорить темпы одобрения ЭИП. Заявленные показатели к 2015 г. оказались немного невыполнены.

Во-вторых, с 2015 г. и по настоящее время произошла, по сути, стагнация одобрений новых ЭИП. Данная стагнация связана с увеличением сроков ввода в эксплуатацию и сертификации парков, что было уже объяснено выше, но также иллюстрируется тем, что разница между одобренными и сертифицированными ЭИП за 2010–2015 гг. имела тенденцию к увеличению. На 2010 г. разница между одобренными и сертифицированными парками была равна 39, а в 2015 г. она составила 70 парков.

Рис. 2. Распределение национальных показательных ЭИП по провинциям КНР, 2016 г.
 Figure 2. Distribution of national demonstration EIPs by China provinces, 2016

Источник: 国家生态工业示范园区名单 [Список национальных показательных эко-индустриальных парков]. [List of the national demonstration eco-industrial parks] // 中华人民共和国环境保护部. 20.01.2017. URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201702/W020170206388977351803.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

В-третьих, темпы прироста сертифицированных ЭИП более равномерны по сравнению с ростом одобренных парков и составляют от 3 до 12 парков в год, в среднем — 5,9 парка. Реализация планов по созданию ЭИП — более трудоемкий и менее подверженный возможности ускорения процесс, нежели написание планов и представление заявок. Горизонтальный зазор между кривыми на рис. 2 говорит о том, что средняя продолжительность выхода на успешную сертификацию ЭИП составляла от 4 до 6 лет. При этом данная продолжительность имела тенденцию к увеличению, что видно из увеличения горизонтального зазора, который на 2022 г. составил 10 лет.

Выявленная динамика свидетельствует о масштабной реализации программы развития ЭИП. Несмотря на сложившееся в 2015–2020 гг. замедление, программа продолжает свое развитие.

Данные о территориальном размещении ЭИП в источниках также фрагментарны. В качестве основы был взят официальный список МЭПС на 2016 г.²⁴ Распределение ЭИП по провинциям КНР показано на рис. 2. Количественные данные приведены в табл. 3.

²⁴ 国家生态工业示范园区名单 [Список национальных показательных ЭИП] // 中华人民共和国环境保护部. 20.01.2017. URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201702/W020170206388977351803.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

Рис. 3. Уровни выбросов углекислого газа по провинциям КНР
 Figure 3. Carbon dioxide emission levels by China provinces

Источник: Feng K., Davis S.J., Sun L., Li X., Guan D., Liu W., Liu Z., Hubacek K. *Outsourcing CO₂ within China* // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. No. 110 (28). P. 11654–11659.

В 2016 г. ЭИП сосредоточены в развитых районах КНР с большим количеством индустриальных парков, на основе многих из которых и создавались ЭИП. Кроме того, такое распределение представляется более обоснованным, т.к. именно в промышленно развитых провинциях экологическая обстановка требовала вмешательства. На рис. 3 приведена карта КНР с уровнями выбросов CO₂ в различных провинциях²⁵.

Визуальная корреляция между распределением ЭИП и уровнями выбросов CO₂ подтверждается рассчитанным коэффициентом корреляции, который составил 0,6 (p-value меньше 0,001). ЭИП размещались преимущественно в провинциях, где они были наиболее востребованы с точки зрения необходимости улучшения экологической ситуации, что свидетельствует о планировании размещения парков на общегосударственном уровне.

Данные о распределении ЭИП по провинциям за 2017–2022 гг. были найдены в уведомлениях МЭПС. Обобщенные данные на 2022 г. представлены на рис. 4 и в табл. 3.

Из табл. 3 и рис. 4 видно, что концентрация ЭИП сохраняется в промышленно развитых провинциях, таких как Шаньдун, Шанхай и в особенности Цзянсу. Но при этом в период 2017–2022 гг. ЭИП появились и в новых провинциях. В большинстве провинций (в 23 из 30) в настоящее время есть сертифицированный ЭИП. Корреляция между распределением ЭИП и уровнями выбросов CO₂ в 2019 г.²⁶ заметная и характеризуется коэффициентом Пирсона 0,5 (p-значением меньше 0,01). ЭИП продолжили размещаться

²⁵ Feng K., Davis S.J., Sun L., Li X., Guan D., Liu W., Liu Z., Hubacek K. *Outsourcing CO₂ within China* // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. No. 110 (28). P. 11654–11659.

²⁶ Guan Y., Shan Y., Huang Q., Chen H., Wang D., Hubacek K. (2021). Assessment to China's Recent Emission Pattern Shifts // *Earth's Future*. 2021. No. 9. DOI:10.1029/2021EF002241

Рис. 4. Распределение национальных показательных ЭИП по провинциям КНР, 2022 г.
 Figure 4. Distribution of national demonstration EIPs by PRC provinces, 2022

Источник: 中华人民共和国环境保护部 [Министерство экологии и природной среды]. [Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China]. URL: <https://www.mee.gov.cn> (дата обращения: 05.10.2022).

в наиболее развитых и загрязненных провинциях, но при этом их территориальное распределение стало более равномерным и широким.

Влияние ЭИП на экономику КНР изучено во многих исследованиях. Но чаще всего исследуются либо отдельные ЭИП²⁷, либо отдельные показатели²⁸. Только в исследовании Хуна и Гаспаратоса²⁹ обнаруживаются результаты по всему спектру эффектов ЭИП в масштабах всего Китая. Данные из этого исследования были дополнены результатами рассмотрения еще 8 научных статей. В табл. 2 приведены обобщенные результаты исследований, посвященных выявлению различных эффектов от ЭИП на экономику, природу и население КНР. В табл. 4 представлены данные по количеству статей, в которых рассмотрено воздействие ЭИП на разные показатели.

²⁷ Yu C., Dijkema G.P., De Jong M., Shi H. From an eco-industrial park towards an eco-city: A case study in Suzhou, China // *Journal of Cleaner Production*. 2015. No. 102. P. 264–274.

²⁸ Geng Y., Liu Z., Xue B., Dong H., Fujita T., Chiu A. Emergency-based assessment on industrial symbiosis: A case of Shenyang Economic and Technological Development Zone // *Environmental Science and Pollution Research*. 2014. No. 21 (23). P. 13572–13587.

²⁹ Hong H., Gasparatos A. Eco-industrial parks in China: Key institutional aspects, sustainability impacts, and implementation challenges // *Journal of Cleaner Production*. 2020. No. 274. P. 122853. DOI:10.1016/j.jclepro.2020.122853

Таблица 3 / Table 3

Распределение национальных показательных ЭИП
по провинциям КНР на 2016 г. и 2022 г.
Distribution of national demonstration EIPs by PRC provinces for 2016 and 2022

Провинция	2016	2022	Провинция	2016	2022
Аньхой	2	4	Фуцзянь	1	1
Цзилинь	1	1	Хунань	1	2
Гуандун	1	3	Хэбэй	-	4
Гуанси-Чжуанский а.р.	1	1	Хэнань	1	1
Ляонин	1	2	Цзянсу	20	25
Нинся-Хуэйский а.р.	-	1	Чжэцзян	4	7
Пекин	1	1	Шанхай	7	9
Синьцзян-Уйгурский а.р.	-	1	Шаньдун	6	8
Сычуань	-	1	Шэньси	-	1
Тяньцзинь	1	4	Юньнань	-	2
			Всего	48	79

Источники: 国家生态工业示范园区名单 [Список национальных показательных эко-индустриальных парков]. [List of the national demonstration eco-industrial parks] // 中华人民共和国环境保护部. 20.01.2017. URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201702/W020170206388977351803.pdf> (дата обращения: 27.09.2022); 中华人民共和国环境保护部 [Министерство экологии и природной среды]. [Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China]. URL: <https://www.mee.gov.cn> (дата обращения: 05.10.2022).

Таблица 4 / Table 4

Количество статей, в которых исследовалось воздействие ЭИП
на экономические и экологические показатели КНР
Number of articles examining the impact of EIP on China's
economic and environmental performance

Группа эффектов	Эффект, выявленный на фактических данных			Эффект, выявленный на модельных данных			Итого
	+	-	+/-	+	-	+/-	
Экономические показатели	10	-	6	4	-	1	21
Освоение новых технологий	5	-	3	4	-	5	17
Промышленная трансформация	3	-	1	-	-	1	5
Сбережение ресурсов	13	3	9	2	-	2	29
Снижение загрязнения воды и воздуха	15	-	10	2	-	3	30
Противодействие снижению биоразнообразию	2	-	3	-	-	1	6
Здоровье	1	-	-	-	-	-	1
Итого	49	3	32	12	0	13	

Источник: Hong H., Gasparatos A. Eco-industrial parks in China: Key institutional aspects, sustainability impacts, and implementation challenges // Journal of Cleaner Production. 2020. No. 274. P. 122853. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122853

Обращает на себя внимание отсутствие исследований, посвященных социальному эффекту от ЭИП. Это можно объяснить тем, что, несмотря на наличие таких индикаторов в ЮНИДО, китайские стандарты ЭИП обязательных показателей социального эффекта не содержат. Большинство исследований отмечает положительные эффекты от

ЭИП. Особенно много подтверждений положительных эффектов в группах экологической эффективности — сбережение ресурсов, снижение загрязнения, которые можно рассматривать как приоритетные для ЭИП. Но при этом заметно количество статей, авторы которых выявили смешанные эффекты. Только в трех статьях обнаружены однозначно отрицательные результаты от ЭИП, и эти результаты касаются сбережения ресурсов. Преобладание положительных эффектов свидетельствует об успешности программы ЭИП в Китае.

* * *

Инициированная в 2001 г. программа ЭИП направлена на улучшение экологических показателей индустриальных кластеров и транспортных узлов в КНР. Проведенное исследование свидетельствует о заметных достижениях и высокой эффективности данной программы. Количество сертифицированных ЭИП росло и на 2022 г. составляет 79. Они сосредоточены в наиболее промышленно развитых и, соответственно, наименее экологически чистых провинциях Китая. Данные, полученные в ходе систематического обзора, свидетельствуют о положительных эффектах от ЭИП по показателям экономического, инновационного и промышленного развития, но главное — по сбережению ресурсов и снижению загрязнения воды и воздуха. Исследование показало преимущественно положительные эффекты от ЭИП в части сбережения ресурсов, снижения загрязнения, обеспечения биоразнообразия, одновременно с достижением экономических показателей.

Слабое развитие ЭИП в России свидетельствует о недооценке потенциала их воздействия на национальную экономику. Опыт же Китая наглядно демонстрирует, что они действительно позволяют повысить экологическую эффективность промышленных территорий и включенных в них транспортных узлов. При этом выстраивание межотраслевых связей, необходимых для воплощения принципов циркулярной экономики, требует значительного времени. На планирование ЭИП уходит около 2–3 лет, а на их создание — 4–7. Программы по стимулированию развития ЭИП рассчитаны на долгосрочную перспективу, а следовательно, требуют планового общегосударственного подхода, единых национальных стандартов и механизмов оценки эффективности парков.

К числу ограничений настоящего исследования можно отнести использование только англоязычных научных статей и применение по преимуществу качественных методов обобщения результатов имеющихся исследований. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется проведение статистического метаанализа для обобщения количественных показателей воздействия ЭИП на экономику Китая.

Литература

- Марьев В., Смирнова Т. Факторы успеха экотехнопарков в мире // *Твердые Бытовые Отходы*. 2017. № 2. С. 14–17.
- Марьев В.А., Смирнова Т.С., Гузь Л.В., Манкулова Ж.А. Реализация концепции экономики замкнутого цикла: от теории к практике // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2018. № 6. С. 58–63.
- Bai L., Qiao Q., Yao Y., Guo J., Xie M. Insights on the development progress of National Demonstration eco-industrial parks in China // *Journal of Cleaner Production*. 2014. No. 70. Pp. 4–14.
DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.01.084
- Bleischwitz R., Yang M., Huang B., Xu X., Zhou J., McDowall W., Andrews-Speed P., Liu Z., Yong G. The circular economy in China: Achievements, challenges and potential implications for decarbonization // *Resources, Conservation and Recycling*. 2022. No. 183. P. 106350.
DOI: 10.1016/j.resconrec.2022.106350
- Feng K., Davis S.J., Sun L., Li X., Guan D., Liu W., Liu Z., Hubacek K. Outsourcing CO2 within China // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. No. 110 (28). Pp. 11654–11659.
- Geng Y., Liu Z., Xue B., Dong H., Fujita T., Chiu A. Emergy-based assessment on industrial symbiosis: A case of Shenyang Economic and Technological Development Zone // *Environmental Science and Pollution Research*. 2014. No. 21 (23). Pp. 13572–13587.

- Guan Y., Shan Y., Huang Q., Chen H., Wang D., Hubacek K. (2021). Assessment to China's Recent Emission Pattern Shifts // *Earth's Future*. 2021. No. 9. DOI: 10.1029/2021EF002241
- Gusenbauer M. Google Scholar to overshadow them all? Comparing the sizes of 12 Academic search engines and bibliographic databases // *Scientometrics*. 2019. No. 118. Pp. 177–214.
- Hong H., Gasparatos A. Eco-industrial parks in China: Key institutional aspects, sustainability impacts, and implementation challenges // *Journal of Cleaner Production*. 2020. No. 274. P. 122853.
- Huang B., Yong G., Zhao J., Domenech T., Liu Z., Chiu S.F., McDowall W., Bleischwitz R., Liu J., Yao Y. Review of the development of China's Eco-industrial Park standard system // *Resources, Conservation and Recycling*. 2019. No. 140. P. 137–144. DOI: 10.1016/j.resconrec.2018.09.013
- Liu C., Côté R. A Framework for Integrating Ecosystem Services into China's Circular Economy: The Case of Eco-Industrial Parks // *Sustainability*. 2017. No. 9 (9). P. 1510. DOI: 10.3390/su9091510
- Petticrew M., Roberts H. Systematic reviews in the social sciences: A practical guide. John Wiley & Sons. 2018. 354 p.
- Piatkowski M.M., Coste A., Shi L., Du Y., & Cai Z. Enhancing China's Regulatory Framework for Eco-Industrial Parks: Comparative Analysis of Chinese and International Green Standards. The World Bank. 2019. 124 p.
- Shi H., Chertow M., Song Y. Developing country experience with eco-industrial parks: A case study of the Tianjin Economic-Technological Development Area in China // *Journal of Cleaner Production*. 2010. No. 18 (3). Pp. 191–199. DOI: 10.1016/j.jclepro.2009.10.002
- Thieriot H., Sawyer D. Development of eco-efficient industrial parks in China: A review. International Institute for Sustainable Development. 2015. 28 p.
- Wu Y., Gao X. Can the establishment of eco-industrial parks promote urban green innovation? Evidence from China // *Journal of Cleaner Production*. 2022. No. 341. P. 130855. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.130855
- Yu C., Dijkema G.P., De Jong M., Shi H. From an eco-industrial park towards an eco-city: A case study in Suzhou, China // *Journal of Cleaner Production*. 2015. No. 102. Pp. 264–274.
- Zhang L., Yuan Z., Bi J., Zhang B., Liu, B. Eco-industrial parks: National pilot practices in China // *Journal of Cleaner Production*. 2010. No. 18 (5). P. 504–509. DOI: 10.1016/j.jclepro.2009.11.018
- 2060年碳中和的能源经济转型 [План перехода к углеродно-нейтральной энергетике к 2060 г.] // 张希良清华大学能源环境经济研究所. 21.03.2021. URL: <https://www.mee.gov.cn/home/ztbd/2020/wfcsjssdggz/wfcsxwbd/ylgd/202104/P020210401595660592840.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).
- 关于做好部分批准建设国家生态工业示范园区后续管理工作的通知 [Уведомление о контроле за качественным управлением ранее согласованными национальными ЭИП] // 环境保护部办公厅. 05.04.2016. URL: https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bgth/201604/t20160408_334910.htm (дата обращения: 27.09.2022).
- 关于同意嘉兴经济技术开发区等2家园区建设国家生态工业示范园区的通知 [Уведомление об утверждении зоны экономического и технологического развития Цзясин и двух других местных парков для создания национальных показательных ЭИП] // 生态环境部办公厅. 19.07.2021. URL: https://www.mee.gov.cn/xxgk/xxgk/xxgk03/202107/t20210720_849285.html (дата обращения: 27.09.2022).
- 国务院关于印发“十四五”节能减排综合工作方案的通知 [Извещение об издании и распространении Генерального плана энергосбережения и сокращения выбросов в рамках 14-й пятилетки] // 国务院关于印发. 24.01.2022. https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202201/t20220124_968089.shtml (дата обращения: 27.09.2022).
- 国务院关于印发2030年前碳达峰行动方案的通知 [Извещение об издании и распространении плана по достижению пиковых значений углерода до 2030] // 国务院关于印发. 26.10.2021. URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202110/t20211026_957879.shtml (дата обращения: 27.09.2022).
- 国家生态工业示范园区名单 [Список национальных показательных ЭИП] // 中华人民共和国环境保护部. 页数6. 20.01.2017. URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201702/W020170206388977351803.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

国家生态工业示范园区标准 [Стандарт национального показательного ЭИП] // 标准号: HJ274-2015. 页17数. 01.12.2015. URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/bz/bzwb/other/qt/201512/t20151224_320149.htm (дата обращения: 05.10.2022).

国家生态工业示范园区管理办法 [Указания по управлению национальными показательными ЭИП] // 环境保护部办公厅. 17.12.2015.

URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201512/W020151224393857477727.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

生态工业园区建设规划编制指南 [Методические рекомендации по подготовке планов создания ЭИП] // 中华人民共和国生态环境部. 01.04.2018.

URL: <https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/bz/bzwb/other/qt/200712/W020111214545788755131.pdf> (дата обращения: 05.10.2022).

Development of Eco-industrial Parks in China

Sergei A. Titov

Ph.D. (Economics), Docent, Associate professor of Department of Management and innovation, Financial university under the Government of the Russian Federation (address: 49/2, Leningradsky prospect, Moscow, 125167, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6857-579X. E-mail: satitov@fa.ru

Received 03.10.2022.

Abstract:

Over the past 20 years, China has made outstanding progress in the development of eco-industrial parks. Their number exceeds 110 parks, which is more than in any other country. They play an important role in improving the environmental performance of industrial clusters and transport hubs in many areas of the PRC. Their environmental performance indicators are increasing year by year. Their contribution to the economic and environmental performance of the territories is the subject of many studies. However, most papers study individual types of effects or the effectiveness of individual eco-industrial parks. This article systematically explores China's experience in the development of eco-industrial parks in terms of the dynamics of their total number, distribution across all territories of the stratum and all groups of effects. The study is structured as a comprehensive literature review using qualitative and quantitative tools to synthesize existing findings and official documents. As part of the study of temporal dynamics, the average duration of the creation of an eco-industrial park and its tendency to increase to 10 in 2022 were identified. In 2015–2022 a trend was found to limit park approvals and to focus on accelerating the certification of already approved parks. Eco-industrial parks are located in the most ecologically unfavorable provinces, which indicates a country-wide planned effort to improve the environmental situation with the help of eco-industrial parks. Over the past 5 years, a trend has been revealed to expand the geography of parks. The synthesis of studies on the effectiveness of parks indicate the high potential of parks to create positive economic, production and environmental effects. At the same time, the absence of documented social effects was revealed. The analysis of the eco-industrial park program in China made it possible to formulate recommendations for managing similar programs in Russia.

Key words:

Eco-industrial park, circular economy, China, industrial cluster, transportation hub.

Funding sources:

The paper was prepared based on the research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

For citation:

Titov S.A. Development of Eco-industrial Parks in China // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 1. Pp. 80–95. DOI: 10.31857/S013128120022940-5.

References

Bai L., Qiao Q., Yao Y., Guo J., Xie M. Insights on the development progress of National Demonstration eco-industrial parks in China. *Journal of Cleaner Production*. 2014. No. 70. Pp. 4–14. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.01.084

- Bleischwitz R., Yang M., Huang B., Xu X., Zhou J., McDowall W., Andrews-Speed P., Liu Z., Yong G. The circular economy in China: Achievements, challenges and potential implications for decarbonization. *Resources, Conservation and Recycling*. 2022. No. 183. P. 106350. DOI: 10.1016/j.resconrec.2022.106350
- Feng K., Davis S.J., Sun L., Li X., Guan D., Liu W., Liu Z., Hubacek K. Outsourcing CO₂ within China. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. No. 110(28). Pp. 11654–11659.
- Geng Y., Liu Z., Xue B., Dong H., Fujita T., Chiu A. Emergy-based assessment on industrial symbiosis: A case of Shenyang Economic and Technological Development Zone. *Environmental Science and Pollution Research*. 2014. No. 21 (23). Pp. 13572–13587.
- Guan Y., Shan Y., Huang Q., Chen H., Wang D., Hubacek K. (2021). Assessment to China's Recent Emission Pattern Shifts. *Earth's Future*. 2021. No. 9. DOI: 10.1029/2021EF002241
- Gusenbauer M. Google Scholar to overshadow them all? Comparing the sizes of 12 Academic search engines and bibliographic databases. *Scientometrics*. 2019. No. 118. Pp. 177–214.
- Hong H., Gasparatos A. Eco-industrial parks in China: Key institutional aspects, sustainability impacts, and implementation challenges. *Journal of Cleaner Production*. 2020. No. 274. P. 122853.
- Huang B., Yong G., Zhao J., Domenech T., Liu Z., Chiu S.F., McDowall W., Bleischwitz R., Liu J., Yao Y. Review of the development of China's Eco-industrial Park standard system. *Resources, Conservation and Recycling*. 2019. No. 140. Pp. 137–144. DOI: 10.1016/j.resconrec.2018.09.013
- Liu C., Côté R. A Framework for Integrating Ecosystem Services into China's Circular Economy: The Case of Eco-Industrial Parks. *Sustainability*. 2017. No. 9 (9). P. 1510. DOI: 10.3390/su9091510
- Mar'ev V., Smirnova T. Faktory uspekha ekotekhnoparkov v mire [Ecotechnoparks global success factors]. *Tverdye Bytovye Othody*. 2017. No. 2. S. 14–17. (In Russ.)
- Mar'ev V.A., Smirnova T.S., Guz' L.V., Mankulova ZH.A. Realizaciya koncepcii ekonomiki zamknutogo cikla: ot teorii k praktike [Circular economy concept implementation: from theory to practice]. *Me-nedzhment v Rossii i za rubezhom*. 2018. No. 6. S. 58–63. (In Russ.)
- Petticrew M., Roberts H. Systematic reviews in the social sciences: A practical guide. John Wiley & Sons. 2018. 354 p.
- Piatkowski M.M., Coste A., Shi L., Du Y., & Cai Z. Enhancing China's Regulatory Framework for Eco-Industrial Parks: Comparative Analysis of Chinese and International Green Standards. The World Bank. 2019. 124 p.
- Shi H., Chertow M., Song Y. Developing country experience with eco-industrial parks: A case study of the Tianjin Economic-Technological Development Area in China. *Journal of Cleaner Production*. 2010. No. 18 (3). Pp. 191–199. DOI: 10.1016/j.jclepro.2009.10.002
- Thieriot H., Sawyer D. Development of eco-efficient industrial parks in China: A review. International Institute for Sustainable Development. 2015. 28 p.
- Wu Y., Gao X. Can the establishment of eco-industrial parks promote urban green innovation? Evidence from China. *Journal of Cleaner Production*. 2022. No. 341. P. 130855. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.130855
- Yu C., Dijkema G.P., De Jong M., Shi H. From an eco-industrial park towards an eco-city: A case study in Suzhou, China. *Journal of Cleaner Production*. 2015. No. 102. Pp. 264–274.
- Zhang L., Yuan Z., Bi J., Zhang B., Liu, B. Eco-industrial parks: National pilot practices in China. *Journal of Cleaner Production*. 2010. No. 18 (5). P. 504–509. DOI: 10.1016/j.jclepro.2009.11.018
- Zhao H., Guo S., Zhao H. Comprehensive benefit evaluation of eco-industrial parks by employing the best-worst method based on circular economy and sustainability. *Environment, Development and Sustainability*. 2018. No. 20 (3). Pp. 1229–1253.
- Zheng J., Peng X. Does an ecological industry chain improve the eco-efficiency of an industrial cluster? Based on empirical study of an energy-intensive industrial cluster in China. *Sustainability*. 2019. No. 11 (6). P. 1651.
- 2060年碳中和的能源经济转型 [Transition to a Carbon-Neutral Energy Economy in 2060]. 张希良清华大学能源环境经济研究所. 21.03.2021. URL: <https://www.mee.gov.cn/home/ztbd/2020/wfcsjssdggz/wfcsxwbd/ylgd/202104/P020210401595660592840.pdf> (accessed: 27.09.2022). (In Chin.)
- 关于做好部分批准建设国家生态工业示范园区后续管理工作的通知 [Notice on Good Practices in the Follow-up Management of Partially Approved Construction of National Eco-Industrial Demonstration Park]. 环境保护部办公厅. 05.04.2016.

- URL: https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bgth/201604/t20160408_334910.htm (accessed: 27.09.2022). (In Chin.)
- 关于同意嘉兴经济技术开发区等2家园区建设国家生态工业示范园区的通知 [Notice on Approving Jiaxing Economic and Technological Development Zone and other two parks to build national eco-industrial demonstration parks]. 生态环境部办公厅. 19.07.2021.
- URL: https://www.mee.gov.cn/xxgk/xxgk03/202107/t20210720_849285.html (accessed: 27.09.2022). (In Chin.)
- 国务院关于印发“十四五”节能减排综合工作方案的通知 [Notice on Printing and Distributing the Comprehensive Work Plan for Energy Conservation and Emission Reduction in the 14th Five-Year Plan]. 国务院关于印发. 24.01.2022.
- https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202201/t20220124_968089.shtml (accessed: 27.09.2022). (In Chin.)
- 国务院关于印发2030年前碳达峰行动方案的通知 [Notice on Printing and Distributing the Action Plan for Carbon Peaking Before 2030] // 国务院关于印发. 页2数. 26.10.2021.
- URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/gwywj/202110/t20211026_957879.shtml (accessed: 27.09.2022). (In Chin.)
- 国家生态工业示范园区名单 [List of National Demonstration Eco-Industrial Parks]. 中华人民共和国环境保护部. 20.01.2017.
- URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201702/W020170206388977351803.pdf> (accessed: 27.09.2022). (In Chin.)
- 国家生态工业示范园区标准 [National Eco-Industrial Demonstration Park Standard]. 中华人民共和国生态环境部. 01.12.2015.
- URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/bz/bzwb/other/qt/201512/t20151224_320149.htm (дата обращения: 05.10.2022).
- 国家生态工业示范园区管理办法 [Guidelines for the Administration of National Eco-industrial Demonstration Parks]. 环境保护部办公厅. 17.12.2015.
- URL: <https://www.mee.gov.cn/gkml/hbb/bwj/201512/W020151224393857477727.pdf> (accessed: 27.09.2022). (In Chin.)
- 生态工业园区建设规划编制指南 [Guidelines for Compiling Planning for Eco-Industrial Park Construction]. 中华人民共和国生态环境部. 01.04.2018.
- URL: <https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/bz/bzwb/other/qt/200712/W020111214545788755131.pdf> (accessed: 05.10.2022). (In Chin.)

Современные вызовы экономического сотрудничества РК и США

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024220-3

Зуева Александра Георгиевна

Научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и стран современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9394-0733.
E-mail: zueva@iccaras.ru

Статья поступила в редакцию 31.12.2022.

Аннотация:

Последние 20 лет Южной Корее успешно удавалось найти баланс между своими главными торговыми партнерами — США и КНР. Однако с приходом к власти нового президента в марте 2022 г. РК все отчетливее стала выступать за стратегический альянс с США, при этом не теряя интереса к торговле с Китаем. Вашингтон стремится с помощью разных экономических инструментов получить максимальную выгоду от союза с Сеулом. Декларируемые направления стратегического партнерства в рамках американо-южнокорейского альянса сталкиваются с рядом вызовов, спровоцированных протекционистской политикой США и нежеланием отдавать свои сферы влияния южнокорейской стороне. РК пытается добиться для себя выгодных условий сотрудничества, однако параллельно с этим происходит постепенная адаптация к новым американским требованиям. Южная Корея и США стремятся к лидерству на рынке высокотехнологичной продукции и в настоящий момент скорее соперничают друг с другом, чем работают в одной команде. Тем не менее в перспективе при продолжающемся давлении со стороны Вашингтона компании РК могут не только потерять свои конкурентные преимущества на мировых рынках, но и попасть в полную зависимость от США. Постепенно в южнокорейском обществе укрепляется мнение, что глубокая экономическая интеграция с Америкой может не отвечать национальным интересам РК.

В статье анализируются актуальные проблемы экономического сотрудничества двух стран, а также дается прогноз относительно вызовов, которые, по мнению автора, будут иметь наибольшее влияние на американо-южнокорейские внешнеторговые связи в обозримой перспективе.

Ключевые слова:

Республика Корея, США, КНР, внешнеэкономические связи, стратегическое партнерство, экономическая безопасность, устойчивое развитие, закон о борьбе с инфляцией.

Для цитирования:

Зуева А.Г. Современные вызовы экономического сотрудничества РК и США // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 96–105. DOI: 10.31857/S013128120024220-3.

Мировой экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса COVID-19, в 2022 г. сменился новыми геополитическими и геоэкономическими вызовами. Надежды инвесторов на рост мировой экономики не оправдались, а цены на энергоносители в 2022 г. фиксировали исторический рекорд¹, параллельно увеличивались показатели инфляции не только в бедных странах, но и в странах с развитой и развивающейся экономикой. По прогнозам Корейского института международной экономической политики (КИЕП), ожидается, что в 2023 г. темпы роста мировой экономики составят 2,4 %, что на 0,7 % ниже, чем в 2022 г., а экономика развитых стран, например США, продемонстрирует рост не более 0,6 %².

¹ Газ обновляет ценовые максимумы в Европе, Азии и США // *Neftegaz.RU*. 23.08.2022.

URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/748020-gaz-obnovlyayet-tsenovyye-maksimumy-v-evrope-azii-i-ssha/> (дата обращения 21.11.2022).

² 2023 세계경제 전망 [Перспективы мировой экономики в 2023 году] // *КИЕП*. 10.11.2022.

URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a10102020000&bid=0003&act=view&list_no=10410&cg_code= (дата обращения: 20.11.2022).

В сложившихся обстоятельствах негативные тенденции не могли не повлиять на экспортоориентированную экономику РК. В отличие от положительных трендов во внешней торговле Южной Кореи, доминирующих в 2021 г., под давлением ряда внешних и внутренних факторов торговый баланс РК с апреля по октябрь 2022 г. находился в самом продолжительном дефиците за последние 25 лет, составив в октябре 2022 г. 6,7 млрд долл. После периода роста южнокорейского экспорта в течение 23 месяцев в октябре экспортные показатели пошли на спад. Экспорт в октябре 2022 г. составил 52,48 млрд долл., что на 5,7 % меньше, чем в том же месяце прошлого года³.

Одним из долгосрочных вызовов для южнокорейской экономики становится смена вектора во внешнеэкономической политике, связанная с приходом к власти в марте 2022 г. нового президента РК Юн Сок Ёля.

В стремлении сохранить и укрепить позиции лидера в сфере высокотехнологичного экспорта Сеул активно выступает за наращивание сотрудничества с Вашингтоном. Несмотря на то, что партнерство США и РК насчитывает уже более 70 лет, в настоящий момент экономические связи двух стран переживают этап стремительного роста. Одной из главных причин укрепления союза Сеула и Вашингтона стало нарастающее противостояние США и КНР в Северо-Восточной Азии⁴. Если до избрания президента Юн Сок Ёля администрации предыдущего президента Мун Чжэ Ина удавалось лавировать между двумя главными экономическими партнерами РК, то после мартовских выборов правительство президента Юна пошло на активное сближение с США в традиционных вопросах безопасности на Корейском полуострове, а также поддержало наращивание темпов сотрудничества между Сеулом и Вашингтоном в рамках экономической и технологической безопасности.

Знаковым событием для двусторонних отношений стал визит американского лидера 20 мая 2022 г. в Южную Корею, где в ходе саммита РК и США договорились о выстраивании диалога по целому ряду направлений. По мнению южнокорейских экспертов, в будущем посредством такого диалога Сеул и Вашингтон смогут укреплять стратегические связи по вопросам экономической безопасности на уровне администрации президентов и наращивать сотрудничество в сфере цепочек поставок в высокотехнологичных областях⁵.

По итогам встречи президента Дж. Байдена с президентом Юн Сок Ёлем были оглашены приоритетные направления для сотрудничества США и РК. Подготовленная декларация состояла из трех частей. Первая часть была посвящена вопросам урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове. Второй блок совместной декларации был обозначен как «стратегическое экономическое и технологическое партнерство». В него вошли следующие направления: взаимодействие в вопросах скорейшего внедрения экологически чистых технологий; расширение сотрудничества в области ядерной энергетики; создание устойчивой, глобальной цепочки поставок, где особое внимание необходимо уделить поставкам полупроводников, аккумуляторных батарей и полезных ископаемых; выполнение обязательств по борьбе с изменением климата. В третьем блоке

³ 홍국기. 10월수출2년만에 감소...7개월 연속 무역적자 ([2 сообщения] Снижение экспорта в октябре впервые за два года... Дефицит торгового баланса седьмой месяц подряд) // 연합뉴스. 01.11.2022. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20221101029451003?section=economy/all&site=major_news01 (дата обращения: 04.11.2022).

⁴ Alexander Downer, Eun Mee Kim, Nicolas Köhler-Suzuki, Pascal Lamy, Federica Mogherini, Ramon Pachec. Challenges and opportunities of Korean foreign policy as a developed country // KIEP. September 30, 2022. URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0001&list_no=10367&act=view (дата обращения: 20.11.2022).

⁵ Keynote Address by Wang Yunjong at ROK-U.S. Strategic Forum 2022 // CSIS. June 6, 2022. URL: <https://www.csis.org/analysis/keynote-address-wang-yunjong-rok-us-strategic-forum-2022> (дата обращения: 20.11.2022).

декларации лидеры отметили, что альянс РК и США перерос в глубокие и всеобъемлющие стратегические отношения. Кроме прочего, была достигнута договоренность об укреплении сотрудничества с целью достижения глобальной углеродной нейтральности к 2050 г. за счет использования водорода, чистых перевозок, ускоренных поставок автомобилей с нулевым уровнем выбросов, глобальных финансовых потоков; заявлено о стремлении сторон значительно сократить выбросы парниковых газов уже в 2020-х гг.⁶. Совместная декларация стала дорожной картой для двусторонних отношений РК и США, в ней были отражены сферы сотрудничества, представляющие максимальный интерес для обеих стран.

Однако, несмотря на ожидаемые успехи в двухсторонних экономических связях, в настоящий момент перед сотрудничеством РК и США встает определенный ряд вызовов, непосредственно влияющих на перспективы американо-южнокорейского партнерства.

Считаем, что одним из значимых вызовов для экономических отношений США и РК остается зависимость южнокорейской экономики от Китая. Обеспечить экономическую и технологическую безопасность или, другими словами, глубокую интеграцию экономики Южной Кореи и США в рамках обозначенной стратегии двустороннего альянса с участием в ней КНР не представляется возможным. В первую очередь потому, что американские инициативы во многом направлены на ослабление роли КНР в экономике США в целом и во внешнеэкономических связях РК в частности. Тем не менее уже многие годы США занимают только вторую позицию после лидера КНР во внешней торговле с РК. В том числе и в 2022 г. доля КНР в общем товарообороте РК составила 22 %, сохранив динамику прошлых лет⁷.

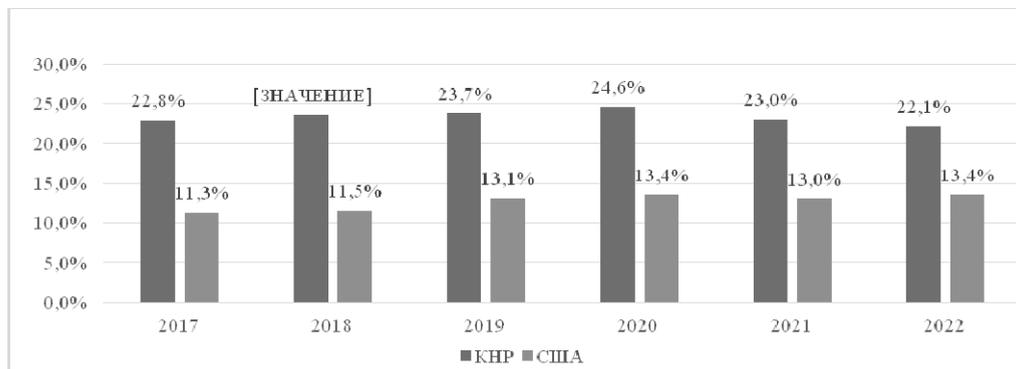

Рис. 1. Доля КНР и США в общем товарообороте РК с 2017–2022 (январь–ноябрь)

Figure 1. The share of China and the United States in the total trade turnover of the Republic of Korea from 2017–2022 (January–November)

Источник: Trade statistics. Korean customs. URL: https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do (дата обращения 22.11.2022).

Товарооборот РК с КНР за 11 месяцев 2022 г. составил 287,3 млрд долл., а товарооборот с США — 175,3 млрд долл. По сравнению с аналогичным периодом 2021 г. товарооборот с КНР увеличился на 5,5 %, а с США — на 13,3 %.

⁶ [전문]한·미정상공동성명 [[Полный текст] Совместное заявление президентов Республика Корея и США] // 정책브리핑. 21.05.2022. URL: <https://www.korea.kr/news/policyNews-View.do?newsId=148901846> (дата обращения: 19.09.2022).

⁷ Korean customs service. URL: https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do (дата обращения 22.11.2022).

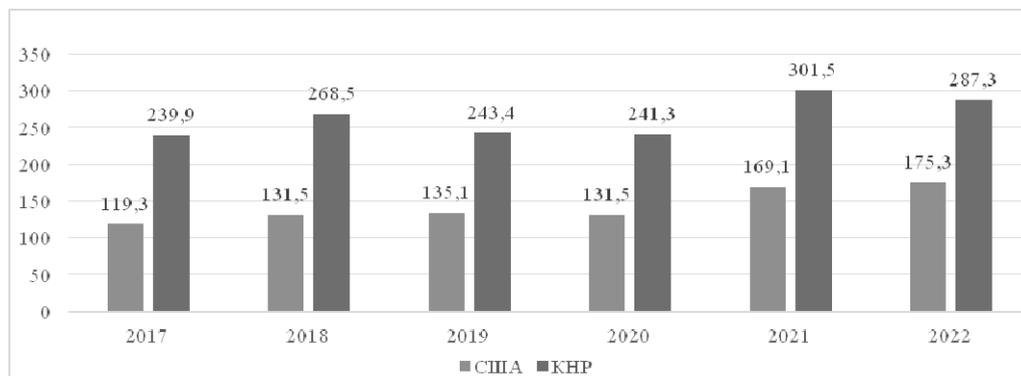

Рис. 2. Товарооборот Республики Корея с США и КНР 2017–2022 гг.
(январь — ноябрь)

Figure 2. Trade turnover of the Republic of Korea with the USA and China 2017–2022 (January — November)

Источник: Trade statistics. Korean customs. URL: https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do (дата обращения: 22.11.2022).

За 11 месяцев 2022 г. экспорт из РК в КНР составил 144,6 млрд долл., сократившись по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. на 2 %.

Экспорт из РК в США составил 100,4 млрд долл. за 11 месяцев 2022 г. увеличившись на 15,2 % по сравнению с прошлогодними показателями⁸.

Если экспорт из РК в КНР продемонстрировал снижение, то стоимостный импорт из Китая в Южную Корею по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. с января по октябрь увеличился в 2022 г. на 14 % и составил 142,7 млрд долл. Показатели импорта из США выросли на 10 % в период с января по ноябрь 2022 г. и составили 87,1 млрд долл. Подобная динамика в торговых показателях говорит о том, что уменьшить зависимость от китайского импорта в краткосрочной перспективе и без потерь для экономики РК невозможно⁹.

Однако, на наш взгляд, рост экспорта в США из РК является подтверждением заинтересованности стран в экономическом союзе и демонстрирует эффективность выбранных подходов со стороны Вашингтона для наращивания экономического сотрудничества с Сеулом.

Важным направлением сотрудничества в принятой декларации было обозначено партнерство в интересах устойчивого развития, в первую очередь в сфере борьбы с глобальным потеплением. Оба государства заявляют, что активно работают над экологической повесткой в своем стремлении достичь углеродной нейтральности, не только преодолевая сложности, но и сделав экспорт зеленых технологий драйвером для своих экономик.

По нашему мнению, за сделанным во время майской встречи лидеров РК и США заявлением о сотрудничестве в области устойчивого развития, зеленых технологий и атомной энергетики стоит не столько стремление решить как можно быстрее климатические проблемы, сколько национальные экономические интересы обеих стран. Поэтому конку-

⁸ Korea International Trade Association. URL: http://www.kita.org/kStat/byCount_AllCount.do (дата обращения: 23.11.2022).

⁹ Sam Kim, Sangmi Cha. South Korea. US Will Step up Efforts to Resolve Electric-Vehicle Spat // Bloomberg. September 14, 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-14/korea-us-will-step-up-efforts-to-resolve-electric-vehicle-spat> (дата обращения: 22.11.2022).

ренция в этих направлениях, и особенно в области атомной энергетики, станет еще одним вызовом для экономического сотрудничества Южной Кореи и Соединенных Штатов.

Именно поэтому возможное участие государственной южнокорейской корпорации Korea Hydro & Nuclear Power (KHNP) в проекте строительства второй АЭС в Польше неожиданно встретило сопротивление со стороны американской компании Westinghouse (WEC). Необходимо отметить, что польским правительством 28 октября 2022 г. американские партнеры были выбраны в качестве основных исполнителей для строительства первой атомной станции в районе Гданьского побережья. Вслед за оглашением результатов по первому польскому проекту уже 31 октября 2022 г. в Понтуве между KHNP и частной энергокомпанией ZERAК, а также государственной компанией Polska Grupa Energetyczna (PGE) было подписано письмо о намерении по совместной реализации строительства еще одной АЭС. Предполагается, что уже к концу 2022 г. будут составлены план и бюджет проекта замены тепловой электростанции, работающей на угле в Понтуве. Предварительная стоимость проекта оценивается более чем в 29 млрд долл., а сроки начала строительства намечены на 2026 г. Южная Корея планирует построить от двух до четырех энергоблоков мощностью 1400 МВт каждый с использованием реактора типа APR1400. Кроме того, представители Министерства внешней торговли, промышленности и энергетики РК и Министерства государственного имущества Польши заключили меморандум о взаимопонимании (MOU), в соответствии с которым Сеул и Варшава договорились об оказании поддержки данному проекту, а также об активизации двустороннего сотрудничества и обмена информацией в области атомной энергетики¹⁰.

Сложности начались за 10 дней до подписания соглашения между Польшей и РК, когда американская компания Westinghouse (WEC) подала иск против KHNP. Основная претензия со стороны WEC заключается в том, что тип реактора APR1400 содержит интеллектуальную собственность, ранее лицензированную WEC, и не может быть использован Южной Кореей для строительства ядерных объектов в Польше без уплаты лицензионных сборов. Кроме этого, Westinghouse стремится заставить KHNP соблюдать законы США, ограничивающие обмен ядерными технологиями.

Вероятно, таким образом США хотят заблокировать возможность участия KHNP в польском проекте, в чешском тендере на расширение АЭС «Дукованы» и в тендере на строительство двух новых реакторов в Саудовской Аравии¹¹.

Южнокорейская сторона в корне не согласна с иском американской компании. KHNP подчеркнула, что при экспорте своих АЭС в Польшу будет использовать ядерные технологии, разработанные компаниями РК и являющиеся их интеллектуальной собственностью¹².

По нашему мнению, количество подобных прецедентов между Сеулом и Вашингтоном продолжит увеличиваться, и чем активнее Южная Корея будет наращивать экспортные возможности атомных технологий, тем острее будет конкурентное противо-

¹⁰ 韓, 폴란드 민간 원전 최대 4기 건설 추진...폴란드 "100% 본계약 할 것 [Корея продвигает строительство до 4 частных АЭС в Польше... Польша «подпишет 100% основной контракт»] // YTN. 31.10.2022. URL: https://www.ytn.co.kr/_ln/0102_202210312113409542 (дата обращения: 01.12.2022).

¹¹ New Twists and Turns in Poland's Push for Nuclear Reactors // *Neutron Bytes*. November 9, 2022. URL: <https://neutronbytes.com/2022/11/09/new-twists-and-turns-in-polands-push-for-nuclear-reactors/> (дата обращения: 01.12.2022).

¹² Westinghouse tries to exclude South Korea from Poland's NPP project // *Nuclear engineering international*. October 27, 2022. URL: <https://www.neimagazine.com/news/newswestinghouse-tries-to-exclude-south-korea-from-polands-npp-project-10122581> (дата обращения: 10.12.2022).

стояние в этой сфере с США, даже несмотря на заявление политиков о перспективном сотрудничестве в ядерной энергетике между двумя странами.

Во второй половине 2022 г. в южнокорейском экспертном сообществе и прессе все чаще поднимается вопрос, действительно ли экономическая интеграция со Штатами будет настолько выгодной для Южной Кореи¹³. Подобные опасения связаны с тем, что внешнеэкономическая политика США все отчетливее приобретает черты протекционизма и такой тренд будет иметь негативные последствия для всех торговых партнеров Вашингтона. Именно американскую протекционистскую политику можно считать третьим вызовом для внешнеэкономических связей РК и США.

Подтверждением опасений для южнокорейской стороны стал закон по борьбе с инфляцией, подписанный президентом Джо Байденом 16 августа 2022 г. Документ, который американская администрация называет «Акт о сокращении инфляции» (Inflation Reduction Act of 2022 — IRA), требует, чтобы производители электромобилей быстро уменьшали свою зависимость от Китая в отношении компонентов и материалов для аккумуляторов¹⁴. Вследствие этого иностранные производители должны будут выполнять определенный ряд требований для того, чтобы сохранить конкурентное преимущество на американском рынке.

Что касается самих требований, то компоненты автомобильных аккумуляторов должны производиться или собираться в Северной Америке, а критически значимые материалы¹⁵, необходимые для изготовления аккумуляторных батарей, должны поступать из США или стран-партнеров, имеющих соглашение о свободной торговле. Удельный вес таких материалов должен быть не менее 40 % (с 1 января 2023 г.) с его дальнейшим увеличением до 80 % (к 2027 г.). В свою очередь, Южная Корея импортирует более 80 % критически важных материалов из КНР, и с таким объемом зависимости от китайских компонентов диверсифицировать цепочки поставок в короткий срок не представляется возможным¹⁶. Иностранные производители теряют конкурентные преимущества перед американскими компаниями, поскольку субсидии в размере 3 500–7 000 \$ на покупку электромобиля будут предоставляться с 1 января 2023 г. при соблюдении требований IRA к электромобилям и аккумуляторам.

По данным Hyundai Motor America (дочерней компании Hyundai), в ноябре 2022 г. было продано 1 193 флагманских электромобиля IONIQ 5, включая гибридные модели, что на 24,4 % меньше, чем 1 580 автомобилей, проданных в октябре. Продажи Kia EV6 демонстрируют снижение продаж третий месяц подряд, и если в октябре было продано 1 186 единиц, то в ноябре – 641 электромобилей, буквально за месяц сокращение продаж составило 46 %¹⁷. На наш взгляд, подобная динамика мо-

¹³ [문정인 칼럼] '경제안보동맹'이 흔들리는 한국의 이익 [[Колонка Мун Чжон Иля] интересы Кореи потрясены «альянсом экономической безопасности»] // 한겨레. 31.10.2022.

URL: <https://www.hani.co.kr/arti/opinion/column/1064930.html> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁴ Heejin Kim. Hyundai and Korean Battery Makers Bristle at Biden Climate Bill // *Bloomberg*. August 24, 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-24/korean-battery-automakers-bristle-over-us-clean-energy-act> (дата обращения: 19.09.2022).

¹⁵ К критически значимым минералам, на которые распространяется это требование, относятся алюминий, сурьма, сульфат бария, бериллий, церий, цезий, хром, кобальт, графит, литий, марганец, никель и др.

¹⁶ Korean battery makers may lose tax grant in US unless they wean off Chinese materials // *Pulse*. August 22, 2022. URL: <https://pulsenews.co.kr/view.php?sc=30800018&year=2022&no=740924> (дата обращения: 23.11.2022)

¹⁷ Sales of Hyundai, Kia EVs Drop in Months Following IRA Passage // *KBS World*. December 2, 2022. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=174212 (дата обращения: 20.12.2022).

жет быть непосредственно связана с ожиданиями американских покупателей от скорого вступления в силу IRA.

В то же время, не дожидаясь положительного решения вопроса со стороны США об особых условиях для себя, южнокорейские компании по производству аккумуляторов для электромобилей приступили к процессу диверсификации цепочек поставок, чтобы снизить свою зависимость от Китая. LG Solution подписала меморандум с канадскими компаниями на поставку лития и кобальта, а SK On заключила договор для обеспечения долгосрочных поставок spodумена с австралийской Global Lithium Resources¹⁸.

Еще одним шагом на пути к диверсификации южнокорейских поставок критических элементов для аккумуляторных батарей, согласно требованию IRA, стало решение компании LG Chem о создании предприятия на территории штата Теннесси к 2025 г. LG Chem инвестирует не менее 3 млрд долл. на проект по строительству завода, способного производить 120 000 т в год критически важного компонента — катода. Завод будет расположен в Кларксвилле, на участке площадью 1,7 млн м². Строительство объекта начнется в первом квартале 2023 г., а массовое производство запустят во второй половине 2025 г. По данным штата Теннесси Южная Корея входит в первую десятку стран по количеству прямых инвестиций. Двадцать корейских фирм инвестировали в штат 2,2 млрд долл. и обеспечили рабочими местами более 3 500 человек¹⁹.

Таким образом, несмотря на выступление южнокорейских политиков и их европейских коллег против требований IRA, компании РК постепенно продолжают подстраиваться под принятые Вашингтоном протекционистские меры, и даже их многомиллиардные инвестиции в США не стали поводом для внесения изменений в закон²⁰.

Еще одним примером агрессивной торговой политики Вашингтона служат экспортные ограничения в отношении полупроводниковой промышленности КНР. В пакет мер, принятых Соединенными Штатами в октябре 2022 г., вошли следующие пункты: строгое ограничение на экспорт в КНР оборудования и микросхем, а также запрет гражданам и организациям США на работу с китайскими производителями чипов. Кроме этого, без получения специального разрешения произведенные с использованием американских технологий чипы для высокопроизводительных вычислительных систем, суперкомпьютеров и систем искусственного интеллекта (AI) могут продаваться в Китай только при наличии лицензии на экспорт²¹.

По мнению южнокорейских экспертов Samsung Electronics и SK Hynix, несмотря на приостановку для них на год механизмов экспортного контроля, в среднесрочной перспективе компании понесут убытки и столкнутся с трудностями в плане модернизации ключевых производственных мощностей.

В период с 1997 по 2020 г. Samsung Electronics инвестировал в производство полупроводников на территории КНР около 17,1 млрд долл., в это же время инвестиции в США были значительно скромнее и составили 3,8 млрд долл. (22 % от инвестиций в КНР). Samsung продолжает расширять инвестиции как в США, так и в Китай. У

¹⁸ Южная Корея примет меры, чтобы соблюсти закон о снижении инфляции в США // *ИА Красная весна*. 29.09.2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/772d195d> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁹ *Son Ji-hyoung*. LG Chem to build \$3.2b battery material plant in US // *The Korea Herald*. 22.11.2022. <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221122000535> (дата обращения: 22.11.2022).

²⁰ IRA challenge for Korea // *The Korean Times*. December 04, 2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/12/202_341084.html (дата обращения: 14.12.2022).

²¹ Запрет США на экспорт полупроводниковых технологий ударит по всей китайской IT-отрасли // *Финмаркет*. 10.10.2022. <http://www.finmarket.ru/database/news/5817450> (дата обращения: 20.10.2022).

SK Hynix главным направлением для иностранных инвестиций тоже стала Поднебесная, общий объем вложенных средств составил 24,9 млрд долл.²²

Подобными ограничениями Вашингтон не только борется с технологической мощью КНР, но и приглашает Сеул к активному сотрудничеству в рамках альянса 4 Chips с участием Японии и Тайваня. По мнению южнокорейских исследователей, участие Южной Кореи в группе производителей полупроводников под руководством США в краткосрочной перспективе позволит уменьшить негативное влияние экспортного контроля на экономику РК, даже при условии сокращения поставок полупроводников в КНР²³.

Еще одной причиной, по которой РК склоняется к работе в формате 4 Chips, стала зависимость южнокорейских компаний на 77,5 % от поставок исходных технологий из Японии, США и Нидерландов. Эти три крупнейшие страны-экспортера монополизировали рынок оборудования для производства полупроводников. Согласно отчету Корейской международной торговой ассоциации (КИТА), южнокорейская полупроводниковая промышленность фундаментально зависит от Соединенных Штатов и их союзников по причине того, что у РК нет возможности найти других поставщиков. Эксперты КИТА отмечают, что Южной Корее необходимо рассмотреть возможность участия в альянсе для бесперебойного доступа к новому оборудованию в среднесрочной перспективе. Кроме этого, в долгосрочной перспективе РК необходимо нарастить инвестиции в исследования и разработки для локализации в стране производства полупроводникового оборудования²⁴.

Однако, на наш взгляд, полноценное участие Сеула в альянсе 4 Chips поставит полупроводниковую промышленность Южной Кореи в беспрецедентную зависимость от Вашингтона и его союзников. Вероятен сценарий, по которому РК не сможет самостоятельно заниматься производством передового оборудования в полупроводниковой отрасли, а любые попытки выйти на рынок и составить конкуренцию Соединенным Штатам будут пресекаться посредством судебных исков, экспортных ограничений и других протекционистских мер.

Таким образом, на пути экономического сотрудничества РК и США, несмотря на заявления о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, встают серьезные препятствия.

В настоящий момент Сеул готов пожертвовать своим технологическим и экономическим суверенитетом для укрепления внешнеэкономических связей с Вашингтоном. Главными вызовами для американо-южнокорейского партнерства, на наш взгляд, в среднесрочной перспективе станут: нарастающее экономическое противостояние Соединенных Штатов и КНР; жесткая конкурентная борьба за новые рынки в областях, связанных с зелеными технологиями, особенно в сфере атомной энергетики; протекционистская политика США, направленная на контроль и монополизацию рынка высокотехнологичной продукции.

Роль Соединенных Штатов как главного стратегического союзника для РК не только в сфере противодействия военным угрозам, но и в сфере экономической безопасности будет только расти, что приведет к сокращению экономических связей с КНР и усилению зависимости от политики Вашингтона. Полагаем, что подобный формат торго-

²² Kim Yon-se. Chip firms invested 10 times more in China than US: lawmaker // *The Korean Herald*. October 24, 2022. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221024000595> (дата обращения: 19.12.2022).

²³ Hyung-Gon Jeong. The U.S.-China Battle for Semiconductor Supremacy and Reshaping of Global Supply Chain // *KIEP*. October 13, 2022. URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0007&act=view&list_no=10376 (дата обращения 20.12.2022).

²⁴ 최근 반도체장비 교역동향 및 시사점 [Последние тенденции и последствия торговли полупроводниковым оборудованием] // *Korean international trade association (KITA)*. 02.11.2022. URL: <https://www.kita.net/cmmrcInfo/internationalTradeStudies/researchReport/focusBriefDetail.do?no=2363&Classification=1> (дата обращения: 22.12.2012).

во-экономического сотрудничества с США будет негативно влиять на экономическое развитие Южной Кореи, постепенно ослабляя его.

Литература

- Зуева А.Г., Самсонова В.Г., Семина Л.И. Экономика Республики Корея в условиях новых вызовов // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 3. С. 43–55.
- Alexander Downer, Eun Mee Kim, Nicolas Köhler-Suzuki, Pascal Lamy, Federica Mogherini, Ramon Pachec. Challenges and opportunities of Korean foreign policy as a developed country // *KIEP*. September 30, 2022.
URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0001&list_no=10367&act=view (дата обращения: 20.11.2022)
- Hyung-Gon Jeong. The U.S.-China Battle for Semiconductor Supremacy and Reshaping of Global Supply Chain // *KIEP*. October 13, 2022
URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0007&act=view&list_no=10376 (дата обращения: 20.12.2022)
- 2023 세계경제 전망 [Перспективы мировой экономики в 2023 году] // *KIEP*. November 10, 2022.
URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a10102020000&bid=0003&act=view&list_no=10410&cg_code= (дата обращения: 20.11.2022).
- 최근 반도체장비 교역동향 및, 시사점 [Последние тенденции и последствия торговли полупроводниковым оборудованием] // *Korean international trade association (KITA)*. November 2, 2022
URL: <https://www.kita.net/cmmrcInfo/internationalTradeStudies/researchReport/focusBriefDetail.do?no=2363&Classification=1> (дата обращения: 22.12.2012).

Modern Challenges of Economic Cooperation between the Republic of Korea and the United States

Alexandra G Zueva

Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia Russian Academy of Sciences. (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-9394-0733. E-mail: zueva@iccaras.ru

Received 31.12.2022.

Abstract:

For the past 20 years, South Korea has successfully balanced between its main trading partners, the US and China. However, with the new president's accession to power in March 2022, the Republic of Korea has become more and more committed to the US strategic alliance, while not losing interest in trade with China. Washington seeks to use various economic instruments to get the maximum benefit from the alliance with Seoul. The declared areas of strategic partnership within the framework of the US-South Korea alliance are facing a number of challenges provoked by the US protectionist policy and Washington's desire to maintain influence in key areas. The Republic of Korea is trying to secure comfortable conditions for cooperation, but at the same time, it is gradually adapting to new American requirements. South Korea, like the United States, is striving for leadership in the high-tech market and is currently competing rather than working as a team. Thus, in the future, with continued pressure from Washington, companies in the Republic of Korea may lose their competitive advantages in world markets, and even become completely dependent on the United States. These tendencies lead to the strengthening of the opinion in South Korean society that deep economic integration with America may not be in the national interests of the Republic of Korea.

In the article, the author analyzes the existing challenges in the economic relations between the Republic of Korea and the United States in 2022. In addition, challenges are predicted that can have a greater impact on US-South Korean foreign trade relations in the foreseeable future.

Key words:

Republic of Korea, USA, China, foreign economic relations, strategic partnership, economic security, sustainable development, Inflation Reduction Act (IRA)

For citation:

Zueva A.G. Modern Challenges of Economic Cooperation between the Republic of Korea and the United States // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 1. Pp. 96–105. DOI: 10.31857/S013128120024220-3.

References

- Alexander Downer, Eun Mee Kim, Nicolas Köhler-Suzuki, Pascal Lamy, Federica Mogherini, Ramon Pachec*. Challenges and opportunities of Korean foreign policy as a developed country. *KIEP*. September 30, 2022.
URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0001&list_no=10367&act=view (accessed: 20.11.2022)
- Hyung-Gon Jeong*. The U.S.-China Battle for Semiconductor Supremacy and Reshaping of Global Supply Chain. *KIEP*. October 13, 2022.
URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0007&act=view&list_no=10376 (accessed: 20.12.2022).
- Zueva A.G., Samsonova V.G., Semina L.I.* Ekonomika Respubliki Koreya v usloviyah novykh vyzovov [Economy of the Republic of Korea in the face of new challenges]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2022. No. 3. Pp. 43–55. DOI: 10.31857/S013128120020657–3. (In Russ.)
- 2023 세계경제 전망 [2023 World Economic Outlook]. *KIEP*. November 10, 2022.
URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a10102020000&bid=0003&act=view&list_no=10410&cg_code= (accessed: 20.11.2022). (In Kor.)
- 최근 반도체장비 교역동향 및, 시사점 [Recent Semiconductor Equipment Trade Trends and Implications]. *Korean international trade association (KITA)*. November 2, 2022
URL: <https://www.kita.net/cmmrcInfo/internationalTradeStudies/researchReport/focusBriefDetail.do?no=2363&Classification=1> (accessed: 22.12.2012). (In Kor.)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ / THEORY AND METHODOLOGY

Эпохальная триада китайских революций

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024393-3

Кондрашова Людмила Ивановна

Доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: lu270133@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2022.

Аннотация:

Современная китайская теория «тройной революции» учитывает три водораздела истории КНР: 1) «революция захвата власти», приведшая к свержению старого режима и установлению нового (1949 г., дата провозглашения КНР); 2) «революция реформирования», проложившая путь самосовершенствования и развития социалистической системы (1978 г., начало политики «реформ и открытости»); 3) «переходная, или трансформационная революция», завершающая первичную стадию построения социалистического общества (2012 г., проведение XVIII съезда КПК).

Революция 1949 г. носила новодемократический характер и закрепила социалистическую ориентацию. Однако вскоре после революции при жизни Мао Цзэдуна победу одержал левацкий курс, и в ускоренном темпе были пройдены все фазы социалистического строительства (политика «новой демократии», социалистические преобразования и переход к коммунизму через «культурную революцию»). Начатая в конце 1978 г. программа рыночных преобразований и «смешанной экономики» позволила колоссально нарастить экономический потенциал и повысить жизненный уровень населения, но обернулась рядом отрицательных последствий («утраты знамени», т.е. отступления от конечной цели социалистического курса. Господство экономики над политикой, пришедшееся на годы реформ, привело к потерям в сфере морали, создало угрозу вестернизации и раскола страны. Приход к власти пятого поколения китайских руководителей в 2012 г. во главе с Си Цзиньпином ознаменовался существенной корректировкой политики «реформ и открытости» и проведением ряда важных мероприятий социального характера, включая борьбу с коррупцией и с бедностью.

«Свой путь», который сейчас прокладывает Китай, можно рассматривать как переход от стадии «социализма с китайской спецификой» с чертами «государственного капитализма» к его новой стадии, близкой к понятию «рыночного социализма», отличающегося специфической конвергентностью «плана и рынка». Можно предположить дальнейшее укрепление социалистических начал в последующие годы. Учитывая особенности современного внутреннего и внешнего положения Китая, проведение намеченной стратегии будет сопряжено с немалыми трудностями и обострением внутривластной борьбы.

Ключевые слова:

Китай, перманентная революция, «реформа и открытость», марксизм, капитализм, социализм, конвергенция, историческое развитие, периодизация.

Для цитирования:

Кондрашова Л.И. Эпохальная триада китайских революций // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 106–120. DOI: 10.31857/S013128120024393-3.

Понятия «революция» и «реформа»

В общественных науках «революцией» принято считать массовое социальное движение, чаще всего в вооруженной форме, приводящее к системным общественным преобразованиям («капитальный ремонт»), а «реформой» — государственные преобразования эволюционного характера без смены социально-общественной системы («текущий

ремонт»). Но существует кардинальный тип реформ, «когда преобразуется вся общественная система, все ее основные элементы», т.е. происходит создание нового строя. В таких бифуркационных точках реформы идентичны революционным трансформациям (синтез мирной революции и реформы, иначе, «революция»).

Родоначальники марксизма считали капитализм высшей стадией исторического развития, обреченной на кризис и замену новым справедливым общественным устройством под условным названием «коммунизм», который положит конец эксплуатации человека человеком и наличию классовых различий, приведет к преодолению пороков рыночных и частнособственнических отношений, отмиранию государства и согласованию индивидуальных и общественных интересов.

Со временем сформировалось представление о социализме как первой стадии коммунизма, которой предшествует исторически запрограммированный политический «Рубикон» между капитализмом и посткапитализмом в виде «социалистической революции». «Запевалами» нового общества признавались развитые капиталистические страны.

При перенесении идеи социализма в условия неевропейских стран, не прошедших стадию первоначального капиталистического накопления, возникло противоречие между намеченной некапиталистической направленностью общественного прогресса и потребностью освоения всех технических достижений капиталистического строя. Именно в такой разноречивой ситуации оказалась Россия накануне событий 1917 г., когда созревали две формационно-разнохарактерные революции: 1) буржуазная, ликвидирующая преграды уже начавшегося становления капиталистической системы с рыночными отношениями и политическим порядком выборной демократии, и 2) пролетарская, отрицающая принципы западной демократии, господство частной собственности и жесткой конкуренции. Раскол внутри российского революционного лагеря касался стратегических вопросов. Меньшевики, стоявшие на позиции «неподготовленности социалистической революции» в России в силу неразвитости капитализма и отсутствия поддержки со стороны мирового пролетариата, придерживались логики марксизма и отодвигали взятие власти до момента «дозревания» капитализма и исчерпания его потенциалов. Ленин и большевики призывали использовать установление своей власти для ускоренного развития производительных сил в интересах широких народных масс. Ход мирового развития не «по Марксу», а «по Ленину» потребовал серьезной корректировки коммунистического учения.

Победа Октябрьской революции 1917 г. была воспринята в народе как преддверие осуществления традиционной мечты о социальной справедливости. Вместо этого после кратковременного введения «военного коммунизма», показавшего непригодность утопических расчетов на близкое «светлое будущее», страна по инициативе Ленина приступила к проведению «новой экономической политики» с сохранением многоукладности и развитием товарно-денежных отношений. Попытку немедленного вступления в социализм сменила ленинская концепция о «перерастании» буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, о предварительном этапе «достройки» капитализма. Касаясь формационной сущности НЭПа, Ленин не убоился его отождествления с госкапитализмом. При этом он сделал важное замечание относительно специфики госкапитализма в советской России, где не только земля, но и важнейшие части промышленности оказались в руках пролетарского государства¹. Тогда же сложились две точки зрения на «опосредованный» переход к социализму: как на короткий период временного отступления либо как на относительно длительный этап предсоциализма или даже начальный этап социализма, через который должны пройти все слаборазвитые страны, пре-

¹ Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 45. С. 289.

одолевающие свою отсталость и феодальные пережитки. Ленинская концепция двухфазового перехода к социализму имеет сходство с троцкистской теорией «перманентной революции», но отличается от нее в подходах к союзникам пролетариата, в оценках роли крестьянства и буржуазии и степени зависимости от мировой революции. Сталинскую власть Троцкий рассматривал как деформированное рабочее государство, в котором вопрос «кто кого» окончательно не решен. По его словам, «либо бюрократия, все более становящаяся органом мировой буржуазии в рабочем государстве, опрокинет новые формы собственности и отбросит страну к капитализму, либо рабочий класс разгромит бюрократию и откроет выход к социализму»². История подтвердила правоту этого прогноза.

Революционный процесс в КНР

К моменту образования Китайской Народной Республики Китай оставался экономически слабобразвитой, «полуфеодальной и полукOLONиальной» страной, пережившей национальное унижение в годы господства маньчжурской династии, европейской экспансии и японской оккупации. Дореволюционный общественный строй отличался сочетанием трех начал: «европейское (иностраный сектор) — переходное (национальный капитализм) — азиатское (традиционные экономика и социум)»³. В своем докладе на XIX съезде КПК Си Цзиньпин определил существовавшее в Китае с древности вплоть до образования КНР общественное устройство как «феодально-абсолютистскую политическую систему», или, иначе, «бюрократический феодализм»⁴. Многие исследователи видят в дореволюционном Китае аналог того самого «азиатского способа производства», о котором говорил в свое время Карл Маркс, рассматривавший азиатскую структуру, неизвестную с развитой частной собственностью, как единство общин и возвышающегося над ними государства во главе с «восточным деспотом». При господстве принципа «власть-собственность» индивидуальная эксплуатация играла подчиненную роль по сравнению с государственной эксплуатацией, зачатки капитализма естественным путем не могли перерасти в целостную капиталистическую формацию.

В первой половине XX в. на стадии национально-освободительной революции разные политические силы Китая в поисках выхода из экономической отсталости и политической зависимости выдвигали свои варианты преодоления феодального наследия. Но примечательно, что обеим главным фракциям освободительного движения в Китае — революционно-радикальной (во главе с компартией) и консервативно-реформистской (во главе с партией Гоминьдан) — было свойственно предпочтение традиционных ценностей и самобытного государства при настороженном отношении к опыту развитых капиталистических стран.

Среди выдвигавшихся проектов будущего Китая наибольшего внимания заслуживает концепция первого президента Китайской республики Сунь Ятсена, отстаивавшего согласование интересов труда и капитала и использование капиталистического опыта и его технических достижений в деле ускоренного экономического подъема страны. Социально-экономические преобразования мыслились им как непрерывное возрастание мощи китайского государства с взаимовыгодным партнерством государственного и частного предпринимательства. Отдавая должное классикам марксизма и успехам советской власти, Сунь Ятсен не воспринимал целиком марксистское учение из-за его «защик-

² Троцкий Л.Д. Перманентная революция. М.: Аст, 2005. С. 307.

³ Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 246.

⁴ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // Агентство «Синьхуа». 03.11.2017. URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 12.06.2022).

ленности» на классовой борьбе и неприятия рыночных отношений и частной собственности. По словам академика С.Л. Тихвинского, Сунь Ятсен, идеализировавший моральные установки протестных движений в старом Китае и осуждавший непримиримую классовую борьбу, выступал приверженцем некоего идеального государственного капитализма конвергентного типа. «Идея моя, — писал Сунь Ятсен, — сводится к следующему: заставить капитализм создать в Китае социализм с тем, чтобы эти две экономические силы человеческой эволюции могли работать бок о бок для будущей цивилизации»⁵.

На рубеже 1930–1940-х гг., ощущая необходимость союза всех патриотически настроенных общественных слоев в противостоянии японской интервенции, лидер коммунистов Мао Цзэдун выдвинул концепцию «новой демократии». Она опиралась на рекомендации Коминтерна с учетом сложного положения в стране, вызванного японской агрессией и военными конфликтами милитаристов. Союз с гоминьдановцами в рамках «единого антияпонского фронта» содействовал сближению стратегических планов КПК с Гоминьданом. Ориентируясь во многом на идеи Сунь Ятсена, Мао Цзэдун считал, что Китай после освобождения должен следовать путем «ограничения капитала» и уравнительного распределения земли, не отказываясь от частной собственности и рыночных отношений. Разрабатывая свою программу «перманентной революции», Мао Цзэдун в то время отодвигал перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую на отдаленное будущее. В своей работе 1940 г. «О новой демократии» он писал: «Сегодняшняя задача революции в Китае — борьба против империализма и против феодализма. Пока эта задача не выполнена, о социализме говорить не приходится. Китайская революция должна пройти две фазы — фазу новой демократии и только затем фазу социализма. Мы не мечтатели и не можем отрываться от условий реальной действительности»⁶.

Революция 1949 г. в Китае (первая из рассматриваемой триады китайских революций) носила национально-освободительный и общедемократический характер. Принятая в 1949 г. Программа Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), выполнявшая на первых порах роль Конституции, провозгласила КНР «государством новой демократии» с установлением власти единого фронта рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии и разного рода патриотических сил. Программа НПКСК содержала положение о немедленной конфискации собственности компрадорской буржуазии и одновременно — о защите прав и частной собственности крестьянства и национальной буржуазии наряду с укреплением основ государственной и кооперативной собственности. Эта политика «новой демократии» при концентрации власти в руках рабоче-крестьянского правительства и компартии напоминает ленинскую новую экономическую политику. Полной аналогии не может быть в силу целого ряда цивилизационных, геополитических и сугубо экономических причин. Китайская «новая демократия» задумывалась как продолжение идеологии «единого фронта» китайского революционного авангарда и как наиболее соответствующее условиям слаборазвитости «смешанное развитие» с расчетом на достаточно долгий срок существования при опоре на моральную и материальную поддержку СССР.

В первые послереволюционные годы были проведены важные общедемократические преобразования: установление нового административного аппарата, реквизиция иностранных монополий, преодоление целого ряда феодальных обычаев, проведение аграрной реформы с экспроприацией помещичьих земель. В середине 1953 г., когда в основном закончилось восстановление народного хозяйства, было объявлено о решении задач, поставленных новодемократической революцией, и о начале выполнения первого

⁵ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Наука, 1964. С. 24.

⁶ Мао Цзэдун. О новой демократии // Избранные произведения: в 4-х т. Т. 3. С. 232–233.

пятилетнего плана. Принятая в конце 1953 г. «генеральная линия переходного периода» провозгласила курс на постепенную индустриализацию и поэтапные социалистические преобразования во всех сферах экономики. Однако намеченный градуализм действий вскоре был сметен левацким авантюризмом. В течение 1955–1956 гг. все частные капиталистические предприятия были национализированы либо реорганизованы в государственно-частные, индивидуальные кустари и торговцы объединены в кооперативы, в сельском хозяйстве проведена коллективизация. Уничтожение частной собственности позволило заявить на VIII съезде КПК (1956 г.) о том, что противоречия между пролетариатом и буржуазией в основном разрешены, положен конец классовой эксплуатации, существовавшей в течение нескольких тысячелетий, создан социалистический общественный строй⁷. Эта оценка созвучна той, что была дана Сталиным советской действительности в 1936 г. Такой итог «революции сверху» создал колоссальный разрыв между формальным и реальным обобществлением производительных сил, что открыло дорогу разного рода кампаниям псевдосоциалистического толка.

Вскоре после досрочного выполнения первой пятилетки в Китае разразилась кампания «большого скачка», предполагавшая форсированное проведение общественных преобразований. Состоявшаяся в мае 1958 г. на новой волне революционного экстремизма 2-я сессия VIII съезда КПК провозгласила лозунг «напрягая все силы, плыть против течения, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее». Согласно расчетам Мао Цзэдуна, Китай должен был в течение 3 лет догнать Англию по производству стали, а за 10 лет обогнать США и удивить весь мир новым типом общественно-государственного устройства.

По планам «большого скачка» вся страна должна была превратиться в одну величественную Коммуну, объединяющую военизированные социальные ячейки («народные коммуны»). Поголовная коммунизация предполагала слияние города и деревни, свертывание товарно-денежных отношений, отказ от материального стимулирования труда. Провозглашенный курс «подготовки к войне» предполагал, что каждый крупный регион, обеспечивая себя всем необходимым и располагая комплексом подземных бомбоубежищ, будет способен выдержать любую военную блокаду.

Ликвидация трагических последствий «большого скачка» в виде массового голода и дезорганизации производства происходила с помощью «политики урегулирования», возвращавшей к методам хозяйствования первой пятилетки с частичными рыночными новациями (сорванный проект хозяйственной реформы в 1959 г.). Столкнувшись с противодействием своим планам коммунизации Китая и спекулируя на угрозе «реставрации капитализма», Мао Цзэдун развернул в конце 1960-х гг. кампанию «культурной революции», которая выродилась в грандиозную расправу с оппозицией, привела к разгулу анархии и новым авантюрам в стиле «большого скачка». Отряды *хунвэйбинов* громили местные органы управления и устраивали показательные суды над партийными «предателями». На новые «комплексные» управленческие органы («революционные комитеты») возлагались функции одновременно хозяйственного, административного, политического и военного контроля.

Горячая фаза «культурной революции» завершилась в 1969 г., а неопределенная ситуация в верхах и дестабилизация экономики растянулась вплоть до смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. В официальной пропаганде преобладало резко негативное отношение к экономическим методам управления, учитывающим действие закона стоимости.

⁷ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956. С. 308.

Китайская политика «реформ и открытости» (1979–2011 гг.)

События, произошедшие в конце 1970-х гг. после смерти Мао Цзэдуна, и объявление о начале широкомасштабной реформы Дэн Сяопин назвал «второй революцией» (после революции 1949 г.). Для такого определения есть все основания. Налицо насильственная смена власти и приход к руководству сторонников институционального реформирования, что свойственно политической революции; реанимация частной собственности и обращение к рыночным отношениям (экономическая революция); изменение социальной структуры и формирование предпринимательского сословия (новой буржуазии). Объявленная «открытость» внешнеэкономической политики покончила с замкнутостью и экономическим протекционизмом, вовлекла Китай в мировой рынок и в руководимый США процесс глобализации. Отход от маоистских начинаний и осуждение советского опыта, установление широких дипломатических, образовательных и научных контактов с зарубежьем подтолкнули распространение либеральных концептов и вестернизаторских настроений.

Рыночную направленность реформ дополняла ставка на использование сравнительных преимуществ Китая в виде больших резервов рабочей силы, партийного контроля и наследия конфуцианской этики. Это позволило, преодолев кризис 1989 г. (студенческие выступления), придержать становление сферы социального обеспечения и провести такие непопулярные в народе мероприятия, как ограничение рождаемости и лишение сельских мигрантов преимуществ городской прописки. Повышение заработной платы и доходов крестьян, идеологическая пропаганда и присутствие во власти такой харизматической личности, как Дэн Сяопин, помогли обеспечить необходимую стабильность в стране.

Идеологическое кредо самого Дэн Сяопина отличалось прагматичностью и определенной двойственностью. С одной стороны, ему принадлежит почетное авторство опубликованных в марте 1979 г. «четырёх руководящих принципов» (социалистический путь, руководство компартии, диктатура пролетариата, верность марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна), а также тезисов «социализм с китайской спецификой» и «социалистическая рыночная экономика». С другой стороны, широкую известность приобрели его метафорические высказывания типа: «не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей», «отступить на шаг назад, чтобы сделать потом два шага вперед», «пусть одни обогащаются раньше других». Противоречивую реакцию вызвало его замечание на заседании Политбюро ЦК КПК в марте 1992 г. относительно бесполезности дискуссий по поводу выбора наиболее подходящей «фамилии» для Китая — социализм или капитализм. Эти слова противоречат его более ранним высказываниям. После событий 1989 г. он говорил: «Некоторые товарищи хотели бы вместо слова “реформа” употреблять слова “либерализация”, “капитализация”. В их понимании реформа — это и есть капитализация. Наше же представление о реформе принципиально иное. Этот вопрос следует тщательно обсудить»⁸. На современном этапе большое значение придается дэновской интерпретации «основного» и «конкретного» строя, с которой пытаются соотнести формулу оптимальной структуры собственности на средства производства «3–4–1–1–1» (по десяткам процентов, т.е. 30 % государственной экономики, 40 % коллективной, 10 % индивидуальной, 10 % частной и 10 % иностранной экономики)⁹.

Грандиозные экономические успехи, достигнутые Китаем в годы реформ, подтвердившие правильность выбранного курса, работали на положительный имидж власти и вселяли надежды на перспективы дальнейшего наращивания экономической мощи и

⁸ 邓小平文选 [Дэн Сяопин. Избранные произведения]. 第3卷. 北京: 人民出版社, 1993. 第137–138页.

⁹ Чэн Эньфу. Китайский новаторский марксизм. М.: Родина, 2021. С. 232.

международного авторитета страны. Тем не менее даже самые преданные поклонники «китайского чуда» не могли оспаривать тот факт, что в погоне за экономическим ростом и «модернизацией» Китай пренебрег жизненными интересами народа, пожертвовал своей естественной средой, многими историческими традициями, прежде всего традициями семьи и коллективизма.

Критика итогов реформы шла с двух сторон — «справа» и «слева». Хотя лагерь поклонников абсолютного господства рынка, «нормальных» частнособственнических отношений, выборной демократии серьезно пострадал в результате тяньаньмэньских событий 1989 г., прозападная ориентация получала подпитку со стороны нового слоя предпринимателей, представителей научной и творческой интеллигенции, обучавшихся и работавших какое-то время за рубежом. Китайских либералов не устраивали половинчатость преобразований, тормозящая переход к «цивилизованному» рынку, сохранение государственного и партийного вмешательства в экономику и личную жизнь. Критики «слева» настаивали на том, что увлечение рынком воспроизводит многие беды, свойственные капитализму, угрожающие делу социалистического строительства и повышению народного благосостояния. В конечном счете не удалось избежать целого ряда трудовых конфликтов, вызванных в первую очередь разраставшейся коррупцией.

По мере осознания необходимости смены «модели» возобладали взгляды сторонников социально ориентированного «смешанного» развития Китая, в среде которых наблюдалось расхождение между двумя направлениями: 1) продолжение реформ с углублением рыночного распределения ресурсов и активизацией политических реформ либо 2) значительная корректировка реформ при пересмотре всех факторов экономического роста и купировании отрицательных последствий временного «допущения» капитализма. Все более утверждавшееся понятие модернизации как ответа на глобальные трансформационные вызовы настраивало на изживание государственного патернализма, постепенную демократизацию общественной жизни, соблюдение принципов социальной справедливости и солидарности, присущих конечной цели социалистического строительства.

Острые экономические дискуссии и решения политических форумов начала XXI в. (XVI и XVII съезды КПК) свидетельствовали о том, что Китай подошел к очередному водоразделу своей истории и хозяйственной реформы. Созрела решимость предпринять необходимые действия по исправлению допущенных просчетов и «реформированию реформы».

Третья «трансформационная» революция (2012 г. — н.в.)

Проведенный в 2013 г. уже под началом нового генсека Си Цзиньпина 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва одобрил «Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах по всестороннему углублению реформ», огласившее намерение, не покушаясь на решающую роль рынка в распределении ресурсов, полнее раскрывать роль правительства. В марте 2013 г. на заседании ВСНП Си Цзиньпин впервые обнародовал свое представление о «Великой китайской мечте» в составе трех компонентов: сильное и богатое государство, национальное возрождение, всеобщее счастье.

Состоявшийся в октябре 2017 г. XIX съезд КПК подвел итоги первого пятилетия правления Си Цзиньпина, который инициировал новый политический курс. Съезд подчеркнул, что за годы существования КНР уже создан социалистический общественный строй и функционируют основные институты социализма. Коммунистическая партия превратилась в «руководящую силу наивысшего порядка». Одновременно еще раз прозвучала установка относительно того, что Китай по-прежнему находится на начальном этапе социализма и это состояние может растянуться на многие годы. Проведенная в докладе Си Цзиньпина прямая параллель между третьими пленумами ЦК КПК

11-го и 18-го созывов дает основание считать 2012–2013 гг. датой третьей китайской революции-реформы.

В октябре 2022 г. избранный на третий пятилетний срок Си Цзиньпин подтвердил продолжение стратегии строительства модернизированной социалистической державы и сформулировал основные перспективные задачи. В отчетном докладе он отметил завершение периода высоких темпов с преобладанием экстенсивных методов развития и обосновал необходимость перехода к новой модели «качественного развития». Признание больших успехов реформ и социалистической модернизации он сопроводил критикой «оков затвердевших интересов», проявлений жесткого меркантилизма, гедонизма, крайнего индивидуализма, исторического нигилизма. Глубокий смысл содержится в его призывах «помнить конечную цель», «сформировать новую архитектуру развития», «непрерывно развивать и обогащать новую форму человеческой цивилизации»¹⁰. Подробное представление Си Цзиньпина о совершенствовании государственного управления получило изложение в четырех томах сборника «Си Цзиньпин. О государственном управлении», опубликованных в Китае в 2014 г., 2017 г., 2020 г. и 2022 г.

Сущностными признаками китайского политического строя сейчас объявлены положение народа как хозяина страны, руководство КПК и управление государством на правовой основе. Поддержание общественной стабильности было достигнуто за счет укрепления системы единоначалия и проведения серии антикоррупционных мероприятий и кадровых чисток в партийном и правительственном аппаратах. Введение цифровой экономики и жесткое противостояние эпидемии коронавируса также продемонстрировали авторитаризм политической власти. Партийно-государственный союз проявляется в первую очередь в сфере общественного контроля. Целям координации деятельности в области административного регулирования отвечает новый орган, одновременно выполняющий контрольные функции партийных комиссий по проверке дисциплины и учреждений государственного контроля¹¹. Вместе с тем новый импульс получает тенденция расширения самостоятельности регионов и низовой демократии. В принятии политических решений все большую роль играют научные институты Академии общественных наук и многочисленные «мозговые центры».

Провозглашенный на XIX съезде лозунг «партия руководит всем» на XX съезде сменился более толерантным: «партия — руководящее ядро, владеющее обстановкой в целом, координирующее деятельность со всех сторон». В этом уточнении просматривается усиление акцента на создание правовой системы и укрепление законодательства. Трактовка «социалистической демократии» как власти народа и для народа с привлечением консультативного механизма отрицает принципы западной демократии, критикуемые за то, что выборность, многопартийность и так называемая свобода слова на деле служат интересам олигархической верхушки и международного гегемона в лице США.

В области экономики совершенствование системы управления в настоящее время сводится к пяти основным принципам: широкое введение инноваций, сбалансированность производства, его экологичность, открытость и дальнейшее обобществление. Узкая направленность на количественные параметры роста вытеснена обоснованием «оптимального» и «качественного» экономического развития при мобилизации всех резервов роста.

¹⁰ Си Цзиньпин. Доклад на XX съезде КПК (октябрь 2022 г.) // МИД КНР.

URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 12.06.2022).

¹¹ См.: Современное китайское государство. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления / гл. ред. А.В.Виноградов. М.: РАН, 2022. С. 803–818.

Борьба с коррупцией затронула прежде всего незавершенную реформу государственных предприятий, граничившую с типичной приватизацией. В ходе восьмилетних антикоррупционных усилий значительная часть приватизированных госпредприятий была возвращена в государственный сектор, а организаторы антиобщественных приватизационных акций были подвергнуты судебным разбирательствам. При этом оживление лозунга «господства общественной собственности на средства производства» не отменило поддержку негосударственного сектора. Реструктуризация промышленности означает в первую очередь приоритет отраслей, генерирующих интеллектуальную ренту, и ликвидацию избыточных мощностей в базовых отраслях.

Современные изменения в сфере внешнеторговых отношений в значительной мере спровоцированы международной ситуацией. План «превращения Китая в полноценную торговую державу» сейчас сочетается с курсом на сокращение экспортной зависимости и создание рыночной экономики «двухциркулярного типа» (развитый внутренний рынок и поддержание внешнеэкономической открытости). В содержание новой дипломатии входит перспектива создания «Сообщества единой судьбы человечества», нацеленного на упразднение мирового гегемонизма, установление равноправных отношений между странами. Свое конкретное участие в общемировом процессе Китай видит в дальнейшей реализации глобального китайского проекта «Один пояс, один путь» и в расширении взаимовыгодных связей с Россией.

Показателен стратегический поворот в сторону решения социальных проблем. Углубление рыночных реформ теперь трактуется как точный учет жизненных интересов населения и полное соответствие требованиям «среднезажиточного общества» (*сяокан*). В понятие социалистической модернизации входит материальная обеспеченность населения, преодоление бедности, доступность для каждого человека благ цивилизации, наполнение жизни богатым духовным содержанием. Это требует синхронизации экономического роста и доходов населения, тесной увязки производительности труда и его оплаты, совершенствование систем образования, здравоохранения, социального обеспечения, Намерение более справедливого распределения материальных благ передает девиз «охранять законный доход, регулировать чрезмерно высокий доход, пресекать незаконный доход». Свойственное рынку восхваление индивидуального обогащения уступило место нацеленности на всеобщее благосостояние. Сугубо меркантильные интересы и конкурентные разборки осуждаются за противоречие социалистическому сотрудничеству и идеалам конфуцианского «нравственного государства». «Разумная достаточность», бережливость и скромность ценятся как альтернатива западному потребительскому обществу, доступному только странам «золотого миллиарда».

В ходе решения застарелой проблемы абсолютной бедности за 2012–2020 гг. примерно 100 млн человек преодолели пороговый уровень крайней бедности, определяемой в размере 4 000 юаней на человека в год, что дало основание говорить о победе над нищетой в Китае. Успех был обеспечен снижением налоговой нагрузки на крестьян, повышением закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, внушительными субсидиями сельским регионам, легитимизацией земельных отношений. Общему социальному оздоровлению в стране способствовали и другие мероприятия, включая отступление от политики «однодетной семьи», совершенствование налоговых и бюджетных отношений между Центром и местами, предоставление городского статуса деревенским мигрантам.

Важно отметить, что выполнение намеченных социально-экономических программ происходит в «штормовых условиях» осложнения внутренней и международной обстановки. В числе ожидавшихся и неожиданных трудностей — эпидемия коронавируса, нагнетание мирового экономического кризиса, обострение противоречий с США, связанное с ростом могущества Китая и с проблемой Тайваня.

Проблема периодизации революционного процесса в Китае и китаизация марксизма

За рубежом политэкономическая характеристика общественного строя в Китае и его эволюции остается дискуссионной. Ссылаясь на активное использование рынка и частной собственности, полностью противоречащее марксистскому представлению о коммунизме, а также на такие факты китайской реформы, как принятие глобалистских норм, социальная поляризация, неразвитость сферы социального обеспечения и явный меркантилизм в поведении населения, некоторые западные обозреватели еще совсем недавно предрекали неизбежность «демократизации» политической системы Китая на западный манер и его грядущую или уже наступившую капитализацию. С этой точкой зрения солидаризируются сторонники «синтезной экономики» в Китае с высокой степенью централизации власти и комбинацией частных и общественных норм («переплетенная» собственность).

В самом Китае общая социалистическая направленность развития не подвергалась и не подвергается сомнению. По мнению китайских экспертов, развернувшийся в стране с начала XX в. революционный процесс оказался «самым длительным, самым крупным по масштабам и самым сложным по характеру во всей мировой истории»¹². Обоснованная Си Цзиньпином доктрина «доведения революции до конца» соседствует с теорией «тройной революции», утверждающей следующие проявления революционного процесса с точки зрения развития производительных сил:

1) «Революция захвата власти» — свержение старого режима, установление и защита нового.

2) «Революция реформирования» — начальное становление социалистической системы.

3) «Переходная, или трансформационная революция» — преобразование первичной стадии социалистического общества в направлении последующего построения коммунистической формации¹³.

В изложении академика АОН КНР Чэн Эньфу три революции укладываются в схему горизонтальной логики (сферы политики, экономики, идеологии и культуры) и в схему вертикальной (временной) логики (демократическая революция, реформы и открытость, социалистическая революция)¹⁴.

Учитывая китайскую официальную позицию, мнения китайских экспертов и положения марксистской политэкономии, в истории КНР можно выделить три основных этапа.

Первый этап новодемократической революции включает все дореформенные годы. Если исходить из положений советской политэкономии, то до начала политических и экономических реформ Китай формально прошел все стадии единого революционного цикла (от провозглашения коммунистической цели до попыток непосредственного вступления в коммунизм). Но от подобного «забегания вперед» пришлось отказаться.

Стратегию «реформ и открытости» второго этапа можно рассматривать как повторное прохождение новодемократической стадии, во многом аналогичное ленинской новой экономической политике, являвшейся с политэкономической точки зрения государственным капитализмом в условиях общенародной власти. Практические действия по методам рыночного регулирования роднили экономическую систему Китая того пе-

¹² Ван Цишэн. Преемственность и прогресс в китайской революции XX в. // *Материалы XX Международного конгресса исторических наук (Цзинань, 23–29 августа 2015 г.)*. М., 2016.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2016-04-033-van-tsishen-preemstvennost-i-progress-v-kitayskoj-revoljutsii/> (дата обращения: 12.06.2022).

¹³ Чэн Эньфу. Китайский новаторский марксизм. М.: Родина, 2021. С. 995.

¹⁴ Чэн Эньфу. Китайский новаторский марксизм. М.: Родина, 2021. С. 1000.

риода с капитализмом, но сохраняли отличия от капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений и важной регулирующей роли авторитарного государства и коммунистической партии. Специфическую модель «реформ и открытости» можно считать исчерпанной.

Современный третий этап развития Китая можно квалифицировать как переход от «государственного капитализма» к «рыночному социализму» с чертами специфической конвергентности и укрепляющейся социалистичности. Рыночная ориентация сохраняется в полной мере, но если в годы реформ обращение к рынку аргументировалось в первую очередь необходимостью экономического подъема и подчинялось примату роста ВВП, то теперь наблюдается повышенное внимание к решению социальных проблем, поддерживаемое доводами соблюдения основных социалистических принципов примата народных интересов¹⁵.

Каждая из трех стадий характеризуется своеобразием проводимой социально-экономической политики, а также наличием своего исторически авторитетного государственного руководителя и идеологического лидера — Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Си Цзиньпин. Фактически каждый этап идентифицируется с особой моделью социализма в общем контексте движения к конечной цели «возрождения китайской нации».

Для всех китайских современных официальных и авторских материалов характерно признание неизменности социалистического курса при спокойном отношении к допущенным ошибкам и отказе от какого-либо самобичевания. На всякого рода разговоры об утопии «большого скачка», о «потерянном десятилетии» «культурной революции» наложено табу. Такая скрытность связана с опасениями общественной дестабилизации в результате излишне наэлектризованных философских дискуссий. При этом именно она дает лишний повод западным недоброжелателям упрекать китайские власти в антидемократизме. В материалах XIX съезда КПК катаклизмы этапа «от революции до реформы» были отнесены к проявлениям «замкнутости и косности», преодоленных реформистскими преобразованиями. В резолюции 6-го пленума ЦК КПК (ноябрь 2021 г.) события 1976 г. и арест сторонников Мао («банды четырех») представлены как завершение начального периода социалистической революции и социалистического строительства с общим положительным балансом успехов и неудач. Обращаясь к событиям тех лет, Си Цзиньпин констатировал: «КПК, сплывшая и ведя за собой китайский народ, завершила социалистическую революцию, создала основные институты социализма и развила социалистическое строительство, осуществив самое широкое и самое глубокое в истории китайской нации преобразование общества»¹⁶.

Из всех событий дореформенного периода в настоящее время особо популяризируется выдвинутая Мао Цзэдуном теория «новой демократии», которая долгое время критиковалась за «правооппортунистический уклон», а сейчас удостоена чести признания первым актом «китаизации марксизма». Восстановление «доброе имени» этой доктрины как бы компенсирует просчеты Мао Цзэдуна и позволяет поддерживать вывод о важности роли основателя КНР.

Новый тур «китаизации марксизма» ознаменовался выдвижением концепции «социализма с китайской спецификой», признающей важную роль рыночного регулирования и многоукладности, распределения по факторам производства и неизбежности имущественной дифференциации. Успехи реформ, вошедших в историю как «китайское

¹⁵ Xi Jinping's Speech Marking The Centenary Of The Communist Party Of China // *ChinaStocks.net*. July 02, 2021. URL: <https://chinastocks.net/china/xi-jinpings-speech-marking-the-centenary-of-the-communist-party-of-china/> (дата обращения: 12.06.2022).

¹⁶ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // *Агентство «Синьхуа»*. 03.11.2017. URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

чудо», посрамили все недоброжелательные зарубежные прогнозы и сняли всякие сомнения относительно вклада Дэн Сяопина в «китаизацию марксизма». Критика догматического подхода к марксизму противников реформ основывается на том, что рынок и частная собственность лишены капиталистической исключительности, а максимизация прибыли не противоречит общественным потребностям.

На современном этапе статус главного политико-идеологического лозунга приобрела концепция «социализма с китайской спецификой в новую эпоху». Празднование 100-летнего юбилея КПК дало повод отказаться от привычных осторожных самооценок и громкогласно объявить, что после более чем 40 лет «революции реформ» в экономической системе была усовершенствована базовая экономическая система первичной стадии социализма.

На фоне общего оптимизма в отношении политики «реформ и открытости» обращают на себя внимание резкие, но крайне расплывчатые намеки о допущенных просчетах. В частности, говорится о том, что с приходом Си Цзиньпина «страна перепрыгнула через пропасть», «ЦК партии вырезал злокачественную опухоль и выбрался из болота», «фрак коррупции угрожал смертельным исходом»¹⁷.

Особая тревога чувствуется в констатации преодоленной опасности «утраты знамени», т.е. отказа от конечной цели социалистического строительства. В данном случае высказывание Си Цзиньпина звучит категорично. Осуждая забвение различий между социалистическим и капиталистическим путями и преувеличение преимуществ капиталистической частной собственности ради стимулирования роста производительных сил, он заявил о том, что «без реформ и открытости нет выхода, а заниматься реформами и открытостью, отрицаящими направление социализма, — это тупик»¹⁸.

Преодолению этого «тупика» призвана помочь теория о «доведении революции до конца», устанавливающая конечную цель «классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата». В дореформенные годы официальная пропаганда, ссылавшаяся на «идеи Мао Цзэдуна», манипулировала опасностью капиталистической реставрации для борьбы с инакомыслием. После «культурной революции» рассуждения о продолжении классовой борьбы, ассоциировавшиеся с «революционным лихолетьем», приутихли, но сама угроза «реставрации капитализма», как гипотетическая возможность, не была забыта, в чем свою роль сыграла и трагедия Советского Союза. В тексте Конституции, частично измененной в 2018 г., сказано: «В нашей стране эксплуататоры как класс уже ликвидированы, однако классовая борьба в определенных рамках будет существовать в течение длительного времени»¹⁹.

Согласно перспективе дальнейшего развития, изложенной на XIX и XX съездах КПК, к 2035 г. будет завершено построение «среднезажиточного общества» по параметрам его зрелости, а к середине нынешнего века, т.е. к столетию КНР страна должна превратиться в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное, социалистическое государство и осуществить «китайскую мечту о великом возрождении китайской нации»²⁰. Наибольшую важность в Китае приобретает вопрос о соединении социализма и рынка, социальной справедливости с экономической эффективностью, жесткой конкуренции с общественной солидарностью. Входящее в этические представления о социализме сочетание индивидуальных, коллективных и общегосу-

¹⁷ Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая. М: Весь мир, 2019. С. 30.

¹⁸ Чжоу Синьминь. Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая. М: Изд-во «Весь мир». 2019. С. 1008.

¹⁹ Конституция КНР (в редакции 2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian (дата обращения: 12.06.2022).

²⁰ Си Цзиньпин о «китайской мечте» // *Kumai*. № 3. 2013. С. 16.

дарственных интересов исключает паразитический образ жизни и обогащение за счет эксплуатации наемных работников.

В условиях начавшейся трансформации индустриального общества с экономической рыночного типа и элитной формой власти в высокоорганизованную форму постиндустриального информационного общества китайский подход претендует на создание новой модели гуманистического «лучшего общества». К ней не подходят определения «гибридного» или «конвергентного» общества, на деле совмещающие несовместимые черты капитализма и социализма. Более приемлемыми можно считать понятия «смешанной экономики» или «рыночного социализма» как промежуточного этапа на пути социалистического строительства. Вероятностные черты модели гуманистического «лучшего общества» — наличие мощной экономики постиндустриального и инновационного типа, сохранение синтеза планового и рыночного регулирования, благосостояние граждан по социально-экономическим стандартам среднеразвитых стран и в соответствии с высокими требованиями духовной культуры. Поскольку китайская альтернативная модель — это еще никем не пройденный и не проверенный путь развития, трудности «первопроходца» очевидны. Свою веру в социализм и потенции китайского народа Си Цзиньпин еще раз подчеркнул в выступлении по случаю 100-летия со дня образования КПК. По его словам, «посредством упорной борьбы партия и китайский народ показали миру, что китайский народ способен не только разрушить старый мир, но и построить новый, что только социализм может спасти Китай и что только социализм сможет развить Китай»²¹.

Литература

- Белоцерковский В. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2001. 248 с.
- Бергер Я.М. К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. № 1. С. 5–18.
- Ван Цишэн. Преемственность и прогресс в китайской революции XX в. // *Материалы XX Международного конгресса исторических наук (Цзинань, 23–29 августа 2015 г.)*. М., 2016.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2016-04-033-van-tsishen-preemstvennost-i-progress-v-kitayskoj-revoljutsii/> (дата обращения: 12.06.2022).
- Конституция КНР (в редакции 2018 г.).
URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 12.06.2022).
- Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции // *Полное собрание сочинений: в 55 т.* М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 278–294.
- Мао Цзэдун. О новой демократии // *Избранные произведения: в 4-х т.* 1953. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. Т. 3. С. 232–233.
- Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956.
- Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1999. 334 с.
- Си Цзиньпин о «китайской мечте» // *Китай*. 2013. № 3.
- Си Цзиньпин. Доклад на XX съезде КПК (октябрь 2022 г.) // *МИД КНР*.
URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 12.06.2022).
- Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. 624 с.
- Си Цзиньпин. Полный текст речи на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК // *Жэньминь Жибао*. 2021. 1 июля.
URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0701/c31521-9867521.html> (дата обращения: 12.06.2022).

²¹ Полный текст речи Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК // *Жэньминь жибао*. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0701/c31521-9867521.html> (дата обращения: 12.06.2022).

- Современное китайское государство. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления / гл. ред. *А.В. Виноградов*. М.: РАН, 2022. 903 с.
- Спенс М.* Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 332 с.
- Троцкий Л.* Перманентная революция. М.: Аст, 2005. 570 с.
- Чжоу Синьминь.* Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая / пер. с кит. М.: Весь мир, 2019. 182 с.
- Чэн Эньфу.* Китайский новаторский марксизм / пер. с кит. М.: Родина, 2021. 1740 с.
- Xi Jinping's Speech Marking The Centenary Of The Communist Party Of China // *ChinaStocks.net*. July 02, 2021. URL: <https://chinastocks.net/china/xi-jinpings-speech-marking-the-centenary-of-the-communist-party-of-china/> (дата обращения: 12.06.2022).
- 邓小平文选 [Дэн Сяопин. Избранные произведения]. 第3卷. 北京: 人民出版社, 1993. 418页.

Epoch-Making Triad of Chinese Revolutions

Lyudmila I. Kondrashova

Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher at the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: lu270133@yandex.ru

Received 12.09.2022.

Abstract:

In the Chinese theory of the "triple revolution" the three major stages of the entire period of the PRC's existence were named as follows: 1) the "revolution of the seizure of power", which led to the overthrow of the old regime and the establishment of a new one; 2) the "revolution of reform", which paved the way for self-improvement and development of the socialist system; 3) a "transitional or transformational revolution", which completes the primary stage of building a socialist society. The dates of the turning points of a revolutionary nature are considered to be 1949 (the proclamation of the PRC), 1978 (the beginning of the policy of "reforms and opening-up"), 2012 (the holding of the 18th Congress of the CPC).

The revolution of 1949 was of a new democratic nature and consolidated a socialist orientation. However, soon after the revolution, during the lifetime of Mao Zedong, the leftist course won and all phases of socialist construction (the policy of "new democracy", socialist transformations and the transition to communism through the "cultural revolution") were passed in an accelerated mode. The program of market reforms and the "mixed economy" launched at the end of 1978 made it possible to increase economic potential and raise living standards, but resulted in a number of negative consequences of the "loss of the banner", i.e. deviation from the ultimate goal of socialist construction. The coming to power of the fifth generation of Chinese leaders in 2012, led by Xi Jinping, was marked by a significant adjustment of the policy of "reform and opening-up" and the implementation of a number of important social transformations, including the fight against corruption and poverty. China's "own path" can be seen as a transition from "state capitalism" to "market socialism" with features of specific convergence and growing socialism. Given the complexity of China's current internal and external situation and the difficulties of a "trail-blazer," the implementation of the new strategy will be far from cloudless.

Key words:

China, permanent revolution, "reform and opening-up", Marxism, capitalism, socialism, convergence, historical development, periodization.

For citation:

Kondrashova L.I. Epoch-Making Triad of Chinese Revolutions // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 1. Pp. 106–120. DOI: 10.31857/S013128120024393-3.

References

- Belocerkovskij V.* Prodolzhenie istorii: sintez socializma I kapitalizma [A Continuation of History: A Synthesis of Socialism and Capitalism]. М., 2001. 248 s. (In Russ.)
- Berger Ya.M.* K itogam 18-go s"ezda KPK: preemstvennost' I obnovleniye [On the Results of the 18th Congress of the CPC: Continuity and Renewal]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2013. No. 1. S. 5–18. (In Russ.)

- Chen En'fu*. Kitajskij novatorskij marksizm [Chinese Pioneering Marxism]. Per. s kit. M.: Rodina, 2021. 1740 s. (In Russ.)
- Chzhou Xin'min'*. Rukovodstvo Xi Czin'pina I budushchee Kitaya [Xi Jinping's leadership and China's future]. M.: «Ves' mir», 2019. 184 s. (In Russ.)
- Konstituciya KNR (V redakcii 2018 goda) [Constitution of the People's Republic of China (as amended in 2018)]. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018russian/ (accessed: 12.06.2022). (In Russ.)
- Lenin V.I.* Pyat' let rossijskoj revolucii i perspektivy mirovoy revolucii [Five years of the Russian revolution and prospects of the world revolution]. Polnoe sobranie sochinenij. T. 45. S. 278–294. (In Russ.)
- Mao Czedun*. O novoy demokratii. [On the New Democracy]. Mao Czedun. Izbrannyye proizvedeniya v 4 tomah. 1953. T. 3. S. 232–233. (In Russ.)
- Materialy 8-go Vsekitayskogo s'ezda Kommunisticheskoy Partii Kitaya [Materials of the 8th National Congress of the Communist Party of China] M., 1956. (In Russ.)
- Nepomnin O.E., Men'shikov V.B.* Sintez v perehodnom obshchestve. Kitay na grani epoch [Synthesis in a transitional society. China is on the verge of epochs] Moskva. Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" PAH. 1999. S. 334. (In Russ.)
- Sovremennoe kitajskoe gosudarstvo [The Modern Chinese State]. T. 1: Osnovnye instituty gosudarstvennoj vlasti i upravleniya / gl. red. A.V. Vinogradov. M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN i Institut vostokovedeniya RAN, 2022. 903 s. (In Russ.)
- Spens M.* Sleduyushchaya konvergenciya [Michael Spence "The Next Convergence"]. Per. s angl. Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 2013. 336 s. (In Russ.)
- Trockij L.* Permanentnaya revoluciya [Trotsky L. Permanent revolution]. Sbornic. M.: Act. 2005. (In Russ.)
- Van Cishen*. Preemstvyennost' i progress v kitayskoj revolucii XX v. [Continuity and Progress in the Chinese Revolution of the Twentieth Century]. *Materialy 22-go Kongressa Mezhdubarodnogo komiteta po istoricheskim naukam*. 23–29.08. 2015. Czinan. 2016. 16 s. (In Russ.)
- Xi Czin'pin*. O gosudarstvye. Si Czinpin. O gosudarstvennom upravlenii [On the State. Xi Jinping. About public administration]. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. 2014. 630 s. (In Russ.)
- Xi Jinping o kitayskoj mechte [Xi Jinping about Chinese dream]. *Kitay*. 2013. No. 3. (In Russ.)
- Xi Jinping*. Doklad na XX-om s'ezde KPK (oktyabr' 2022) [Report at the Twentieth Congress of the CPC (October 2022)]. *MID KNR*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/20221026_10/ (accessed: 12.06.2022). (In Russ.)
- Xi Jinping*. Polny tekst rechi na torzhestvennom sobranii po sluchayu 100-letiya so dnya osnovaniya KPK [Xi Jinping. Full text of the speech at the solemn meeting on the occasion of the 100th anniversary of the founding of the CPC]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/c3/521-0867521.html> (accessed: 12.06.2022). (In Russ.)
- Xi Jinping's Speech Marking The Centenary Of The Communist Party Of China. *ChinaStocks.net*. July 02, 2021. URL: <https://chinastocks.net/china/xi-jinpings-speech-marking-the-centenary-of-the-communist-party-of-china/> (received: 12.06.2022).
- 邓小平文选 [Deng Xiaoping. Selected works]. 第 3 卷. 北京: 人民出版社, 1993. 418 页. (In Chin.)

ИСТОРИЯ / HISTORY**История становления и развития автомобильной промышленности Японии в 1920–1945 гг.
(на примере компании «Тоёта»)**

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024395-5

Мостовая Анна Сергеевна

Младший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (адрес: 690001, Приморский край, Владивосток, ул. Пушкинская, 89). ORCID: 0000-0001-6861-4031. E-mail: kartashema@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2023.

Аннотация:

В данной статье на примере компании «Тоёта» исследуется история зарождения и становления японской автомобильной промышленности в контексте исторического развития страны в первой половине XX в. Анализируются внутренние и внешние факторы (государственная политика, социально-экономические условия, деятельность иностранных компаний в стране, последствия Великого землетрясения Канто, Вторая мировая война и т.д.), оказавшие влияние на формирование японских автомобильных компаний. Оценивается роль Тоёда Киитиро, основателя компании «Тоёта», который определил особый путь развития компании и сумел адаптировать ее деятельность к стремительно изменяющимся условиям экономики военного времени. Выделяются два этапа в истории компании «Тоёта». Первый этап (1933–1936) — деятельность автомобильного подразделения в составе компании по производству ткацких станков в довоенный период, когда основной акцент ставился на разработку и выпуск гражданских автомобилей. Второй этап (1936–1945) связан с полномасштабным включением компании в структуру военной экономики, которая привела к полной переориентации производства на выпуск автомобилей военного назначения (на финальном этапе — самолетостроение), что противоречило первичному замыслу Тоёда Киитиро. Рассматриваются различные аспекты государственной политики в отношении компаний автомобильной отрасли (субсидирование, налоговые льготы, протекционистские меры против иностранных производителей), продиктованной интересами военных кругов, которые создали благоприятные условия для развития компании «Тоёта» и способствовали ее стремительной трансформации из производителя ткацких станков в полноценный автомобильный концерн с группой компаний по выпуску компонентов и материалов.

Ключевые слова:

Автомобильная промышленность, военная промышленность Японии, промышленная политика, компания «Тоёта», Япония.

Для цитирования:

Мостовая А.С. История становления и развития автомобильной промышленности Японии в 1920–1945 гг. (на примере компании «Тоёта») // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 121–134. DOI: 10.31857/S013128120024395-5.

Несмотря на стремительное развитие промышленности, в том числе таких отраслей, как авиастроение и судостроение, в первой четверти XX в. в области автомобилестроения Япония значительно отставала от западных стран¹. Это объяснялось не-

¹ В США в этот период уже была внедрена система массового производства, в результате чего автомобили стали доступны для многих американцев.

сколькими причинами. Правительство Японии не уделяло внимания автомобилестроению, так как не видело перспективы для использования автомобильного транспорта, изначально сделав ставку на развитие железнодорожной системы в качестве основы транспортно-логистической системы страны. В тот период в Японии технологии производства автомобилей находились на низком уровне, поставщиков комплектующих и материалов для автомобилестроения практически не было, инженерно-технические специалисты были в дефиците. В этих условиях частные компании опасались вкладывать капиталы в автомобилестроение, так как крайне низкий уровень доходов населения ограничивал спрос на личные автомобили, что делало нецелесообразным организацию массового производства.

Тем не менее отдельные инженеры и представители правящих кругов проявляли большой интерес к автомобилям. В 1907 г. по заказу принца Арисугава инженеры Ёсида Синтаро и Утияма Команосукэ собрали первый японский автомобиль. Через несколько лет после этого знаменательного события появились первые национальные автопроизводители: компании «Кайсинся»² и «Хакуёся»³, которые сыграли важную роль в становлении японского автомобилестроения.

На необходимость создания национальной автомобильной промышленности первыми обратили внимание военные круги. После Русско-японской войны (1904–1905 гг.) в Министерстве сухопутных войск был учрежден отдел, который занимался исследованием, тестированием и испытаниями военных автомобилей. Во время Первой мировой войны автомобили продемонстрировали свою эффективность не только в Европе, японские войска в боях с немцами при осаде Циндао в 1914 г. также впервые использовали грузовики для перевозки военных грузов⁴. В 1918 г. при активной поддержке военного министерства был принят закон о субсидировании автомобильных производителей, связанных с военными заказами⁵. Однако эта инициатива имела узкую направленность — обеспечить грузовыми автомобилями армию.

Отношение государства и населения к автомобильному транспорту было пересмотрено в 1923 г. после Великого землетрясения Канто, которое вызвало масштабные разрушения в столичном регионе и унесло жизни нескольких сотен тысяч человек. Железнодорожная инфраструктура и система городского рельсового транспорта были практически полностью разрушены. Поскольку на их восстановление требовалось много времени, столичная администрация приняла решение в качестве альтернативы организовать систему автомобильного сообщения. В срочном порядке у американского автопроизводителя «Форд» было заказано несколько тысяч грузовиков модели «Форд Т». Благодаря автомобилям многие человеческие жизни были спасены от пожаров, охвативших город после землетрясения. Грузовики широко использовали для расчистки территорий от обломков и доставки строительных материалов при восстановлении разрушенных зданий. Часть грузовых автомобилей переделывали под муниципальные автобусы. Землетрясение заставило многих людей пересмотреть свое отношение к автомобилям как к предме-

² «Кайсинся» была основана в 1911 г. в Токио инженером Хасимото Масудзиро. В 1914 г. компания выпустила свой первый полностью японский (включая двигатель) легковой автомобиль под названием «ДАТ».

³ Компанию «Хакуёся» в июне 1912 г. в Токио учредил Тоёкава Дзюнья, сын одного из руководителей торгово-промышленного концерна «Мицубиси».

⁴ 上山 邦雄: 戦前期日本自動車産業の確立と海外展開 (上) [Камияма Куньо. Японская автомобильная промышленность довоенного периода: становление и зарубежная деятельность. Часть 1] // 城西経済学会誌 37, 2016年. Рр. 33–64.

⁵ В соответствии с новым законодательством права на выпуск грузовых автомобилей были предоставлены трем компаниям — «Токё газ дэнки когё» (учреждена в 1910 г.), «Исикавадзима дзоэн» (учреждена в 1889 г.) и «Кайсинся».

ту роскоши и осознать их практическую общественную роль. В результате лишь за один год количество зарегистрированных в Японии автомобилей выросло с 13 тыс. ед. в 1923 г. до 24 тыс. ед. в конце 1924 г.⁶

Устраняя последствия землетрясения, власти уделили большое внимание совершенствованию дорожной инфраструктуры, которая после проведения реконструкции в соответствии с государственными стандартами могла более эффективно использоваться для автомобильного сообщения. В 1920-е гг. моторный транспорт распространился по всей стране и стал конкурировать с железной дорогой и трамваями в мегаполисах и прилегающих к ним городах, причем как в сфере пассажирских, так и грузовых перевозок.

Возможности автомобильного транспорта наконец были оценены по достоинству. Резко увеличившийся спрос на автомобили, прежде всего на грузовики и автобусы, был удовлетворен автомобилестроительными компаниями США. Американские машины были на 20–30 % дешевле европейских, их доставка занимала всего три месяца, в то время как из Европы грузы шли полгода. В итоге европейские производители оказались вытеснены с японского рынка. Зарождающийся национальный автопром также не мог конкурировать с мировыми лидерами — компаниями «Форд» и «Дженерал Моторс», и японские компании были вынуждены прекратить свою деятельность.

Американские автомобили пользовались таким широким спросом в Японии, что «Форд» в декабре 1924 г. учредил в Йокогаме свой филиал и построил завод по сборке автомобилей из импортированных машинокомплектов. Его примеру последовал «Дженерал Моторс», в 1925 г. открывший в Осаке филиал, а в 1927 г. — сборочное производство. До 1936 г. эти две компании имели практически полную монополию на продажу автомобилей в Японии. Масштабные капиталовложения американских автогигантов в Японии оказали колоссальное влияние на будущее японской автомобильной промышленности. Лидеры мирового автомобилестроения «Форд» и «Дженерал Моторс» познакомили японцев с самыми передовыми для того времени технологиями серийного производства и сбыта автомобилей.

К 1920-м гг. в Японии окончательно сложилась западная система технического образования, которая смогла подготовить кадры новой формации. Появились талантливые молодые инженеры, проявлявшие большой интерес к машиностроению и автомобилестроению.

Одним из них был Тоёда Киитиро (1894–1952), окончивший факультет машиностроения Токийского императорского университета по специальности «двигатели». Дух изобретательства он унаследовал от своего отца Тоёда Сакити (1867–1930), предпринимателя, известного изобретателя автоматических ткацких станков⁷. Киитиро с раннего детства находился рядом с отцом на заводах среди инженеров и прекрасно разбирался в производственных процессах и технике. Интерес к автомобилям появился у Киитиро еще в школьном возрасте, в 1912 г., когда отец отправил его в четырехмесячную поездку в США. В 1926 г. Сакити основал в г. Нагоя компанию «Тоёда дзидо сёкки»⁸ (далее — «Тоёда»)⁹ и назначил Киитиро управляющим директором по производству.

⁶ 高田公理: 日本社会と自動車 [Такада Масатоси. Японское общество и автомобили] // 国際交通安全学会誌. Vol. 33. No. 3. 2008年. Pp. 224–233.

⁷ Сакити получил 40 патентов на промышленные изобретения в Японии (ткацкие станки и механизмы, связанные с производством текстиля).

⁸ «Тоёда дзидо сёкки» — букв. «Автоматические ткацкие станки Тоёда».

⁹ Тоёда Сакити к этому времени был владельцем нескольких предприятий, которые занимались выпуском ткацкого оборудования, и хлопкопрядильных фабрик, оснащенных ткацкими станками «Тоёда».

В 1929 г. во время командировки в Великобританию¹⁰ Тоёда Киитиро несколько месяцев детально изучал автомобильные заводы и пришел к выводу, что может самостоятельно организовать автомобильное производство, не прибегая к сотрудничеству с иностранными компаниями или к приобретению существующей компании. Он не располагал достаточным капиталом, но имел возможность скопировать американские автомобили, протестировать их компоненты на предприятиях «Тоёда» и решить любые технические проблемы с помощью японских специалистов. Киитиро также изучил американские производственные технологии и возможности их адаптации для выпуска небольших объемов продукции. Кроме того, планировалось организовать собственное производство максимально возможного ассортимента автокомпонентов¹¹. Киитиро не боялся напрямую соперничать с филиалами американских автогигантов и собирался производить стандартные автомобили, которые сочетали в себе лучшие качества таких марок, как «Форд», «Крайслер», «Шевроле», и были дешевле, чем собранные из импортированных машинокомплектов иностранные автомобили. Курс Киитиро на независимое от иностранцев развитие компании стал отличительной особенностью «Тоёта» и определил специфику всех аспектов ее деятельности на десятилетия вперед¹².

Вероятно, Киитиро собирался создавать автомобильное производство планомерно, однако сложная ситуация в текстильной отрасли, вызванная последствиями Великой депрессии 1929 г.¹³, заставила его ускорить реализацию своего проекта. Текстильная промышленность, на протяжении трех десятилетий составлявшая основу японской индустрии¹⁴, в результате проблем со сбытом продукции погрузилась в глубокий кризис: мелкие и средние производства разорались, крупные фабрики и заводы прибегали к «рационализации» деятельности. Предприятия семьи Тоёда столкнулись с финансовыми трудностями: в результате падения спроса на ткацкие станки объемы продаж в 1930 г. снизились вдвое (1 992 шт.) по сравнению с 1929 г. (4 004 шт.). Начались сокращения персонала. В газете «Нагоя симбун» от 4 августа 1930 г. сообщалось, что на предприятиях Тоёда было уволено около 700 из 1 300 человек¹⁵. Сакити тяжело болел все лето и в октябре 1930 г. скончался. Перед смертью Сакити назначил своего зятя Кодама Рисабуро (1884–1952) президентом «Тоёда», а Киитиро — вице-президентом. Это объяснялось тем, что Сакити в 1915 г. под давлением компании «Мицуи», профинансировавшей в 1914 г. разработку и

¹⁰ Результатом командировки стало заключение договора о передаче патентных прав на автоматический ткацкий станок британской компании «Братья Платт». Сумму в 100 тыс. фунтов стерлингов (1 млн иен), полученную в результате сделки, Сакити передал сыну на эксперименты с двигателями и батареями.

¹¹ В Японии было мало производителей комплектующих, их оборудование не отличалось выдающимися характеристиками, что сказывалось на качестве продукции.

¹² Компании «Ниссан» и «Тоёта» появились в одно время и имели равные финансовые возможности. Однако глава «Ниссан» Аюкава Ёсиносукэ придерживался другого подхода: для организации производства нанимал иностранных специалистов, покупал готовое оборудование и права на выпуск определенных марок автомобилей.

¹³ Кризис привел к обострению торговых противоречий Японии с Великобританией и США, которые, обвинив ее в демпинге, прибегли к политике протекционизма, что на фоне обвала цен на мировых рынках нанесло значительный ущерб внешнеторговой деятельности старых концернов.

¹⁴ В 1904 г. на текстильную промышленность приходилось около 40 % общего объема промышленного производства (на металлургию и машиностроение вместе взятые — лишь 13 %). В начале века японские фабриканты вытеснили иностранных конкурентов с внутреннего рынка и стали экспортировать пряжу за рубеж. В 1916 г., после начала Первой мировой войны, Великобритания уступила лидирующие позиции в экспорте Японии, которая начала экспорт хлопчатобумажных изделий в страны Азии.

¹⁵ トヨタ自動車30年史 [30-летняя история компании «Тоёта дзидося»] //

トヨタ自動車工業株式会社社史編集委員会編. 豊田: トヨタ自動車工業出版者, 1967年.

производство его станков, усыновил своего зятя, младшего брата главы «Мицуи буссан» в Нагоя, и сделал его своим наследником. Сакити чувствовал свою вину перед сыном и настаивал, чтобы тот занялся производством автомобилей, считая, что это поможет Киитиро выйти из подчиненного положения в компании.

Экономические проблемы, рост социального недовольства, сильная зависимость промышленности от импорта сырья подталкивала японские элиты к установлению контроля над источниками сырья и рынками сбыта за пределами Японии. Вся японская финансовая олигархия стала превращаться в движущую силу японской экспансии и начала смыкаться с военщиной по своим интересам и целям во внешней и внутренней политике¹⁶.

18 сентября 1931 г. началась японская интервенция в Маньчжурию. Правительство Японии стало вести подготовку к большой войне. Этот период, ознаменовавшийся ужесточением государственного контроля в экономике и промышленности, в японской научной литературе получил название регулируемой экономики первой половины 1930-х гг. В 1931 г. был принят закон о контроле над основными отраслями промышленности, направленный на создание картелей в отраслях военно-стратегического значения¹⁷. Перед картелями ставились общие задачи по достижению определенных объемов выпуска продукции, но непосредственное регулирование производства, продаж и цен оставалось в ведении самих картелей¹⁸. Вопреки преобладающему мнению о том, что этот период являлся отправной точкой к построению военной экономики, некоторые исследователи считают, что меры государственной политики экономического регулирования сочетали в себе два компонента — «линию на рационализацию промышленности и меры по борьбе с последствиями Великой депрессии» и «линию на создание структуры военной экономики»¹⁹.

Киитиро, принимая во внимание стремительное ухудшение международной ситуации и возросший интерес военного министерства к автомобилестроению, осознавал, что дальнейшая судьба его автомобильного предприятия будет зависеть от государственных заказов на грузовые автомобили для армии, так как низкий уровень личных доходов населения был не способен породить объемы спроса на легковые автомобили, необходимые для развития массового производства.

Киитиро настаивал на срочной диверсификации деятельности, но столкнулся с противодействием руководства в лице президента компании Кодама Рисабуро, который считал производство автомобилей делом рискованным и безнадежным. По мнению автора, такой подход был не только личной точкой зрения Рисабуро, а отражал генеральную линию старых концернов (в том числе «Мицуи»), которые в тот момент находились в состоянии ожидания и не проявляли интереса к финансированию новых видов производственной деятельности²⁰. Однако, даже не являясь главой семейного бизнеса, Киитиро сохранял влияние в компании, и в 1933 г. на внеочередном собрании совет директоров поддержал его инициативу об учреждении автомобильного подразделения в структуре компании «Тоёда дзидо сёкки». Были выделены дополнительные средства для организации нового направления.

¹⁶ История Японии. Т. 2. 1868–1998 / отв. ред. А.Е. Жуков. М.: ИВ РАН, 1998. С. 326.

¹⁷ Похожие законы были приняты в Италии (1932), Германии (1933) и др. странах.

¹⁸ История Японии. Т. 2. 1868–1998 / отв. ред. А.Е. Жуков. М.: ИВ РАН, 1998. С. 363.

¹⁹ 平沢照雄: 1930年代日本における統制経済の構造と展開 [Хирадзава Тэруо. Структура и развитие контролируемой государством экономики в Японии в первой половине 1930-х годов] // 筑波大学博士 (経済学) 学位論文, 1998年.

²⁰ В отличие от новых концернов, в основном строго ориентированных на военные заказы и развивавшихся за их счет.

Отметим, что стремление к переориентации на новые виды деятельности было общей тенденцией в текстильной отрасли. Экономика региона Тюкё²¹, прежде процветавшая за счет огромного количества предприятий текстильной отрасли, стремительно утрачивала свои позиции. В это время правительство приступило к разработке планов по созданию национального автомобилестроения, и в 1930 г. власти префектуры Айти при поддержке представителей промышленности, действуя в русле государственной политики, подготовили проект «Тюкё Детройт»²², призванный сделать регион центром японской автомобильной промышленности. В отличие от руководства компании Киитиро всецело поддержал проект, и «Тоёда» вместе с другими машиностроительными компаниями из Нагоя приняла участие в разработке и производстве прототипа автомобиля «Ацута»²³.

1 сентября 1933 г. было официально учреждено автомобильное подразделение компании «Тоёда», после чего Киитиро приступил к разработке прототипа своего первого автомобиля и организации экспериментального автомобильного и сталелитейного производства.

Следует отметить, что Киитиро в течение нескольких лет готовился к открытию автомобильного направления в компании. Современники оценивали его как высококлассного инженера, который был способен решить любые технические задачи. В течение 1931 г. Киитиро тестировал компоненты иностранных двигателей и собирал информацию о местных предприятиях, которые могли скопировать и наладить производство компонентов. В это же время коллеги Киитиро готовили проект экспериментального автомобильного комплекса, искали участок для его строительства, изучали организацию производства автомобилей, подбирали станки и другое производственное оборудование. Самой сложной задачей оказалось найти производителя сталей и сплавов для автомобилестроения, так как в Японии не было спроса на подобные материалы, поэтому Киитиро решил создать собственное сталелитейное производство. После учреждения подразделения несколько сотрудников компании были командированы в США и Германию для закупки образцов станков, а назначенный ответственным за организацию процессов производства автомобилей Кан Такатоси был отправлен в США для изучения передовых достижений американской промышленности²⁴.

Компания «Тоёда» не имела опыта работы в автомобилестроении, поэтому Киитиро привлекал в свое подразделение лучших японских специалистов по станкостроению, разработке и выплавке сталей, конструированию автомобилей, организации производства, маркетингу, а также профессоров крупнейших университетов для научно-исследовательской работы. Именно эти талантливые и неординарные люди сыграли важную роль в дальнейшем развитии «Тоёда». В компанию были приглашены инженеры-конструкторы Кан Такагоси, разработчик прототипа автомобиля «Ацута» (проект «Тюкё Детройт»), Икэнага Сигума — разработчик автомобиля «Отомо» из компании «Хакуёся». В 1935 г. из компании «Нихон Дженерал Моторс» перешли руководитель маркетинговой сети Камия Сэтаро и его ассистенты Ханасаки Сиканосукэ и Като Сэйси. В 1936–1937 гг. к компании присоединились Курата Сисабуро и Оно Сюдзи, бывшие сотрудники «Хакуёся».

²¹ Один из трех индустриальных районов Японии; включает преф. Айти, юг преф. Миэ и север преф. Гифу.

²² 牧 幸輝: 中京デトロイト化計画とその帰結 [Маки Юкитэру. Проект «Тюкё Детройт» и его значение] // *Ойконмика*. 2011 г. 第 48 卷. 第 1 号. Рр. 27–45.

²³ Работы над прототипом завершились в 1932 г. Автомобиль был оснащен восьмицилиндровым двигателем мощностью 85 л.с. с водяной системой охлаждения. Его рыночная стоимость составила 6 500 иен — в два раза дороже популярных фордовских моделей (3 000 иен). В итоге проект «Тюкё Детройт» оказался нерентабельным и был закрыт.

²⁴ За это время он посетил 130 заводов компаний «Форд», «Дженерал Моторс», «Крайслер», «Паркард», «Нэш», «Граэхэм-Пэйдж» и др., семь исследовательских учреждений и пять университетов.

29 января 1934 г. на внеочередном собрании главных акционеров «Тоёда» было принято решение о включении в устав компании новых видов деятельности (автомобилестроение и производство стали)²⁵.

Летом 1934 г. в г. Кария (преф. Айти) был введен в эксплуатацию экспериментальный автомобильный производственный комплекс, строительство которого началось в декабре 1933 г. В состав комплекса входили завод по производству листового металла, завод по сборке, завод по металлообработке, станкостроительный цех, склад, а также отдел тестирования автомобилей, комплектующих и материалов. В ноябре 1934 г. было запущено сталелитейное производство.

Для Японии автомобильная промышленность являлась новой отраслью, формирование которой началось в условиях регулируемой государством экономики. Автомобилестроение начало создаваться в середине 1930-х гг., в соответствии с целями и задачами, определенными правительством, так как национальных компаний, которые занимались серийным производством автомобилей, на тот момент в стране еще не существовало (выпуск и продажу машин внутри страны контролировали американские компании).

Основным регулятором компаний автомобильной промышленности в Японии было Министерство торговли и промышленности (МТП)²⁶, однако до окончания Второй мировой войны определением курса промышленной политики фактически занималось военное ведомство. В условиях стремительно ухудшающейся международной ситуации военное министерство было обеспокоено растущей зависимостью армии от поставок производителей из США и настаивало на возобновлении своих планов по учреждению национальной автомобильной промышленности. Министерство финансов также выражало недовольство деятельностью американских филиалов, которые наращивали объемы импорта готовых автомобилей, машинокомплектов и деталей из США, тем самым увеличивая дефицит торгового баланса Японии. Таким образом, с точки зрения национальной безопасности создание отечественной автомобильной промышленности становилось делом стратегической важности.

В апреле 1934 г. Министерство торговли и промышленности направило семи автопроизводителям запрос о предоставлении своих предложений относительно развития национальной автомобильной промышленности. Для определения политики и условий функционирования автомобильных компаний была создана Межминистерская конференция по учреждению автомобильной промышленности, первое заседание которой прошло 10 августа 1934 г. Кроме Министерства торговли и промышленности в ней принимали участие Министерство сухопутных войск, Министерство военно-морского флота, Министерство железных дорог, Министерство финансов, Министерство внутренних дел, Бюро по ресурсам, Министерство иностранных дел и Министерство по делам колоний²⁷. На конференции было принято решение выявить наиболее перспективных производителей и выдать им лицензии, гарантирующие ряд привилегий и льгот.

На седьмое заседание конференции, состоявшееся 4 сентября 1934 г., были приглашены Тоёда Киитиро, Аюкава Ёсиносукэ, президент «Ниссан»²⁸, и Кано Томоносукэ,

²⁵ トヨタ自動車30年史 [30-летняя история компании «Тоёта дзидося»] //

トヨタ自動車工業株式会社社史編集委員会編. 豊田: トヨタ自動車工業出版者, 1967年.

²⁶ 商工省 (яп. *Сёкосё*) — Министерство торговли и промышленности императорской Японии, существовавшее в периоды 1925–1943 гг. и 1945–1949 гг.

²⁷ 拓務省 (яп. *Такумусё*) — Министерство по делам колоний; существовало с 1929 по 1942 г.

²⁸ Автомобильная компания «Ниссан» была учреждена в 1934 г. в преф. Канагава. На подготовительном этапе организации массового выпуска автомобилей компания «Ниссан», имея приблизительно равные финансовые возможности с «Тоёта», выбрала иной путь развития: закупала американское оборудование и технологии, привлекала к проектированию и производству американских специалистов и т.д.

председатель «Дзидося когё» (в наст. вр. «Исудзу») ²⁹. Каждый из руководителей представил свое видение относительно развития отрасли и доложил о текущей ситуации в компании. Основные тезисы доклада Киитиро сводились к следующему: компания «Тоёда» начала заниматься конструированием автомобилей в сентябре 1934 г.; в настоящее время она производит образцы пассажирских автомобилей, однако выпуск грузовых машин еще не налажен; завершена разработка двигателя для грузовика на основе «Шевроле», но необходимо организовать поставки компонентов; также в течение шести месяцев планируется запустить штамповку кузовов; при производстве 700–800 ед. ежемесячно будет возможно конкурировать по цене с американскими автомобилями; компания не рассчитывает на государственную помощь. Кроме того, Киитиро выступил с предложением предоставить лицензии всем компаниям, так как предсказать, которая из них достигнет высоких результатов в выпуске автомобилей, на тот момент было невозможно ³⁰.

По итогам совещания «Тоёда» и «Ниссан», как компании, уже приступившие к строительству заводов для серийного выпуска автомобилей, были названы первоочередными кандидатами на получение лицензии. Лицензированные производители, принимая на себя обязательства выпускать более 3 000 ед. автомобилей ежегодно, получали налоговые льготы сроком на пять лет ³¹, а также освобождались от действия ряда статей торгового кодекса ³². Министерство сохраняло за собой право на ревизию планов деятельности лицензированных производителей, регулирование сделок по слиянию или разделению компаний, осуществление надзора за операциями, связанными с производством военной автомобильной техники и оборудования.

Вместе с оказанием поддержки национальному автопрому военное министерство настаивало на применении радикальных мер — закрытии американских филиалов компаний «Форд» и «Дженерал Моторс» в Японии. Министерство торговли и промышленности не соглашалось вводить жесткие ограничения, аргументируя это тем, что подобные действия могут еще больше осложнить торговые отношения с США ³³. Однако военное ведомство убедило кабинет министров принять весь разработанный им комплекс мер, которые были закреплены «Законом об автомобильной промышленности», вступившим в силу 11 июля 1936 г. ³⁴

В сентябре 1936 г. разрешение на производство автомобилей получили «Тоёда» и «Ниссан» (в апреле 1941 г. к ним добавилась «Токё дзидося когё» («Исудзу»)). Сразу после выдачи лицензии инженерный отдел Министерства торговли и промышленности рекомендовал компаниям использовать для производства автомобилей материалы и компоненты, изготовленные внутри страны. С 1938 г. использование японских комплектующих стало обязательным.

²⁹ На 5-м и 8-м заседаниях заслушивались предложения компаний «Мицубиси дзюко» (председатель Сиба Косиро), «Кавасаки дзидося» (ген. директор Симода Бунго), «Мицуи кодзан» (председатель Макита Тамаки).

³⁰ 和田一夫, 由井常彦: 豊田喜一郎伝 [Вада Кадзую, Юи Цунэхико. История Тоёда Киитиро].名古屋大学出版会, 2002年.

³¹ В частности, компании освобождались от уплаты подоходного налога, локальных налогов на прибыль, импортных пошлин на товары машиностроения, оборудования и материалы.

³² Такой «облегченный» режим должен был способствовать повышению капитализации компаний автомобильной промышленности.

³³ Торговые отношения США и Японии находились в тесной взаимозависимости, что ярко продемонстрировал мировой экономический кризис 1929–1930 гг.

³⁴ 自動車製造事業法 [Закон об автомобильной промышленности].

URL: [https://www.digital.archives.go.jp/DAS/meta/list-](https://www.digital.archives.go.jp/DAS/meta/list-Photo?LANG=default&BID=F000000000000034171&ID=&TYPE=)

Photo?LANG=default&BID=F000000000000034171&ID=&TYPE= (дата обращения: 21.09.2022).

Закон также ограничивал объемы производства автомобилей американских филиалов компаний: «Форд» — до 12 360 ед., «Дженерал Моторс» — до 9 470 ед. ежегодно. Для снижения конкурентоспособности американцев на внутреннем рынке с ноября 1936 г. повышались импортные тарифы на готовые автомобили, машинокомплекты и комплектующие. Кроме того, был пересмотрен порядок регулирования в сфере обращения валюты, что осложнило американским компаниям проведение расчетов, связанных с импортом продукции.

7 июля 1937 г. началась Японо-китайская война, а в сентябре был принят «Закон о чрезвычайных мерах в отношении импортной и экспортной продукции», еще больше ужесточивший контроль над импортом комплектующих и сырья. В результате функционирование иностранных компаний на территории Японии стало практически невозможным.

После принятия закона 1936 г. для американских автопроизводителей единственным выходом сохранить производство в Японии стало слияние с одной из национальных компаний³⁵. «Дженерал Моторс» инициировал переговоры о сотрудничестве с «Тоёда», но Киитиро отказался от предложения, поскольку занимался экспериментальным производством автомобилей и совместная работа под контролем американцев его не интересовала. На Киитиро также повлияло мнение Камия Сётаро, который в 1935 г. перешел в «Тоёда» из «Нихон Дженерал Моторс». Камия убедил его, что сотрудничество с «Форд» будет более выгодным, так как эта компания в отличие от «Дженерал Моторс» разрешала зарубежным партнерам экспортировать собранные автомобили в США и производить двигатели и другие ключевые компоненты за пределами США. Тоёда и Камия полагали, что соглашение с «Форд» обеспечило бы им более широкий доступ к автомобильным технологиям. В 1938 г. Камия начал переговоры с японским филиалом компании «Форд», в результате которых была достигнута предварительная договоренность о совместном выпуске стандартных грузовиков. Однако японское правительство заморозило переговоры, а военное министерство запретило Камия выезжать в США, куда он собирался отправиться для подписания окончательного соглашения в штаб-квартире «Форд»³⁶.

После неудачных попыток объединиться с японскими автопроизводителями в 1939 г. филиалы компаний «Форд» и «Дженерал Моторс», на долю которых в 1926–1935 гг. приходилось 95 % зарегистрированных новых автомобилей, были вынуждены прекратить свою деятельность в Японии.

Принятие «Закона об автомобильной промышленности» ознаменовало поворотный этап в истории японского автомобилестроения. Национальные компании, которые правительство наделило монопольными правами, стали играть решающую роль в производстве автомобилей; был заложен фундамент и определена структура японской автомобильной промышленности и смежных отраслей. До 1945 г. «Тоёта» и «Ниссан», имея примерно равные доли, в совокупности контролировали около 85 % производства автомобилей, «Исудзу» — 15 %.

По законодательству после получения лицензии «Тоёда» обязывалась организовать серийное производство автомобилей. 27 августа 1937 г. была зарегистрирована новая компания «Тоёта дзидося» (с капиталом 12 млн иен), сформированная на основе автомобильного подразделения «Тоёда дзидо сёкки». В короткие сроки был построен завод проектной мощностью 2 000 ед. в месяц³⁷. Виды деятельности компании включали³⁸:

³⁵ Получить лицензию могли компании, собственниками которых являлись японские граждане и 50 % привилегированных акций которых принадлежали японским гражданам.

³⁶ トヨタ自動車20年史: 1937–1957 [20-летняя история компании «Тоёта дзидося»: 1937–1957] // トヨタ自動車工業株式会社編. 挙母: トヨタ自動車工業, 1958年.

³⁷ Стоимость завода превысила 30 млн иен, что вышло за рамки финансовых возможностей «Тоёта дзидо сёкки» (ее собственный капитал составлял 6 млн иен), поэтому к реализации проекта привлекли различных инвесторов.

производство и продажу автомобилей; сталелитейное производство; производство и продажу самолетов, ткацких станков и продукции общего машиностроения; научно-исследовательскую и изобретательскую деятельность в этих сферах. Президентом компании был назначен Тоёда Рисабуро, исполнительным вице-президентом — Тоёда Киитиро.

22 января 1938 г. парламент Японии принял закон «О всеобщей мобилизации нации». Экономика оказалась охваченной мерами тотального контроля. Почти одновременно был опубликован «Мобилизационный план по материалам», ужесточивший контроль за продажами и распределением сырья³⁹: теперь доступ к нему можно было получить исключительно через отраслевые ассоциации⁴⁰. «Тоёта» начала испытывать трудности с сырьем с конца 1937 г., а с марта 1938 г. в отношении автомобильной промышленности были установлены еще более жесткие нормы регулирования. Для сохранения объемов выпуска продукции было необходимо встроиться в новую систему распределения, поэтому в декабре 1938 г. компаниям «Тоёта» и «Ниссан», как лицензированным автопроизводителям, разрешили создать Японскую ассоциацию автомобильной промышленности⁴¹, через которую запрашивались необходимые объемы сырья у вышестоящей организации — Ассоциации машиностроения.

Для мобилизации ресурсов 4 августа 1938 г. Министерство торговли и промышленности ограничило использование пассажирских автомобилей внутри страны. Токио славился раньше среди крупнейших столиц мира огромным количеством такси. Однако в годы войны из-за дефицита газаolina автомобильное движение в японских городах почти полностью прекратилось. Незначительное количество автомобилей использовалось для нужд государственных учреждений и военного ведомства. В прессе стали появляться статьи о «вреде автомобильного движения», о якобы частых авариях и большом числе жертв, печатались призывы о возврате к рикшам и использованию коров, на которых ездили в Японии раньше⁴².

Киитиро полагал, что в скором времени ограничения коснутся и выпуска пассажирских автомобилей, поэтому с сентября 1938 г. увеличил производство легковой модели Phaeton (в том числе модификацию для армии). В январе 1939 г. прогнозы Киитиро сбылись: был введен полный запрет на выпуск пассажирских автомобилей для частных лиц.

В условиях военного времени структура компаний «Тоёта» претерпела значительные изменения. Экспорт текстиля с началом войны был остановлен, производителям пришлось свернуть операции по производству тканей. В марте 1942 г. текстильные компании семьи Тоёда и аффилированные с ними предприятия были объединены в компанию «Тюо босэки». Летом 1943 г. по приказу кабинета министров с целью наращивания производственных мощностей для выпуска продукции военного назначения заводы, оборудование и трудовые ресурсы компаний текстильной промышленности следовало немедленно перепрофилировать на выпуск вооружений. «Тоёта» получила распоряжение организовать на своих текстильных производствах выпуск авиационных двигателей. Для консолидации капиталов и управленческих ресурсов «Тоёта» и «Тюо босэки» в ноябре 1943 г. объедини-

³⁸ На внеочередном собрании акционеров 29 января 1934 г. в уставе компании «производство силовых транспортных машин» заменили на «производство самолетов» и добавили «исследование и изобретательская деятельность».

³⁹ Газолин, мазут, хлопок, сталь, уголь, металлический лом, медь, свинец, олово и другие металлы.

⁴⁰ 白木沢旭児: 日本における統制経済の形成と展開 [シラキдзава Асахиго. Формирование и развитие контролируемой государством экономики в Японии] // 歴史と経済. Vol. 207.

No. 3..2010年4月. Рр. 31–39.

⁴¹ トヨタ自動車30年史 [30-летняя история компании «Тоёта дзидося»] //

トヨタ自動車工業株式会社社史編集委員会編. 豊田: トヨタ自動車工業出版者, 1967年.

⁴² Треварта Г. Япония. Физическая и экономическая география. М: Издательство иностранной литературы, 1949. 602 с.

лись в одну компанию. Заводы бывшей «Тюо босэки» («Кария-кита», «Кария-минами» и «Аити») были переоборудованы за 10 млн иен и стали использоваться для производства авиационных двигателей и их компонентов. Производство ткацких станков и текстиля, с которого началась деятельность компании «Тоёда», было практически прекращено, и главенствующее положение стала занимать автомобильная компания «Тоёта».

В соответствии с курсом правительства ряд подразделений автомобильной компании «Тоёта», имеющих для государства стратегическое значение, был преобразован в отдельные единицы. После принятия «Закона о сталелитейной промышленности»⁴³ (август 1937 г.) сталелитейное подразделение «Тоёда дзидо сёкки» для получения статуса приоритетного производства в марте 1940 г. выделили в отдельную компанию «Тоёда сэйко»⁴⁴. Аналогичная ситуация произошла с заводом по производству станков в составе «Тоёда». В мае 1941 г. завод в соответствии с «Законом о станкостроении»⁴⁵ был преобразован в компанию «Тоёда коки» и перепрофилирован на выпуск станков для производства авиационных двигателей. К 1938 г., когда Министерство торговли и промышленности обязало компании использовать исключительно японские комплектующие, автомобильная компания «Тоёта» уже имела собственный завод по производству электронных компонентов⁴⁵, который к концу 1937 г. выпускал вполне пригодную для автомобилестроения продукцию. Также в 1943 г. на базе отдела по изучению и разработке резин и волокон⁴⁶, входившего в состав завода «Кария», была образована компания «Нагоя гому».

В военное время японцы могли рассчитывать только на собственные технологии, поэтому значительно вырос интерес к исследованиям национальных организаций. Киитиро, как и его отец, уделял огромное внимание изучению новых технологий и материалов, считая, что «автомобилестроение — это отрасль, которой следует находиться на передовых рубежах цивилизации, вбирая в себя последние достижения науки; это отрасль, которая зиждется на концентрации знаний из разных областей, а не только на инженерных знаниях»⁴⁷. В этот период научно-исследовательские отделы и лаборатории, основанные Киитиро в начале 1930-х гг., были преобразованы в научно-исследовательские институты. В сентябре 1940 г. на базе лаборатории по изучению батарей был организован Институт физических и химических исследований.

В годы войны, когда в экономике Японии сложилась ситуация, близкая к катастрофической: государство не могло обеспечить ресурсами (материалами, сырьем, рабочей силой и др.) даже приоритетные отрасли, «Тоёта» была привлечена к авиационному производству. В июне 1942 г. штаб ВВС Японии предложил «Тоёта» и авиастроительной компании «Кавасаки кокуки когё» учредить совместное предприятие по выпуску авиационных двигателей, на котором бы использовались технологии автомобильного серийного производства. 19 мая 1943 г. была учреждена компания «Токай хикоки», президентом которой назначили Тоёда Киитиро. В марте 1944 г. в г. Кария был введен в эксплуатацию завод проектной мощностью 300 авиадвигателей ежемесячно, построенный по приказу военного министерства⁴⁸.

⁴³ Закон гарантировал предоставление субсидий, дотаций, налоговых льгот и других преференций лицензированным компаниям.

⁴⁴ В ноябре 1945 г. переименована в «Аити сэйко».

⁴⁵ К разработкам в этой области Тоёда Киитиро приступил еще в 1935 г.

⁴⁶ Это научно-исследовательское подразделение было основано Киитиро в 1932 г. для изучения возможностей применения новых материалов в автомобилестроении.

⁴⁷ 和田一夫, 由井常彦: 豊田喜一郎伝 [Вада Кадзую, Юи Цунэхико. История Тоёда Киитиро]. 名古屋大学出版会, 2002年.

⁴⁸ 笠井雅直: 戦時下のトヨタ自動車工業 [Kasai Masanao. «Тоёта дзидося когё» в условиях военного времени] // 名古屋学院大学論集. 社会科学篇. 第52巻. 第2号2015年. Pp. 109–126.

Отдельного упоминания заслуживает организация первых производственных филиалов компании «Тоёта» за рубежом. По мере расширения военных действий в Китае росли объемы заказов на грузовики для армейских нужд. Автомобили «Тоёта» не отличались хорошим качеством и постоянно ломались, поэтому первым предприятием компании за рубежом стал авторемонтный завод в Шанхае, открытый в 1937 г. На его базе в 1942 г. было сформировано сборочное производство. В апреле 1938 г. в Тяньцзине был запущен второй завод по сборке и производству кузовов и кабин грузовиков⁴⁹.

С началом войны на Тихом океане в декабре 1941 г. система сбыта автомобилей также стала частью военной экономики. Сбытовая сеть «Тоёта», которая к началу 1941 г. состояла из дилерских центров в 44 префектурах и пяти компаний за рубежом⁵⁰, была расформирована. В июле 1942 г. в соответствии с указом правительства была учреждена новая единая «Японская компания по сбыту автомобилей» с филиалами в каждой префектуре.

В условиях военной экономики проблемы с дефицитом сырья, энергии, трудовых ресурсов продолжали нарастать. Для рационализации процессов производства посредством кооперации государственного и частного сектора правительство 1 сентября 1941 г. издало указ о создании в двенадцати приоритетных отраслях (включая сталелитейную, автомобильную и точное машиностроение) контрольных ассоциаций, которые были уполномочены осуществлять контроль за распределением сырья, масштабами производства, ценами и сбытом продукции. 24 декабря того же года была зарегистрирована Ассоциация по контролю в автомобилестроении, в которую вошло шесть автомобильных компаний.

В январе 1944 г. «Тоёта» была обозначена правительством как компания по производству оружия и боеприпасов и передана под полный контроль Министерства военного снабжения (1943–1945), а Киитиро назначен на должность директора по производству⁵¹.

Таким образом, появление и развитие автомобильной компании «Тоёта» тесно связано с историческими процессами, происходившими в Японии в 1920–1945 гг. В истории компании этого периода выделяется два этапа. На первом этапе (1933–1936) «Тоёта» функционирует в качестве автомобильного подразделения, ориентированного на массовое производство легковых автомобилей, в составе компании, выпускающей ткацкие станки. Второй этап (1936–1945) характеризуется выделением «Тоёта» в самостоятельную автомобилестроительную компанию, которая становится частью структуры военной экономики, что приводит к переориентации производства на выпуск грузовых автомобилей военного назначения. Государственная политика в отношении компаний автомобильной отрасли, продиктованная интересами военных кругов, способствует стремительной трансформации «Тоёта», которая становится одним из лидеров автомобилестроения — многопрофильным концерном с группой компаний, выпускающих компоненты и материалы, и собственными научно-исследовательскими подразделениями.

Литература

История Японии. Т. 2. 1868–1998 / отв. ред. А.Е. Жуков. М.: ИВ РАН, 1998. 703 с.

Треварта Г. Япония. Физическая и экономическая география. М.: Издательство иностранной литературы, 1949. 602 с.

⁴⁹ 上山 邦雄: 戦前期日本自動車産業の確立と海外展開 (下) [Камияма Куню. Японская автомобильная промышленность довоенного периода: становление и зарубежная деятельность. Часть 2] // 城西大学大学院研究年報 31. 2018年. Рр. 19–42.

⁵⁰ «Карафуту Тоёта дзидося» (Сахалин), «Тёсэн дзидося», «Сеул Тоёта дзидося» и «Сэйсэн Тоёта дзидося» (три компании в Корее) и «Тайван кокусан дзидося» (Тайвань).

⁵¹ トヨタ自動車20年史: 1937–1957 [20-летняя история компании «Тоёта дзидося»: 1937–1957] // トヨタ自動車工業株式会社編. 挙母: トヨタ自動車工業, 1958年.

- 和田一夫, 由井常彦: 豊田喜一郎伝 [Вада Кадзую, Юи Цунэхико. История Тоёда Киитиро]. 名古屋大学出版会, 2002年.
- 自動車製造事業法 [Закон об автомобильной промышленности] // *National Archives of Japan*
URL: <https://www.digital.archives.go.jp/DAS/meta/listPhoto?LANG=default&ID=F0000000000000034171&ID=&TYPE=> (дата обращения: 21.09.2022).
- 上山 邦雄: 戦前期日本自動車産業の確立と海外展開 (上) [Камияма Кунио. Японская автомобильная промышленность довоенного периода: становление и зарубежная деятельность. Часть 1] // 城西経済学会誌 37, 2016年. Рр. 33–64.
- 上山 邦雄: 戦前期日本自動車産業の確立と海外展開 (下) [Камияма Кунио. Японская автомобильная промышленность довоенного периода: становление и зарубежная деятельность. Часть 2] // 城西大学大学院研究年報 31, 2018年. Рр. 19–42.
- 笠井雅直: 戦時下のトヨタ自動車工業 [Касай Масанао. «Тоёта дзидося коё» в условиях военного времени] // 出名古屋学院大学論集. 社会科学篇. 第52巻. 第2号. 2015年. Рр. 109–126.
- 牧 幸輝: 中京デトロイト化計画とその帰結 [Маки Юкитэру. Проект «Тюкё Детройт» и его значение] // *Ойコノミカ*. 2011年. 第48巻. 第1号. Рр. 27–45.
- 高田公理: 日本社会と自動車 [Такада Масатоси. Японское общество и автомобили] // 国際交通安全学会誌. Vol. 33. No. 3. 2008年. Рр. 224–233.
- 白木沢旭児: 日本における統制経済の形成と展開 [Сиракидзава Асахико. Формирование и развитие контролируемой государством экономики в Японии] // *歴史と経済*. Vol. 207. No. 3. 2010年4月. Рр. 31–39.
- トヨタ自動車20年史: 1937–1957 [20-летняя история компании «Тоёта дзидося»: 1937–1957] // トヨタ自動車工業株式会社編. 挙母: トヨタ自動車工業, 1958年.
- トヨタ自動車30年史 [30-летняя история компании «Тоёта дзидося»] // トヨタ自動車工業株式会社社史編集委員会編. 豊田: トヨタ自動車工業出版者, 1967年.
- 平沢照雄: 1930年代日本における統制経済の構造と展開 [Хирадзава Тэруо. Структура и развитие контролируемой государством экономики в Японии первой половине 1930-х годов в Японии] // 筑波大学博士 (経済学) 学位論文, 1998年.

Origins and Development of Japanese Automotive Industry in 1920–1945 (the Case of Toyota Motor Company)

Anna S. Mostovaia

Junior researcher at the Center for Global and Regional Studies of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (89, Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-6861-4031. Email: kartashema@mail.ru

Received 13.01.2023.

Abstract:

The paper addresses the issue of Japanese automotive industry development focusing the case of Toyota Motor Company. The historical background effected the emergence of national automakers is described. The main internal and external factors (industrial policy, socio-economic problems, Chino-Japanese and Pacific Wars and etc.) that have influenced the process of establishing of the Japanese automobile industry. The author points out the role of Toyoda Kiichiro, the founder of Toyota Motor Company, who defined the unique approach to company development and managed to adapt its operations to dramatically changing circumstances of wartime economy. The two main periods of company evolution are revealed. The first period characterizes the performance of Toyota as a structural division of Toyoda Automatic Loom Company emphasizing the design of passenger automobile. The second period illustrates the activities of an independent automotive company fully incorporated into a war-oriented economy. It concludes that, state policy towards automotive industry created the favorable environment for national companies.

Key words:

Automotive industry, Japanese history, industrial policy of Japan, Toyota

For citation:

Mostovaia A.S. Origins and Development of Japanese Automotive Industry in 1920–1945 (the Case of Toyota Motor Company) // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 1. Pp. 121–134.
DOI: 10.31857/S013128120024395-5.

References

- Istoriya Yaponii [History of Japan]. T. 2. 1868–1998. / otv. red. A.E. Zhukov. M.: IV RAN, 1998. 703 s. (In Rus.)
- Trevarta G. Yaponiya. Fizicheskaya i ekonomicheskaya geografiya [Japan. Physical and economic geography]. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1949. 602 s. (In Russ.)
- 和田一夫, 由井常彦: 豊田喜一郎伝 [Wada Kadzuo, Yui Tsunehiko. Toyoda Kiichiro Story]. 名古屋大学出版会, 2002年. (In Jap.)
- 自動車製造事業法 [An Automotive Industry Law]. *National Archives of Japan*.
URL: <https://www.digital.archives.go.jp/DAS/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F000000000000034171&ID=&TYPE=> (accessed: 21.09.2022). (In Jap.)
- 上山 邦雄: 戦前期日本自動車産業の確立と海外展開 (上) [Kamiyama Kunio. Prewar History of Japanese Automotive Industry. Part 1]. 城西経済学会誌 37, 2016年. Pp. 33–64. (In Jap.)
- 上山 邦雄: 戦前期日本自動車産業の確立と海外展開 (下) [Kamiyama Kunio. Prewar History of Japanese Automotive Industry. Part 2]. 城西大学大学院研究年報 31, 2018年. Pp. 19–42. (In Jap.)
- 笠井雅直: 戦時下のトヨタ自動車工業 [Kasai Masao. Toyota Motor Company In the Japanese War-time Economy]. 出名古屋学院大学論集. 社会科学篇. 第 52 卷. 第 2 号. 2015年. Pp. 109–126. (In Jap.)
- 牧 幸輝: 中京デトロイト化計画とその帰結 [Maki Yukiteru. Chukyo Detroit Project and Its Significance]. *オイコノミカ*. 2011 年. 第 48 卷. 第 1 号. Pp. 27–45. (In Jap.)
- 高田公理: 日本社会と自動車 [Takada Masatoshi. Japanese Society and Automobiles]. *国際交通安全学会誌*. Vol. 33. No. 3. 2008年. Pp. 224–233. (In Jap.)
- 白木沢旭児 日本における統制経済の形成と展開 [Shirakizawa Asahiko. Controlled Economy Development in Japan. 歴史と経済, Vol. 207, No. 3, 2010年4月 pp. 31–39. (In Jap.)
- トヨタ自動車20年史: 1937–1957 [Toyota Motor A Twenty-Year History: 1937–1957]. トヨタ自動車工業株式会社編. 挙母: トヨタ自動車工業, 1958年. (In Jap.)
- トヨタ自動車30年史 [Toyota Motor A Thirty-Year History]. トヨタ自動車工業株式会社社史編集委員会編. 豊田: トヨタ自動車工業出版者, 1967年. (In Jap.)
- 平沢照雄: 1930年代日本における統制経済の構造と展開 [Hirazawa Teruo. The Structure and Development of Japanese Controlled Economy in the First Half of the 1930s]. 筑波大学博士 (経済学) 学位論文, 1998年. (In Jap.)

Роль Российского Императорского консульства в Нючжуане (Инкоу) в расширении торгово-экономических отношений между Россией и Китаем с 1906 по 1909 г.

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024371-9

Шаронова Виктория Геннадьевна

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (адрес: 117292 г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19), ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11). ORCID: 0000-0002-4819-8058. E-mail: vsharonova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.12.2022.

Аннотация:

В статье речь идет о деятельности Императорского консульства России в Нючжуане (Инкоу) в период 1906–1909 гг. (по материалам отчетов и донесений консула А.Т. Бельченко, возглавлявшего заграничное учреждение с начала 1906 до начала 1910 г.). Одним из важных направлений работы российских дипломатов этого периода было восстановление российско-китайских торгово-экономических отношений как части социокультурной политики в Южной Маньчжурии. Особую роль в расширении коммерческих контактов между русскими и китайскими компаниями играл молодой дипломат — консул Андрей Терентьевич Бельченко. Благодаря содействию Императорского консульства были решены проблемы, возникшие у местного отделения Русско-Китайского банка по возврату задолженности кредиторов. Уделяя большое внимание продвижению русской мануфактуры в Нючжуане (Инкоу), А. Бельченко оказывал помощь в этих вопросах известным российским компаниям «Товарищество Викула Морозов с сыновьями», «Иван Коновалов с сыном», «Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина» и др. Посетив в начале 1908 г. Харбин, российский консул провел там переговоры с русскими коммерсантами, имевшими проблемы с бизнесом из-за последствий Русско-японской войны. Весной того же года в Нючжуан начали приезжать харбинские предприниматели, которые заключали контакты с китайскими партнерами на реализацию продуктов мукомольной и маслобойной промышленности. Императорское консульство, несмотря на высокую конкуренцию со стороны иностранных фирм (Великобритания, Япония, Германия и т.д.), активно продвигало российские торговые компании на местном рынке, к концу 1909 г. продажи отечественных товаров превысили довоенный уровень. Было восстановлено и судоходное движение российского транспорта, которое с 1908 г. стало регулярным.

Ключевые слова:

Инкоу, А.Т. Бельченко, российско-китайские торгово-экономические связи, консульство, Русско-Китайский банк, мануфактура, коммерсанты.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX в.): внешнеполитическое и социокультурное измерения»), URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00858/>

Для цитирования:

Шаронова В.Г. Роль Российского Императорского консульства в Нючжуане (Инкоу) в расширении торгово-экономических отношений между Россией и Китаем с 1906 по 1909 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 135–150. DOI: 10.31857/S013128120024371-9.

Торгово-экономические отношения как один из важных аспектов социокультурного взаимодействия России и Китая способствовали установлению дружеских связей между двумя странами, являясь одним из факторов «народной дипломатии». Начиная с XVII в. русские и китайские купцы занимались взаимовыгодной куплей-продажей. Объем торговых операций между странами начал возрастать с 1850-х гг., что бы-

ло обусловлено открытием Китаем «договорных портов». Российско-китайские торговые отношения регулировались рядом двусторонних договоров, включая Тяньцзиньский договор 1858 года. Согласно ст. 2, Россия получила право на ведение торговли морским путем через открытые (договорные) порты, а также могла пользоваться всеми льготами, предоставляемыми в этих портах иностранным государствам, в том числе назначать в них своих консулов¹.

Среди городов, перечисленных в двусторонних договорах, не упоминался город Нючжуан (Инкоу), являвшийся «договорным» портом, но не представлявший в то время интереса для русских купцов, хотя китайские и иностранные коммерсанты называли его «Ворота Маньчжурии» и вели через этот порт активную торговлю.

Среди дореволюционных авторов, описывающих торговую роль Инкоу в истории двусторонних связей, обращают на себя внимание работы Н.П. Штейнфельда, И.А. Добролюбовского, В.Г. Янчевецкого², а также Б.А. Романова³, изданные в 1920-е гг. Вопросы торгово-экономических отношений между Китаем и Россией во времена заката Цинской империи широко освещались в монографиях советских и российских академиков М.И. Сладковского⁴ и В.С. Мясникова⁵. К современным отечественным авторам, опубликовавшим статьи по данной тематике, следует отнести В.Г. Дацышена⁶, А.Н. Хохлова, Н.А. Беляеву⁷ и Я.Л. Салогуб⁸. Роли социокультурной политики России в Китае посвятил свои работы Н.А. Самойлов.

Китайские исследователи в своих статьях, посвященных истории Инкоу с начала XX в., связывают ее только с агрессией иностранных держав, отрицая положительные аспекты их деятельности в порту. Это можно прочесть в работах исследователей Ду Лихун⁹, Хань Сяодун и др.

Основными архивными источниками, использованными в работе над данной статьей, стали материалы фондов «Китайский стол» и «Миссия в Пекине» Архива внешней политики Императорской России: консульские донесения, отчеты и переписка сотрудников диппредставительства с Миссией в Пекине и Азиатским департаментом МИД,

¹ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. / [Изд. Д. Пешуров]. Санкт-Петербург: М-во ин. дел, 1889. С. 124.

² Янчевецкий Д.Г. У стен недвижимого Китая. СПб.; Порт-Артур: издание П. А. Артемьева, 1903. 682 с.

³ Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906). Очерки по внешней политике самодержавия во внешнем империализме. Л.: Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе, 1928. 608 с.

⁴ Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Москва. Наука, 1974. 439 с; Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М. Внешторгиздат, 1953. 304 с.

⁵ Мясников В.С. Россия и Китай: историческое прошлое, современность и перспективы отношений (семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем) // *Российско-китайские исследования*. 2017. Т. 1. № 1.

⁶ Дацышен В.Г. Инкоу из опыта русского колониализма // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 1995. № 4. 220 с.; Дацышен В.Г. Русский город Инкоу // *Информационно-аналитический портал Павла Клачкова*. URL: <http://klachkov.info/node/93> (дата обращения: 02.06.2021).

⁷ Беляева Н.А. Таможенное взаимодействие России и Китая в Маньчжурии: опыт и уроки начала XX в. // *Россия и АТР*. ИИ ДВО РАН. 2004. Владивосток. С. 34–43.

⁸ Салогуб Я.Л. Организационно-правовые основы создания российской администрации и полиции в открытом порту Инкоу (1900–1904 г.) // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2015. № 3. С. 46–49.

⁹ 杜丽红. 近代中国地方卫生行政的诞生:以营口为中心的考察 [Ду Лихун. Рождение местного гигиенического управления в современном Китае: исследование, посвященное Инкоу] // *近代史研究*. 2019. № 04. 第 114–131 页.

впервые введенные в научный оборот. В качестве источников использовались также русская периодика в Китае, воспоминания и переписка русских коммерсантов.

История города Инкоу (營口) известна с конца XVII в. За время своего существования его название неоднократно менялось. В простонародье город был известен как «Военный лагерь» — Ин-цзы (營子)¹⁰. Новый этап в его развитии начался с середины XIX в., когда порт, полученный европейскими державами по Тяньцзиньскому трактату 1858 г. был открыт для ведения иностранной торговли. Переселившиеся сюда иностранцы называли город Нючжуан (牛莊).

В подписанном договоре содержалась статья, в которой говорилось о том, что в дополнение к уже открытым китайским городам, будет открыт еще ряд городов, в том числе порт Нючжуан (Ньючван). Первый британский консул в Нючжуане Томас Тейлор Медоуз, 23 мая 1861 г. посетивший порт, обнаружил, что в 30 милях от него находится порт Инкоу, имевший более выгодное положение. Выбор Нючжуана, признали ошибочным. Изменить название в договоре оказалось невозможно, поэтому британский дипломат обратился к высокопоставленным китайским чиновникам с просьбой перенести географическое название Нючжуан на Инкоу. С тех пор в иностранных документах и архивах, а также в названиях консульств, портов, таможен, церковей Инкоу фигурировал как Нючжуан, что вызывало неразбериху. Со временем в разговорной речи осталось только название Инкоу, а топоним Нючжуан упоминался лишь в официальных бумагах¹¹.

Инкоу, располагавшийся недалеко от устья реки Ляохэ, находился в зоне коммерческих интересов Англии, Америки и Японии, имевших в порте конторы различных компаний и банков и консульских представителей. Здесь была открыта Китайская морская таможня, во главе которой находились англичане, и отделение джоночной таможни, подчинявшееся местному главе города — даотаю.

Россия обратила свое внимание на порт Инкоу после подписания совместных с Китаем договоров (1896, 1898) о строительстве КВЖД и аренде портов Дальний и Порт-Артур, когда в сферы ее политических и экономических интересов попала Маньчжурия. В 1899 г. здесь было открыто Российское императорское консульство. В городе работало отделение Русско-Китайского банка, которое выдавало кредиты русским и китайским коммерсантам, а также финансировало строительство Южной ветки Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). В 1900 г. была построена станция Нючжуан (ветка Инкоу — Дашицяо), рядом с которой вырос Русский поселок, в котором проживали строители и служащие дороги. Железная дорога выходила к берегу Ляохэ, где был построен паромный терминал. Одним из самых ярких периодов русского присутствия в Инкоу было введение Временного русского управления, длившегося с 1902 по 1904 г. Должность градоначальника в разные годы занимали дипломаты А.Н. Тимченко-Островерхов и В.Ф. Гроссе.

Усиление влияния России на Ляодунском полуострове и существование южно-маньчжурского треугольника *Инкоу — Порт-Артур — Дальний* раздражало главных соперников России — Англию, Америку и Японию. Со строительством портов Дальний и Порт-Артур, находившихся на побережье, роль Инкоу как главного торгового порта Южной Маньчжурии стала снижаться, тем не менее его нахождение в этом треугольнике было необходимым для сохранения российского влияния на Квантуне.

¹⁰ 營口簡史 [Краткая история Инкоу]. 主編 韩晓东. 沈阳: 辽宁民族出版社, 2019年. 第300页.

¹¹ Шаронова В.Г. Социокультурная деятельность Российского Императорского консульства в Инкоу (Китай) в период временного русского управления (1900–1904 гг.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 398. DOI: 10.21638/spbu13.2022.302

Начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война коренным образом изменила имеющиеся у России планы в Южной Маньчжурии. Русское население покидало Квантун. Опустел и Инкоу, в сентябре в числе последних российских подданных выехал градоначальник В.Ф. Гроссе, увезший с собой только консульский архив.

Завершившаяся поражением Русско-японская война привела к заключению Портсмутского мирного договора, подписанного 23 августа (5 сентября) 1905 г. в США, результатом которого стало прекращение действия Союзного договора между Российской Империей и Китаем 1896 г. и Русско-китайской конвенции 1898 г. о праве аренды Россией Ляодунского полуострова. Итоги войны были на руку американцам, которые всеми способами пытались ослабить влияние России в Маньчжурии: «Портсмутская Конференция представляла собой не просто дипломатическое противостояние России и Японии. На этапе ее подготовки и в ходе переговоров зримо присутствовала третья сторона — Соединенные Штаты Америки. Президент США Теодор Рузвельт в своей дипломатической активности явно вышел далеко за рамки нейтрального посредничества между двумя воюющими сторонами»¹².

В результате войны Япония утвердила свое господство в Южной Маньчжурии и в Корее. Обосновавшись в Инкоу, японские власти захватили все принадлежавшие России здания, участки земли и железнодорожные объекты. Присутствие русских подданных в городе до начала 1906 г. не разрешалось.

Сложная ситуация складывалась и с возобновлением работы императорского консульства в Нючжуане, которое не действовало с осени 1904 г. Наконец, после многочисленных переговоров и дипломатической переписки российский посланник в Пекине Д.Д. Покотилев в своем донесении от 2 декабря 1905 г. известил директора Азиатского департамента МИД И.Г. Гартвига о получении разрешения на возобновление работы консульства и направлении в порт сотрудника Миссии в Пекине В.К. Никитина¹³. С середины декабря консульство восстановило свою деятельность.

Для усиления дипломатического состава в январе 1906 г. исполняющим обязанности консула был назначен молодой дипломат Андрей Терентьевич Бельченко, прекрасно зарекомендовавший себя в управлении российскими консульствами в Ханькоу и Фучжоу. Кроме повседневных дел, лежащих на любом загранучреждении, консульство в Инкоу было вынуждено заниматься решением многочисленных проблем, связанных с последствиями Русско-японской войны.

Несмотря на сложившуюся ситуацию и тяжелое моральное состояние, А.Т. Бельченко был решительно настроен на то, чтобы, хотя бы частично, вернуть Инкоу в зону интересов России, в том числе торгово-экономических. Ежедневно консул направлял в Миссию в Пекине донесения, в которых подробно информировал о политической и экономической ситуации в городе. Особое внимание уделялось действиям японских властей, которых он называл «хозяевами Маньчжурии».

С 1905 г. Япония, пользуясь своим привилегированным положением, далеко отставила за собой имевших значительные интересы Англию и Америку, особенно это проявлялось в экономической сфере. Благодаря военной оккупации и наплыву своих подданных японцы получили возможность скупать продукты по низким ценам внутри страны до поступления их на открытый рынок и, имея в своем распоряжении пути и средства сообщения, монополизировали всю вывозную торговлю. Японские товары наводнили весь Китай, о чем сообщал А. Бельченко: «Что касается ввоза, то страна настолько наводнена дешевыми японскими произведениями, что конкуренция с ними не только ино-

¹² Лихарев Д.В. Портсмутский мир 1905 г.: дискуссионные проблемы российской историографии // *Россия в АТР*. 2021. № 4. С. 121–122. DOI: 10.24412/1026–8804–2021–4–119–137

¹³ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. Л. 203

странцев, но и китайцев, стала невозможной»¹⁴. По данным дипломата, Китай в то время являлся потребителем свыше 60 % всех экспортируемых Страной восходящего солнца товаров¹⁵. Для сосредоточения в своих руках финансовых потоков во всех пунктах Маньчжурии, в т.ч. в Инкоу, открывались отделения японского банка Yokohama Special bank.

Кроме торговли японцы старались сосредоточить в своих руках все отрасли промышленности. Особенно их интересовало использование богатых природных ресурсов Маньчжурии (разработка лесов на реке Ялунцзян, эксплуатация Фушуньских копей, соляная промышленность, разработка месторождений угля и железа в Мукденской провинции). В 1906 г. был создан полуправительственный концерн Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), половина капитала которого принадлежала японским монополиям, в частности концерну Ясуда¹⁶.

А.Т. Бельченко в своих донесениях указывает на продолжение японцами начатой Временным русским управлением работы в порту Инкоу. Порядок управления городом был сохранен полностью. Китайская таможня осталась в ведении Главного инспектора таможни, находящегося под контролем градоначальника, а джоночная, как и раньше, была в ведении даотая. Однако если административная система Временного русского управления была сохранена, то личностные отношения между японцами и китайцами крайне отличались от отношений китайцев с русскими. На правах победителей японцы не платили пошлин, что вызывало недовольство китайских купцов из-за понижения цен на продаваемые ими товары.

А.Т. Бельченко докладывал в Миссию, что у японцев «были натянутые отношения с китайцами: с одной стороны японские власти, как истые азиаты, жестоко обращались с жителями, за малейший проступок подвергали казням, а с другой постоянно вмешивались в дела управления страной, что вызывало протесты со стороны местных китайских властей»¹⁷.

Столкновения между японцами и китайцами происходили на каждом шагу, т.к. китайцы стали «видеть разницу между приемами, применяемыми при занятии страны русскими и теми, к которым прибегали японцы»¹⁸. А.Н. Хохлов, долгие годы изучавший историю русско-китайских торговых отношений, подчеркивал в своих работах, что «...российское правительство стремилось использовать в практике международных отношений такие меры и методы, которые исключили бы напряженность и конфронтацию с соседним Китаем»¹⁹.

Успешное освоение Маньчжурии Россией в начале XX в. способствовало притоку сюда населения из других районов Китая. Желание получить работу и освоить новую профессию вызвало рост иммиграции. Однако Русско-японская война помешала развитию этого процесса. После ее окончания, начиная с 1906 г., наблюдался новый рост наплыва китайцев в Маньчжурию. Крупномасштабная иммиграция из Китая, особенно из Шаньдуна, обеспечивала японский бизнес дешевой рабочей силой. Так, по данным торгового отчета А.Т. Бельченко, за 1906 г. в Инкоу значительно выросло число китайцев, прибывших сюда из Чифу, Тяньцзиня и других мест. Для рабочих был установлен особый дешевый тариф по железной дороге, но многие прошли расстояние

¹⁴ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. С. 216 об.

¹⁵ *РГИА*. Ф. 23. Оп. 18. Д. 226. Л. 50 об.

¹⁶ Советская историческая энциклопедия / гл. ред. *Е.М. Жуков*. Москва: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 16. С. 921.

¹⁷ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. С. 217.

¹⁸ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. С. 217 об.

¹⁹ *Хохлов А.Н.* Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // *И не распалась связь времен...К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова*. М. Наука, 1993. С. 226.

пешком: «Широкой волной вливается в Маньчжурию население других провинций, и многие из рабочих, прибывших на заработки, остаются навсегда, оседая преимущественно на севере и северо-востоке от Куанчэнцзы. Власти идут навстречу переселенцам, всячески поощряя переселение, и можно думать, что в самое непродолжительное время Маньчжурия будет заселена»²⁰.

В ноябре 1906 г. Инкоу был возвращен японцами китайским властям, в городе были подняты национальные флаги, однако представители японской администрации находились здесь еще два месяца. После принятия порта инкоуский даотай Лян Жухао в своем докладе писал: «Япония убила торговлю в Нючжуане, путем беспошлинного ввоза своих товаров через Дальний. Вопрос об этом поднимался время от времени, но Япония откладывала это решение. За время боксерского восстания до начала русско-японской войны, когда русские занимали Маньчжурию, торговля китайских купцов была в превосходном состоянии. Русские хорошо платили за все, что они покупали, иногда даже в несколько раз больше против обычной цены. При японском же режиме, все это изменилось в худшую сторону. Японцы ввозят все, что им нужно, из Японии, ввиду этого много бывших ранее в превосходном состоянии фирм обанкротились. Цены на сахар, папиросы, спички, керосин, бобовые упали наполовину»²¹.

Китайские власти давно волновали вопросы продвижения местных коммерческих интересов. Этому способствовали произошедшие еще на рубеже веков события в Китае, которые стали основным побудительным мотивом к проведению в стране ряда преобразований, известных как поздние реформы династии Цин (晚清改革) или «новая политика» (新政). Одной из ее главных целей «было наметившееся изменение в отношении правительства к торгово-предпринимательским слоям. Впервые в истории китайской империи государство объявило о своем стремлении отойти от ограничения предпринимательства, встав на путь его поощрения. Созданное в 1903 г. указом двора Министерство торговли должно было всячески способствовать притоку частного капитала в промышленность и коммерцию»²². Китайские коммерсанты призывали власти проводить протекционистскую политику, направленную на укрепление торгового потенциала страны. Для успешной реализации реформ в городах и административных центрах Китая стали создаваться торгово-промышленные палаты и союзы, а также акционерные общества.

В 1906 г. Инкоу посетил начальник Хайчэнского уезда Мукденской провинции Гуань Фэнхэ, ученик Юань Шикая, один из наиболее просвещенных чиновников того времени. Он выступил на собрании Общества местных торговцев, указав на те недостатки, которые мешают китайским коммерсантам продвигать свои товары: «Если бы китаец мог предугадать новые способы изготовления товаров, то вне сомнения и твои товары, отправленные за границу, раскупались бы нарасхват. Между тем, ты не можешь двигаться вперед по пути развития, так зачем же негодуешь на иностранцев. Несколько лет тому назад местные купцы имели обыкновение смачивать бобы (чтобы увеличить вес), и в смоченном виде продавали их. В трюме пароходов бобы от высокой температуры плесневели и портились. Иностранцы терпели убытки и после того могли они верить тебе? Китайцы любят к хорошим экземплярам применить дурные, что неминуемо влечет за собой падение цены на товар. Иностранные торговцы обращают внимание на то, что нам больше нравится, сколько ежегодно потребляется известного рода товаров. В последнее время японские газеты говорят, что население Маньчжурии предпочитает цвета материи с рисунками журавлей, летучих мышей, оленей, бога благоденствия. Вот как иностранцы

²⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 226. Л. 25.

²¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 226. Л. 15.

²² История Китая: учебник / под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. С. 357.

обращают внимание на торговлю; между тем, мы умеем лишь следовать старыми путями, знаем, сколько стоит вещь, и за какую цену нужно продать, а не имеем понятия, что покупают иностранцы, и по какой надобности»²³.

Гуан Фэнхэ призвал торговцев изучать опыт иностранной торговли и подчеркнул, что они приносят пользу, а не вред местному рынку: «Мы в течение нескольких десятков лет ведем торговлю с купцами крупных держав в портах, открытых для иностранной торговли, и торговля эта увеличивается с каждым годом, что, действительно, приносит громадную пользу обеим сторонам. Мы до сих пор не понимаем всей выгоды от совместной с иностранцами торговли, и часто слышится недовольство на то, что в то время как ввоз товаров увеличился с каждым годом, так вывоз, наоборот, уменьшился. Тем не менее, известно, что иностранные товары отличаются своими качествами и доступностью по цене»²⁴. Китайские власти брали под контроль и финансовые потоки торговых операций, для чего по всей стране стали открываться отделения банка Министерства финансов. В одном из своих донесений консул А.Т. Бельченко писал: «Стремление китайского правительства преобразовать измученную в течение нескольких лет Маньчжурию на новых началах, имеющих целью успокоить население, поднять его благосостояние и развить торговлю и промышленность, выражаются в открытии в стране отделений банка Министерства финансов (пока открыты отделения в Мукдене и Инкоу). Предполагается открыть на северо-западе отделения банка в Урге, Калгане, Шаньдуне, Яньтае»²⁵. Таким образом, китайские власти пытались регулировать экспортно-импортные операции, а также контролировать финансовые и товарные потоки внутри страны.

Следуя «новой политике», китайские предприниматели стояли во главе движений за бойкот иностранных товаров. В 1905 г. в южных и юго-восточных провинциях они организовали бойкот американских товаров, в 1907–1908 гг. — японских, а в 1908 г. — германских²⁶.

Бойкот серьезно отразился на положении американской торговли в Китае. По окончании военной оккупации японцами Южной Маньчжурии американцы приступили к изучению потребностей местного населения и тех отраслей промышленности, которые были захвачены японцами, чтобы составить им конкуренцию. По сообщениям А.Т. Бельченко, американский генеральный консул в Нючжуане Томас Н. Сэммонс вел себя очень активно, постоянно ездил по региону, знакомился с положением на рынке. В Дайрене, Мукдене и Харбине были назначены генеральные консулы, перед которыми ставились задачи по укреплению торгово-экономических позиций США в Маньчжурии. Финансовые аппетиты американцев представляли серьезную угрозу российским интересам в регионе, особенно после открытия Харбина для иностранной торговли в 1907 г. Особенно явно это проявилось в предложении статс-секретаря Ф. Нокса о торговой нейтрализации Маньчжурии, что должно было показать, что конечная цель американских домогательств заключается в чисто формальном уравнении иностранных интересов в Маньчжурии, которое в конце концов привело бы к господству всемогущего доллара²⁷.

В условиях сложной политической ситуации работа наших консулов в Маньчжурии была направлена на сохранение и укрепление позиций России. В торговых отчетах А.Т. Бельченко уделял особое внимание продвижению на местном рынке американских товаров, составлявших конкуренцию российскому керосину, табаку и др.

²³ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. Л. 228–229.

²⁴ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. Л. 228.

²⁵ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. Л. 308

²⁶ История Китая: учебник / под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. С. 360.

²⁷ *Доброловский И.А.* Предложение статс-секретаря Кокса о торговой нейтрализации Маньчжурии и русское контр-предложение. Санкт-Петербург, 1910. С. 2.

Британия и Германия также рассматривали Южную Маньчжурию как выгодный рынок сбыта своих товаров. Англичане первыми пришли в Инкоу в числе первых иностранцев еще в 1860 г. Здесь продолжали работать известная фирма «Буш и Ко», логистическая компания «Баттерфилдс и Сквайер», Морские китайские таможи и др.

В 1907 г. в Инкоу открылось консульство Германии, в обязанности которого входило расширение торгово-экономического сотрудничества с Китаем и продвижение сбыта немецких товаров.

Российское императорское консульство в Нючжуане занимало особое место, что было обусловлено, с одной стороны, географическим положением, с другой — результатами Русско-японской войны, подорвавшими престиж России на Дальнем Востоке и затормозившими на долгое время проявление деловой активности русских в Южной Маньчжурии. Одним из главных последствий войны было прекращение русской торговли в Нючжуане, положившее конец активному продвижению русских торговых и экономических интересов, а также присутствию в городе русских, которые многое здесь создали и преобразовали, а также пользовались уважением среди местного населения. Самый первый удар приняли на себя дипломаты, которые работали в новых условиях с надеждой на возвращение доброго имени своей родины. Заменявший В.К. Никитина новый сотрудник консульства А.А. Вальтер так описывал сложившуюся ситуацию: «Отсутствие каких-либо экономических интересов в Нючжуане и осознание потерять престиж среди местного населения являются большим препятствием в порте, и немало пройдет времени, прежде чем удастся найти себе прочную базу здесь, но, нет сомнения, что при известной настойчивости, при дружеских усилиях, задача эта, правда нелегкая, выполнима, и мы снова займем достойное место среди иностранцев в Нючжуане»²⁸.

После передачи города китайским властям стали решаться имущественные вопросы, российские административные здания были частично возвращены хозяевам. В одном из своих донесений в начале декабря 1906 г. А.Т. Бельченко писал, что после отъезда главы японской администрации Иокуры «японские флаги продолжали висеть на наших домах»²⁹. Вскоре в них вселились китайские чиновники, а в доме бывшего градоначальника В.Ф. Гроссе разместилась канцелярия гуаньдунского (квантунского) генерал-губернатора. Наконец, спустя два месяца непрерывных переговоров с китайскими и японскими должностными лицами и благодаря содействию посла России в Японии Г.П. Бахметева дело о полном возврате российской недвижимости в Инкоу увенчалось успехом. В своей телеграмме на имя посланника в Пекине А. Бельченко сообщал: «*Дома приняты крайне необходимо немедленно приступить к ремонту* (курсив наш. — Прим. авт.)»³⁰. Большинство из них находились в плачевном состоянии, в том числе здание Императорского консульства.

В числе переданных и срочно нуждавшихся в ремонте зданий было здание Русско-Китайского банка. Как писал А.Т. Бельченко: «Местное отделение банка, особенно развившее свои операции в начале военных действий между Россией и Японией, принужденное затем покинуть порт, оставило в Нючжуане массу должников китайцев»³¹. В этой связи одной из первостепенных задач консульство считало оказание содействия банку по взысканию многочисленных долгов с китайских фирм и китайских лиц.

Банк проводил широкую политику по кредитованию местных фирм для расширения ими своего торгового бизнеса. Последствия прошедшей войны и захвата власти японцами привели к тому, что многие китайские фирмы, имевшие займы, не могли их вернуть.

²⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. Л. 387

²⁹ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 841. Л. 178.

³⁰ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 841. С. 201.

³¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 325. Л. 352.

Создалась тяжелая ситуация по стабилизации как самого китайского рынка, так и деятельности российского финансового учреждения, которое было закрыто с осени 1904 г.

Значительным фактором, ухудшившим финансовое положение города, была отмена японскими властями русских денежных знаков, выпущенных Русско-Китайским банком. Банк возобновил свою работу только в середине 1906 г. Некоторые китайские коммерсанты к тому времени уже покинули город, и найти их не представлялось возможным, поэтому их долги перешли в разряд невозвратных. Полноценная деятельность отделения банка началась в декабре. В виду обычной медлительности, а иногда и намеренно китайские власти затягивали решение вопросов по возврату долгов, что приводило к значительным затруднениям для удовлетворения претензий банка, тем не менее работа медленно продвигалась, были поданы иски к различным китайским компаниям.

Содействие консульства и лично консула А.Т. Бельченко в финансово-экономических вопросах Русско-Китайского банка имело большое значение для стабилизации деятельности и повышения ликвидности банка.

Еще по прибытию в Инкоу в январе 1906 г. А.Т. Бельченко обнаружил плачевное состояние торгового рынка. Это касалось товаров ввозной торговли. Главное место в импорте занимали японские и английские мануфактурные товары. Поэтому одной из своих задач А.Т. Бельченко считал возвращение на местный рынок русских мануфактурных товаров. Для этого он считал необходимым привлечение «на свою сторону» китайских купцов на выгодных для них условиях: «Вопрос об успехе ввоза русских товаров в Китай сводился, главным образом, чтобы заинтересовать в нем самих китайцев, как проводников в народ названных товаров. Этим принципом и руководствовалось Консульство при проведении отечественных товаров в Южную Маньчжурию. Участие русских торговцев сводилось к тому, что они, заключив при помощи Консульства договоры с китайскими фирмами не имели права распространения последними их произведений, исполняли заказы своих клиентов и получали деньги»³². Большую часть населения Маньчжурии составляли крестьяне и рабочие, предпочитавшие более грубые и более прочные японские изделия изысканным европейским тканям. Известный публицист-востоковед Н.П. Штейнфельд считал, что «весьма важной задачей для русской промышленности является постараться овладеть нарастающими культурными потребностями китайцев, нежели сосредоточить, как то было до сих пор, все усилия русского экспорта на распространении в китайской массе предметов первой необходимости, главным образом дешевой материи на белье и одежду»³³.

Одной из первых российских компаний, начавших свои торговые операции в Инкоу в 1901 г., было товарищество «Викула Морозов с сыновьями». Мануфактурные товары компании успешно продавались, о чем неоднократно докладывал в своих донесениях консул В.Ф. Гроссе. Однако из-за Русско-японской войны отношения Инкоу с Москвой были прекращены. Имеющийся опыт и известность текстильной продукции в Китае позволили компании вернуться к торговому проекту. В качестве представителя товарищество командировало в Маньчжурию своего бывшего служащего А.В. Хаваева, который прибыл в Харбин в конце 1907 г. Весной следующего года по приглашению А.Т. Бельченко он приехал в Нючжуан для знакомства с местными коммерсантами и обсуждения вопросов возобновления торговли. Первоначально китайские фирмы не проявляли особого интереса к деятельности фирмы: сбыт нанки³⁴, выразился лишь в сумме в

³² Бельченко А.Т. Воспоминания. Архив Музея Русской культуры в Сан-Франциско. Ф. 54. С. 259.

³³ Штейнфельд Н.П. Русские торговые интересы в Китае. Харбин, тип. «Труд» В.И. Антупьева, 1913. С. 20.

³⁴ Нанка (от названия китайского города Нанкин) — прочная хлопчатобумажная ткань буровато-желтого цвета.

2 000–3 000 рублей. Ознакомившись с использованием ткани на практике, китайцы стали обращаться в Императорское консульство с просьбой помочь им наладить контакт с А.В. Хаваевым. А.Т. Белченко отправил новое приглашение представителю компании в Харбин, и в декабре 1908 г. он прибыл в Нючжуан. При содействии консульства были проведены переговоры и подписан контракт с одной из самых крупных местных фирм «Си И-шунь», выразившей желание стать агентом товарищества. Согласно контракту, китайская фирма принимала на себя обязательства по продаже товаров на сумму 100 000 руб., пользуясь кредитом в 5 000 руб.

В свою очередь Товарищество обязалось отпускать своему агенту товар со скидкой 10 %. Все расчеты по контракту производились в русских рублях с внесением денежных сумм на текущий счет фирмы в отделении Русско-Китайского банка в Нючжуане. Товарищество «Викюлы Морозова с сыновьями» предоставляло компании «Си И-шунь» право монопольной торговли своими товарами в Инкоу, Мукдене и Цзиньчжофу. В обеспечение договора фирма «Си И-шунь» внесла в китайский государственный банк 4 000 нючжуанских лан³⁵. Спустя некоторое время со стороны китайцев поступило предложение об учреждении агентур для товарищества в Чифу и Тяньцзине. Общие результаты закупленных тканей превысили сумму контракта: фирма за год купила товара на 140 000 с лишним рублей вместо положенных 100 000³⁶.

Другой компанией, прочно вошедшей на инкоусский рынок, было «Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном». В начале 1909 г. Московский дом «Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном» в лице своего доверенного представителя З.Ф. Бабичева заключил в Инкоу договор по реализации своих товаров с китайской фирмой «Юань Чэн-хуэй». Ввиду отсутствия товара на арендованном фирмой складе в Харбине и трудностей их доставки из Москвы (груз шел два месяца) сделка была незначительной. Фирма «Юань чэн-хуэй» получила первую партию тканей только 7 августа, хотя груз был отправлен товариществом из Москвы 2 июня. Таким образом, материя, необходимая летом, пришла осенью. Тем не менее китайская фирма торговала русской мануфактурой (особенно сатином) довольно успешно, продав его на сумму более 1 000 руб. Однако из-за подорожания цены на хлопок и сотрудничества фирмы «Юань Чэн-хуэй» с германской фирмой «Арнольд», которая постаралась остановить продажу тканей конкурента, контракт с товариществом, был расторгнут. Немцы, как и японцы, мешали распространению российских товаров в Маньчжурии. При разрыве контракта китайская фирма заявляла, что русские товары очень хорошего качества и нравятся местному населению, однако сбыт остановила.

Инкоу был одним из портов получения товаров из России, откуда грузы шли по железной дороге через ст. Шанхайгуань и ст. Куаньчэнцзы в Северную Маньчжурию. Поэтому реализация различной продукции русских коммерсантов из Харбина была очень выгодна с точки зрения ее доставки в Инкоу. Находящийся в Северной Маньчжурии Харбин дал прекрасную возможность прибывшим для освоения края русским коммерсантам наладить там промышленность и торговлю. Одной из самых успешных в пищевой отрасли была мукомольная промышленность, т.к. маньчжурская пшеница (маньчжурка) отличалась высоким качеством и пользовалась большим спросом.

Открытие Харбина для международной торговли после окончания русско-японской войны³⁷ застало этот город в тяжелом положении. В частности, критическое состояние переживала мукомольная промышленность. Будучи не в состоянии успешно сопер-

³⁵ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 326. Л. 41.

³⁶ *АВПРИ*. Ф. 143. Оп. 491. Д. 326 Л. 167.

³⁷ Летом 1907 г. по требованию иностранных держав китайское правительство открыло для международной торговли Харбин, Хайлар и Маньчжурию.

ничать с американскими мукомольными объединениями, русские предприятия оказались перед угрозой банкротства, для предотвращения чего был разработан проект образования акционерной компании, объединяющей все крупные мельницы в зоне КВЖД³⁸.

Особенным успехом в Инкоу пользовалась мука Русского мукомольного товарищества И.В. Кулаева. Во время пребывания Бельченко в Харбине в 1908 г. и при его содействии фирма «Си И-шунь» заключила «с названным Товариществом словесный договор на поставку ей еженедельно по 3 вагона муки по 1210 кульков каждый — 2 вагона — в Мукден и 1 — в Инкоу»³⁹. Оборот Русского мукомольного товарищества, приславшего с середины октября по конец года более 68 000 пудов, составил 140 000 руб.

В августе 1908 г. в Инкоу неожиданно прибыл мукомол из Куаньчэнцзы А.В. Роговцев. Он посетил консульство, где на встрече с А.Т. Бельченко рассказал, что привез с собой вагон собственной муки для продажи. Как позже сообщал в своих донесениях консул: «4 ноября А.В. Роговцевым, при содействии Императорского консульства, был заключен договор с китайским купцом в Инкоу Сунь Мином на поставку в течение двух ближайших месяцев 32 вагонов муки лучшего сорта с расчетом отправки четырех вагонов в неделю... Общий оборот от продажи муки Роговцева составит за два месяца 71 040–77 960 рублей. Причем китаец выдал Роговцеву аванс 15 000 р. Мельница Роговцева с августа по декабрь 1909 г. продала 33 689 пудов муки на сумму 44 492 руб.»⁴⁰. Бельченко считал эту сделку очень удачной и началом постоянного сбыта русской муки в Инкоу.

Успешное распространение харбинской муки в Южной Маньчжурии привлекло внимание японцев и других иностранцев. Японские предприниматели, обеспокоенные таким положением дел, стали предпринимать меры, чтобы задержать ее проникновение в глубь страны. Например, Японское мукомольное товарищество в Телине обращалось к арендатору мельницы на ст. Куаньчэнцзы с просьбой вступить с ним в компанию и даже продать мельницу. С такой же просьбой обращалась к Роговцеву и известная японская фирма «Митсуй Буссан Кайша», сбывающая в большом количестве американскую муку. Эта же фирма предлагала Русскому мукомольному товариществу в Харбине свои услуги по сбыту муки в качестве агента. Консульство понимало, что целью предложений является переманивание японцами коммерческой агентуры, чтобы затормозить продвижение российской торговли.

А.Т. Бельченко отклонил эти предложения, учитывая уже имевшийся опыт продажи японцами русских товаров: «Известен случай, когда отделение фирмы «Митсуй Буссан Кайша» в Гирине в качестве агента по сбыту русского керосина, усиленно рекомендовал покупателю американский керосин, говоря, что русский керосин очень плох и не годится к употреблению. Оказалось, что японская фирма одновременно состояла агентом американской компании “Стандарт Ойл Ко”»⁴¹.

Сам обладавший торговой жилкой, А.Т. Бельченко умел окружать себя энтузиастами своего дела из числа русских коммерсантов. Одним из них был купец второй гильдии Роман Моисеевич Кабалкин, приехавший в Маньчжурию в 1901 г. в поисках покупателей маслodelьной продукции и заключения новых контрактов. Знакомясь с возможностями вывозной торговли, Кабалкин обращает внимание на продажу соевых бобов. Одновременно занимаясь вопросами установления коммерческих связей между сибирскими и китайскими купцами по экспорту масла, он решает организовать экспорт маньчжур-

³⁸ Лосев Ю.А., Ананьева Н.А. Русско-американские разногласия по вопросу о полосе отчуждения КВЖД. 1906–1917 гг. // *Вопросы истории*. М. 2008. № 7. С. 110.

³⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 226. Л. 51–52.

⁴⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 226. Л. 51–52.

⁴¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 226. Л. 50.

ских бобов в Европу, где было хорошо налажено производство бобового (соевого) масла. Для ведения бизнеса была учреждена компания по реализации сибирского масла «Р.М. Кабалкин и сын», которая в скором времени стала поставлять соевые бобы на российский и европейский рынки. В конце 1903 г. экспорт бобов составил 4 300 пудов⁴².

В 1906 г. в Харбине Р.М. Кабалкин основывает экспортно-логистическую компанию «Натансон и Ко», которая начала вывозить первые партии маньчжурских бобов через Владивосток по морю в Европу. В 1908 г. во время визита А.Т. Бельченко в Харбин состоялась его встреча с Р.М. Кабалкиным. Консул предложил предпринимателю рассмотреть также вопрос реализации в Южной Маньчжурии соевого масла. В следующем, 1909 г. Р.М. Кабалкин создал в Лондоне «Англо-Китайскую Торговую компанию — Ацетко», которая занималась экспортом в Европу соевой продукции, в том числе бобового (соевого) масла. В 1914 г. он построил в Харбине «маслобойный завод с лучшим оборудованием на участке 15 кв. сажен»⁴³. Тесное сотрудничество «отца бобового экспорта» с Императорским консульством в Инкоу продолжалось вплоть до отъезда предпринимателя из Китая в Палестину. Большая роль в этом принадлежала А.Т. Бельченко, пригласившего талантливого коммерсанта в Южную Маньчжурию.

В одном из своих донесений Бельченко сообщал, что в середине мая 1909 г. Нючжуан посетил З.И. Ратнер, представитель торгового дома в Одессе «И. Ратнер и сын», имеющего маслобойные заводы. Главной целью его визита в город было посещение заводов по производству бобового масла. При содействии консульства З.И. Ратнер договорился о сотрудничестве с китайской фирмой «Си И-шунь». Русский торговый дом планировал открыть собственную контору, чтобы «заняться экспортом бобового масла в Европу, а в дальнейшем построить маслобойные заводы в Приморье»⁴⁴.

Одним из предметов российского экспорта в Китай был керосин. С конца XIX в. его ввоз стабильно рос и «составлял более половины от американского. Российские власти очень рассчитывали на этот рынок и принимали меры для увеличения экспорта керосина: планировалось соорудить в Дальнем специальный терминал для разгрузки нефтепродуктов и ряд хранилищ по трассе КВЖД для организации широких продаж в Маньчжурии»⁴⁵. Если до 1903 г. в Нючжуан было ввезено 250 000 галлонов керосина, то в 1905 г. он уже отсутствовал на рынке порта⁴⁶. В дальнейшем русский керосин продавался на местном рынке американской фирмы «Братья Нобель», переименовавшейся в «Восточно-Азиатское нефтяное торгово-промышленное товарищество» и открывшей отделение в Дальнем. Однако, как писал А.Т. Бельченко, «дело идет слабо: оборот за 1908–1909 гг. составил лишь 3000 ящиков, а в остальной Южной Маньчжурии 1200 ящиков на сумму 50 000 рублей»⁴⁷.

По своей инициативе А.Т. Бельченко пытался вызвать интерес у китайских и иностранных жителей Инкоу к русским винам и табаку. Устраивая различные консульские мероприятия, он подавал на стол российские вина и предлагал гостям отечественные папиросы. Отправляя важным китайским чиновникам и представителям дипкорпуса, важным чиновникам и коммерсантами подарки на праздники и юбилеи, он также дарил вино и табак. Такие «уловки» не могли немедленно привести к заключению контрактов на поставки данных товаров, но они пробуждали к ним интерес, нередко к Бельченко обращались за помощью «выписать» русскую продукцию из Харбина.

⁴² ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 18529. С. 25.

⁴³ Заря. Харбин, 1938 г., 10 июля, № 180. Л. 20.

⁴⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 226. С. 49.

⁴⁵ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб. Нестор-История, 2008. С. 128.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 326. Л. 21.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 326. Л. 46.

С 1899 г. в Инкоу работал небольшой магазин российского подданного Г.Е. Фукса, в котором продавались русские бакалейные товары. Харбинские коммерсанты отправляли ему небольшие партии своих товаров для рекламы, а затем, в случае возникновения интереса отправляли посылки торговым фирмам и частным лицам. Таким образом, русские товары постепенно становились популярны в Инкоу.

13 июля 1908 г. впервые после трехлетнего перерыва в Инкоу зашел русский пароход «Селенга» Товарищества пароходных компаний на Дальнем Востоке, привезший муку из Портланда. В дальнейшем русские суда стали заходить в Нючжуан регулярно.

Торгово-экономические отношения между Россией и Китаем всегда были частью социокультурного взаимодействия двух народов. Неудачи и просчеты в российско-китайской торговле во многом объяснялись причинами социокультурного характера. Неумение адекватно воспринимать специфику торговой культуры и китайского менталитета и соотносить их с русскими культурными особенностями на протяжении длительного времени не давало возможности русским предпринимателям извлекать соответствующую торговую выгоду⁴⁸.

Для сближения китайцев и русских на экономической почве, а также для противодействия японским и другим иностранным газетам, которые старались представить действия России в Северной Маньчжурии в неприглядном виде, консульство приняло решение об издании в Нючжуане газеты на китайском языке.

Узнав о том, что группа местных граждан с целью сближения двух народов собирается издавать газету «Бай хуа я-дун бао» (народная газета «Восточно-Азиатские известия»), консульство, согласовав свои действия с посланником в Пекине, присоединилось к этой группе. 19 августа 1909 г. вышел первый номер газеты, которая стала очень популярной. В ней рассказывалось о деятельности русских фирм, давались рекламные объявления русских и китайских фирм по продаже отечественных товаров.

Подводя итоги деятельности консульства в торговом отчете за 1909 г., консул писал, что с декабря 1905 г. начавшаяся после окончания Русско-японской войны работа была восстановительной, заключалась в приведении в порядок дел, оставшихся от войны. С 1909 г. работа приобрела созидательный характер, т.к. консульство стремилось «привлечь на рынок Южной Маньчжурии отечественные произведения и поставить русскую торговлю здесь на прочные основания, что ему не без хлопот и огорчений и удается с успехом»⁴⁹.

Рассказывая об успешной деятельности банка в Нючжуане, консул отмечал, что «насаждение русской торговли и защита интересов Русско-Китайского Банка, Отделение которого в порте являлось самым прибыльным из Отделений Банка в Китае, давшее в 1909 г. до 70 000 рублей чистого дохода, составляли главные предметы деятельности Консульства»⁵⁰.

Анализируя факторы, мешающие укреплению двусторонних торгово-экономических отношений, А.Т. Бельченко сетовал на нежелание русских коммерсантов расширять свою торговлю в Южной Маньчжурии, что мешало ее активному продвижению в регионе: «...Усилия, прилагаемые Императорским консульством к развитию русской торговли в Нючжуане и в целом, в Южной Маньчжурии, не пропадают даром, и если бы русские предприниматели на севере Маньчжурии не заявляя открыто о том, что рынок в Южной Маньчжурии, по-видимому, потерян для них, то проявляли бы больше

⁴⁸ Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. Санкт-Петербург: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. Л. 140.

⁴⁹ Бельченко А.Т. Воспоминания. Архив Музея Русской культуры в Сан-Франциско. Ф. 54. С. 257.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 326. Л. 41–42.

самостоятельности и энергии к изучению этого рынка и отдавали отчет о происходящих событиях, то, несомненно распространение наших товаров в стране пошло бы быстрыми темпами. К нашему благополучию, сами китайцы, познакомившись с русскими товарами, идут навстречу нам»⁵¹.

Рассмотрев особенности сложившейся в Инкоу после окончания Русско-японской войны экономической ситуации, можно сделать следующие выводы.

Осенью 1904 г. Инкоу покинули российские подданные во главе с генеральным консулом В.Ф. Гроссе. Получившая по итогам войны на Ляодунском полуострове власть Япония, активно продвигала свои торгово-экономические интересы в Южной Маньчжурии, стараясь снизить активность других стран, в том числе Китая, и сдерживала коммерческую деятельность Российской империи.

Несмотря на то, что порт к тому времени уже не являлся «Воротами Маньчжурии», он по-прежнему оставался одним из центров международной торговли и представлял большой интерес для коммерческих планов не только Японии, но также США и европейских государств, являвшихся основными конкурентами России.

Как материальные, так и моральные условия деятельности Императорского консульства, возобновившего свою работу лишь спустя год после закрытия, были крайне сложными. Несмотря на это, А.Т. Бельченко и другие дипломаты поставили перед собой задачу укрепления позиций России в регионе, в том числе в области финансов и торговли.

Содействие консульства и лично А.Т. Бельченко в финансовых вопросах Русско-Китайского банка имело большое значение: к концу 1909 г. банк вернулся к своей работе в обычном режиме.

Благодаря знаниям А.Т. Бельченко особенностей коммерческой деятельности местного купечества, на инкоусский рынок вновь вернулись русские мануфактурные товары, объем реализации которых в Южной Маньчжурии стал возрастать с каждым годом.

Несмотря на все возникающие трудности в продвижении русской торговли в Инкоу, российские дипломаты успешно справились с поставленной задачей, приобретая в процессе ценный опыт и развивая необходимые контакты. Кроме того, они научились бороться с основными бичами русской торговли — медлительностью нашего купечества, дороговизной и долгой доставкой товаров.

Дипломатические достижения А.Т. Бельченко в восстановлении деятельности консульских учреждений в Инкоу были высоко оценены руководством Миссии, и в 1910 г. он был направлен на юг в Российское консульство в Фучжоу, которое позже было перенесено им в Кантон.

Литература

- Доброловский И.А.* Предложение статс-секретаря Кокса о торговой нейтрализации Маньчжурии и русское контр — предложение. Санкт-Петербург, 1910. 14 с.
- Документы из Архива внешней политики императорской России (*АВПРИ*).
- Документы из Государственного архива Хабаровского края (*ГАХК*).
- Документы из Российского государственного исторического архива (*РГИА*).
- Заря. Харбин, 1938 г., 10 июля, № 180. 12 с.
- История Китая: учебник / под ред. *А.В. Меликсетова*. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. 736 с.
- Лихарев Д.В.* Портсмутский мир 1905 г.: дискуссионные проблемы российской историографии // *Россия в АТР*. 2021. № 4. С. 119–137. DOI: 10.24412/1026–8804–2021–4–119–137
- Лосев Ю.А., Ананьева Н.А.* Русско-американские разногласия по вопросу о полосе отчуждения КВЖД. 1906–1917 гг. // *Вопросы истории*. М. 2008. № 7. С. 110–120.

⁵¹ *Бельченко А.Т.* Воспоминания. Архив Музея Русской культуры в Сан-Франциско. Ф. 54. Л. 260.

- Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. Санкт-Петербург: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. 367 с.
- Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. / [Изд. Д. Пещуров]. Санкт-Петербург: М-во иностранных дел, 1889. 271 с.
- Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. Москва: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 16. 1002 с.
- Хохлов А. Н. Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // *И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова*. М.: Наука, 1993. С. 197–222.
- Шаронова В. Г. Социокультурная деятельность Российского Императорского консульства в Инкоу (Китай) в период временного русского управления (1900–1904 гг.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 396–414. DOI: 10.21638/spbu13.2022.302
- Штейнфельд Н. П. Русские торговые интересы в Китае. Харбин, тип. «Труд» В. И. Антуфьева, 1913. 94 с.
- 营口简史 [Краткая история Инкоу]. 主编 韩晓东. 沈阳: 辽宁民族出版社, 2019年. 第300页.

The role of the Russian Imperial Consulate in Nyuzhuang (Yingkou) in Expanding Trade and Economic Ties between Russia and China from 1906 to 1909

Victoria G Sharonova

PhD (History), Leading researcher of Institute of Russian History RAS (address: 19, ul. D. Ulianova. Moscow, 117292, Russian Federation), Leading researcher of Saint Petersburg State University (address: 7–9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–4819–8058. E-mail: vsharonova@mail.ru

Received 08.12.2022.

Abstract:

The article describes the activities of the Imperial Consulate of Russia in Niuzhuang (Yingkou) during the period from 1906 till 1909. One of the priorities of the work of Russian diplomats at that time was the restoration of Russian-Chinese trade and economic relations as the part of the social and cultural policy in South Manchuria. A young diplomat, consul Andrey Terentyevich Belchenko, played a special role in expanding the commercial contacts between Russian and Chinese players. Thanks to the assistance of the Imperial Consulate, the problems associated with the local branch of the Russian-Chinese Bank for the return of allocated funds were resolved. Paying great attention to the promotion of the Russian manufactory in Niuzhuang (Yingkou), Consul Belchenko ordered assistance in this abrupt return of “The company Vikula Morozov with Sons”, “Ivan Konovalov with Son”, “Manufactory of N.N. Konshina” and others. Having visited at the beginning of 1908 Harbin, the Russian consul in Yingkou, had negotiations with Russian merchants who had big business problems due to the consequences of the Russian-Japanese War. In the spring of the same year, Harbin entrepreneurs came to Niuzhuang and made contacts with Chinese partners on the realization of the flour and oil industry. The Imperial Consulate, despite the high competition of the parties with foreign companies (Great Britain, Japan, Germany, etc.), actively promoted the Russian trading company in the inexpensive market, and by the end of 1909, the sale of domestic goods exceeded the pre-war level. The shipping traffic of Russian transport was also restored, which became regular since 1908.

Key words:

Yingkou, A.T. Belchenko, Russian-Chinese trade and economic relations, consulate, Russian-Chinese Bank, manufactory, merchants.

Funding sources:

This research was supported by Russian Science Foundation, project no.22–28–00858 («Russian diplomats in China (2nd half of the 19th — early 20th centuries): political and socio-cultural dimensions»), URL: <https://rscf.ru/en/project/22–28–00858/>.

For citation:

Sharonova V.G. The Role of the Russian Imperial Consulate in Nyuzhuang (Yingkou) in Expanding Trade and Economic Relations between Russia and China from 1906 to 1909 // Far Eastern Studies. 2023. No. 1. Pp. 135–150. DOI: 10.31857/S013128120024371-9.

References

- Dobrolovskiy I.A.* Predlozhenie stats-sekretarya Koksa o torgovoj nejtralizacii Man'chzhurii i russkoe kontr-predlozhenie. [The proposal of Secretary of State Knox on the trade neutralization of Manchuria and the Russian counter-Knox]. Sankt-Peterburg, 1910. 14 s. (In Russ.)
- Documents from The Archive of the Foreign Policy of Imperial Russia (*AVPRI*). (In Russ.)
- Documents from The Russian State Historical Archive (*RGIA*). (In Russ.)
- Documents from The State Archive of the Khabarovsk Krai (*GAHK*). (In Russ.)
- History of China; Textbook / pod. red. *A.V. Meliksetov*. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo MGU, Izd-vo «Vysshaya shkola», 2002. 736 s. (In Russ.)
- Khokhlov A.N.* Torgovlya — prioritnoe napravlenie politiki Rossii v otnoshenii cinskogo Kitaya [Trade is a priority direction of Russia's policy towards Qing China]. *Sb-k st. I ne raspalas' svyaz' vremen...K 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.E. Skachkova*. M.: Nauka, 1993. S. 197–222. (In Russ.)
- Likharev D.V.* Portsmutskij mir 1905 g.: diskussionnye problemy rossijskoj istoriografii [The Portsmouth World of 1905: Debatable Problems of Russian Historiography]. *Rossiya v ATR*. M. 2021. No. 4. S. 119–137. DOI: 10.24412/1026-8804-2021-4-119-137. (In Russ.)
- Losev Yu.N., Ananyeva N.A.* Russko-amerikanskije raznoglasiya po voprosu o polose otchuzhdeniya KVZHD. 1906–1917 gg. [Russian-American disagreements on the issue of the exclusion zone of the CER. 1906–1917]. *Voprosy istorii*. M. IRI RAN, 2008. No. 7. S. 110–120. (In Russ.)
- Lukoyanov I. V.* Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v konce XIX — nachale XX vv. [Russia in the Far East in the late XIX — early XX centuries]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2008. 664 s. (In Russ.)
- Samoilov N.A.* Rossiya i Kitaj v XVII — nachale XX veka: tendencii, formy i stadii sociokul'turnogo vzaimodejstviya. [Russia and China in the XVII — early XX century: trends, forms and stages of socio-cultural interaction]. Sankt-Peterburg: Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2014. 367 s. (In Russ.)
- Sbornik dogovorov Rossii s Kitaem. 1689–1881 gg. [Collection of agreements between Russia and China. 1689–1881] / [Izd. D. Peshchurov]. St. Petersburg: Ministry of Foreign Affairs, 1889. 271 s. (In Russ.)
- Sharonova V.G.* Sociokul'turnaya deyatel'nost' Rossijskogo Imperatorskogo konsul'stva v Inkou (Kitaj) v period Vremennogo russkogo upravleniya (1900–1904 gg.) [Socio-cultural activities of the Russian Imperial Consulate in Yingkou (China) during the period of temporary Russian administration (1900–1904)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2022. T. 14. Vyp. 3. S. 396–414. DOI: 10.21638/spbu13.2022.302. (In Russ.)
- Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya [The Soviet Historical Encyclopedia] / gl. red. *E.M. Zhukov*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1961–1976. Vol. 16. 1002 s. (In Russ.)
- Steinfeld N.P.* Russkie torgovye interesy v Kitae. [Russian trade interests in China]. Harbin, tip. «Trud» V.I. Antuf'eva, 1913. 94 s. (In Russ.)
- Zarya*. Harbin, 1938, July 10, No. 180. (In Russ.)
- 营口简史 [A brief history of Yingkou] / 主编 韩晓东. 沈阳: 辽宁民族出版社. 第133–137页. (In Chin.)

КУЛЬТУРА / CULTURE**15 лет реализации «Плана сохранения китайских древних книг» (2007–2022)**

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120023289-8

Виноградская Вероника Брониславовна

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр., 32). ORCID: 0000-0002-3878-1282. E-mail: vinogradskaya@iccaras.ru

Статья поступила в редакцию 04.10.2022.

Аннотация:

В статье рассмотрены основные направления, итоги работы и проблемы сохранения китайских древних книг за последние 15 лет, начиная с 2007 г., когда вступил в силу первый общенациональный комплексный «План сохранения китайских древних книг». Этот план проводился в жизнь в течение трех пятилеток — 11-й (2006–2010), 12-й (2011–2015) и 13-й (2016–2020) — по следующим направлениям: поиск и постановка на учет, реставрация и хранение, оцифровка, редактирование, популяризация старинных текстов, а также воспитание профильных кадров. В 2022 г. были выпущены «Рекомендации по продвижению древних книг в новую эпоху». В настоящее время в основном завершена работа по поиску и учету древних книг на китайском языке: объем дошедшей до наших дней китайской текстуальной культуры составляет порядка 500 тыс. книг, а общее число индивидуальных экземпляров в Китае приближается к 3 млн в 30 млн томов. Параллельно с общими результатами работы по основным направлениям в статье освещается деятельность отдельных крупных учреждений (Национальная библиотека Китая, издательство «Чжунхуа шуцзюй», библиотека университета Фудань и др.), экспертные оценки (заместителя директора Национальной библиотеки Китая Чжан Чжицина, главного редактора «Чжунхуа шуцзюй» Гу Цина и др.), а также конкретный опыт современных пользователей и участников текстуальной культуры. Особое внимание уделяется ситуации в области оцифровки книжного наследия, в частности деятельности наиболее крупных и репрезентативных цифровых баз древних книг («База ресурсов китайских древних книг» НБК, «База китайских классических древних книг» издательства «Чжунхуа шуцзюй», платформа «Айжушэн», базы «Дяолун» и др.).

Ключевые слова:

Древние книги, *гу цзи*, «План сохранения китайских древних книг», оцифровка, базы данных, текстуальная культура, Национальная библиотека Китая, Чжунхуа шуцзюй, Чжан Чжицин.

Для цитирования:

Виноградская В.Б. 15 лет реализации «Плана сохранения китайских древних книг» (2007–2022) // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 151–164.

DOI: 10.31857/S013128120023289-8.

Только если у одной книги тысячи воплощений,
она может сохраниться.

Чжан Чжицин,
заместитель директора Национальной библиотеки Китая¹

Основные понятия, направления и итоги работы

В январе 2007 г. вступил в силу «План сохранения китайских древних книг»² — первый комплексный проект сохранения древних книг национального уровня с начала основания КНР. В нем предусматривались меры по поиску, реставрации и хранению, оцифровке, редактированию и изданию, популяризации старинных книг и других текстовых материалов богатейшей текстуральной культуры Китая, а также подготовке профильных специалистов³. В нынешнем году этому проекту исполнилось 15 лет, а 11 апреля 2022 г. Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета обнародовали «Рекомендации по продвижению древних книг в новую эпоху»⁴, в которых уточняются текущие приоритеты, а также намечаются ближайшие цели и перспективы работы в этой области.

Термин «древние книги» (古籍 *гу цзи*) определяется временными рамками и технологиями. Это рукописные или печатные книги, изданные до 1912 г. по традиционным технологиям брошюровки и печати, в том числе рукописи на бамбуке, дереве и шелке. К древним также причисляются книги периода Китайской Республики (1912–1949), но написанные в традиционных жанрах и изданные по традиционным технологиям. В статистических выкладках древние книги обычно считаются счетными словами для произведений — 部 *бу* или 种 *чжун*. Это может быть и короткое сочинение в несколько тысяч иероглифов и огромное собрание в миллионы иероглифов. Обычно одна книга издавалась в нескольких томах — 册 *цэ*. С 2013 г. массив дошедших до наших дней и хранящихся в Китае древних книг оценивается в 3 млн книг в 30 млн томов (из них более 2 млн 700 тыс. книг — в государственных библиотеках)⁵, при общем объеме традиционной текстуральной культуры порядка 500 тыс. индивидуальных текстов и устойчивых текстовых

¹ 一部书只有化身千百,才能保存下来. См.: 张贺: 古籍为何要数字化 [Чжан Хэ. Зачем нужна цифровизация древних книг] // 人民日报. 23.06.2016.

URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20160623/49223449_0.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

² См.: “中华古籍保护计划”实施十周年: 让书写在古籍里的文字活起来 [10-летняя годовщина реализации «Плана сохранения древних книг»: пусть оживут тексты, записанные в древних книгах] // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/25/content_5196876.htm (дата обращения: 25.05.2017).

³ О содержании и реализации программ в области хранения, реставрации и оцифровки книжных памятников, разработанных при участии Национальной библиотеки Китая (НБК) в 2007–2018 гг. подробнее см.: Барышева Е.А. Программы сохранения национального книжного наследия в библиотечной политике Китайской Народной Республики // *Библиотековедение*. 2020. Т. 69. № 1. С. 73–84.

⁴ 中共中央办公厅 国务院办公厅印发“关于推进新时代古籍工作的意见” [Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета выпустили «Рекомендации по продвижению древних книг в новую эпоху»] // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-04/11/content_5684555.htm (дата обращения: 11.04.2022).

⁵ 杜羽: 数字化古籍: 走出深闺待人识 [Ду Юй. Оцифрованные древние книги: покидают женскую половину и ждут признания людей] // 光明日报. 30.10.2019. URL: https://china.zjol.com.cn/gnxw/201910/t20191030_11283488.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

единств⁶. В сферу действия «Плана сохранения китайских древних книг» также попадают большие категории текстов за рамками узкого определения древних книг, но составляющие неотъемлемую часть китайской текстуальной культуры, например инскрипции — от ранних гадательных надписей на костях до стел и скал с текстами. Кроме того, корпус древних книг продолжает пополняться благодаря археологическим открытиям.

После образования КНР в 1949 г. книги рассматривались на общих основаниях с остальными памятниками культуры. Основной упор делался сначала на поиск и собирание ресурсов в публичных и университетских библиотеках, а затем на редактирование и издание полезных для коммунистического строительства книг. В 1958 г. была организована Группа по планированию обработки и издания древних книг (古籍整理出版规划小组 *Гуцзи чжэнли чубань гуйхуа сяоцзу*). Самый масштабный проект (1959–1978) с участием более сотни ученых — академическое издание официальных династийных историй — «24 истории» («二十四史» *Эр ши сы ши*) и «Черновик истории Цин» («清史稿» *Цин ши гао*)⁷. В 1981 г. ЦК КПК принимает «Указания по обработке отечественных древних книг» («关于整理我国古籍的指示» *Гуаньюй чжэнли вого гуцзи дэ чжиши*)⁸, и возобновляется работа Группы по планированию обработки и издания древних книг. В 1983 г. Министерство образования учредило Общенациональную рабочую комиссию высшей школы по обработке и исследованию древних книг (全国高等院校古籍整理研究工作委员会 *Цюаньго гаодэн юаньсяо гуцзи чжэнли яньцзю гунцзо вэйюаньхуй*), которая отвечала за проведение научно-исследовательской работы в данной области и подготовку кадров. В начале 2000-х гг. было осуществлено несколько крупномасштабных издательских проектов. Так, в 2002 г. Министерство культуры и Министерство финансов начали переиздание «превосходных экземпляров» («中华再造善本» *Чжунхуа цзайцзао шаньбэнь*) VII–XIX вв. и книг национальных меньшинств («少数民族文字古籍编» *Шаошу миньцзу вэньцзы гуцзи бянь*) — всего порядка 1 400 книг, систематизированных по традиционной четырехчастной библиографической классификации⁹.

Как бы масштабны ни были подобные проекты, комплексная работа по координации всех уровней началась в 2007 г., когда вышли «Рекомендации по дальнейшему усилению работы по сохранению древних книг в новую эпоху» («关于进一步加强古籍保护工作的意见» *Гуаньюй цзиньибу цзяцянь гуцзи баоху гунцзо дэ ицзянь*) и началась реализация «Плана сохранения китайских древних книг» (далее — План) во имя «сохранения драгоценного наследия древних книг, записавших историю и культуру китайской нации, создавших душу китайской нации»¹⁰. С целью координации работы в мае 2007 г.

⁶ 宾阳: 古籍保护开启新征程 [Бинь Ян. Новые пути в сохранении древних книг] // 中华网. URL: <https://culture.china.com/expo/outlook/11170661/20220419/42043003.html> (дата обращения: 19.04.2022).

⁷ Часто вместе их называют «25 историй».

⁸ 整理 *чжэнли* — букв. «приводить в порядок». В «Указаниях по обработке отечественных древних книг» описаны редакционные практики подготовки к изданию древних текстов, которые в зависимости от целей издания, помимо сверки иероглифики, включают в себя расстановку знаков препинания, необходимые комментарии, перевод в упрощенную иероглифику и т.п.

⁹ См.: 蔡彦: 古籍保护继往开来 — 新中国古籍保护的历程 [Цай Янь. Продолжение традиции сохранения древних книг — история хранения древних книг в новом Китае] // 浙江高校图书情报工作, 2013年. 第4期. 第1–10页.

¹⁰ 张贺: 古籍为何要数字化 [Чжан Хэ. Зачем нужна цифровизация древних книг] // 人民日报. 23.06.2016. URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20160623/49223449_0.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

при Национальной библиотеке Китая (НБК) был создан Национальный центр сохранения древних книг (国家古籍保护中心 *Гоцзя гуцзи баоху чжунсинь*)¹¹.

На первом этапе, в течение 11-й пятилетки (2006–2010), выделялось два главных направления: 1) разработка единого планирования; 2) создание «Национального реестра ценных древних книг» («国家珍贵古籍名录» *Гоцзя чжэньгуэй гуцзи минлу*) и общенациональной системы «учреждений приоритетного хранения древних книг» (全国古籍重点保护单位 *Цюаньго гуцзи чжундянь баоху даньвэй*)¹². В течение 3–5 лет предполагалось собрать данные организаций, в которых хранятся древние книги, и присвоить им ранги от 1 до 4; составить исчерпывающие каталоги и полностью прояснить данные по конкретным изданиям; разработать стандарты хранения, наладить связи между организациями, учредить специализированные конференции; наиболее востребованные книги не только оцифровать, но и осуществить их академическое издание в бумажном виде значительными тиражами. В 2014 г. разработаны стандартизированные требования к книгохранилищам («图书馆古籍书库基本要求» *Тушугуань гуцзи шуку цзибэнь яоцю*). К концу 2016 г. в основном завершена работа по учету и ранжированию учреждений хранения древних книг — 1 218 организаций с общим количеством более 20 млн единиц хранения, в том числе 180 «учреждений приоритетного хранения древних книг». К 2017 г. система работы с древними книгами по всей стране в основном налажена, а План, по определению почетного директора НБК Чжоу Хэпина (周和平), «уже стал составной частью трансляции и развития выдающейся традиционной культуры Китая»¹³.

8 декабря 2021 г. состоялось общенациональное рабочее совещание по сохранению древних книг. Согласно отчету по 13-ой пятилетке (2016–2020), достигнуты следующие успехи: 1) в основном завершена работа по постановке на учет древних книг на китайском языке — более 2 млн 700 книг в 30-ти административных единицах уровня провинции, что составляет более 90 % общего числа книг на китайском языке; 2) в основном прояснена ситуация с распределением и сохранностью древних книг по 2 861 учреждению, что составляет более 96 % учреждений, в которых хранятся древние книги¹⁴. Также в 2021 г. вышла 5-я часть «Общенационального регистрационного каталога сплошной переписи древних книг»¹⁵, который публикуется онлайн, начиная с 2017 г. В 2022 г. опубликованы полные каталоги 509 учреждений на 1 270 000 входов. Развернута работа над национальным «Общим каталогом китайских древних книг» (по провинциям)¹⁶. Кроме того, еще в конце 2020 г. Госсовет КНР утвердил 6-ю часть «Национального реестра цен-

¹¹ В статье *Барышевой Е.А.* «Программы сохранения национального книжного наследия в библиотечной политике Китайской Народной Республики» используется перевод англоязычной версии названия организации — Национальный центр сохранения и консервации древних китайских книг (National Centre for Conservation and Preservation of Ancient Chinese Books).

¹² См.: 蔡彦: 古籍保护继往开来 — 新中国古籍保护的历程 [Цай Янь. Продолжение традиции сохранения древних книг — история сохранения древних книг в новом Китае] // 浙江高校图书情报工作, 2013年第4期. 第1–10页.

¹³ 中华古籍保护计划”实施十周年: 让书写在古籍里的文字活起来 [10-летняя годовщина реализации «Плана сохранения древних книг»: пусть оживут тексты, записанные в древних книгах] // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/25/content_5196876.htm (дата обращения: 25.05.2017).

¹⁴ 赵晓林: 全国汉文古籍总量达270余万部 [Чжао Сяолин. Общее количество древних книг на китайском языке по всему Китаю достигло более чем 2 млн 700 тысяч]. URL: https://www.sohu.com/a/508021191_261880 (дата обращения: 14.12.2021).

¹⁵ 全国古籍普查登记目录 [Общенациональный регистрационный каталог сплошной переписи древних книг] // 中国国家图书馆. URL: <http://www.nlc.cn/pcab/ztzl/gjpcml/> (дата обращения: 02.06.2022).

¹⁶ «中华古籍总目». 陈雪: 中华古籍保护15年: 科技助力促进古籍有效利用 [Чэнь Сюэ. 15 лет сохранения китайских древних книг: технологии для стимулирования эффективного использования древних книг] // 中华网. URL: http://cul.china.com.cn/2022-06/22/content_42011120.htm (дата обращения: 22.06.2022).

ных древних книг»¹⁷, включающую также книги на письменностях национальных меньшинств. Общее число ценных древних книг национального уровня к 2022 г. составило 13 026 книг в 203 «учреждениях приоритетного хранения древних книг» (全国古籍重点保护单位 *Цюаньго гуцзи чжундянь баоху даньвэй*). В реестрах провинциального уровня учтено 25 476 редких древних книг¹⁸.

Работа по поиску и учету продолжает приносить редкие находки. Например, недавние приобретения государственных библиотек: НБК купила самый ранний на территории Китая ксилограф — датированную 927 г. «Сутру созерцания возрождения бодхисаттвы Майтреи в царстве Тушита» («佛说观弥勒菩萨上生兜率天经» *Фо шо гуань Милэ пуса шан шэн Доушуайтянь цзин*); Нанкинская библиотека приобрела еще более ранний¹⁹ ксилограф официального словаря рифм «Сокращенные рифмы министерства ритуала» («礼部韵略» *Ли бу юнь люэ*); Хубэйская библиотека — «Аватамсаку сутру» («大方广佛华严经» *Дафангуан фо Хуаяньцзин*) в превосходной сохранности из знаменитого собрания второй половины XI в. — Цзиньсушаньской Трипитаки²⁰.

Многое сделано в области поиска и учета древних книг за рубежом. Первым важным результатом реализации «Проекта сотрудничества по учету и оцифровке китайских древних книг за рубежом» (海外中华古籍调查暨数字化合作项目 *Хайвай чжунхуа гуцзи шуму шуцзюйку*) стал дар от Национальной библиотеки Франции — цифровое издание «40 видов садов Совершенной ясности» («圆明园四十景图» *Юаньминъюань сыши цзин*), которые до пожара и разграбления 1860 г. хранились в садово-дворцовом комплексе Юаньминъюань. В цифровом виде уже вернулось на родину немало редких ценных книг, например 4 200 книг (53 тыс. томов) Библиотеки Гарвардского университета. От японского музея Эйсэй-Бунко (永青文庫) недавно получено 36 древних книг на китайском языке (более 4 тыс. томов). В рамках сотрудничества с российскими учеными опубликовано обнаруженное в фондах ЛГУ (Петербург) уникальное рукописное издание считавшегося утраченным текста — «Сведения о плавке железа» («铁冶志» *Те е чжи*) Фу Цзюня (傅浚), написанные в 1513 г.²¹ Всего в «Базе-библиографии китайских древних

¹⁷ «Национальный реестр ценных древних книг» (国家珍贵古籍名录 *Гоцзя чжэньгуй гуцзи минлу*) разработан министерством культуры и выпускается партиями: первая очередь в 2008 г. — 2 392 книги; вторая в 2009 г. — 4 478 книг; третья в 2010 г. — 2 989 книги; четвертая в 2013 г. — 1 516 книг; пятая в 2016 г. — 12 274 книги; шестая в 2020 г. — 752 книги. В 2022 г. общее число внесенных в реестр изданий составляло 13 026 книг 部. См.:

国务院关于第六批国家珍贵古籍名录和第六批全国古籍重点保护单位名单的批复 [Госсовет утвердил шестую часть Национального реестра ценных древних книг и шестую часть национального перечня приоритетных организаций хранения древних книг] // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-11/02/content_5556769.htm (дата обращения: 02.11.2020).

¹⁸ 王晶: 国家图书馆副馆长张志清在汉谈古籍保护与活化: 我们数字化了“20部四库全书” [Ван Чан. Заместитель директора Государственной библиотеки Чжан Чжицин об охране и оживлении древних книг: мы оцифровали «20 Сы ку цюань шу»] // 湖北日报. 08.12.2021. URL: http://m.cnhubei.com/content/2021-12/08/content_14309098.html (дата обращения: 08.12.2021).

¹⁹ Точная дата не установлена.

²⁰ 金粟山广惠禅院大藏经本. См.: 赵晓林: 全国汉文古籍总量达270余万部 [Чжао Сяолин. Общее количество древних книг на китайском языке по всему Китаю достигло более чем 2 млн 700 тысяч] // 搜狐. URL: https://www.sohu.com/a/508021191_261880 (дата обращения: 14.12.2021).

²¹ 俄罗斯圣彼得堡大学所藏《铁冶志》抄本 [Рукописное издание «Сведений о плавке железа», хранящееся в ЛГУ в России] // 全球汉籍合璧工程. URL: <https://hanjhebi.sdu.edu.cn/info/1031/1247.htm> (дата публикации: 22.05.2022). Подробнее о современном состоянии работы с китайскими древними книгами, хранящимися в России см.: 李逸津: 俄藏中国古籍整理与研究的成绩和不足 [Ли Ицзинь. Достижения и недостатки в области обработки и исследования древних книг, хранящихся в России] // 欧亚人文研究, 2020年第01期. 第54–61页.

книг за рубежом» («海外中华古籍书目数据库» *Хайвай чжунхуа гуцзи дяоча цзи шу-цзыхуа хэцзо сяньму*) учтено порядка 800 тыс. изданий в более чем 10-ти странах, а издательство «Чжунхуа шуцзюй» (中华书局) издает «Общий каталог китайских древних книг за рубежом» («海外中文古籍总目» *Хайвай чжунвэнь гуцзи цзунму*) — один из пяти приоритетных проектов 13-й пятилетки.

На брифинге, посвященном «Базе ресурсов китайских древних книг» и работе по сохранению древних книг»²² (26 ноября 2021 г.), заместитель директора НБК Чжан Чжицин подвел итоги за последние шесть лет, начиная с запуска базы в 2016 г.:

1. В основном завершена работа по поиску и учету древних книг.
2. Ведение «Национального реестра ценных древних книг» активизировало работу по сохранению и реставрации ценных древних книг.
3. Ранжирование приоритетных учреждений хранения способствовало созданию надлежащих условий хранения для 2 млн томов древних книг.
4. Отреставрировано 3 млн 700 тыс. страниц ценных древних книг²³.
5. Только НБК издано более 40 тыс. древних книг.
6. В базу древних книг НБК включено 100 тыс. текстов; в сотрудничестве с 39-ю учреждениями хранения древних книг по всей стране выложено в общий доступ 22 тыс. древних книг.
7. На курсах повышения квалификации было подготовлено более 10 тыс. человек для более чем 2 тыс. организаций, занимающихся хранением древних книг. С 2007 по 2021 г., например, общее число специалистов в области реставрации, получивших среднее специальное и высшее образование, возросло в 10 раз, превысив тысячу человек.
8. Улучшены условия хранения древних книг в районах проживания национальных меньшинств, в массовом порядке реставрируются тексты народов юго-западной части Китая (тибетцев, ицзу, дунба, дай), завершён проект обеспечения реставрации текстов на тибетском языке.
9. Реализуется широкий спектр мероприятий по популяризации и продвижению программы сохранения древних книг, например «поиск хранителей древних книг» (寻找古籍守护人)²⁴, курсы по китайским классическим произведениям. В государственных музеях успешно проведено более ста тематических выставок, которые посетили 5 млн человек.
10. Значительно расширены ряды специалистов по консервации и хранению древних книг — от библиотечных работников общего профиля до специалистов разных областей, включая коллекционирование, работу с духовным наследием, СМИ.

На настоящем этапе продолжает сохранять свою актуальность: 1) дальнейшее совершенствование проектов верхнего уровня; 2) углубленное развитие Плана, ком-

²² 中华古籍资源库建设成果及相关古籍保护工作新闻媒体通气会. 国图古籍保护迈上新台阶, “中华古籍资源库” 总数达10万部件 [НБК поднялась на новый этап в сохранении древних книг, общее число в «Базе ресурсов китайских древних книг» достигло 100 тыс. документов] // 搜狐. URL: https://www.sohu.com/a/505070370_120005162 (дата обращения: 12.06.2022).

²³ По данным на середину 2022 г. — уже более 3 млн 850 тыс. страниц. См.: 古籍如何在新时代焕发新生机 [Как древние книги обретают новую жизнь в новую эпоху] // 中国纪检监察报. URL: https://www.ccdi.gov.cn/yaowenn/202204/t20220415_186391.html (дата обращения: 15.04.2022).

²⁴ «Хранители древних книг» — предельно расплывчатое понятие, охватывающее любые способы сохранения и использования книжного наследия: 1) в физическом виде (реставраторы), 2) в информационном (реконструкторы костюмов и быта), 3) в творческой интерпретации (художники). Подробнее об этом см.: 寻找古籍守护人“活动启动” [Начало кампании по поиску хранителей древних книг] // 人民网. URL: <http://gongyi.people.com.cn/n1/2021/0729/c151132-32174619.html> (дата обращения: 29.07.2021).

плексное планирование и координация, укрепление кадрового планирования, улучшение профессионального образования и менеджмента; 3) продвижение практического применения древних книг; 4) дальнейшее привлечение общественных средств и усиление мер по обеспечению сохранности древних книг²⁵.

Итак, на момент утверждения в апреле 2022 г. «Рекомендаций по продвижению древних книг в новую эпоху» (далее — Рекомендации) были созданы «механизм, меры, реестры, структуры и мероприятия» для эффективной работы. В Рекомендациях предлагается «усиливать организационное руководство, продвигать создание учебной дисциплины и специальности “древние книги”, усиливать отряд кадров, совершенствовать законодательство, усиливать меры финансово-налоговой поддержки»²⁶. До сих пор наблюдается постоянная нехватка материальных ресурсов и компетенции работников на местах, далеко не везде обеспечены идеальные условия хранения, книги продолжают страдать от насекомых, обветшания и других форм порчи, вплоть до склеивания страниц в «книжные кирпичи»; «некоторые пропали из виду где-то в недрах хранилищ, превратившись в недостижимые и непостижимые “мертвые книги”; а другие рассеяны в народе и предоставлены сами себе»²⁷. Сильное впечатление на китайских коллег произвел пожар в библиотеке ИНИОН РАН 30 января 2015 г., в результате которого пострадало 20 млн единиц хранения, а НБК провела брифинг по усилению мер безопасности. Особое беспокойство вызывает острый дефицит реставраторов. В 2007 г. реставраторов древних книг во всем Китае было меньше ста человек и обучение велось в основном как в ремесленничестве — от учителя ученику. К 2021 г. число специалистов превысило тысячу человек. Преимущественно это магистры, аспиранты и даже доктора, но зачастую им не хватает опыта, поэтому по-прежнему велика вероятность разрушения книг в процессе реставрации.

Ход времени и огромные пространства для поиска грозят исчезновением бесчисленных образцов древнекитайской литературы. Надлежащая система сбора и хранения древних книг является единственным ответом на этот вызов. И почти везде в провинциях специалисты говорят о недостатке финансирования, нехватке квалифицированных кадров, необходимости ускорения темпов оцифровки, потребности в междисциплинарной координации и сотрудничестве.

Современные базы данных древних книг

Сохранение древних книг в самом общем виде делится на: 1) сохранение в изначальной форме, то есть реставрацию, консервацию, создание условий хранения²⁸; 2) воспроизводимое сохранение, включающее оцифровку, репринтные издания и переиздания. Для более подробного освещения реализации Плана на нынешнем этапе мне бы хотелось обратиться к теме воспроизводимого сохранения, в частности к оцифровке, которая с самого начала являлась одним из приоритетных направлений Плана.

²⁵ 国图古籍保护迈上新台阶, “中华古籍资源库” 总数达10万部件 [НБК поднялась на новый этап в сохранении древних книг, общее число в «Базе ресурсов китайских древних книг» достигло 100 тыс. документов] // 搜狐. URL: https://www.sohu.com/a/505070370_120005162 (дата обращения: 06.12.2022).

²⁶ 宾阳: 古籍保护开启新征程 [Бинь Ян. Новые пути в сохранении древних книг] // 中华网. URL: <https://culture.china.com/expo/outlook/11170661/20220419/42043003.html> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁷ 宾阳: 古籍保护开启新征程 [Бинь Ян. Новые пути в сохранении древних книг] // 中华网. URL: <https://culture.china.com/expo/outlook/11170661/20220419/42043003.html> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁸ См.: Барышева Е.А. Программы сохранения национального книжного наследия в библиотечной политике Китайской Народной Республики // *Библиотековедение*. 2020. Т. 69. № 1. С. 78–79.

Проекты по оцифровке начинаются уже в 1980-х гг. Еще до принятия Плана Китая перешел от оцифровки отдельных книг к созданию коллекций, корпусов и полнотекстовых баз данных. Чжан Чжицин (张志清), эпиграфом которого открывается эта статья, считает, что полную оцифровку важнейших древних книг необходимо завершить как можно быстрее. Он приводит пример самой крупной в мире энциклопедии — «Великий свод годов Юн-Лэ» (永乐大典 *Юн-Лэ да дянь*). Император Чжу Ди (прав. 1402–1424) считал расходы на печать слишком высокими, поэтому энциклопедию издали в виде единственного рукописного экземпляра для императорской библиотеки. Через сто лет был сделан рукописный дубликат. До наших дней из 11 095 томов дошло лишь 370. В то время как ксилографов периодов Сун (960–1279) и Юань (1271–1368) сохранилось порядка 7–8 тыс. Поэтому «подходит время для печати, поскорей печатай, пора оцифровывать, торопись оцифровывать», — подводит итог Чжан Чжицин²⁹.

Не менее поучительна история знаменитого «Полного собрания книг четырех хранилищ» («四库全书» *Си ку цюань шу* — более 3 500 книг, почти 1 млрд иероглифов), которое в XVIII в. было издано тиражом в 7 рукописных экземпляров. В наши дни в полном виде сохранилось лишь два из них (один в НБК, другой на Тайване), остальные пять уничтожены либо полностью, либо дошли до наших дней в разрозненном виде.

В НБК хранится более 2 млн 800 тыс. единиц хранения — 60 % всех древних книг, включая «превосходные экземпляры» династий Сун и Юань (более 1 600 книг, половина хранящихся по всему миру) и «Четыре великие музейные драгоценности» (四大镇馆之宝 *Си да чжэньгуань чжи бао*) — «Дуньхуанские утерянные книги» («敦煌遗书» *Дуньхуан и шу*), «Чжаочэнская Золотая Трипитака» («赵城金藏» *Чжаочэн цзинь цзан*), «Великий свод годов Юн-Лэ», «Полное собрание книг четырех хранилищ». Именно оцифровка представляется наиболее быстрым и экономичным способом страховки на случай почти любых катастроф, считает Чжан Чжицин. Необходимы и фототипия, и микрофильмирование, и бумажные репринтные, и цифровые издания — «Только если у одной книги тысячи воплощений, она сможет сохраниться»³⁰.

В настоящее время оцифровка ведется по трем направлениям: 1) оцифровка в оригинальном виде, то есть сканирование и фототипирование в первоначальном виде с максимальным сохранением информации о материальности памятников; 2) текстовая оцифровка, то есть обработка всего текста с размещением в базе данных; 3) оцифровка по типу системы менеджмента знаний (知识型数字化 *чжисицисин шуцзыхуа*), то есть с разнообразной индексацией и другими видами глубокой обработки информации.

Оцифровка осуществляется как государственными учреждениями (публичными и университетскими библиотеками), так и на коммерческой основе. Публичные библиотеки занимаются в основном первым видом оцифровки и меньше — вторым. Так, в НБК оцифрованы с максимальным сохранением информации о материальности памятников следующие собрания: «Превосходные экземпляры древних книг» (古籍善本 *Гуцзи шаньбэнь*), «Лучшие эстампы стел» (碑帖精华 *Бэйте цзиньхуа*), «Мир панцирей-костей» (甲骨世界 *Цзягу шицзе*), «Блестки Западного Ся» (西夏碎金 *Си Ся цуйцзинь*), «Избранные новогодние лубки» (年画撷英 *Няньхуа сеин*). «База ресурсов китайских древних книг»³¹ НБК офи-

²⁹ 张贺: 古籍为何要数字化 [Чжан Хэ. Зачем нужна оцифровка древних книг] // 人民日报. 23.06.2016. URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20160623/49223449_0.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

³⁰ 张贺: 古籍为何要数字化 [Чжан Хэ. Зачем нужна цифровизация древних книг] // 人民日报. 23.06.2016. URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20160623/49223449_0.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

³¹ 中华古籍资源库 [База ресурсов китайских древних книг] // 中国国家图书馆. URL: http://www.nlc.cn/dsb_zyufw/gj/gjzyk/ (дата обращения: 15.08.2022).

циально открылась 28 сентября 2016 г., а с конца 2021 г. НБК начинает предоставлять доступ к 100 тыс. оцифрованных текстов без регистрации при заметном росте скорости работы. Но разнообразные запросы невозможно удовлетворить лишь этой базой. Важно, чтобы и другие библиотеки как можно быстрее выложили в открытый доступ свои фонды, хотя политика бесплатности публичных библиотек тормозит процесс оцифровки.

Коммерческие базы данных расширяются быстрее. На платформе «Айжушэн» (爱如生)³² уже к 2012 г. было размещено более 2 млрд иероглифов оцифрованных текстов. Наибольшим спросом в настоящее время пользуются ее 4 крупные базы данных: законченная «База основных китайских древних книг» («中国基本古籍库» *Чжунго цзибэнь гуцзи ку* — 10 тыс. текстов, 12 500 отсканированных «превосходных экземпляров», 1 млрд 700 млн иероглифов, 12 млн графических изображений объемом 330 Гб) и пополняемые «База китайских собраний» («中国从书库» *Чжунго цуншу ку*)³³, «База китайских местных хроник» («中国方志库» *Чжунго фанчжи ку*)³⁴, «База китайских энциклопедий» («中国类书库» *Чжунго лэйшу ку*)³⁵. На этой платформе представлены также базы на основе оригинальных древних собраний, в частности: «Полное собрание книг четырех хранилищ из павильона Вэньюаньгэ» («文渊阁四库全书» *Вэньюаньгэ Сы ку цюань шу*), «Собрание важнейшего по четырем разделам» («四部备要» *Сы бу бэй яо*), энциклопедический труд XVIII в. «Сводное собрание древних и современных изображений-книг» («古今图书集成» *Гуцзинь тушу цзичэн*). Платформа «Айжушэн» аккумулирует большой объем разнообразных текстов, обеспечивает удобный поиск по всем своим базам, поддерживает функции чтения в мультиоконном режиме, не ограничивает число одновременных пользователей и не требует установки специального программного обеспечения у пользователя.

Самая крупная в мире коллекция китайских и японских древних книг с полнотекстовым поиском также поддерживается коммерческой компанией с участием специалистов из Китая и Японии. Это база данных «Дяолун» (雕龙, букв. «резной дракон»)³⁶, которая обрабатывает несколько млрд иероглифов не более чем за 1 секунду, в среднем растет на 2 тыс. текстов в год. В 2022 г. база включала более 35 тыс. текстов (около 8 млрд иероглифов). В настоящее время на «Дяолуне» представлено 25 тематических баз данных, в т.ч. уже упоминаемые здесь книжные собрания, а также многие другие, например даосский «Дао цзан», «Образцовые экзаменационные сочинения династии Цин» («清代科举朱卷» *Циндай кэцзюй чжуцзюань*), «Медицинская база» («医家库» *Ицзя ку*). «Дяолун» предлагает гибкие планы подписки на отдельные базы, возможность для пользователя добавить на платформу самостоятельно оцифрованный текст, но по стандартам базы и с последующим включением в общий поиск.

Однако точность представления в коммерческих базах оставляет желать лучшего. Как правило, с этими «неточностями» связано ошибочное цитирование в магистерских и докторских диссертациях. В 2014 г. заработал портал «База китайских классических древних книг»³⁷ авторитетнейшего специализированного издательства «Чжунхуа шуцзюй» («中华书局»). Главный редактор издательства Гу Цин (顾青) в свое время ска-

³² Портал 爱如生 *Айжушэн*. URL: <http://er07.com> (дата обращения: 15.08.2022).

³³ Первый выпуск — 4 107 книг с электронными текстом и качественными сканами оригиналов на одной странице.

³⁴ Первый выпуск — 2 000 книг с электронным текстом и факсимиле оригинала.

³⁵ Первый выпуск — 300 книг.

³⁶ 中国古籍数据库 *Чжунго гуцзи шуцзюй ку* (англ. Diaolong Full-text Database of Chinese & Japanese Ancient Books).

³⁷ «中华经典古籍库» [База китайских классических книг] // 古联数字.

URL: <http://www.gujilianhe.com/product/intro?proId=9c123483a54f4fb98462a71407094436> (дата обращения: 15.08.2022).

зал: «Наша цифровая база основана на академических изданиях, над которыми трудились несколько поколений ученых с опорой на высочайшие стандарты работы с древней литературой — поэтому читатель может полностью на них положиться»³⁸. Со времени основания КНР издано почти 30 тыс. древних книг, из них обработанных академических изданий — около 10 тыс., репринтов — около 4 тыс., популярных изданий — около 15 тыс. Кроме того, более 10 тыс. академических изданий вышло при Народной республике (1912–1949). Но права на все эти отредактированные издания с проставленными знаками препинания рассеяны по нескольку десятков специализированных издательств по всей стране. «Мы бы и хотели хорошо изданные книги включить в нашу базу, но далеко не все местные издательства хотят сами заниматься оцифровкой, а при этом отказываются расставаться с правами на книги. И даже если каждое из них будет бороться в одиночку, создавая собственные небольшие базы, вряд ли от этого будет большой толк», — считает Гу Цин³⁹.

«База китайских классических древних книг» обновляется каждый год и в 2022 г. уже включала 3 914 изданий (около 1 млрд 750 млн иероглифов). Первые три выпуска полностью состояли из академических изданий «Чжунхуа шуцзюй», а начиная с 4-го в нее входят образцовые ресурсы более чем 10 дружественных издательств⁴⁰. Материалы в базе расположены по традиционной четырехчастной библиографической классификации, но также в нее включены традиционные сочинения в современной редакции, например «24 истории» или «Сводное собрание мудрецов в новой редакции» («新编诸子集成» *Синь бянь чжуцзы цзи чэн*) — книжная серия академических изданий классических трактатов древних мыслителей с традиционными и современными комментариями (издается с 1982 г.). Все книги оцифрованы с полными предисловиями, комментариями, примечаниями, корректурой, проставленными страницами бумажных изданий. В последние годы база стабильно растет на 250 млн иероглифов в год, порядка 500–700 изданий⁴¹ с гарантией высококачественного контента и полностью выверенными данными.

В целом, наблюдается тенденция к агрегации цифровых ресурсов, как в уже упомянутых платформах и комплексах цифровых баз. При этом на одном портале может предоставляться доступ к большому количеству других ресурсов. Так, пул ресурсов древних текстов вузов «Черпая из древности в школьных садах» («学苑汲古» *Сюэ юань цзи гу*) в 2018 г. включал метаданные 24-х отечественных университетских библиотек — более 680 тыс. древних книг, более 280 тыс. изображений, порядка 83 500 томов⁴². Отдельные учреждения со своей стороны также предоставляют доступ к целому набору цифровых ресурсов. Например, в Библиотеке университета Фудань можно работать с пятью крупным собраниям древних книг.

³⁸ 张贺: 古籍为何要数字化 [Чжан Хэ. Зачем нужна цифровизация древних книг] // 人民日报. 23.06.2016. URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20160623/49223449_0.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

³⁹ 张贺: 古籍为何要数字化 [Чжан Хэ. Зачем нужна цифровизация древних книг] // 人民日报. 23.06.2016. URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20160623/49223449_0.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

⁴⁰ В т.ч. «Фэнхуан чубаньшэ» (凤凰出版社, пров. Цзянсу), «Башу шушэ» (巴蜀书社, пров. Сычуань), «Цилу шушэ» (齐鲁书社, пров. Шаньдун).

⁴¹ Первая партия — 293 книги (200 млн иероглифов); вторая — 136 книг (100 млн иероглифов); третья партия — 438 книг (200 млн иероглифов); четвертая — 398 книг (250 млн иероглифов); пятая — 629 книг (250 млн иероглифов); шестая — 729 книг (250 млн иероглифов); седьмая — 703 книги (250 млн иероглифов); восьмая — 525 книг (250 млн иероглифов) // 古联数字. URL: <http://www.gujilianhe.com/product/intro?proId=9c123483a54f4fb98462a71407094436> (дата обращения: 15.08.2022).

⁴² Пул ресурсов древних текстов ВУЗов // 高校古文献资源库读者检索系统. URL: <http://rbcs.calis.edu.cn:8086/> (дата обращения: 15.08.2022).

В самой библиотеке имеется богатая «Коллекция ценных древних книг с прошивной брошюровкой из фонда библиотеки университета Фудань» (复旦大学图书馆馆藏线装古籍珍本荟萃 *Фудань дасюэ тушугуань гуаньцан сяньчжуан гуцзи шуму шуцзи чжэньбэнь хуйцуй*) — 400 тыс. томов, в т.ч. обширные личные собрания известных представителей культуры конца XIX — начала XX в.; более 7 000 превосходных экземпляров в почти 60 тыс. томах классики по четырем разделам, в т.ч. более 1 000 ранних ксилографических изданий, почти 2 000 рукописных и черновых изданий; более 3 000 уникальных, редких, образцовых ксилографов династии Цин, а также изданий с критическими замечаниями и исправлениями⁴³. Систематично и полно представлены материалы библиографического подраздела «Канон стихов», авторские сборники периода династии Цин, сборники песенных сказов и оперных либретто, книги по нумизматике и местные хроники. В библиотеке действует «Поисковая система каталогов древних книг» (古籍书目检索系统 *Гуцзи шуму цзяньсо ситун*), включающая каталоги основного фонда и тематические каталоги. Предоставляется доступ к пяти крупным цифровым ресурсам: 1) четыре базы платформы «Айжущэн»; 2) 18 баз «Дяолун»; 3) базы компании «Шутунвэнь» (书同文)⁴⁴; 4) комплексная «База китайских классических древних книг» издательства «Чжунхуа шуцзюй»; 5) «Цифровая база китайских инскрипций на камне» («中华石刻数据库» *Чжунхуа шикэ шуцзюй ку*)⁴⁵.

Несмотря на нехватку финансирования, растут уровень и темпы оцифровки на провинциальном уровне. В провинции Цзянсу с действует 3 базы древних книг и 7 баз текстов периода Народной республики. В 2022 г. заработала «База цифровых ресурсов ценных древних книг провинции Цзянсу» с полным набором функций⁴⁶. Шанхайская библиотека выложила из фондов в открытый доступ более 8 тыс. памятников, библиотека провинции Юньнань — более 300 книг, включая редкие местные издания. В библиотеке Чжэньцзяна (镇江, пров. Цзянсу) представлено более 20 наиболее востребованных местных хроник и создается собственная специализированная база исторических текстов («镇江历史文献数字资源库» *Чжэньцзян лиши вэньсянь шуцзюй цзыюань ку*) и платформа «Чжэньцзянское книгохранилище» («镇江文库» *Чжэньцзян вэньку*). Подобные процессы идут во всех провинциях⁴⁷.

К числу основных проблем на нынешнем этапе можно отнести отсутствие единых государственных стандартов и недостаточную координацию деятельности различных учреждений, что приводит к многократному копированию одного и того же контента и силь-

⁴³ 批校本 *пицзяобэнь*.

⁴⁴ Базы компании «Шутунвэнь» (书同文). URL: <http://guji.unihan.com.cn/> (дата обращения: 15.08.2022). Компания «Шутунвэнь» во многих отношениях была пионером в технологиях цифровых баз древних книг в КНР, например в полнотекстовом поиске, сквозной индексации, распознавании рукописного текста. Сейчас она предлагает большое разнообразие тематических и специализированных баз данных древних книг и архивов, а также более 15 тыс. текстов инскрипций на камне и бронзе («历代石刻史料汇编» *Лидай шикэ шилляо хуйбянь*).

⁴⁵ Пополняемая специализированная база инскрипций на камне с разделами по времени, месту, типу текстов. Уже действуют базы эпитафий, инскрипций на камне, стел определенных исторических периодов.

⁴⁶ «江苏省珍贵古籍数字资源库» *Цзянсу шэн чжэнь гузи шуцзюй цзыюань ку*. 让古籍活下来, 传下去, 火起来! 江苏有一群新时代古籍“守护人” [Пусть древние книги живут, передаются, становятся популярными! В Цзянсу появились «хранители» древних книг новой эпохи] // 中国江苏网. URL: http://jsnews.jschina.com.cn/zt2022/ztgk/202204/t20220423_2985988.shtml (дата обращения: 23.04.2022).

⁴⁷ Подробнее о провинции Ляонин: 数字化保护让古籍焕发全新生命力 [Цифровое сохранение зажигает новую жизнь в древних книгах] // 搜狐. URL: https://www.sohu.com/a/567274329_257321 (дата обращения: 14.07.2022).

ному разбросу в качестве оцифровки. Так, по мнению Чжан Чжицина, три электронных издания «Полного собрания книг четырех хранилищ павильона Вэньюаньгэ» («文渊阁四库全书» *Вэньюаньгэ сыку цюаньшу*; каждое — почти 1 млрд иероглифов)⁴⁸ или семь изданий «Двадцати пяти историй» («二十五史» *Эр ши у ши*; более 27 млн иероглифов) означает не триумф цифровизации, а скорее огромную бесполезную растрату финансов и человеческого труда. Но самая большая проблема — это все-таки финансирование, поскольку проекты по оцифровке, как правило, требуют многомиллионных вложений⁴⁹.

В НБК считают, что нет необходимости оцифровывать целиком все древние книги, но 200 тыс. книг, включая 500 тыс. их наиболее сохранившихся изданий, стоит оцифровать полностью. Если эта работа будет завершена, сохранение и передача китайской традиционной культуры и ее безопасность будут в целом обеспечены: «Тогда китайские древние книги смогут избежать судьбы книг из собраний многих императорских домов — собиравшихся в периоды процветания, утраченных в периоды упадка и погибших в периоды смуты»⁵⁰.

На настоящем этапе многое также еще предстоит сделать для сохранения древних книг национальных меньшинств. Например, в монастыре Сакья (萨迦寺, уезд Лацзы, Тибет, КНР) сохранилась уникальная коллекция буддистских классических произведений на тибетском языке, которые непрерывно переписывались, начиная с династии Юань и до наших дней.

* * *

В Китае, благодаря раннему развитию письменной историографической традиции и общей историко-филологической «заточенности» знания, как нигде остро ощущается быстрое течение истории, ненадежность материальных носителей и невозможность утраченного. О том, что большая часть китайской текстуальной культуры канула в лету, не позволяют забыть отрывки, цитаты и упоминания несохранившихся произведений в разнообразных сочинениях, комментариях и подробных книжных каталогах. Некоторые потери, как, например, «Великий свод годов Юн-Лэ», совсем свежи в памяти культуры и поэтому кажутся особенно досадными. Больше двух тысяч лет в Китае на государственном уровне непрестанно занимались собиранием и каталогизированием значимых текстов, но, пожалуй, только сейчас удалось это сделать — с невиданным размахом и максимальным охватом, благодаря использованию технологий, уровню организации и, наконец-то, отсутствию цензуры. «В каждом свитке, в каждом томе содержится общая память китайской нации; в каждом иероглифе, каждой фразе пылает ослепительный свет китайской культуры»⁵¹.

⁴⁸ Один из семи экземпляров «Полного собрания книг четырех хранилищ», который хранился в императорской библиотеке в павильоне Вэньюаньгэ (Запретный город, Пекин).

⁴⁹ 张贺: 古籍为何要数字化 [Чжан Хэ. Зачем нужна цифровизация древних книг] // 人民日报. 23.06.2016. URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20160623/49223449_0.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

⁵⁰ 张贺: 古籍为何要数字化 [Чжан Хэ. Зачем нужна цифровизация древних книг] // 人民日报. 23.06.2016. URL: https://guoxue.ifeng.com/a/20160623/49223449_0.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

⁵¹ 让古籍活下来, 传下去, 火起来! 江苏有一群新时代古籍“守护人” [Пусть древние книги живут, передаются, становятся популярными! В Цзянсу появились «хранители» древних книг новой эпохи] // 中国江苏网. URL: http://jsnews.jschina.com.cn/zt2022/ztk/202204/t20220423_2985988.shtml (дата обращения: 23.04.2022).

Литература

- Барышева Е.А. Программы сохранения национального книжного наследия в библиотечной политике Китайской Народной Республики // *Библиотекосведение*. 2020. Т. 69. № 1. С. 73–84.
- Виноградская В.Б. Китайские базы данных «древних книг» // *Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тезисы докладов XXIV Международной научной конференции*. Москва, 2021. С. 162–163.
- 蔡彦: 古籍保护继往开来 — 新中国古籍保护的历程 [Цай Янь. Продолжение традиции сохранения древних книг — история хранения древних книг в новом Китае] // *浙江高校图书情报工作*. 2013年. 第4期. 第1–10页.
- 国务院关于第六批国家珍贵古籍名录和第六批全国古籍重点保护单位名单的批复 [Госсовет утвердил шестую часть Национального реестра ценных древних книг и шестую часть общекитайского перечня приоритетных организаций хранения древних книг] // *中华人民共和国中央人民政府*. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-11/02/content_5556769.htm (дата обращения: 02.11.2020).
- 李逸津: 俄藏中国古籍整理与研究的业绩和不足 [Ли Ицзинь. Достижения и недостатки в области обработки и исследования древних книг, хранящихся в России] // *欧亚人文研究*, 2020年. 第01期. 第54–61页.
- 让中华文脉焕发新活力—古籍保护开启新征程 [Пусть написанное в Китае обретает новую жизнь — сохранение древних книг открывает новые пути] // *中国文化报*. URL: <https://npaper.ccmap.cn/zh-CN/?date=2022-04-19&page=1> (дата обращения: 19.04.2022).
- 王晶: 国家图书馆副馆长张志清在汉谈古籍保护与活化: 我们数字化了“20部四库全书” [Ван Чан. Заместитель директора Государственной библиотеки Чжан Чжицин об охране и оживлении древних книг: мы оцифровали «20 Сы ку цюань шу»] // *湖北日报*. 08.12.2021. URL: http://m.cnhubei.com/content/2021-12/08/content_14309098.html (дата обращения: 08.12.2021).
- 中共中央办公厅国务院办公厅印发《关于推进新时代古籍工作的意见》 [Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета выпустили «Рекомендации по продвижению древних книг в новую эпоху»] // *中华人民共和国中央人民政府*. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-04/11/content_5684555.htm (дата обращения: 11.04.2022).
- “中华古籍保护计划”实施十周年: 让书写在古籍里的文字活起来 [10-летняя годовщина реализации «Плана сохранения древних книг»: пусть оживут тексты, записанные в древних книгах] // *中华人民共和国中央人民政府*. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/25/content_5196876.htm (дата обращения: 25.05.2017).

15 Years of Implementation of the Chinese Ancient Books Preservation Plan (2007–2022)

Veronika B. Vinogradskaya

Ph.D. (Philology), Leading Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-3878-1282.

E-mail: vinogradskaya@iccaras.ru

Received 04.10.2022.

Abstract:

The article discusses the main directions, results and problems of preserving Chinese ancient books over the past 15 years, starting from 2007, when the first nationwide comprehensive *Chinese Ancient Books Preservation Plan* came into force. This plan has been implemented over three Five-Year Plan periods — the 11th (2006–2010), the 12th (2011–2015) and the 13th (2016–2020) — in the following areas: search and registration, restoration and storage, digitalization, editing, personnel education, promotion, and *Guidelines on Promoting Ancient Books in a New Era* were released in 2022. At present, search and registration of ancient books in Chinese has been basically completed: the whole volume of extant Chinese textual culture is about 500 thousand books, with the total number of individual books approaching 3 million in 30 million volumes. Along with the general results in the main areas, the article highlights the activity of individual large institutions (National Library of China, Zhonghua Book Company, Fudan University Library, etc.), expert assessments (Zhang Zhiqing, Deputy Director of the National Library of

China, Gu Qing, editor-in-chief of Zhonghua Book Company and others), as well as the personal experience of modern users and participants of textual culture. Particular attention is paid to the current state of digitalization, and to the largest and most representative databases of ancient books (*Database of Chinese Classic Ancient Books* of NLC, *Chinese Classic Ancient Books Database* published by Zhonghua Book Company, Airusheng platform, Diaolong database, etc.).

Key words:

Ancient books, guji, Chinese Ancient Books Preservation Plan, digitalization, digital bases, textual culture, National Library of China, Zhonghua Book Company, Zhang Zhiqing.

For citation:

Vinogradskaya V.B. 15 Years of Implementation of the Chinese Ancient Books Preservation Plan (2007–2022) // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 1. Pp. 151–164.
DOI: 10.31857/S013128120023289-8.

References

- Barysheva E.A.* Programmy sohraneniya nacional'nogo knizhnogo naslediya v bibliotechnoj politike Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Programs for Preservation of the National Book Heritage in the Library Policy of the People's Republic of China]. *Bibliotekovedenie*. 2020. Vol. 69. No. 1. S. 73–84. (In Russ.)
- Vinogradskaya V.B.* Kitajskie bazy dannyh «drevnih knig» [Chinese Databases of Ancient Books]. *Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir. Istorija, sovremennost', perspektivy. Tezisy dokladov XXIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow. 2021. S. 162–163. (In Russ.)
- 蔡彦: 古籍保护继往开来——新中国古籍保护的历程 [Cai Yuan. Carry Forward the Ancient Books Protection Ahead into the Future: History of the Ancient Books Protection since the Founding of the People's Republic of China]. *浙江高校图书情报工作*. 2013年. 第4期. 第1–10页. (In Chin.)
- 国务院关于第六批国家珍贵古籍名录和第六批全国古籍重点保护单位名单的批复 [The State Council Approved the Sixth Batch of the National Rare Ancient Books Directory and the Sixth Batch of Directory of National Key Ancient Books Preservation Units]. 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-11/02/content_5556769.htm (accessed: 02.11.2020). (In Chin.)
- 李逸津: 俄藏中国古籍整理与研究的成就和不足 [Li Yijin. The Achievements and Deficiencies in Collection and Studies of Ancient Chinese Books Preserved in Russia]. *欧亚人文研究*. 2020年. 第01期. 第54–61页. (In Chin.)
- 让中华文脉焕发新活力——古籍保护开启新征程 [Rejuvenate the Chinese Texts — Preservation of Ancient Books Opens a New Journey]. *中国文化报*. URL: <https://npaper.ccmapp.cn/zh-CN/?date=2022-04-19&page=1> (accessed: 19.04.2022). (In Chin.)
- 王晶: 国家图书馆副馆长张志清在汉谈古籍保护与活化: 我们数字化了“20部四库全书” [Wang Chang. Zhang Zhiqing, deputy director of the National Library of China, talks about the preservation and revitalization of ancient books: We have digitized “20 Siku Quanshu”]. *湖北日报*. 08.12.2021. URL: http://m.cnhubei.com/content/2021-12/08/content_14309098.html (accessed: 08.12.2021). (In Chin.)
- 中共中央办公厅国务院办公厅印发《关于推进新时代古籍工作的意见》 [General Office of the Central Committee of the Chinese Communist Party and General Office of the State Council published Guidelines on Promoting Ancient Books in a New Era]. 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-04/11/content_5684555.htm (accessed: 11.04.2022). (In Chin.)
- “中华古籍保护计划”实施十周年: 让书写在古籍里的文字活起来 [10 Years of Implementation of Chinese Ancient Books Preservation Plan Let the Words Written in Ancient Books Come Alive]. 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/25/content_5196876.htm (accessed: 25.05.2017). (In Chin.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC EVENTS**33-я международная конференция Института Китая и современной Азии РАН и Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Университета Ханьян**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120024195-5

Зуева Александра Георгиевна

Научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9394-0733. E-mail: zueva@iccaras.ru

Ким Ен Ун

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32). ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kim@iccaras.ru

Поленова Анна Львовна

Научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32). ORCID: 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova@iccaras.ru

Самсонова Виктория Георгиевна

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9577-6463. E-mail: samsonova@iccaras.ru

9 декабря 2022 г. в онлайн-формате состоялась 33-я конференция Института Китая и современной Азии РАН и Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Университета Ханьян на тему «Сотрудничество России и Республики Корея: проблемы и перспективы в условиях глобальной турбулентности». Конференция была проведена в рамках 2 сессий, первая из которых объединила доклады, касающиеся направлений и задач двустороннего сотрудничества в политической и дипломатической сферах.

Модератором первой пленарной сессии выступил руководитель Корейского института евразийской политики **Ко Чжэ Нам**.

В.н.с. ЦКИ ИКСА РАН **Ким Ен Ун** в докладе на тему «Влияние геополитической ситуации в СВА на межкорейские отношения» отметил, что сейчас происходят изменения исторического масштаба. США применяют силовые и гибридные методы для сохранения своего положения в рушащемся однополярном мире, подчиняя ЕС целям НАТО и распространяя стратегию НАТО в регион Северо-Восточной Азии с формированием таких блоков, как AUKUS, Quad и Partners in the Blue Pacific. В то же время провокациями и санкциями против Китая США заставили КНР укрепить координацию действий с Россией. В одновременном прямом противостоянии с Россией и КНР США неизбежно подорвут свои как военные, так и экономические силы, а соответственно, существенным образом снизят свое влияние в мире. Что касается проблемы денуклеаризации Корейского полуострова, то Южная Корея столкнется с тем, что РФ и КНР впоследствии будут блокировать принятие новых антисеверокорейских санкций, как это было в мае и ноябре 2022 г. Россия учитывает политику КНДР, которая с самого начала СВО на Украине поддержала позицию Москвы, а КНР не оставит без внимания позицию РК по Тайваньскому вопросу. В течение всего 2022 г. отношения между двумя Кореями продолжали ухудшаться, хотя КНДР весной предприняла попытку нормализовать отношения с РК. Прези-

дент РК Юн Сок Ёль, как и назначенные им министр обороны и руководитель разведки РК, говоря о КНДР, называют Пхеньян не иначе как «врагом», рассуждают о возможности нанести по КНДР «упреждающий удар».

В своем докладе «Стратегическое сотрудничество РК и России после украинского кризиса» руководитель Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Университета Ханьян профессор **Ом Гу Хо** высказал мнение о том, что США планируют в среднесрочной перспективе подключить своих региональных партнеров к конфронтации с Россией, Китаем и Северной Кореей при помощи AUKUS и Quad. Исследователь также отметил, что в связи с СВО на Украине решение ядерной проблемы Северной Кореи найти еще сложнее: с учетом поддержки Пхеньяном российской политики на украинском направлении Россия неизбежно будет более терпимой к позиции КНДР. Применительно к отношениям РФ и РК эксперт предлагает при осложнении политической обстановки расширять сотрудничество в других областях — экономике, культуре, науке, социальной сфере, сфере человеческих контактов, — что со временем позволит восстановить и взаимодействие в политической сфере. При этом докладчик считает, что нельзя допустить, чтобы улучшение отношений РК с Россией привело к подрыву отношений РК с США. В связи с происходящими переменами РК должна расширять сотрудничество со странами разных регионов и освободиться от зависимости от отдельных стран как в политике, так и в экономике.

В.н.с. ЦКИ ИКСА РАН **К.В. Асмолов** в своем выступлении на тему «Влияние внутривнутриполитического фактора РК на российско-южнокорейские отношения» отметил, что внутривнутриполитические сложности приводят к тому, что в глазах общественности заслуги предыдущего президента РК Мун Чжэ Ина в области внешней политики теряют свою значимость. При этом охлаждение отношений РФ и РК неизбежно произойдет вне зависимости от того, кто будет у власти. Представители южнокорейской власти, как консерваторы, так и демократы, ориентированы проамерикански, и в случае необходимости принять стратегический выбор, Сеул сделает его не в пользу Москвы. При этом необходимо по возможности минимизировать ущерб двусторонним отношениям: отсутствие взаимопонимания по украинскому вопросу не должно распространиться на взаимодействие в других сферах.

Профессор университета Ёнсе **Ко Сан Ду** выступил с докладом «Выбор РК в борьбе между США и Китаем: влияние на сотрудничество с Россией». Автор отметил, что в настоящий момент происходит перераспределение влияния между США и КНР; относительно США можно заметить стратегическое перенапряжение, наблюдаются сокращения расходов на оборону, неудачи или сомнительный результат многих внешнеполитических инициатив (войны во Вьетнаме, Ираке, Афганистане и т.д.). Китай проявляет большую уверенность в высказывании своего мнения по вопросам международного характера (Южно-Китайское море, ЯПКП), особо отмечая, что борьба США и КНР — это борьба больших идей. США продвигают идею глобального либерального порядка, тогда как КНР говорит о восстановлении социализма, идее совместного процветания. США пробуют разные способы сдерживания КНР, что неизбежно усиливает конфронтацию между ними, в которую втягиваются их союзники. В этой ситуации РК нужно привлекать КНР к участию в международном сотрудничестве в рамках разных форматов, которые обусловят правила взаимодействия с Пекином — политику КНР стоит регулировать при помощи норм, а не при помощи силы.

Дискуссию в первом пленарном заседании открыл н.с. Института стратегии национальной безопасности (РК) **Чан Се Хо**. По его мнению, в настоящий момент страны региона СВА готовятся укреплять стратегические союзы, что стимулирует формирование блочной структуры взаимодействия. РК, вынужденная делать выбор в пользу того или иного лагеря, слишком сильно склоняется в сторону Запада. Автор также высказался по наиболее острым вопросам двусторонних отношений РФ и РК. Говоря

об актуальной теме экспорта вооружений, Чан Се Хо подчеркнул, что южнокорейские власти неоднократно утверждали, что не планируют так или иначе предоставлять оружие Украине. Он также затронул ядерную проблему Корейского полуострова, отметив, что последние действия Москвы, в частности отказ от принятия в СБ ООН новых антисеверокорейских санкций, может быть воспринят как подрыв международного режима ядерного нераспространения.

Член Совета по международному сотрудничеству Российской ассоциации политической науки **А.З. Жебин**, говоря о перспективах российско-южнокорейских отношений, подчеркнул, что сейчас двусторонние связи наиболее уязвимы. В сложившейся ситуации важно обозначить красные линии в политическом взаимодействии между сторонами, а также по возможности сохранять культурные и гуманитарные контакты. Наибольшую опасность, по мысли докладчика, при этом представляют попытки Вашингтона подключить РК к решению глобальных проблем в ущерб необходимости концентрироваться на региональных сложностях и национальных интересах страны. Параллельно втягивая Республику Корея в конфронтацию с окружающими ее странами, руша ее экономические связи с ними, Вашингтон замыкает Сеул на себе.

Ким Чон Ги, заместитель руководителя Корейского института евразийской политики, выступил с комментариями о связи внутри- и внешнеполитического курса РК. Как считает автор, вне зависимости от того, правые или левые находятся у власти в Южной Корее, политика Сеула в отношении России, а также стратегия национальной безопасности останутся неизменными. При этом он подчеркнул, что РК дорожит отношениями стратегического партнерства с Москвой — его можно было бы развивать в дальнейшем, однако сейчас этому препятствует ситуация на Украине.

В рамках дискуссии также выступила н.с. ЦКИ ИКСА РАН **А.Л. Поленова**, которая осветила влияние украинского конфликта на российско-северокорейское взаимодействие. На фоне описанного в докладах секции охлаждения между РФ и РК, в отношениях Москвы с Пхеньяном возникли новые точки для соприкосновения. Ужесточение кризиса на Украине подтолкнуло КНДР к тому, чтобы более ясно выразить солидарность с российской позицией по важнейшим вопросам международного характера: недовольство продвигаемым «порядком, основанным на правилах» и санкционной парадигмой, а также вмешательством во внутренние дела государств.

Секцию завершил в.н.с. ЦКИ ИКСА РАН **Ким Ен Ун**, отметив, что на данный момент не очевидна приверженность южнокорейских властей решению ЯПКП с учетом их готовности к размещению на территории государства тактического ядерного оружия США. Хотя Сеул стремится занять взвешенную позицию и быть умеренным в своих действиях в ситуации, сложившейся после ужесточения конфликта на Украине, это дается Южной Корее непросто. В РК отсутствует взвешенная позиция по текущим событиям, к тому же российская точка зрения освещена хуже, чем западная трактовка разворачивающихся процессов.

Второе пленарное заседание, модератором которого выступил член Совета по международному сотрудничеству Российской ассоциации политической науки **А.З. Жебин**, было посвящено проблемам и перспективам экономического взаимодействия между Россией и Республикой Корея.

Руководитель ЦКИ ИКСА РАН **В.Г. Самсонова** в своем докладе, посвященном экономическому сотрудничеству РФ и РК, подчеркнула, что в 2022 г. экономическое сотрудничество РФ и РК находится под влиянием глобальных вызовов и во многом замедлилось из-за беспрецедентных антироссийских санкций со стороны США и недружественных стран. При этом в существующих реалиях необходим поиск путей решения для возможности продолжения экономического партнерства, т.к., несмотря на сложную геополитическую ситуацию, Республика Корея продолжает рассматривать Россию в качестве одного из перспективных рынков сбыта своей продукции, поэтому стремится сохра-

нить свои позиции в поставках товаров в Россию. Что касается товаров, не вошедших в санкционный список, то, согласно южнокорейским данным, некоторые компании РК не ощущают существенного влияния санкций на их деятельность или, скорее, даже используют их как возможность расширить свой бизнес. Параллельно с этим в 2022 г. произошли существенные изменения в двустороннем партнерстве: не только по причине санкционной составляющей, но и в результате смены парадигмы внешней политики РК. В частности, мы понимаем, что реализация инициативы «Девяти мостов» не продолжится, т.к. новый президент РК Юн Сок Ёль намерен перечеркнуть все начинания в этой области предыдущего президента РК.

Профессор университета Кемён **Пён Хён Сон** посвятил свой доклад достижениям и будущим задачам южнокорейско-российского промышленного сотрудничества. Докладчик подробно проанализировал достижения двустороннего партнерства в инновационной сфере, особо отметив инициативу «Девяти мостов» предыдущего президента РК Мун Чжэ Ина и ее значимую роль в реализации в научной сфере и создании российско-южнокорейской инновационной платформы. Профессор выразил озабоченность, что в настоящее время из-за санкций (особенно контроля над экспортом продукции в области высоких технологий) партнерство в инновационной сфере ограничено, однако необходимо искать пути для продолжения и развития дальнейшего сотрудничества между нашими странами.

Н.с. ЦКИ ИКСА РАН **А.Г. Зуева** в своем докладе рассмотрела возможность сотрудничества России и Республики Корея в области реализации Целей устойчивого развития (ЦУР), отметив, что потенциал сотрудничества Москвы и Сеула в энергетических и социально-экономических проектах представляет большой интерес не только для будущих поколений, но и для инвесторов на современном этапе. Важным направлением сотрудничества в энергетической и технологической сфере является атомная энергетика, особенно с возвращением РК к планам по расширению использования атомной энергии для сокращения углеродного следа. Что касается социально-экономической сферы, то, по мнению исследовательницы, южнокорейский опыт в сфере здравоохранения будет востребован в России. В свою очередь российский опыт социальной поддержки семей и женщин представляет интерес для РК в условиях антирекорда по показателям рождаемости. В финале своего выступления автор обратила внимание на то, что одним из главных препятствий для расширения двусторонних торгово-экономических отношений в настоящий момент являются санкционные ограничения.

Доклад, представленный профессором **Ли Сан Чжуном** (университет Кукмин), был посвящен экономическому сотрудничеству РФ и РК в эпоху трансформации мирового порядка. В своем выступлении автор выделил следующие глобальные вызовы: стратегическое противостояние США и КНР; появление непредсказуемых кризисов, таких как пандемия коронавируса; закат глобализации и реструктуризация цепочек поставок; деолларизация; осуществление энергоперехода; стагнация мировой экономики. В свете обозначенных вызовов Южная Корея в своей внешнеэкономической политике делает акцент на стратегии торгового сотрудничества в условиях деглобализации. В сложившейся ситуации РК и России необходимо подготовить сбалансированную политику внешнеэкономического сотрудничества, отвечающую интересам обеих стран. Кроме прочего, докладчик в ходе своего выступления заметил, что руководству Южной Кореи необходимо осознать стратегическую ценность России как крупного партнера по глобальному сотрудничеству.

В дискуссии с.н.с. КОТРА **Пак Чи Вон** обратил внимание на то, что санкции 2022 г. отличаются своей масштабностью от санкций, введенных против России в 2014 г. При этом основным препятствием для экономического сотрудничества РК и России стали принятые южнокорейским правительством меры экспортного контроля для деталей двойного назначения и некоторых комплектующих для производства электроники. Имен-

но по этой причине крупнейшие южнокорейские компании Samsung и Hyundai испытывают большие трудности в работе своих предприятий на территории России. Также дискуссионным были предложены меры по стабилизации экономических связей Москвы и Сеула с помощью стран Средней Азии, выступающих в роли логистического и финансового хаба при задействовании механизмов параллельного импорта. Кроме этого, по мнению Пак Чи Вона, необходимо разработать новую архитектуру экономического двухстороннего взаимодействия, в том числе с помощью предприятий малого и среднего бизнеса, которых не затронули меры экспортного контроля.

Ученый секретарь ИКСА РАН, в.н.с. ЦКИ ИКСА РАН **Л.В. Захарова** отметила, что санкционные меры затрудняют сотрудничество РК и РФ. Будущее многих инвестиционных проектов находится под вопросом, сокращение деловой активности в двусторонних отношениях затронуло в том числе и область академических обменов. Тем не менее Россия активно реализует «Поворот на Восток», что стимулирует интерес российского бизнеса к изучению потребностей южнокорейского рынка, в свою очередь предприниматели РК ищут возможность найти новые ниши для сотрудничества с российскими коллегами. Дискуссионным отметила, что будущее внешнеэкономических связей РК и России будет зависеть не только от глобальной геополитической обстановки, но и от решений руководства каждой из стран в отношении друг друга.

С.н.с. экспортно-импортного Банка Республики Корея **Чо Ён Гван** согласился с мнением российских ученых, что проекты в области возобновляемых источников энергии могут стать одним из драйверов на пути к восстановлению экономического сотрудничества между Россией и РК. Для устойчивого двустороннего взаимодействия в будущем Москве и Сеулу уже сейчас необходимо работать над новыми проектами. По мнению исследователя, усилить сотрудничество можно в технологическом секторе, в сфере образования и культуры, в области подготовки кадров для здравоохранения. Особенно важно сохранить сотрудничество между экспертами обеих стран для мира и процветания на Корейском полуострове.

С.н.с. ЦКИ ИКСА РАН **Л.И. Семина** отметила, что, несмотря на давление США на РК, Южная Корея все-таки пытается соблюсти тонкий баланс, понимая, что сотрудничество с Россией экономически выгодно для страны, тем более когда ее рынок освободился для южнокорейских товаров с уходом ряда европейских и американских компаний. Существует серьезная заинтересованность обеих сторон в продолжении сотрудничества в медицинской сфере, которое созвучно южнокорейской цели стать мировым вакцинным хабом к 2025 г. Кроме этого, в целях РК стоит не только производство и экспорт медицинских препаратов и вакцин, но и обучение специалистов из других стран. В образовательной деятельности и в обмене опытом могли бы принять активное участие российские специалисты.

В завершении второго пленарного заседания у южнокорейских специалистов особый интерес вызвали вопросы, связанные с механизмом работы параллельного импорта и политикой импортозамещения в России: равнозначные ли это инструменты и не противоречат ли они друг другу. Также был задан вопрос, связанный со сферой поддержки рождаемости в России и тем, каким образом этот опыт может быть имплементирован в Южной Корее. С российской стороны прозвучали следующие ответы: параллельный импорт и политика импортозамещения не противоречат друг другу, это разные инструменты для достижения технологической и экономической независимости России, особенно в условиях существующих санкционных ограничений. Что касается социальной сферы, то эксперты ИКСА РАН отметили в первую очередь эффективность российских программ, связанных с поддержкой рождаемости. Опыт таких программ как, «материнский капитал», оплачиваемый декретный отпуск и бесплатные курсы по переобучению и повышению квалификации женщин, находящихся в декретном отпуске, может быть успешно реализован в РК, в том числе при поддержке российских специалистов.

**The 33rd IFES-APRC Conference of the Institute of China and Contemporary Asia of
the Russian Academy of Sciences and the Asia-Pacific Research Center of Hanyang
University**

Alexandra G. Zueva

Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9394-0733 E-mail: zueva@iccaras.ru

Kim En Un

Ph.D (Philosophy), Leading Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kim@iccaras.ru

Anna L. Polenova

Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova@iccaras.ru

Viktoriya G. Samsonova

Ph.D (Economics), Leading Researcher, Head of the Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9577-6463. E-mail: samsonova@iccaras.ru

О 10-й юбилейной международной конференции молодых востоковедов в ИКСА РАН

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024196-6

Мамахатов Тлеш Муратович

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Мокрецкий Александр Чеславович

Старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Поленова Анна Львовна

Научный сотрудник Центра корейских исследований (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova@iccaras.ru

24–25 ноября 2022 г. в ИКСА РАН состоялась 10-я юбилейная международная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Работа форума прошла в рамках 8 пленарных сессий в смешанном формате. Впервые в истории молодежных конференций в Институте была проведена отдельная студенческая панель.

Мероприятие собрало более 50 молодых востоковедов, аспирантов и бакалавров, представляющих различные академические центры и вузы. Конференция выступила площадкой взаимодействия для ученых со всей страны (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Иркутск, Тюмень, Томск, Улан-Удэ, Владивосток) и стран Восточной и Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджа, Китай, Филиппины). Были заслушаны и обсуждены более 50 докладов, посвященных актуальным вопросам политики, экономики, развития общества, истории и культуры стран Восточной Азии и их сотрудничества с РФ.

С приветственным словом к участникам конференции выступили и.о. директора д.филол.н. ИКСА РАН **К.В. Бабаев**, замдиректора по молодежной политике к.полит.н. **Ю.В. Кулинец** и председатель Совета молодых ученых ИКСА РАН, в.н.с. к.э.н. **Т.М. Мамахатов**.

В рамках первого пленарного заседания «**Внешняя политика Китая: крупный план**» было обсуждено два доклада.

С.н.с. ИКСА РАН **А.Ч. Мокрецкий** охарактеризовал три международных повестки, озвученные в докладах на XVIII, XIX и XX съездах КПК. Доклад старшего эксперта РИСИ **Г.А. Сизова** был посвящен «системе обеспечения безопасности инициативы “Пояс и путь”» (ИПП), а также основным направлениям политики КНР по обеспечению безопасности ИПП на основе примеров взаимодействия Пекина со своими зарубежными партнерами.

Во время работы второй пленарной сессии «**Внешняя политика КНР: двусторонние отношения**» было заслушано шесть докладов.

М.н.с. ИКСА РАН **А.В. Волошина** охарактеризовала «борьбу за командные высоты науки и техники» между США и КНР. Рассмотрев подходы к «хеджированию рисков» в сфере технологической безопасности в условиях нарастающего конфликтного потенциала, автор сделала выводы о перспективах отношений двух стран.

Помощник сенатора РФ **Д.А. Бочков** проанализировал перспективы формирования китайско-индийской зоны свободной торговли. Эксперт отметил, что двустороннее торгово-экономическое сотрудничество приносит равновесие в китайско-индий-

ские отношения, но одновременно с этим усиливаются конкуренция и соперничество между странами вследствие чрезмерной экономической зависимости Нью-Дели от импорта товаров с высокой добавленной стоимостью из КНР и хронического дефицита торгового баланса.

В совместном докладе вьетнамские исследователи **Ха Ле Тхань Чунг** и **Чинь Куок Винь** пришли к выводу, что идеология и социализм по-прежнему являются важными составляющими политико-дипломатических отношений Вьетнама и КНР. Однако ввиду растущих амбиций Китая и его притязаний в Восточно-Китайском море роль социалистической идеологии, по мнению докладчиков, заметно снизится в краткосрочной перспективе, т.к. каждая из сторон преследует собственные национальные интересы.

Магистрантка СПбГУ **А.Д. Смирнова** дала оценку китайско-тайваньским отношениям при администрации Цай Инвэнь. По мнению автора, с 2016 г. Пекин придерживается более жесткого подхода к острову, в то же время он продолжает выдвигать меры по содействию межбереговому сотрудничеству, демонстрируя все большую решимость и уверенность в неизбежности объединения.

С.н.с. ИКСА РАН **И.С. Виноградов** проанализировал мьянманско-китайские отношения, отметив, что они носят непростой, но конструктивный характер. Страны сталкиваются с похожими политическими вызовами со стороны сил, критикующих авторитарные модели управления. Китай, выстраивая выгодные отношения с Мьянмой, как при правлении Национальной Лиги за демократию с Аун Сан Су Чжи, так и при военной хунте с Мин Аун Хлайном сохраняет рычаги влияния на мьянманское руководство одновременно через свое глобальное политическое влияние и повстанческие группировки.

Доцент ИГУ **И.В. Олейников** посвятил доклад анализу взаимодействия в треугольнике Новая Зеландия — КНР — Великобритания. Докладчик заключил, что новозеландское правительство использует стратегию балансирования (торговое соглашение с Великобританией) как альтернативу на случай охлаждения взаимодействия с КНР. Присутствует и влияние военно-стратегического характера — новозеландский альянс с Британией происходит на фоне оформления военно-политического союза Aukus. Новая Зеландия посылает китайским партнерам явный сигнал о своем беспокойстве относительно проблемы доминирования КНР в Южно-Тихоокеанском регионе.

Работу третьей секции, посвященной экономике КНР, открыл доклад с.н.с. ИКСА РАН **Е.О. Заклязьминской**, которая ознакомила собравшихся с результатами проведенного ей обширного анализа экономики Китая накануне XX съезда КПК. В материалах доклада были представлены ключевые показатели текущего состояния китайской экономики, дан обзор экономических последствий пандемии и торговых войн с США, сделан прогноз дальнейшего развития экономической ситуации в КНР. Ассистент кафедры административного и финансового права СПбГУ **А.А. Трофимов** выступил с докладом на тему реформирования антимонопольного законодательства в КНР. Бурно развивающийся рынок Китая, по мысли исследователя, требует пристального контроля со стороны государства и выстраивания тонких механизмов управления рыночными процессами.

Магистрант РУДН **И.К. Мамыкин** дал оценку недавно принятой в КНР Программы строительства полей высоких стандартов (2021–2030 гг.). Докладчик провел анализ наиболее передовых и актуальных процессов, происходящих внутри китайской экономики. Об активном развитии промышленности производства полупроводников в КНР рассказал аспирант ИКСА РАН **Ван Кайпэн**. Недавние санкции со стороны США в отношении доступа Китая к данным технологиям вынуждают правительство КНР искать возможности для собственного производства.

С темой, посвященной развитию сегмента образования для пожилых людей в Китае, выступила доцент ИСАА МГУ **М.А. Гулева**. Политика «Одна семья — один ребенок» приблизила Китай к проблеме старения населения. В связи с этим, по мнению автора, сегодня социальная система должна быть адаптирована к растущим потребностям

людей преклонного возраста. Представляется, что сегмент образования «60+» будет стремиться более адресно отвечать на имеющиеся запросы общества.

Четвертое заседание конференции, посвященное отношениям России со странами Восточной Азии, открыл доцент МГИМО МИД РФ **И.В. Дьячков** с докладом «Отношения России с государствами Корейского полуострова в контексте глобальных перемен». Эксперт раскрыл, как конфликт на Украине отразился на отношениях Москвы с Пхеньяном и Сеулом. При очевидном сближении России с КНДР возможностей для практического двустороннего сотрудничества пока что немного. В то же время, как считает докладчик, Республика Корея стремится поддерживать взаимовыгодные контакты с Россией, несмотря на давление со стороны США.

Тему российско-корейских отношений развила ст. лаборант-исследователь ИК-СА РАН **А.И. Коновалова**, выступившая с докладом «Образ КНДР в российских СМИ (на примере материалов газеты “Известия” в период с октября 2021 по октябрь 2022 г.)». По мнению докладчицы, отсутствие разнообразия тем и вопросов, в рамках которых освещается КНДР в российских СМИ, не способствует формированию объективного образа государства в сознании среднестатистического россиянина.

Магистрантка МГИМО МИД РФ **Е.А. Васенёва** в рамках секции представила свое видение того, как трансформации внешнеполитического процесса Японии влияют на отношения с Москвой. По мнению докладчицы, Токио проводит все более консервативную линию и возможных вариантов внешнеполитической стратегии становится все меньше, в том числе и на российском направлении.

В докладе о бурятском религиозном суверенитете ст. лаборант-исследователь ИК-СА РАН **С.А. Соколова** отметила, что бурятский буддизм в лице Буддийской традиционной сангхи России стремится к большей культурной обособленности и поддержке собственной религиозной традиции, отдаляясь от тибетского буддизма и одновременно сближаясь с Монголией.

Магистрантка УрФУ **С.С. Зубарева** рассмотрела сотрудничество в сфере высшего образования в рамках ШОС и БРИКС. Автор проанализировала опыт по созданию сетевых вузов и сопоставила декларируемые цели их работы с реальными образовательными практиками.

В рамках пятой секции «Региональные форматы сотрудничества» было заслушано пять докладов. Н.с. ИК-СА РАН **В.И. Регновский** осветил значимость асеаноцентричных механизмов в построении архитектуры региональной безопасности: АРФ и ВАС. Н.с. ИК-СА РАН **Е.С. Бурова** выступила с темой «Перспективы экономического роста АСЕАН в контексте турбулентности мировой экономики». Являясь наиболее динамичным регионом по темпам экономического роста, Юго-Восточная Азия представляет интерес для всех стран мира, особенно Китая и США.

Общую тематику секции продолжил филиппинский гость, аспирант РУДН **Г. Хондара** с докладом на английском языке «Policy Gaps in Regional Cooperation between the SCO and ASEAN». Автор сравнил преимущества и недостатки двух региональных организаций, ШОС и АСЕАН, и отметил возможности дальнейшего сотрудничества. Аспирантка Финансового университета при Правительстве Российской Федерации **М.В. Елисеева** охарактеризовала перспективы развития торговых отношений России со странами-участницами ВРЭП, придя к выводу, что развитие кооперации может осуществляться посредством торговых соглашений ЕАЭС.

Завершило работу секции информативное выступление доцента кафедры истории и мировой политики ТюмГУ **Л.А. Печищевой** «Особенности внешнеполитической стратегии ФРГ в регионе Индо-Пацифика: текущие характеристики и перспективы развития». По мнению автора, сближение Германии со странами региона (особенно с Индией и Японией) в среднесрочной перспективе может создать более гибкую и устойчивую

модель экономического развития, а также повлиять на баланс сил ключевых игроков на международной арене.

Традиционно большой интерес в рамках конференции вызывает политико-экономическое развитие корейских государств и Японии. В 2022 г. им было посвящено отдельное, шестое заседание. В открывающем докладе «Сравнительная характеристика альянсов США с Южной Кореей и Филиппинами: общее и особенное» специалист научного отдела ИКСА РАН **М.С. Захарова** проанализировала основные этапы развития двух альянсов, а также привела оценку целесообразности их сохранения с учетом декларируемых угроз. Тему американо-южнокорейских отношений развила н.с. ИКСА РАН **А.Г. Зуева**, подчеркнув, что Сеул активно выступает за наращивание экономического сотрудничества с Вашингтоном даже в ущерб собственным интересам. Н.с. ИКСА РАН **А.Л. Поленова** представила доклад, посвященный месту интернационализма во внешней политике Северной Кореи.

В ходе секции участники также осветили вопросы внутривнутриполитической жизни Кореи. Лаборант Географического факультета МГУ, ст. лаборант ИЭ РАН **Ф.М. Чернецкий** в своем выступлении «Чхунчхонский регионализм как третья сила в южнокорейской политике» описал стратегии политиков, представлявших Чунчхон, которые в корне отличаются от опыта представителей Чолла или Кёнсана.

Более широкой теме особенностей политической философии Республики Корея посвятила свой доклад ст. преподаватель Бурятского государственного университета **С.В. Хамутаева**. Автор отметила, что одной из ключевых черт современной южнокорейской политической мысли является стремление к творческому синтезу достижений западной и восточной философии. Секцию закрыл с.н.с. ИКСА РАН **К.А. Корнеев**, выступив с докладом на тему «Россия и Япония в условиях глобальной нестабильности: риски энергетического сотрудничества». Докладчик подчеркнул, что, хотя Токио удастся воздерживаться от шагов, которые поставят под угрозу его энергетическую безопасность, давление со стороны западных партнеров все усиливается и позиция Японии становится все более шаткой.

Работа седьмой секции была посвящена экономике стран Восточной Азии. Открыла секцию м.н.с. ИМЭМО РАН **Э.Р. Ширгазина** с докладом на тему «Южная Азия во внешнеполитической стратегии Китая». Неоднозначность и сложность отношений в регионе рассмотрена через четыре основных фактора: исторический, фактор наличия территориальных претензий у сторон, экономический и информационно-пропагандистский.

Старший преподаватель ТГУ **А.Н. Зарубин** посвятил доклад развитию торговых и деловых отношений между Китаем и приграничными регионами России. Согласно проведенному исследованию, качественные показатели продуктивности ВЭД КНР в регионах РФ напрямую зависят от степени государственного регулирования со стороны центра, при ослаблении которого ВЭД КНР, напротив, оказывает влияние на региональную политику в РФ. Магистрантка МШЭМН **А.В. Стасевич** в докладе «Роль Китая в комплексном кризисе на Шри-Ланке» детально рассмотрела проблему возросшего экономического и политического влияния Китая на соседние азиатские страны, упомянув о китайской «инвестиционной ловушке».

Заместитель директора Национального банка Камбоджи **П. Сопхат** дал развернутую оценку влияния стихийных бедствий и сельских финансов на фермеров в докладе «The Impacts of Natural Disaster and Rural Finances on the Farmers: A Case Study of Cambodia and Inclusive Policy».

Закрывали работу секции доклады с.н.с. Бурятского научного центра СО РАН **В.О. Намжиловой** «Политика “нового возрождения” Монголии: инфраструктурные приоритеты и роль соседей» и председателя СМУ ИКСА РАН **Т.М. Мамахатова** «Перспективы развития экономического сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии и Китаем».

В рамках восьмого пленарного заседания «История, культура и социальное развитие стран Восточной Азии» было обсуждено семь докладов.

Аналитик ИКСА РАН **Н.Н. Сукиасяни** выявила влияние религиозной толерантности на политическую стабильность Японии (на примере религиозного движения «Церковь объединения»). По мнению автора, в японском обществе формируется активный запрос на расследование деятельности организаций, которые злоупотребляют влиянием и лоббируют свои интересы на политическом уровне через действующих политиков. В совместном докладе **А.А. Золотарева** (бакалавр НИУ ВШЭ СПб) и **В.С. Морозова** (приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ СПб) охарактеризовали трансформацию социокультурных ценностей китайской молодежи в условиях новой реальности: от феномена «лежать плашмя» к концепции «опустить руки». Н.с. ИКСА РАН **А.Д. Александрова** проанализировала понятие «символ» в контексте современной бизнес-культуры Китая. На примере основанной в 2010 г. компании Xiaomi Corporation рассматриваются принципы работы символики в корпоративной культуре внутри организации.

Ассистент СПбГУ **А.М. Харитонова** ознакомила аудиторию с перепиской карьерного российского дипломата Г.А. Плансона со своей женой Марией Якимовной в 1914 г. Эпистолярный архив представляет собой богатый источник сведений очевидца, стремившегося передать политическую обстановку в Восточной Азии в первый год мировой войны. Магистр БГУ **А.В. Дышенов** оценил тему юмора в творчестве известного китайского писателя, переводчика, лингвиста, публициста, философа и общественного деятеля Линь Юйтана (1895–1976).

Н.с. ИВ РАН **Н.И. Матвеева** на основе архивных материалов и анализа публикаций и речей лидеров двух стран рассмотрела формирование исторического мифа о национальном характере экономического развития в Северной и Южной Корее в первые десятилетия после освобождения от японского колониального господства и выявила роль государства в этом процессе. В докладе было показано, что, вопреки распространенному мнению, для руководства социалистической Северной Кореи задача формирования исторической памяти была не менее важна, чем для капиталистической Южной Кореи.

Выпускник ТюмГУ **Нгуен Чан Тан Хиен** ретроспективно оценил 20-летие с момента вывода российских сил с военной базы Камрань и влияние этого события на дальнейшее развитие международных отношений в Юго-Восточной Азии. По мнению автора, вывод российских сил способствовал стабилизации обстановки в ЮВА. Крупные державы потеряли влияние на страны региона, в то время как последние начали заметное движение в сторону независимости, объединившись в своем стремлении создать сильное сообщество АСЕАН.

На студенческой панели было заслушано шесть докладов.

К.В. Банбан (МГУ им. М.В. Ломоносова) охарактеризовала актуальное состояние энергетики в Республике Корея и перспективы ее развития. Докладчица отметила, что современная энергетическая повестка в Южной Корее определяется идеями декарбонизации, целесообразностью внедрения зеленой энергетики и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в условиях энергетического кризиса, вопросами возобновления и дальнейшего развития ядерной энергетики.

Доклад **М.А. Лейбиной** (Дипломатическая Академия МИД РФ) был посвящен ядерной проблеме Корейского полуострова. Автор пришла к выводу, что среди научных кругов Республики Корея не существует единой точки зрения по вопросу денуклеаризации КНДР. С одной стороны, проблема не может быть решена без участия США, с другой — Сеулу следует действовать самостоятельно в отношениях с Севером.

Ю.А. Кузнецова (СПбГУ) провела анализ экономико-географического положения КНР как фактора развития региональных социально-экономических систем в проекте «Новый Шёлковый путь», который обеспечивает транспортно-логистическую сеть от Тихого океана до Балтики.

Е.В. Алексеева (СПбГУ) дала развернутую оценку перспектив сотрудничества РФ и КНР в области мирного атома. Автор считает, что достигнутые Китаем успехи в освоении мирного атома, репутация РФ как ведущего специалиста в отрасли и ответственного поставщика позволяют говорить о развитии и углублении сотрудничества с КНР, в том числе в области совместных научных исследований и технологических разработок. В докладе **А.И. Кривушковой** (ИСАА МГУ) был проведен обзор ключевых аспектов цифровой трансформации села в КНР в четырех измерениях: социальном, торгово-экономическом, структурно-политическом и культурном.

М.В. Солнцева (ИСАА МГУ) проанализировала тенденции и перспективы сотрудничества российского Дальнего Востока и Китая в сфере сельского хозяйства. Отметив не востребованность местных рабочих кадров (приоритет отдается китайским фермерам) и экологические риски, докладчица сделала вывод, что активная сдача китайцам сельскохозяйственных земель начиная с 1990-х гг. позволила региональным властям добиться эффективного освоения крупных земельных массивов.

По итогам конференции будет подготовлен сборник тезисов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее».

About the 10th Anniversary International Conference of Young Orientalists in ICCA RAS

Tlesh M. Mamakhatov

PhD (Economics), Leading Researcher, Center for “Russia, China, World” Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0001-7212-6831.

E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Alexander Ch. Mokretskii

Senior Researcher, Center for “Russia, China, World” Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Anna L. Polenova

Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova@iccaras.ru

РЕЦЕНЗИИ / BOOK REVIEWS

История человечества по вертикали и горизонтали (рец. на кн.: *Хорос В.Г. Цивилизации в современном мире. Книги 1 и 2. М.: Ленанд, 2022.*

Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации.

Латиноамериканская цивилизационная общность. Кн. 1. 304 с.;

Европейская цивилизация. Российская цивилизация. Кн. 2. 240 с.)

Понятие «цивилизация» все еще плохо интегрировано в общественные науки и редко сочетается с категориями европейской общественной мысли в строгих теоретических построениях. На фоне таких категорий, как «государство», «власть», «собственность», «цивилизация» выглядит художественным образом, провоцирующим мысль и раздвигающим границы, но не участвующим в решении научных проблем. Именно такие функции до сих пор выполняют сочинения Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона, ни одно из которых так и не выросло в самостоятельную научную школу. Существовая обособленно, они продолжают оживлять картину социально-исторических изменений неожиданными поворотами мысли и дальними горизонтами, но не предлагают общецивилизационной научной методологии. К концепту цивилизаций по-прежнему обращаются лишь тогда, когда существующие подходы не способны объяснить реалии и требуют внешнего источника вдохновения.

«Цивилизация», таким образом, воплощает неразрывное единство Arts & Science европейской интеллектуальной традиции. В таком уникальном методологическом статусе есть неоспоримые преимущества, однако его изменение и переход «цивилизации» в строго научную категорию становится все более актуальным, что диктуется появлением принципиально новых проблем развития и переходным характером эпохи, требующим новых аналитических средств и подходов. В наименьшей степени этот процесс связан с логикой развития самой науки: в компьютерный век научная картина мира стремится к математизации, строгим формулам, в которых у «цивилизации» по-прежнему нет своего места.

В последние три десятилетия цивилизационные исследования получили новый импульс в результате существенного увеличения объема знаний обо всех регионах мира, их истории, общественных институтах и т.д. Дости-

жения востоковедения внесли существенный вклад и в постановку проблем, и в формирование новой интеллектуальной среды, соответствующей новейшему этапу всемирной истории. Нынешний этап, рожденный общими для всего мира процессами глобализации, в известной степени прерывает историю первоначальных, изолированных локальных цивилизаций.

Именно с этих позиций следует подходить к монографии В.Г. Хороса, одного из ведущих специалистов по теории общественного развития, стран Востока в особенности. Книга В.Г. Хороса — это попытка приблизиться к новой концептуализации истории и поднять наиболее фундаментальные вопросы общественного развития.

Работа стала продолжением многолетнего семинара по изучению цивилизаций Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН. Она не только структурирует, систематизирует, но и существенно дополняет опубликованные материалы, прежде всего в части сведения их в единый корпус с общей структурой и сквозным систематизированным изложением. Наряду с другими проектами, такими как постоянно действовавший межинститутский семинар, организованный Институтом Европы РАН, идейным вдохновителем которого был чл.-кор. РАН Т.Т. Тимофеев, и коллективная монография «Идентичность: Личность, общество, политика» (2017) под редакцией чл.-кор. РАН И.С. Семеновко, она вносит заметный вклад в создание методологической платформы для изучения современного общества.

В формировании цивилизационного подхода отчетливо выделяются два направления: цивилиграфический и аналитический. Коллективно по-прежнему преобладает накопление и анализ фактического материала, рассмотрение истории и институтов локальных цивилизаций. Одновременно все более активно формируется другой подход, который пытается ввести и апробировать новые категории и по-новому организовать имеющийся исторический

материал, преобразовав его в целостную картину мира. Книга В.Г. Хороса развивает цивилиографическую школу, в то же время уточняет и фокусирует внимание на важных направлениях развития теории.

Монография рассматривает 7 цивилизаций и цивилизационных общностей. Разделы расположены в порядке очередности проведения семинаров: индийская, африканская, латиноамериканская, исламская, китайская, европейская и российская и рассматриваются по общей схеме («единый методологический образец»): комплекс основных ценностей и институтов, историческая динамика, включая этапы «самосознания цивилизации», модернизации и современного состояния, а также разграничивает их по степени цельности и зрелости (кн. 1, с. 6–9). Конечно, в структуре монографии можно было бы отразить логику развития цивилизаций, расположить их по степени зрелости или древности. Однако жанр работы позволяет расположить цивилизации произвольно, поскольку они, действительно, развивались самостоятельно, в своих историко-географических рамках, каждая из них не была продолжением предыдущей. Представляя книгу, я остановился на двух сюжетах.

Критерии выделения цивилизаций определены автором в самом общем виде, через связь с культурой — как «кристаллизовавшаяся культура», «осевшая» в ценностях и институтах (кн. 1, с. 6). В этом «рабочем» определении прослеживается влияние предшественников, прежде всего Н. Данилевского и О. Шпенглера.

Выделение предмета исследования — начальная и самая важная часть любой теории. Наиболее общее определение оставляет широкий простор для научного поиска и указывает его важнейшие направления. Предложенное определение предполагает дальнейшее выделение качественных критериев появления цивилизации, которые отвечали бы на вопрос: как культура соотносится с цивилизацией до и после ее появления, может ли культура развиваться после своей «кристаллизации»? Следующий важный вопрос — определение структуры культуры, которая могла бы дать толчок для понимания генезиса цивилизации, речь идет об иерархии материальной и духовной культуры и ее изменении. Принято считать, что критерием локальной цивилизации является появление целостной картины мира, кодифицированной в религиозных учениях и философских школах. Главным в этой картине являются ценности, институты и механизмы регулирования общественной жизни, в первую очередь этические

принципы. В книге этот этап называется «самосознанием цивилизации», но рассматривается он лишь в качестве «сильного стимулирующего толчка» (кн. 1, с. 7), а не «точки кристаллизации». Тем не менее возникновение духовной культуры такого высокого уровня в «осевое время» и стало главным отличием цивилизации от варварства, ориентированного на материальную культуру и физическую экспансию, и является важнейшим критерием появления цивилизации и цивилизованности.

Глобализация дала возможность посмотреть на историю цивилизации не только «снизу», чем занималась цивилиография до сегодняшнего дня, но и «сверху», с высоты общечеловеческой цивилизации, преодолеть ограничения в формировании цивилизационного подхода, который часто сводился к описанию локальных цивилизаций и их выборочному сравнению, не позволяя выйти на уровень высокой абстракции. В.Г. Хорос проделал огромную кропотливую работу по вычленению существенных черт цивилизаций, подготовив условия для перехода к следующему этапу развития цивилизационных исследований и фактически его начав. В результате на поверхности оказался целый ряд общих вопросов, в т.ч. связанных с определением предмета изучения.

Так, В.Г. Хоросом, как и многими другими авторами, наряду с цивилизациями выделяется цивилизационная общность — Латинская Америка. Неизбежно возникают вопросы: в чем отличие цивилизации и цивилизационной общности и почему, например, в этом контексте не рассматриваются США, хотя их значение, а тем более влияние на мировое развитие и развитие человеческой цивилизации на современном этапе неизмеримо больше? Каковы критерии выделения африканской цивилизации? Приведенные примеры африканских стран не только не дают общей картины и лишь иллюстрируют очевидное многообразие культур, но и свидетельствуют об отсутствии общего «самосознания» и, следовательно, общей цивилизации, а возможно, и цивилизации вообще. Африка, вероятно, является классическим примером доцивилизационного развития культуры и не вписывается в современные представления о цивилизации, ее статус принято искусственно завышать, скорее всего, чтобы просто не дискриминировать Черный континент.

Не ясны критерии выделения исламской цивилизации. Если китайская и европейская опираются на политическое единство, пульсирующее, но неизменно восстанавливающееся, то исламская цивилизация после распада Хали-

фата такого образования не имеет и, вероятно, уже никогда не получит вновь. Возникает вопрос: какова связь цивилизации и единого политического пространства и есть ли другие, дополнительные критерии цивилизации?

«Самосознание», таким образом, является обязательным, но не достаточным условием для конституирования цивилизации. Очевидно, что выполнять мироустроительные функции могут только политические субъекты, способные противостоять не только окружающей природе, но и другим культурам. История не знает цивилизаций, которые бы не прошли политическую фазу — фазу империи, поэтому важно знать, как соотносятся империи и цивилизации. При всем разнообразии определенных одно неизменно: империя — это политическое образование, включающее множество культур. Из чего следует, что цивилизация — это форма воспроизводства множества культур, а культура «кристаллизуется» в цивилизацию, проходя фазу империи, в частности поэтому цивилизации и империи в литературе нередко смешиваются.

Представленный разбор цивилизаций показывает, что новый методологический подход, особенно такой меры всеобщности, требует для своего развития новых категорий. Прежде всего категории «идентичность», применимой и к цивилизациям, и к культурам, и к империям, которые существенно отличаются в разные исторические эпохи: древнекитайская и римская отличались от средневековых, средневековые от колониальных, а сегодня на статус цивилизаций претендуют сверхдержавы. С этим напрямую связан еще один важный критерий — способность цивилизации к воспроизводству в разных исторических эпохах. Это критерий полных цивилизаций, или суперцивилизаций, на роль которых обоснованно могут претендовать сегодня только две — китайская и европейская.

Особый интерес для специалистов по Дальнему Востоку представляет раздел о Китае, самый объемный в книге. Его значение определяется образом китайской цивилизации, созданным не профессиональным Китаеведом, изнутри, а специалистом по общим вопросам, извне (кн. 1, с. 210). Монография вписывает китайскую цивилизацию не только в более широкий, общецивилизационный контекст, но и непредвзято, «некитаеццентрично» показывает значение Китая в развитии цивилизации.

Китаеведам не стоит ждать открытий, «принципиально нового», как пишет об этом сам автор (кн. 1, с. 209). Новизна для них состоит в другом. Черты китайской цивилизации,

которые хорошо известны специалистам, в контексте широких сравнений приобретают новый смысл и дают пищу для размышлений.

Текст опирается на выступления специалистов по Китаю, но прошел профессиональные фильтры автора и вскрыл важную отличительную черту Китаеведения, которая, быть может, не всегда видна изнутри, но важна для понимания нашей науки. Так, ссылаясь в предисловии на такого авторитетного специалиста по Древнему Китаю, как А.И. Кобзев, в самом разделе В.Г. Хорос обильно цитирует В.В. Малявина, тем самым подтверждая тезис об Arts & Science европейской традиции, которую в российском Китаеведении воплощают эти ученые. Понять иную цивилизационную среду с помощью сухих формул европейского научного знания — очень сложная задача, но приблизиться к ее пониманию можно другими средствами, ей близкими, — через образы, нестрогость и многозначность которых компенсирует невозможность уверенно оперировать гигантским объемом фактического материала. Все это невольно подводит к мысли, что сущность китайской цивилизации определяет методологию ее познания, а ее сущность отличается от европейской, на что в монографии многократно обращается внимание.

Так, в Китае в отличие от Европы вопрос о происхождении мира и человека не ставился (кн. 1, с. 213, 217). Из этого прямо следует, что и развитие, которое не имеет артикулированного начала, в Китае понимается по-другому. Главное для него — механизмы поддержания стабильности, за счет которых Китай и смог стать суперцивилизацией. Особую роль в этом процессе играет китайское государство, построенное в соответствии с представлениями, что «власть — метафизическая категория... и должна быть естественной» (кн. 1, с. 242), а ритуал — это «общественная мораль в действии» (кн. 1, с. 244). Важна, на мой взгляд, и оценка «модернизации» как цивилизационного подъема (кн. 1, с. 280). Китаеведы вслед за КПК рассматривают модернизацию в Китае, как правило, более узко и предметно.

Автор совершенно справедливо выделяет универсальный принцип построения китайской цивилизации «*хэ эр бу тун*» (和而不同), воплощающий гигантское разнообразие территорий, народов и культур, который вполне можно применить к выделению других цивилизаций и тем самым продемонстрировать китайский вклад в развитие цивилизационного подхода и мировой общественной мысли.

Следует признать, что цивилизационный подход пока еще не вышел из сферы Arts & Science, но уверенно продвигается в этом направлении, и книга В.Г. Хороса — важный вклад в его формирование. Как и работы его именитых предшественников, монография создает свое интеллектуальное пространство и приглашает читателя к диалогу,

она не только делится информацией, но и указывает новые пути, по которым можно идти самостоятельно. Каждый, кто возьмет в руки книгу и дочитает до конца, не пожалует о потраченном времени. Единственное, о чем можно пожалеть, что она издана в мягком переплете, явно не рассчитанном на активное пользование.

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024451-7

Виноградов Андрей Владимирович

Доктор политических наук, профессор РУДН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.). ORCID 0000-0001-6080-4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

The History of Mankind Inside and Out (Book Review: *Khoros V.G. Civilizations in the Modern World. Books 1 and 2. M.: Lenand, 2022. Indian, African, Islamic and Chinese Civilizations. Latin American Civilizational Community. 1st Book. 304 p.; European civilization. Russian Civilization. 2nd Book. 240 p.*)

Andrey V. Vinogradov

Dr. Sc. (Political Science), professor RUDN University, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID 0000-0001-6080-4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

**Рецензия на книгу: 佐藤優「プーチンの野望」.
[Саито Масару. Амбиции Путина]. 東京: 潮出版社, 2022. 272p.**

Автор рецензируемой монографии Саито Масару — бывший японский дипломат, который в конце 1990-х гг. был одним из разработчиков стратегии японской переговорной позиции по проблеме заключения мирного договора с Россией. После увольнения с госслужбы он написал не один десяток книг, многие из которых основаны на личном опыте работы в информационно-аналитической службе МИД Японии. М. Саито был одним из ведущих специалистов по России и пользовался личным доверием трех премьер-министров Японии.

Монография «Амбиции Путина» выделяется в ряду современных японских публикаций, посвященных российско-японским отношениям и международной ситуации в связи с событиями на Украине. Автор ставит целью понять внутреннюю логику действий России, прежде всего президента РФ В. Путина, представив систему аргументов, которые отличаются от большинства японских публикаций по данной тематике объективностью и реалистичностью позиции. В частности, касаясь конфликта на Украине, автор утверждает, что огульная критика действий президента В. Путина со стороны западных СМИ и интеллигенции не способствует его разрешению. По мнению автора, для завершения конфликта, необходимо изучить причины его возникновения и аргументацию российской стороны.

Книга состоит из семи глав. В первой главе автор делится личными впечатлениями от встреч с российским президентом. Впервые М. Саито увидел В. Путина в декабре 1998 г. в Президент-Отеле в Москве. В то время В. Путин был еще директором ФСБ. Впоследствии автор неоднократно наблюдал В. Путина в разных ситуациях. В этой связи М. Саито отмечает, что «разведчики делятся на два типа. К первому типу относятся общительные, яркие люди, никто никогда не подумает, что такие заметные личности могут заниматься шпионажем. Однако за дружелюбной маской профессионала скрывается коварный расчет. Ко второму типу относятся незаметные, с первого взгляда хилые, но на самом деле сильные волей и коварные люди. В разведке добрякам не место, поэтому разведчики становятся коварными в силу профессиональной деятельности». Президент В. Путин, по мнению автора, является ярким примером второго типа разведчиков (pp. 21–22).

Во второй главе М. Саито выделяет характерные черты личности В. Путина. По мнению автора, одной из главных черт его характера является верность друзьям и беспощадность к врагам. В качестве примера, автор приводит отношения между В. Путиным и А. Собчаком. Когда в 1996 г. А. Собчак проиграл на выборах мэра В. Яковлеву, В. Путин предпочел уйти в отставку, нежели работать на нового мэра, который пригласил его в свою администрацию. Это качество В. Путина во многом стало определяющим для Б. Ельцина, когда он выбирал себе преемника (pp. 61–62).

М. Саито отмечает, что «в связи с нападением на Украину люди стали очень эмоциональными и склонны демонизировать Путина, что ведет к ошибочному суждению в отношении внутренней логики Владимира Путина как человека (а не политического деятеля). Вместо этого необходимо внимательно проанализировать его жизненный путь, тогда станет понятна трансформация его взглядов и, возможно, появится ключ к урегулированию украинского конфликта» (p. 84).

В третьей главе автор рассуждает о сущности власти В. Путина. По его мнению, основу путинской системы составляют две группы. Первая группа — технократы-реформаторы из Санкт-Петербурга. В качестве представителей этой группы он выделяет бывшего министра информационных технологий и связи Л. Реймана, бывшего министра финансов А. Кудрина и бывшего президента РФ Д. Медведева. Вторая группа — силовики, главным образом выходцы из спецслужб и армии. Среди представителей силовиков автор выделяет бывших заместителей руководителя Администрации президента И. Сечина и В. Суркова, а также бывшего директора ФСКН В. Иванова. Автор отмечает, что «реальное влияние на власть имеет Администрация президента, в которой нет ни одного представителя первой группы» (pp. 88–89).

В четвертой главе автор повествует о своем участии в разработке японской переговорной позиции по вопросу заключения мирного договора с Россией. В частности, М. Саито утверждает, что получал указания лично от премьер-министра К. Обути и делал для него аналитические доклады о ситуации в России. В период премьерства К. Обути в России началась контртеррористическая операция на террито-

рии Северо-Кавказского региона. Кабинет К. Обути занял нейтральную позицию, объявив операцию внутренним делом России.

В этой связи интересны рассуждения М. Саго о приоритетах и принципах японской дипломатии. Он пишет: «Дипломаты тоже люди. Где кровь, там слезы <...> Однако дипломатия работает ради государственных интересов. Профессиональная совесть дипломата — это стремление проводить политику с точки зрения продвижения национальных интересов. Цель японской дипломатии в отношении России — возвращение северных территорий. Мы понимали, что российские общество и элита выступили за сохранение целостности территории, а отделение Чечни могло привести к изменению государственной границы России. Поэтому мы заявили, что проблема Чечни — это внутреннее дело России, тем самым послал сигнал президенту Б. Ельцину о нашей полной поддержке его позиции по Чечне. Более того, это было сделано в условиях, когда западные страны оказывали на нас давление, чтобы мы выступили с осуждением чеченской кампании. Иначе говоря, мы пытались показать, что Россия может положиться на Японию, поэтому признайте наш суверенитет над четырьмя северными островами и давайте укреплять стратегическое сотрудничество» (pp. 138–139).

Касаясь путей решения проблемы территориального размежевания между Россией и Японией, М. Саго считает наиболее вероятным — подход «два плюс альфа», который предполагает передачу Японии островов Шикотан и Хабомаи, а также специальных условий в отношении островов Итуруп и Кунашир. Он исходит из того, что на мирной конференции в Сан-Франциско в 1951 г. японская сторона считала острова Шикотан и Хабомаи частью острова Хоккайдо, а Итуруп и Кунашир — южными Курилами. Следовательно, Япония может претендовать на передачу островов Шикотан и Хабомаи, которая также была зафиксирована в Совместной декларации 1956 г. После признания В. Путиным действительности Декларации 1956 г. (Иркутск, 2001 г.) японская сторона начала активную работу по реализации указанного подхода.

Несмотря на принятые в 2020 г. поправки в 67 статью Конституции РФ о территориальной целостности, автор уверен, что передача Японии двух островов возможна, поскольку территориальное размежевание между Россией и Японией еще не завершено и не существует обоюдно признанной границы. Подтверждением этому является «решение Ельцина и Обути

создать подкомиссию по пограничному размежеванию в рамках Совместной российско-японской комиссии по вопросам заключения мирного договора в 1998 году» (p. 139). Следовательно, считает М. Саго, демаркация границы между Россией и Японией может быть осуществлена таким образом, что Япония получит суверенитет над островами Шикотан и Хабомаи как частью острова Хоккайдо, а Итуруп и Кунашир останутся под российским суверенитетом, но с особым юридическим статусом для японцев (pp. 174–175).

Похоже, именно такого решения территориального вопроса добивался бывший премьер-министр Японии Абэ Синдзо, поставивший рекорд по частоте личных встреч с президентом России.

В пятой главе автор размышляет о первопричинах кризиса на Украине, который начался в ноябре 2013 г. после отказа тогдашнего президента В. Януковича подписать соглашение об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. М. Саго считает, что для понимания первопричин украинского кризиса необходимо знать разницу между восточной и западной Украиной. Особенность заключается в том, что «Галиция, которая располагается на западе Украины, раньше была частью владений Габсбургов, а после распада Австрийской империи стала частью Польши. После Второй мировой войны Галиция стала частью Украинской ССР. Таким образом, до прихода Красной армии Галиция никогда не была частью России» (p. 184–185).

В результате восточная и южная части Украины находились в составе СССР гораздо дольше, там в меньшей степени по сравнению с западной Украиной сохранилась украинская культура и язык. После распада СССР именно западная Украина стала центром национального движения (РУХ) за свободу украинского народа и языка. Позиция РУХа заключалась в том, что Украина, получив независимость, должна сохранить ядерное оружие для противостояния России. Основной антиправительственной силой во время майдана в феврале 2014 г. были выходцы с западной Украины. Они стремились окончательно отделиться от России и построить подлинно украинское государство (pp. 188–189).

Вместе с тем М. Саго отмечает, что «силы, которые пришли к власти на Украине в результате майдана, не были демократической партией, которая разделяет западные и японские ценности. В особенности националистическое движение западной Украины, отличающееся сильными шовинистическими и даже ан-

тисемитскими настроениями. Несомненным фактом является наличие в украинском руководстве националистов, поклоняющихся Степану Бандере, который сотрудничал с фашистами и участвовал в уничтожении евреев, поляков, словаков и чехов. Западные СМИ явно недооценивают этой опасности» (pp. 193–194).

В шестой главе М. Сато анализирует внутреннюю логику действий президента В. Путина, чтобы понять цели «нападения на Украину». Автор считает, что решение о «военном вторжении на Украину» принял лично В. Путин и в основе этого решения лежит его стратегия по разделу Украины на несколько небольших государств и постепенное их присоединение к России (p. 210).

М. Сато отмечает, что решение В. Путина о начале военной операции на Украине было принято в связи с отказом украинского руководства, в частности президента В. Зеленского, от исполнения Минских соглашений. Президент В. Зеленский поставил целью вступление Украины в НАТО, чего Россия не могла допустить. М. Сато цитирует профессора Чикагского университета Джона Миршаймера, автора теории наступательного реализма, который утверждает, что «ответственность за начало этой войны лежит на США и НАТО». Такой вывод американский политолог сделал в связи с тем, что альянс принял решение о расширении на восток без учета интересов России. Это решение было принято на саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. В частности, президент Дж. Буш решительно поддержал вступление Украины и Грузии в план действий по членству (ПДЧ) в НАТО. Однако Украина и Грузия не получили предложения альянса по ПДЧ из-за противодействия Германии и Франции. Через четыре месяца после саммита Россия вторглась в Грузию, а в марте 2014 г. осуществила «аннексию Крыма». Россия не могла допустить, чтобы Севастополь стал базой НАТО (pp. 222–223).

М. Сато призывает прислушаться к мнению профессора Миршаймера о том, что причина войны в стратегии США и НАТО. «Россия не начинала односторонней агрессии в отношении Украины. У нее своя позиция. Очевидно, что США провоцировали Россию расширением НАТО на восток» (p. 224).

Автор высказывает сомнение в эффективности санкций, утверждая, что «санкции не способны остановить Путина». В мире нет ни одного режима, который бы удалось сменить благодаря санкциям. В таких странах как Северная Корея и Иран, против которых были

введены жесткие западные санкции, смены режима не произошло. Россия гораздо более сильное государство. Российская экономика вполне хорошо справляется с последствиями санкций, рубль укрепился как никогда (p. 239).

Рассуждая об изменении международной ситуации, М. Сато призывает руководство Японии задуматься о необходимости выработки новой внешней политики. Он отмечает, что в сложившейся ситуации Россия, Китай и Северная Корея стали очевидными угрозами для Японии. Какую позицию в отношении Японии займет Южная Корея пока не ясно. В таких условиях Япония имеет очень слабые позиции. Альянс с США безусловно важен. Однако стоит ли состоять с США в «идеологическом альянсе», который предполагает полное принятие американских ценностей. По мнению автора, этот вопрос заслуживает тщательного изучения.

В заключительной главе автор рассуждает о возможных путях завершения конфликта на Украине. Он критикует позицию японских политиков, которые считают, что наличие ядерного оружия у Украины могло бы предотвратить конфликт и призывают принять концепцию совместных ядерных миссий (СЯМ) в качестве оборонной концепции Японии.

По мнению М. Сато, концепция СЯМ совершенно неприемлема для Японии, поскольку само по себе ядерное сдерживание не более чем миф. Конфликт на Украине начался, несмотря на наличие у США и НАТО ядерного оружия. «Использование ядерного оружия поставит человечество на грань исчезновения, поэтому оно должно быть полностью уничтожено», — считает М. Сато (p. 249).

Интересны рассуждения автора о настроениях в японском обществе: «многие японцы надеются, что благодаря самоотверженному сопротивлению украинцы смогут изгнать российских агрессоров из Донецка и Луганска и даже из Крыма, однако такой финал маловероятен. Я считаю, что нельзя исключать возможность аннексии Россией восточной и южной частей Украины. Конечно, я выступаю против подобной аннексии, но реальность часто не соответствует нашим желаниям. Возможен сценарий перемещения столицы Украины из Киева в центральный город Галиции — Львов. В случае затягивания конфликта с Россией нельзя также исключать вероятность возникновения буферного государства «Украинская народная республика» (p. 256).

Таким образом, размышляя о настроениях в японском обществе, М. Сато отмечает, что из-за возбуждения и негодования в связи с кон-

фликтом на Украине японцы зачастую принимают ту или иную сторону. Однако в сложившейся ситуации невозможно сказать украинцам «поднимите руки и сдавайтесь». Человек со стороны, не участвующий в конфликте, такого сказать не может. Еще более безответственно будет сказать «украинцы, сражайтесь до последнего». М. Сато считает, что японцы должны набраться мужества и призвать обе воюющие стороны сесть за стол переговоров, чтобы остановить кровопролитие.

Изложенная в рецензируемой книге позиция отличается нестандартным для японских публикаций подходом к освещению российско-японских отношений и ситуации на Украине. При написании работы автор использовал большой фактический материал и личные наблюдения как участника переговорного процесса, которые делают монографию М. Сато привлекательной для всех, кто интересуется современным состоянием российско-японских отношений.

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024394-4

Кузьминков Виктор Вячеславович

Кандидат исторических наук, представитель таможенной службы Российской Федерации в Японии, советник посольства Российской Федерации в Японии (адрес: 2-1-1 Адзубудай, Минато-ку, Токио 106-0041). ORCID: 0000-0003-3909-0720. E-mail: kuzminkov@yahoo.com

**Book Review: 佐藤優【プーチンの野望】. [Sato Masaru. Putin's ambitions].
東京: 潮出版社, 2022. 272p.**

Victor V. Kuzminkov

Ph.D. (Political science), Representative of The Federal Customs Service of Russian Federation in Japan, Counsellor of The Embassy of Russian Federation in Japan (address: 2-1-1 Azabudai, Minato-ku, Tokyo 106-0041). ORCID: 0000-0003-3909-0720. E-mail: kuzminkov@yahoo.com

Рецензия на монографию: *А.В. Афонасьева. Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление. Москва: ИДВ РАН, 2022. 336 с.*

В советские времена термин «хуацяо» был достаточно широко известен. Практически все население знало, что это — некие «китайские эмигранты», однако сколько-нибудь значительного интереса ни сами эти эмигранты, ни тонкости связанной с ними терминологии не вызывали, прежде всего из-за малочисленности граждан китайского происхождения, проживавших в СССР.

Советско-китайский раскол 1960-х — 1970-х гг. индуцировал по касательной проведение небольшого числа исследований положения китайской диаспоры в мире. Однако одни работы носили явно заказной, предвзятый характер, когда «зарубежная китайская буржуазия» целиком квалифицировалась как «орудие Пекина» (вопреки очевидной в тот период ориентации основной части хуацяо на Тайвань). А добротная работа Т.М. Котовой «Китайцы за рубежом и их роль в политике Китая» (Москва, ИДВ РАН, 1983) имела гриф «для служебного пользования» и оказалась малодоступна научному сообществу.

Определенный всплеск интереса в СССР к китайской диаспоре произошел из-за переселения крупного — порядка 200 тыс. человек — контингента лиц китайского происхождения из Вьетнама в Китай в 1977–1978 гг., на фоне резко ухудшившихся китайско-вьетнамских отношений.

Распад СССР в конце 1991 г. и открытие государственных границ Российской Федерации в 1992 г. положили начало феномену массовой челночной торговли между РФ и КНР и неконтролируемому притоку китайских граждан в Россию, особенно на ее Дальний Восток, в 1992–1993 гг. С этого момента интерес в России к хуацяо приобрел остроактуальный практический характер, стимулируя не только вал журналистских статей, но и академические исследования.

Пионером здесь выступил Институт Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН во Владивостоке, сотрудники которого провели первый в нашей стране социологический опрос китайцев, осевших в регионе. Свою роль сыграл и Московский центр Карнеги, проявивший интерес к ускорившейся в начале 1990-х гг. депопуляции российских дальневосточных территорий

и к возможности замещения здесь китайцами россиян, переселяющихся в европейскую часть страны.

В декабре 1994 г. известный американский международник-китаевед Джон Гарвер организовал в Атланте первую международную научную конференцию о современной китайской миграции в Россию, ее перспективах и последствиях. В ней приняли участие российские ученые из Москвы (В.С. Мясников, В.Я. Портяков), Владивостока (В.Л. Ларин, Е. Плаксен), Хабаровска (П.А. Минакер).

В начале 1990-х гг. усиливается самоорганизация мировой китайской диаспоры. В научном плане большое значение имело создание Международного общества по изучению китайцев за рубежом (ISSCO — International Society for Study of Chinese Overseas). Одним из его инициаторов и первым президентом был Ван Гунью из Сингапура, всемирно известный специалист по истории формирования китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии и по типологии китайских мигрантов. Надо сказать, что рост интереса зарубежных китайцев к самопознанию был порожден такими реальными процессами, как быстрое увеличение числа китайских мигрантов в мире, появление после 1978 г. такого феномена, как «новые китайские эмигранты» (строители, торговцы, студенты), заметно отличавшегося по своему менталитету от традиционных хуацяо. Появились и новые подтипы эмиграции, в т.ч. политическая, — диссиденты конца 1970-х гг. (авторы материалов «сиданьской стены демократии») и конца 1980-х гг. (посттяньаньэмэньская эмиграция).

Конференция ISSCO, проводившаяся практически ежегодно, собирали, как правило, ведущих мировых специалистов по китайской миграции и в целом позволили составить неплохое представление об истории формирования и жизни китайской диаспоры в основных ареалах ее пребывания — в США, Канаде, Австралии, государствах АСЕАН, ЮАР, Франции. Отечественные ученые отдали приоритет «российскому вектору» глобальной китайской миграции. Совместными усилиями А.Г. Ларина, А.Г. Вишневого, Ж.А. Зайончковской, В.Г. Гельбраса, В.И. Дятлова были дезавуированы мифы о возможной крупномасштабной китайской демографической экспансии на территорию России.

Ряд вопросов, однако, оставался без внятного ответа. Многие страны хотели бы доподлинно знать, стимулируют ли власти КНР эмиграцию своих граждан за рубеж. По крайней мере, на рубеже XX—XXI столетий проблема китайских мигрантов казалась или реально была весьма актуальной для Австралии, Новой Зеландии, Республики Корея, отчасти для Франции, Италии и Испании. Имелась она и в России, хотя оценочная численность китайцев в стране нередко завывалась.

Определенные основания для беспокойства были. В одном из закрытых китайских журналов начала 2000-х гг. было приведено предложение Ло Ганя — на тот момент члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК — «мерами практической политики поощрять и поддерживать выезд и обустройство граждан за рубежом, разумеется, избегая открытой пропаганды политики стимулирования эмиграции»¹.

К началу 2020-х гг. обеспокоенность китайской миграцией повсеместно ослабла. Свою роль сыграли не только запреты на международные перемещения граждан в связи с эпидемией коронавируса, но и существенные подвижки в возрастной структуре населения КНР с явным сокращением доли наиболее мобильной молодежи. Что касается России, то здесь роль стоп-крана на пути притока китайцев сыграло выравнивание показателей доходов населения — в Китае они росли, в России, напротив, сокращались. Сравнялся и ВВП на душу населения двух стран.

Однако ключевые вопросы регулирования инвестиций хуацяо в КНР, взаимодействия Пекина с зарубежной диаспорой и жизнеобеспечения вернувшихся на родину реэмигрантов и их родственников долгое время оставались практически в тени.

Миссию заполнить этот пробел взяла на себя Алина Владиславовна Афонасьева — исследователь, сформировавшаяся в коллективе ученых Института Дальнего Востока РАН, где она окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию (в июле 2022 г. переименован в Институт Китая и современной Азии). Для такой работы требовалось не только желание, но и хорошее знание предмета, дотошность в поиске источников, высокий уровень знания китайского языка для их адекватного понимания и обработки. Несомненно, помогли в этом А.В. Афонасьевой стажировки в КНР с

работой в местных библиотеках, а также участие в ряде конференций ISSCO.

Основной корпус рецензируемой монографии составляет анализ диаспоральной политики в Китае, проведенной в хронологическом порядке. Автор выделяет период республиканского Китая, эпохи Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, сводный период руководства Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина. На наш взгляд, методологически правильно А.В. Афонасьева предваряет основной текст работы анализом терминологии и разъяснением понятийного аппарата исследования. Вполне закономерным представляется и рассмотрение в заключительной главе монографии структуры аппарата КНР по работе с диаспорой.

Всю работу отличает базирование на многочисленных китайязычных источниках, в первую очередь на нормативно-правовых документах центрального и провинциального уровня. Одно это делает монографию А.В. Афонасьевой практически исключительным феноменом в кругу современных отечественных публикаций, посвященных социально-экономическим проблемам КНР. Бросаются в глаза педантичность и скрупулезность автора, не упускающего из виду все сколько-нибудь существенные аспекты исследуемой проблемы.

Рецензируемая работа — это очень плотный, емкий текст, нелегкий для чтения и требующий для понимания серьезного напряжения. В известном смысле монография А.В. Афонасьевой не просто научная литература, но даже своего рода энциклопедия политики руководства КНР в отношении различных групп зарубежной диаспоры и ее родственников в самом Китае. Алина Владиславовна сумела точно проследить основные перипетии этой политики, подвижки в ее содержании, экономический контекст и последствия принимавшихся регуляторных мер. Поэтому в тексте работы трудно выделить какие-то особо примечательные сюжеты или повороты — они все в равной мере заслуживают внимания специалистов. Пожалуй, уместно лишь будет солидаризироваться с основными выводами автора, например, с констатацией, что в эпоху Дэн Сяопина руководству КНР удалось заглянуть вину перед хуацяо, «вписать зарубежных китайцев, реэмигрантов и родственников в план стратегического развития страны на десятилетия вперед. Диаспора оказалась вполне способна содействовать КНР в проведении модернизации и освоении международных рынков» (с. 98). Отметим и представляющий самостоятельный интерес анализ в монографии ряда законов, затрагиваю-

¹ 风云人物 [ВИП — персоны]. 北京. 2003年. 第318期. 第 82页.

щих инвестиционную деятельность хуацяо в Китае. Впервые в отечественной литературе рассмотрены детально и в единой увязке единый Закон КНР о подоходном налоге с местных и иностранных предпринимателей (2007) и дополнения к нему (2017), Закон КНР об иностранных предприятиях (2019) (с. 127–135).

Важным дополнением к основному тексту монографии является Приложение 1, где в табличном виде сведены основные «технические результаты» научных изысканий А.В. Афонасевой по проблемам китайской диаспоры (с. 204–268). В частности, здесь представлены: Перечень основных прав, ограничений и льгот для иностранного бизнеса в КНР в

период 1979–2019 гг.; аналогичные реквизиты для бизнеса хуацяо и соотечественников из Гонконга, Макао и Тайваня; региональные нормативно-правовые документы по вопросу пожертвований хуацяо (чрезвычайно популярны пожертвования зарубежных китайцев своей «малой родине», в т.ч. на строительство объектов культуры и образования). Полезно и Приложение 2 — список китайских терминов по проблематике хуацяо в иероглифике, русскоязычной транскрипции и переводе.

Надеюсь, А.В. Афонасева продолжит плодотворное изучение китайской миграции, тем более что она уже стала одним из ведущих отечественных специалистов по данной теме.

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120024356-2

Портыков Владимир Яковлевич

Главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва, Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32). E-mail: p481nov@mail.ru

Book Review: *A. V. Afonaseva. Diaspora Engagement Policy of the PRC: Socio-economic Direction. Moscow: IDV RAN, 2022. 336 p.*

Vladimir Ya. Portyakov

Dr.Sc. (World Economy), Professor, Chief Researcher, Center for Political Studies and Forecasting of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9188-2341. E-mail: p481nov@mail.ru

ЮБИЛЕЙ УЧЁНОГО / SCHOLAR JUBILEE

Юбилей Людмилы Ивановны Кондрашовой Anniversary of Lyudmila Ivanovna Kondrashova

В январе 2023 г. отметила юбилей главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН, доктор экономических наук Людмила Ивановна Кондрашова — признанный эксперт по проблемам современной истории, экономики и политики Китая, член Европейской ассоциации китаеведения, член правления Ассоциации российских специалистов, обучавшихся в Китае (АРСОК), постоянный участник международных конференций в России и за рубежом. Журнал «Проблемы Дальнего Востока» вместе с многочисленными друзьями, учениками и коллегами—китаеведами поздравил с юбилеем Людмилу Ивановну. Крупный ученый с широкой общероссийской и международной известностью в год своего юбилея продолжает активную научную деятельность.

В начале 1950-х гг. Л.И. Кондрашова окончила среднюю школу с золотой медалью и, согласно существовавшим тогда правилам, могла поступать в любой вуз без экзаменов. Людмила Ивановна под влиянием происходивших в мире событий (провозглашение КНР 1 октября 1949 г.) выбрала свой путь — изучение Китая и китайского языка. Для поступления в Московский институт востоковедения даже медалистам тогда надо было сдавать вступительный экзамен по иностранному языку. Вступительный экзамен был успешно сдан, и с 1951 по 1954 г. Людмила Ивановна являлась студенткой Московского института востоковедения. В 1954 г. по решению Н.С. Хрущева институт был закрыт, и с 1954 по 1957 г. Л.И. Кондрашова проходила обучение на географическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1957 г. появилась возможность поехать на обучение в Китай, с 1957 по 1960 г. Людмила Ивановна была студенткой геолого-географического факультета Пекинского университета и в совершенстве овладела во время учебы китайским языком.

С 1960 по 2000 г. Л.И. Кондрашова работала в Институте экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), пройдя большой путь от научно-технического до главного научного сотрудника, защитив за время работы кандидатскую (1966 г.) и докторскую диссертацию (1986 г.). В 2000 г. Людмила Ивановна перешла на работу в Институт Дальнего Востока РАН, где и продолжает плодотворно трудиться до настоящего времени.

За долгие годы работы в науке Людмила Ивановна опубликовала более 150 работ по различным проблемам китайской экономики. Предметом ее научного интереса становились, в частности, вопросы стратегии экономического развития КНР, особенностей китайской экономической реформы, процессов индустриализации, структуры промышленности и системы ее управления, отношений собственности и управления государственным имуществом, региональной политики. Среди многочисленных опубликованных ра-

бот следует выделить ряд авторских монографий: «Промышленность Китая: пропорции и диспропорции» (1980), «Особенности формирования промышленной системы КНР, 1949–1985» (1988), «Китай углубляет реформу» (1995), «КНР: реформа и региональная экономическая политика», в соавторстве (1998), «Китай ищет свой путь» (2006), «Китайская мечта о национальном возрождении» (2014), «Китай: к новой модели общественного развития» (2017). По этим монографиям можно изучать не только экономику Китая, но и получить представления об основных направлениях развития Китая с момента образования КНР до наших дней.

Помимо исследования основных экономических, социальных и политических проблем современного Китая Людмила Ивановна занимается переводом с древнекитайского языка (вэньянь). Ей принадлежит стихотворный перевод одного из классических китайских произведений «Дао-Дэ цзин, или Трактат о Пути и Морали», который был опубликован издательством «Рипол Классик» в 2003 г. Книга, снабженная обстоятельным авторским введением, вызвала большой интерес не только в среде коллег Людмилы Ивановны, занимающихся проблемами современной КНР, но и в широком кругу специалистов по Древнему Китаю — филологов, философов и историков.

За долгие годы работы в китаеведении Л.И. Кондрашова неоднократно посещала Китай и имела возможность воочию наблюдать страну в разные периоды ее развития — во время «большого скачка» (1958–1960 гг.), в годы экономических реформ (1980–1990-е гг.), в начале XXI в. За это время Людмила Ивановна побывала в самых разных частях страны, география ее поездок очень обширна: Тибет, Синьцзян, Цинхай, а также Хайнань, Яньтай, Шаньдун, не говоря уже о таких крупных городах, как Пекин, Шанхай, Ухань.

Л.И. Кондрашова регулярно принимает участие во всероссийских и международных конференциях по проблемам современного Китая, выступает с докладами, неоднократно выступала на международных конференциях — в Берлине (1979 г.), Праге (1994 г.), Барселоне (1996 г.), Москве (2002 г.) и др.

Коллеги желают Людмиле Ивановне Кондрашовой — ведущему отечественному китаеведу — здоровья, благополучия и новых достижений на благо отечественной науки.

Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Юбилей Александра Захаровича Жебина Anniversary of Alexander Zakharovich Zhebin

4 февраля 2023 г. исполнилось 75 лет Александру Захаровичу Жебину, Почетному работнику науки и высоких технологий Российской Федерации, кандидату политических наук, члену Ученого совета и руководителю Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) в 2004–2022 гг.

А.З. Жебин родился 4 февраля 1948 г. в Будапеште в семье военнослужащих. В 1975 г. окончил МГИМО МИД СССР по специальности «международные отношения» со знанием корейского языка. Начиная Александр Захарович как журналист: в 1978–1979 гг. был корреспондентом ТАСС в КНДР, а в 1983–1990 гг. руководил отделением ТАСС в КНДР. В 1990-е гг. он переходит на научную работу в Институт Дальнего Востока Российской Академии наук (ИДВ РАН). В 1992–1998 гг. работает старшим научным сотрудником

Центра корейских исследований ИДВ РАН. В 1998 г. А.З. Жебин защищает диссертацию «Народные группы и их место в политической системе КНДР в условиях глобальных перемен» и получает степень кандидата политических наук.

В 1998–2001 гг. А.З. Жебин снова направляется в КНДР, на этот раз на дипломатическую работу: вначале в качестве первого секретаря, а затем — советника посольства Российской Федерации в КНДР. После завершения работы Александр Захарович вернулся в ЦКИ ИДВ РАН и с 2004 по 2022 г. являлся его руководителем, сменив на этом посту первого руководителя ЦКИ В.П. Ткаченко.

На протяжении последней четверти века Александр Захарович Жебин остается одним из самых известных не только в России, но и за рубежом специалистов по современной КНДР, прежде всего по политической системе и политическим процессам в этой стране, экспертом по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП). В составе советских и российских делегаций ему неоднократно доводилось встречаться с лидерами КНДР Ким Ир Сенем и Ким Чен Иром, другими северокорейскими руководителями.

А.З. Жебин — автор трех книг и более 70 научных статей и разделов коллективных монографий, посвященных политическому развитию КНДР; ответственный редактор более двух десятков монографий и сборников научных трудов по вопросам истории, политики, экономики и безопасности Корейского полуострова, а также российско-корейских отношений. Его работы, пользующиеся известностью и уважением как в России, так и за рубежом, опубликованы на корейском, китайском, японском, английском, французском и других языках. Изданная в 2006 г. монография «Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен» содержит подробный анализ развития ситуации и особенностей наследования власти в Северной Корее в конце XX — начале XXI в. Этот труд не утратил своей научной актуальности и сегодня, он по-прежнему востребован в среде специалистов и всех интересующихся северокорейской политикой. Выступления А.З. Жебина на научных конференциях более чем в полутора десятках зарубежных стран, в частности КНДР, РК, КНР, США, Великобритании, Франции, Германии, Испании, Италии, неизменно получали живой отклик и высокую оценку.

Александр Захарович привел в Центр и воспитал группу молодых ученых, для которых стал не только начальником, но и чутким наставником. Ему удалось создать в коллективе атмосферу доброжелательности и сотрудничества. Как руководителю ЦКИ А.З. Жебину удалось также расширить тематику исследований, повысить авторитет Центра в российском корееведении, сделав его, по сути, ведущим среди профильных исследовательских институтов. Проводимые Центром ежегодные конференции корееведов России и стран СНГ были и остаются самым влиятельным форумом для обсуждения вопросов истории, политики и экономики государств Корейского полуострова.

А.З. Жебин — член нескольких академических и профессиональных ассоциаций: Союза журналистов Москвы, Европейской ассоциации корейских исследований, Российской и Международной ассоциации политической науки.

Александр Захарович, занимая руководящие посты, всегда сохранял независимость своих политических взглядов и убеждений. Он и сегодня по-прежнему готов отстаивать собственное мнение по ряду аспектов внешней политики России в отношении КНДР, в частности по вопросу присоединения России к антисеверокорейским санкциям СБ ООН. Вместе со специалистами ЦКИ ИКСА РАН он критически оценивал многочисленные прогнозы о неминуемом «коллапсе» КНДР. Опередили время и его предложения относительно необходимости раздельного урегулирования вопросов ракетной и ядерной программ КНДР, о переходе к контролю над вооружениями на Корейском полуострове как неизбежному этапу на пути к его возможной денуклеаризации.

Коллектив Центра корейских исследований ИКСА РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают Александру Захаровичу Жебину долгих лет жизни, крепкого здоровья, успехов во всех делах и сферах его многогранной деятельности.

Юбилей Владимира Федоровича Бородича Anniversary of Vladimir Fedorovich Borodich

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» поздравляет российского китаеведа, ведущего научного сотрудника Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН кандидата юридических наук Владимира Федоровича Бородича с 75-летним юбилеем.

В.Ф. Бородич родился в январе 1948 г. По окончании средней школы в 1966 г. поступил на Восточный факультет Дальневосточного государственного университета во Владивостоке. После двух лет обучения как один из лучших студентов был направлен для продолжения образования по специальности «история Китая» в Институт восточных языков при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (ныне ИСАА МГУ), который окончил в 1972 г. По окончании вуза Владимир Федорович вернулся в Дальневосточный государственный университет, где работал в качестве преподавателя китайского языка и истории.

В 1984–1985 гг. в составе первой группы советских стажеров в КНР В.Ф. Бородич получил возможность познакомиться с изучаемой страной, существенно повысить знание китайского языка и профессиональную квалификацию. Стажировка проходила в Пекинском университете, где Владимир Федорович собрал богатый материал для кандидатской диссертации, которую успешно защитил в 1989 г.

В 2001 г. В.Ф. Бородич поступил на работу в Институт Дальнего Востока РАН в качестве старшего научного сотрудника. За время научной деятельности им было опубликовано свыше 100 работ, в том числе монография «Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI в.): опыт сравнительного анализа» (2008). В.Ф. Бородич является также соавтором нескольких коллективных монографий, членом редколлегии ряда научных изданий и сборников. Основные направления его исследований — сравнительный анализ политической трансформации России и Китая в период реформ, политический процесс в современном Китае и России, трансформация политического режима в КНР.

В.Ф. Бородич принимает активное участие во всероссийских и международных научных конференциях, выступает с докладами по проблемам политического развития современного Китая, государственного строя КНР.

Коллеги сердечно поздравляют Владимира Федоровича с юбилеем, искренне желают ему здоровья, благополучия и новых достижений на благо российской науки.

Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».

ПАМЯТИ УЧЁНОГО / AD MEMORIAM

Любовь Владимировна Новоселова
17.02.1951-20.01.2023

Российское китаеведение понесло тяжелую утрату. 20 января 2023 г. после продолжительной болезни скончалась Любовь Владимировна Новоселова — известный российский ученый-экономист, исследователь социально-экономических проблем современного Китая.

Любовь Владимировна родилась в 1951 г. в Москве. В 1968 г. с медалью окончила московскую школу № 101, а в 1973 г. с отличием — Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «политическая экономия». С 1973 г. работала в Институте Дальнего Востока (ИДВ) АН СССР. В 1979 г., завершив обучение в очной аспирантуре Института, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 00.08.14 Мировая экономика. В 1989–1992 г. обучалась в докторантуре ИДВ, работая над докторской диссертацией; с 1998 г.

по июль 2022 г. — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая (ЦСЭИК) ИДВ РАН; с июля 2022 г. по 20 января 2023 г. — в ЦСЭИК Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН.

Л.В. Новоселова — высококвалифицированный исследователь экономики современного Китая, занималась разработкой проблем развития инвестиционного комплекса КНР, места и роли Китая в международных потоках капитала, проблем развития российско-китайского инвестиционного взаимодействия; исследованием особенностей антикризисного инструментария КНР. Является автором более 130 научных работ, представляющих весомый вклад в отечественное китаеведение, в том числе ряд монографий. Наряду с этим Любовью Владимировной был подготовлен ряд информационно-аналитических материалов по актуальным проблемам современного Китая для законодательных и директивных органов РФ.

Л.В. Новоселова регулярно выступала по актуальным проблемам экономического развития КНР в российской периодической печати, в том числе в таких авторитетных научных изданиях, как «Российский экономический журнал», журналы «Проблемы Дальнего Востока», «Азия и Африка сегодня», «Мировая экономика и международные отношения», «Менеджмент и бизнес-администрирование», «Проблемы теории и практики управления» и др. Наряду с этим Любовь Владимировна принимала активное участие в российских и международных научных и научно-практических конференциях, симпозиумах, круглых столах. Неоднократно избиралась членом Ученого совета ИДВ РАН, яв-

лялась членом Диссертационных советов при ИДВ РАН и при ИМЭМО РАН, членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Работу Любови Владимировны отличает глубина исследований, основанных на изучении и анализе большого числа российских, оригинальных китайских и зарубежных источников. Высокий научный авторитет, доброжелательность и готовность поделиться своими глубокими знаниями по Китаю принесли ей заслуженный авторитет в коллективе.

За добросовестную и плодотворную работу Л.В. Новоселова неоднократно поощрялась дирекцией Института.

Дирекция и коллектив Института Китая и современной Азии РАН, редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» выражают искренние соболезнования родным и близким Любови Владимировны.

Светлая память о Любови Владимировне Новоселовой навсегда сохранится в сердцах ее друзей и коллег.

Liubov Vladimirovna Novoselova 17.02.1951-20.01.2023